

СОДЕРЖАНИЕ

Учредитель и издатель

Иркутский государственный
лингвистический университет

Главный редактор

Александр Михайлович Каплуненко,
доктор филологических наук, профессор

Зам. главного редактора

Светлана Алексеевна Хахалова,
доктор филологических наук, профессор
(отв. за раздел «Языковая реальность познания»)

Редакционная коллегия

Григорий Дмитриевич Воскобойник,
доктор филологических наук, профессор

Виктор Алексеевич Виноградов,
доктор филологических наук, профессор,
член-корр. РАН

Светлана Николаевна Плотнокова,
доктор филологических наук, профессор
(отв. за раздел «Лингвистика дискурса»)

Николай Петрович Антипов,
доктор филологических наук, профессор

Олег Маркович Готлиб,
кандидат филологических наук, доцент

Валерий Петрович Даниленко,
доктор филологических наук, профессор

Владимир Ильич Карасик,
доктор филологических наук, профессор

Лия Матвеевна Ковалева,
доктор филологических наук, профессор

Галина Максимовна Костюшкина,
доктор филологических наук, профессор

Юрий Алексеевич Ладыгин,
доктор филологических наук, профессор

Юрий Марцельевич Малинович,
доктор филологических наук, профессор

Вера Брониславовна Меркурьева,
доктор филологических наук, доцент

Ответственный секретарь

Евгения Федоровна Серебренникова,
доктор филологических наук, профессор
(отв. за раздел «Язык. Культура. Коммуникация»)

Зав. РИО

Светлана Григорьевна Тарасова

Технический редактор

Елена Васильевна Орлова

Адрес редакции

664025, г. Иркутск, ул. Ленина, 8, к. 522

e-mail: rio@islu.irk.ru

<i>Готлиб О.М.</i> НЕКОТОРЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГРАММАТОЛОГИИ (на материале китайской письменности).....	6
<i>Аникина В.В.</i> СТАНОВЛЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В КОРЕЕ В ТЕОРИЯХ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ КОРЕЙСКОГО ЛИНГВИСТА ЧЖУ СИ ГЁНГА	9
<i>Багинская М.В.</i> ИНТЕНЦИЯ В ВЫБОРЕ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО: ИЗ ОПЫТА НАБЛЮДЕНИЯ НАД МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИЕЙ.....	15
<i>Волкова О.Н.</i> СТРУКТУРА СЛОВАРЯ ИМЁН МИФИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ ДРЕВНЕГО КИТАЯ	22
<i>Исаева Е.Д.</i> ОСОБЕННОСТИ ЯПОНСКОЙ ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ..	29
<i>Кобъжницкая О.Г.</i> АНИМИСТИЧЕСКИЕ ВЕРОВАНИЯ КИТАЙЦЕВ.....	35
<i>Кремнёв Е.В.</i> НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ КОНТЕНТ- АНАЛИЗА К КИТАЙСКИМ ПИСЬМЕННЫМ ТЕКСТАМ.....	38
<i>Шаравьёва И.В.</i> ОПЫТ ЭТИМОЛОГО-ГРАММАТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЗНАКА «人» И НЕКОТОРЫХ ЕГО ПРОИЗВОДНЫХ.....	42
<i>Куницына Е.Ю.</i> ДРАМА ШЕКСПИРА: СЦЕНИЧНОСТЬ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ДИСКУРС	48
<i>Немировская А.В.</i> МЕТАФОРА ТУРЕЦКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДА	57
<i>Пастернак Е.Л.</i> РОЛЬ РАННИХ ИНДОЛОГИЧЕСКИХ ОПЫТОВ АНКЕТИЛЬ- ДЮПЕРРОНА В ФОРМИРОВАНИИ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ	63
<i>Пруцких А.А.</i> ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИНЫ В ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ	70
<i>Пруцких Т.А.</i> ЭТАЛОН ОКРУГЛОСТИ И ПРОБЛЕМА СМЫСЛОВОГО ВОСПРИЯТИЯ.....	74
<i>Разумовская В.А., Фейтельберг Е.М.</i> ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД.....	79

<i>Разумовская В.А., Цзан Годун</i>	
ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ РОМАНА И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬБЕВ»)	87
<i>Санжеева Л.Ц.</i>	
СИНОНИМЫ В ПОЭТИКЕ БУРЯТСКОГО ЭПОСА О ГЭСЭРЕ	94
<i>Свердлова Н.А., Пяо Мэйшань</i>	
УРОВНИ ВЛАДЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКОМ В РАМКАХ СИСТЕМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕСТИРОВАНИЯ В РФ, РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ, КНР. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	100
<i>Солян К.А.</i>	
КУЛЬТУРНАЯ И СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА КИТАЙСКОГО ПОЗДРАВЛЕНИЯ	105
<i>Соколовский Я.В., Ян Минбо</i>	
К ВОПРОСУ О СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВАХ КИТАЙСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ	113
<i>Стефановская С.В.</i>	
ЗВУКОВАЯ КАРТИНА МИРА	117
<i>Суслова А.Ю.</i>	
ИДЕОЛОГИЗАЦИЯ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК КАК СПОСОБ МОДЕЛИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА	122
<i>Тарасенко Т.В.</i>	
АНЕКДОТ И ПЕРЕВОД (НА ПРИМЕРЕ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ)	126
<i>Тразанова Н.Ю.</i>	
«БУСИДО» КАК КОМПОНЕНТ НАЦИОНАЛЬНОГО ЦЕННОСТНОГО КОДА ЯПОНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ	131
<i>Тростянская Г.Ю.</i>	
СВЯЗЬ МЕЛОДИКИ И ТИПОВ УДАРЕНИЯ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА	138
<i>Трофименко О.А.</i>	
ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ	140
<i>Хамеева Е.А.</i>	
О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВИСТИКАХ	148
<i>Хохлов А.Н.</i>	
О РАБОТЕ В.Н. РОГОВА НАД СОЗДАНИЕМ РУССКО-КИТАЙСКОГО СЛОВАРЯ В 50-х гг. XX в.	153
<i>Шагдарова А.Б.</i>	
ВОЗМОЖНОСТИ ПЕРЕВОДА ВТОРИЧНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА БУРЯТСКИЙ (НА ПРИМЕРЕ ОЧЕРКА М. ГОРЬКОГО «В.И. ЛЕНИН»)	159
<i>Шиимарева Т.Е.</i>	
СЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗООМОРФНОГО КОДА ПО ДАННЫМ СЛОВАРЯ «ЭР'Я»	166
<i>Ван Лэй</i>	
ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ЗВУКОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК	171
<i>Лю Цзибинь</i>	
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В КИТАЙСКО-РУССКОМ ИНТЕРЬЯЗЫКЕ	175
<i>Му Хуаин</i>	
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В КИТАЙСКО-РУССКОМ ИНТРЬЯЗЫКЕ	178
<i>Пань Хунюй</i>	
ОБ ОТНОШЕНИИ К ВОЗДЕЙСТВИЮ РОДНОГО ЯЗЫКА ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА	181
<i>Фань Вэйцзе</i>	
АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ОШИБОК ВНУТРИЯЗЫКОВЫХ ПЕРЕНОСОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА	183
<i>Фань Чунюй</i>	
ИЗМЕНЕНИЯ В СЕМАНТИКЕ ПОДЛЕЖАЩЕГО РУССКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ (С ПОЗИЦИЙ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА С КИТАЙСКИМ)	187
<i>Чэнь Юйцай</i>	
АНАЛИЗ СИНТАКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ДИРЕКТИВНОСТИ И УТОЧНЕНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В СРАВНЕНИИ С РУССКИМ	189
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	192
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	197
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	201

CONTENTS

Gottlib O.M.	
SOME ASPECTS OF SEMANTICS FROM THE POINT OF VIEW OF GRAMMATOLOGY (ON THE BASIS OF THE CHINESE WRITING SYSTEM).....	6
Anikina V.V.	
ESTABLISHING OF THE KOREAN GRAMMATICAL TRADITION IN THE THEORIES OF JU SI-KYEONG'S FOLLOWERS....	9
Baginskaya M.V.	15
THE INTENTION OF THE SELECTION OF PROPER NAMES: FROM THE EXPERIENCE OF OBSERVATION ON INTERCULTURAL COMMUNICATION	15
Volkova O.N.	
THE DICTIONARY OF MYTHICAL ANIMALS OF ANCIENT CHINA NAMES STRUCTURE	22
Isaeva E.D.	
PECULIARITIES OF JAPANESE MILITARY TERMINOLOGY	29
Kobzhitskaya O.G.	
ANIMISTIC BELIEFS OF CHINESE PEOPLE.....	35
Kremnyov E.V.	
THE PROBLEMS OF APPLICATION OF CONTENT ANALYSIS TO THE CHINESE WRITTEN TEXTS.....	38
Sharavieva I.V.	
EXPERIENCE OF ETYMOLOGICAL AND GRAMMATOLOGICAL ANALYSIS OF THE SIGN «人» AND ITS DERIVATIVES	42
Kunitsyna E.	
SHAKESPEARE DRAMA: TRANSLATION PERFORMABILITY AND TRANSLATION DISCOURSE	48
Nemirovskaya A.V.	
METAPHOR OF TURKISH LITERARY TEXT AS THE OBJECT OF TRANSLATION	57
Pasternak E.L.	
THE ROLE OF THE EARLY INDOLOGICAL ESSAYS OF ANQUETIL-DUPERRON IN THE FORMING OF FRENCH LINGUISTIC.	63
Prutskikh A.A.	
REFLECTION OF SOCIAL POSITION OF WOMAN IN CHARACTERS	70
Prutskikh T.A.	
ROUND STANDARD AND THE PROBLEM OF MEANING PERCEPTION	74
Razumovskaya, V.A. Feitelberg E.M.	
ONOMATOPOEIC WORDS IN THE TURKISH LANGUAGE: INTEGRATIVE APPROACH.....	79
Razumovskaya V.A., Zang Guodong	
HUMOUR DISCOURSE AS A TRANSLATION PROBLEM (ON THE EXAMPLE OF THE TRANSLATIONS OF I. IL'FAND E. PETROV'S NOVEL «THE TWELVE CHAIRS»)	87
Sverdlova N.A., Pjao Meishan	
THE LEVELS OF FOREIGN LANGUAGE COMPETENCE IN RUSSIAN, KOREAN, CHINESE SYSTEMS OF STATE TESTING. COMPARATIVE ANALYSES.	94
Soloyan K.	
CULTURAL AND STRUCTURAL SEMANTIC SPECIFICITY OF CHINESE CONGRATULATIONS	99
Sokolovsky Y., Minbo Y.	
ON STYLISTIC MEANS IN CHINESE LITERARY TEXTS.....	107
Stefanovskaya S. V.	
SOUND WORLD MAPPING.....	111
Suslova A.Y.	
DISCOURSE PRACTICE IDEOLOGY AS A MEANS OF MODELING NATIONAL COMMUNICATIVE SPACE.....	116
Tarasenko T.V.	
TRANSLATING A JOKE AS LANGUAGE PLAY	120
Trazanova N.Yu.	
«BUSHIDO» AS A COMPONENT OF A NATIONAL AXIOLOGICAL CODE OF JAPANESE LANGUAGE CULTURE.....	125
Trotyanskaya G.Yu.	
THE JAPANESE MELODY AND STRESS AT JUNCTION	132
Trofimenko O.A.	
EVIDENTIALITY IN KOREAN.....	134

<i>Khamaeva E.A.</i>	
ON CURRENT CONDITION OF ONOMASTIC TERMINOLOGY IN CHINESE AND RUSSIAN LINGUISTICS	148
<i>Khokhlov A.</i>	
V. ROGOV'S PREPARATION FOR COMPILING THE RUSSIAN-CHINESE DICTIONARY IN 50-S OF XX CENTURY	153
<i>Shagdarova A.B.</i>	
SECONDARY NOMINATIONS' TRANSMISSION WAYS IN M. GORKY'S «V.I. LENIN» TRANSLATED IN BURYAT BY G. CHIMITOV	159
<i>Shishmareva T.E.</i>	
SEMIOTIC ANALYSIS OF ZOOMORPHIC CODE BASED ON THE THESAURUS «ER'JA»	166
<i>Wang Lei</i>	
CHINESE SOUNDS INTERFERENCE WITH RUSSIAN	171
<i>Liu Jibin</i>	
ADJECTIVES IN THE CHINESE-RUSSIAN INTERLANGUAGE	175
<i>Mu Huaying</i>	
NOUNS IN THE RUSSIAN-CHINESE LANGUAGE	178
<i>Pan Hongyu</i>	
SOME ASPECTS OF RESISTANCE TO THE INTERFERENCE OF THE NATIVE LANGUAGE IN STUDY OF RUSSIAN	181
<i>Fan Weijie</i>	
ANALYSING INTERFERENCE IN WORD-USE IN TEACHING RUSSIAN TO CHINESE STUDENTS	183
<i>Fan Chunyu</i>	
CHANGES IN THE SUBJECT MEANING: RUSSIAN SENTENCE VS CHINESE	187
<i>Chan Yucai</i>	
SYNTACTIC MEANS OF DIRECTION AND PRECISION IN CHINESE AS COMPARED WITH THOSE IN RUSSIAN	189
THE RESEARCH DEPARTMENT INFORMS	192
AUTHORS	199
INFORMATION FOR APPLICANTS	201

Предисловие

Настоящий сборник «Вестника ИГЛУ» практически полностью посвящен востоковедной тематике. За этим скрывается, как нам представляется два значимых явления. Во-первых, сравнительно молодая востоковедная лингвистика Сибири вполне оформилась, и ее представители готовы заявлять о себе и о своих научных достижениях в самых достойных изданиях страны. Во-вторых, такого рода сборник свидетельствует о возможности «мирного сосуществования» и прекрасном взаимодополнении индоевропейского и восточного языкознания. Максималистский постулат Киплинга не оправдался: Запад и Восток вполне сошлись и существуют, дополняя друг друга.

Широка палитра языков, представленных в сборнике: китайский, японский, корейский, монгольский, турецкий, сравнительные китайско-русские исследования, материалы, касающиеся вклада Китая в индоевропейскую культуру. Это показывает и широту, и значимость востоковедного языкознания, изучения восточных языков вообще для нашего региона. Кроме того, большой объем синологических и сравнительных китайско-русских исследований весьма актуальны на фоне проведения «Годов» русского языка в Китае и китайского языка в России, свидетельствующие о растущем научном и культурном взаимодействии наших стран.

Сборник весьма разнообразен тематически. Это работы в области антропологической лингвистики, сопоставительное языкознание, антропонимика, история языка, грамматология, фоносемантика, история восточного языкознания, машинная обработка текстов с идеографическим письмом, лингвистика концептов, теория перевода и т.д. Вся эта тематика весьма актуальна в современном языкознании и, представленная на новом языковом материале, может послужить толчком для появления свежих и неординарных идей.

От редколлегии

*О.М. Готлиб***НЕКОТОРЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГРАММАТОЛОГИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ)**

В статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с понятием «грамматология» и ее объектами. Выявляя грамматологию как раздел языкознания, автор делает попытку выявить ее основные семантические аспекты в приложении к письменности китайского языка.

Ключевые слова: грамматология; семантика; логограмма.

*О.М. Gotlib***SOME ASPECTS OF SEMANTICS FROM THE POINT OF VIEW
OF GRAMMATOLOGY (ON THE BASIS OF THE CHINESE WRITING SYSTEM)**

The article describes some aspects of the objects of grammarology. In the field of grammarology as a part of linguistic study the author tries to reveal some aspects of the grammarology semantics on the basis of the Chinese characters.

Key words: grammarology; semantics; logogramm.

Хаос – предтеча творения чего-нибудь истинного, высокого и поэтического. Пусть только луч гения пронзит этот мрак. Враждующие, равносильные доселе пылинки оживут любовью и гармонией, стекутся к одной сильнейшей, слепятся стройно, улягутся блестящими кристаллами, возникнут горами, разольются морем, и живая сила испишет чело нового мира исполинскими гиероглифами.
Бестужев-Марлинский

Задачей данной статьи станет выявление и описание некоторых аспектов семантики с позиций грамматологии. Если с семантикой как разделом языкознания, занимающимся анализом значения языкового знака во всех его проявлениях, как будто все достаточно ясно, то грамматология как некая составляющая языкознания требует освещения и уяснения по крайней мере своего объекта.

Как заметил Х. Глюк, о письме люди узнают в своей жизни, по крайней мере, трижды. Сначала они узнают о письме по ходу овладения грамотой и принимают его в качестве какой-нибудь практики записи. Потом они узнают о

письме из языковедческих работ, причем то, что они узнают из этих работ, отличается от обыденных представлений о письме. И, наконец, в третий раз они узнают о письме из философских работ. Все три знания о письме покупают свое знание ценой отеснения друг от друга. Так, например, философские представления о письме существенно отличаются как от обыденных, так и от научных представлений о письме, они противопоставлены всем им. Все эти три знания о письме трудно совместимы между собой [Glueck, 1983 : 68].

Эта триада и представляет, как нам кажется, три различных аспекта, а точнее, три различных направления знания, которые сегодня называются грамматологией.

Грамматология в философском, методологическом аспекте наиболее полно представлена в работах Ж. Дерриды. Она подается им как некая специфическая форма научного познания, отрицающая до известной степени принципы традиционной науки. Так, в интервью одному из своих главных оппонентов Ю. Кристевой в ответ на вопрос, является ли его учение о «грамматологии» наукой, он говорит: «Грамматология должна деконструировать все то, что связывает понятие и нормы научности с онтологией, с логоцен-

тризмом, с фонологизмом. Это — огромная и бесконечная работа, которая постоянно должна избегать опасности классического проекта науки с её тенденцией впасть в донаучный эмпиризм. Она предполагает существование своего рода двойного регистра практики грамматиологии: необходимости одновременного выхода за пределы позитивизма или метафизического сциентизма и выявления всего того, что в фактической деятельности науки способствует высвобождению из метафизических вериг, обременяющих ее самоопределение и развитие уже с самого ее зарождения. Необходимо консолидировать и продолжить все то, что в практике науки уже начало выходить за пределы логоцентрической замкнутости. Вот почему нет ответа на простой вопрос, является ли грамматиология «наукой». Я бы сказал, что она ВПИСАНА в науку и ДЕ-ЛИМИТИРУЕТ ее; она должна обеспечить свободное и строгое функционирование норм науки в своем собственном письме; и еще раз! она намечает и в то же время размыкает те пределы, которые ограничивают сферу существования классической научности» (цит. по: [Ильин, 2001 : 47]).

Объектом своей науки Деррида видит некую «грамму» в «про-грамме», которая присуща всему сущему [Деррида, 2000 : 38].

Вторую область знания, которая также называется грамматиологией (семиографией), можно, вероятно, отнести к семиотике — науке, исследующей свойства знаков и знаковых систем. Основоположником грамматиологии с этим объектом можно, вероятно, считать И.Е. Гельба с его ставшим классическим трудом «Опыт изучения письма (основы грамматиологии)». Вынос этой науки за пределы собственно языкознания определяется главным образом характеристиками объекта ее изучения, на который указывает сам автор: «Письмо в самом широком аспекте представляет собой систему или прием фиксации посредством условных меток либо условной формы и/или цвета предметов, осуществляемых двигательным действием руки одного индивидуума и принимаемых зрительно другим» [Гельб, 1982 : 333]. Такое определение объекта, очевидно, выводит данную науку за пределы человеческого языка, оставляя ее тем не менее в пределах знаковых, то есть семиотических, контактов.

Объект грамматиологии как науки о письме и в аспекте речевой коммуникации (письменная речь), и в аспекте системы воспроизводимых письменных знаков, коррелирующих с различными единицами устной речи от звука до высказывания (система письма, письменность), вводит ее в число собственно лингвистических разделов.

Китайская письменность — единственная в цивилизованном мире, на всем своем историческом протяжении последовательно идеографическая письменность. Ее значимые элементы (морфограммы и логограммы) коррелируют с морфемами и словами китайского языка, являясь их графическими выразителями [Готлиб, 2007 : 28–40]. Это дает основание рассматривать эти графические элементы, в первую очередь — логограммы, с различных семантических позиций.

Семантический ресурс китайских письменных знаков довольно широк и разнообразен. Несмотря на их не-фонетичность, известную «немоту» по отношению к устной оболочке языковых единиц, говоря словами В. Хлебникова, «имеют зряву и не имеют слухавы», они все-таки могут представлять некоторые аспекты фонетической семантики. Это проявляется, по крайней мере, в двух случаях: транскрипционных заимствованиях и звукоподражаниях. Говоря о транскрипционных заимствованиях, мы имеем в виду исключительно те случаи, когда логограмма либо семантизирует заимствование, либо своей формой показывает, что оно есть именно таковое. Примером первого случая может служить заимствование 迷你 *mini* из индоевропейских «мини-», «mini-», которое китайский, транскрибируя, одновременно и семантизирует — «привлекающий тебѧ». Примером второго случая может служить фонетическое заимствование из английского «tie» — 呔 *tai*, где сам факт такового фиксируется знаком «рот» 口, который сигнализирует о появлении новой семантики, связанной со звуковым обликом единицы.

Этот знак весьма активен при транскрипции звукоподражаний, выполняя в их составе — если он не указывает на звукоподражания орального характера — роль сигнала о новой семантике звукоподражательного характера.

Грамматологический аспект лексической семантики достаточно разнообразен. Графо-семантические компоненты логограмм мо-

гут формировать как собственно лексическое значение слова, так и его идеографическую, концептосферную семантику. В первом случае это различные комбинации морфограмм или простых логограмм, формирующие лексическое значение с той или иной степенью метафоричности, например: : 灶 zào – *очаг, печь (огонь+земля)*; 囚 qiú – *ограда+человек=арестант; арестовывать, заключать в тюрьму*; 朏 fēi – *луна+выходить=свет молодого месяца, молодая луна*; 孕 yùn – *сверху – «женская грудь», снизу – «ребенок, младенец» = беременность и т.п.*

Идеографическая, концептосферная семантика формируется главным образом через родовую отнесенность так называемого «ключа» в логограммах идеограммного типа, наличие которого маркирует родовидовые отношения в языковой картине мира.

Грамматологический аспект грамматической, в первую очередь, частеречной семантики проявляется в том, что разные «ключи» – маркеры родовой отнесенности знака формируют одновременно и частеречную отнесенность всей логограммы, точнее возможную, предположительную отнесенность. Лабораторные работы студентов-китаеведов ИГЛУ по курсу «Грамматология», цель которых состояла в сплошной выборке сложных логограмм с данным «ключом» (родовым знаком) по «Большому китайско-русскому словарю» под редакцией И.М. Ошанина и выявлению частеречных характеристик, показали вполне последовательную соотнесенность между «ключом» и частеречными признаками сложной логограммы. Так, из 428 сложных логограмм, включающих в свой состав знак «手/扌» – *рука* в качестве родового компонента, 76 % составляют глаголы, 15% – существительные, 1% – наречия, 8% – прилагательные; из 160 сложных знаков с компонентом 衣/衤 – *одежда* существительных – 102 (63,75%), глаголов – 29 (18,125%), прилагательных – 14 (8,75%), наречий – 1 (0,625%); сложные знаки с морфограммой 足 – *шагнуть левой ногой* распределяются на 19 существительных, 27 глаголов и 6 прилагательных, а из 132 логограмм с морфограммой 疒 – *болезнь* существительных – 57%, глаголов – 26%, прилагательных – 15%, наречий – 2%. Из 201 знака с элементом 心/忄 – *сердце* обо-

значающие предмет – 40, признак – 70, действие – 130, а из 113 логограмм, содержащих знак 石 – *камень*, существительных – 57%, глаголов – 27%. Список может быть продолжен, но приведенные данные, как нам кажется, явно показывают связь между семантикой «родового» компонента сложной логограммы и ее отнесенности к части речи, т.е. вещественной семантикой.

Говоря о стилистической семантике китайской письменности, мы, вслед за Е.В. Маевским, понимаем ее как способность разграничивать речевые смыслы и даже лексические значения через шрифтовые оппозиции [Маевский, 2000 : 146]. Китайская каллиграфия – важная составляющая стилистики. Форма знака, его стиль несет в себе не только эстетические, но и значительные семиотико-семантические составляющие. Так называемые «сложные» или «стандартные» знаки, например, сигнализируют о том, что это издано не в КНР, и наоборот, все, что издано в КНР, напечатано в «упрощенной» форме. Написание сверху-вниз дает понять, что эта работа издана до 1949 года, а надпись на фронтоне здания, сделанная справа-налево, указывает, что это монастырь или дворец. Думается, что семантические аспекты китайской каллиграфии выходят далеко за рамки названных, наша же задача указать на таковые как имеющиеся.

Библиографический список

1. Гельб, И.Е. «Опыт изучения письма (основы грамматологии) [Текст] / И.Е. Гельб. – М. : Радуга, 1982.
2. Готлиб, О.М. Основы грамматологии китайской письменности [Текст] / О.М. Готлиб – М. : «АСТ Восток-Запад», 2007.
3. Деррида, Ж. О грамматологии [Текст] / Ж. Деррида. – М. : «Ad Marginem», 2000.
4. Ильин, И.П. Постмодернизм: словарь терминов [Текст] / И.П. Ильин. – М. : «INTRADA», 2001.
5. Маевский, Е.В. Графическая стилистика японского языка [Текст] / Е.В. Маевский. – М. : «Муравей-Гайд», 2000.
6. Glueck, H. Schrift und Schriftlichkeit [Текст] / H. Glueck. – Stuttgart, 1987.

УДК 81-112.2
ББК 81.2

В.В. Аникина

СТАНОВЛЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В КОРЕЕ В ТЕОРИЯХ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ КОРЕЙСКОГО ЛИНГВИСТА ЧЖУ СИ ГЁНГА

Статья освещает основные вопросы становления грамматической традиции в Корее в начале XX века. Представлены характеристики учений о частях речи корейских филологов обозначенного периода, освещается диалектическая связь принципов универсализма и идиоматичности в описании частеречного аппарата корейского языка.

Ключевые слова: универсализм; идиоматичность; классы слов.

V.V. Anikina

ESTABLISHING OF THE KOREAN GRAMMATICAL TRADITION IN THE THEORIES OF JU SI-KYEONG'S FOLLOWERS

The article deals with issues of development of the Korean grammatical tradition in the first part of the XX century. Theories of the Korean linguists have been surveyed. The dialectical connection between the principle of universalism and the principle of idiomatichity in the description of the Korean parts of speech has also been reviewed.

Key words: universalism; idiomatichity; parts of speech.

Корейский лингвист Чжу Си Гёнг в начале XX века, активно занимаясь исследованием родного языка, создал немало работ, которые стали основой корейского языкознания. Научная деятельность ученого привлекала внимание молодых филологов, которые впоследствии систематизировали материалы исследований своего учителя. К ним следует отнести Нам Гунг Ока (1863–1939), Ким Ту Понга (1890–?), Ли Гю Банга (годы жизни неизвестны), Ли Ван Ынга (1887–1949).

Жизненные пути этих ученых имеют немало сходств. Все были знакомы с трудами Чжу Си Гёнга или, являясь его учениками, принимали активное участие в политической жизни страны, занимались научной и просветительской деятельностью. Ими были созданы книги по теоретической грамматике родного языка, в которых они четко описали отличия родного языка от европейских и указали на его идиоматичность. Ученые чисто эмпирически шли путем, который будет осмыслен позже; теоретически он будет разработан в 1960–70-х гг. и получит название «контрастивный анализ» [Гак, 1989].

Все указанные выше лингвисты, вслед за Чжу Си Гёнгом, придерживались семантико-синтаксического принципа в своих класси-

фикациях. Выделяя разное количество частей речи, они по-разному расставляли акценты. Это указывает на то, что исследователи по-разному видели организацию частеречного аппарата в корейском языке. В конечном итоге были четко выделены четыре группы знаменательных слов: существительное, глагол, предикативное прилагательное, наречие, а также две группы служебных: частицы и союзы. Несмотря на то, что каждый ученый представляет свои дефиниции для выдвинутых им терминов, содержание описываемых понятий практически у всех совпадает, отличие же проследживается лишь в объеме. Последователи Чжу Си Гёнга, выделяя такие группы слов, как экзистенциальные глаголы (있다, 없다, 계시다), классы – «запрет», «отрицание», «ответ», старались отметить значимость данных категорий для родного языка.

Ким Ту Понг и Ли Ван Ынг, отдавая приоритет семантико-синтаксическому принципу, объединили классы слов в макроклассы. Так, Ким Ту Понг объединил выделенные им ряды слов в три основных макроклассы:

1) *главные слова* (으뜸씨 (원사)) – *именные части речи* (몸말(체언)), куда входили существительное (임씨(명사)), местоимение, и *предикативные части речи* (숨말(용언)), включа-

ющие предикативное прилагательное (언씨(형용사)) и глагол (움씨(동사));

2) *частицы* (토씨(토)) – *частицы* (것씨(조사)), *союзы* (잇씨(접속사)), *окончания* (맺씨(종지사));

3) *собирательный класс* (모임씨), включающий *наречие* (억씨(부사)), *междометие* (느씨(감동사)) и *прилагательное* (언씨), к которому отнесены предикативные прилагательные в определительной форме (전치형용) и причастия (관사) [이광정, 2003].

Объединение частей речи в макроклассы указывает на то, что ученые подходили к анализу со стороны синтаксиса. Это подтверждается тем, что слова разделены не на знаменательные и служебные, как это принято в европейской традиции, а на основной и собирательный классы, а также частицы. Такая классификация сопоставима с делением на главные и второстепенные члены предложения. Стратегия последователей Чжу Си Гёнга может быть оценена на фоне известного утверждения И. Мещанинова о том, что «синтаксические признаки в пределах каждого языка дают в своей совокупности определенные группировки. Они закрепляются за отдельными тематическими группами и тем самым выделяют их в отдельные части речи» [Мещанинов, 1978 : 295]. Подобные группировки обнаружил один из последователей Чжу Си Гёнга Ким Ту Понг в ходе исследования родного языка.

Ли Ван Ынг несколько иначе представил макроклассы слов: существительное, местоимение и числительное ученый объединил в группу именных частей речи (체언), а глагол, предикативное прилагательное и экзистенциальные глаголы – в группу предикативов (용언). Позднее данную особенность отметил в своей работе Ю.Н. Мазур, определив группы именных частей речи, предикативов как парадигматические классы. Согласно утверждениям российского корееведа, парадигматический признак эквивалентен морфологическому. Иными словами, данные классы слов объединены в группу по морфологическим признакам [Мазур, 2004 : 35].

Еще одно свидетельство эволюции грамматической мысли в Корее наглядно представлено в рассмотрении вопросов экзистенциальных глаголов, выдвинутых Ли Ван Ынгом, и

категорий «запрета», «отрицания» и «ответа» Ли Гю Банга.

Согласно утверждениям Ли Ван Ынга, в состав класса экзистенциальных глаголов входят слова 있다 (быть, есть, иметь), 없다 (не быть, не иметь), 계시다 (гонорифическая форма от 있다). Группа данных глаголов имеет двойственную природу. С одной стороны, они могут функционировать как глаголы, с другой – как прилагательные, соответственно, принимать на себя как глагольные, так и дескриптивные функции.

В современном толковом словаре корейского языка [국어사전, 1999] данные слова отнесены к разряду прилагательных. А.А. Холодович, исследуя эту особенность языка, утверждал, что «хотя эти слова переводятся по-русски глаголами, в корейском языке они относятся к категории прилагательных. Принадлежность их к разряду прилагательных определяется тем, что эти слова имеют те же позиционные и непозиционные категории, что и прилагательные» [Холодович, 1954 : 189]. Тем самым российский кореевед полностью соглашался с трактовкой корейских лингвистов.

Вопрос о принадлежности этих слов к прилагательным или глаголам до сих пор остается спорным в современной корейской лингвистике. Данные слова имеют самостоятельное значение «наличие или отсутствие предмета», однако их спряжение отличается от спряжения как глагола, так и прилагательного. В случае, когда эти слова в предложении выступают в роли сказуемого, по своим функциям они весьма схожи с предикативными прилагательными. Например, к сказуемому, выраженному глаголом в предложении, присоединяется суффикс настоящего абсолютного времени –는 – 웃는다(смеется), но 있다 (есть), выступая как предикативное прилагательное, не может иметь такого суффикса. Однако, если эти слова функционируют в роли определения в предложении, к ним присоединяются определительные окончания, свойственные глаголам 는, например, 붉은 꽃 имеет значение (красный цветок), но 없는 꽃 (отсутствующий цветок), где к основе прилагательного 붉 присоединено окончание ㄴ/은, а к 없다 глагольное окончание 는. Следовательно, 없다 в данном случае обладает глагольными признаками.

Эти слова отличаются от прилагательных еще тем, что способны принимать формы по-

велятельного наклонения, например, 너는 여기 있거라 (Ты здесь будь). Кроме того, слово 있다, так же как и глагол, может выступать в вежливой форме в предложении: 계시다 (быть), 있으시다 (иметь, обладать).

Остающийся актуальным и на сегодняшний день вопрос о принадлежности данных слов к классу глаголов или прилагательных был поднят Ли Ван Ынгом в начале XX века.

Ли Гю Банг, преследуя ту же цель, что и Ли Ван Ынг (обозначить особенность некоторых языковых единиц, которые невозможно объяснить с помощью известных универсальных правил), выделил три класса слов: «отрицание», «запрет» и «ответ». Эти разряды выделены по семантическому признаку, так как никаких определенных грамматических признаков не имеют. Сам Ли Гю Банг, объясняя значение каждой группы, лишь «запрет» называет самостоятельной частью речи, а «отрицание» и «ответ» относит к лексическим категориям.

Эти три группы имеют много общего с «формулами» О.Есперсена, которые трактуются как целые значения [Есперсен, 1958]. В случае с запретом и отрицанием происходит лексикализация грамматических форм «запрета» (-지 말다) и «отрицания» (-지 않다). Иначе говоря, слово, к которому присоединены данные аналитические формы, хотя и состоит из нескольких элементов, однако воспринимается и трактуется как целое значение, которое может быть совершенно отличным от значения составляющих его слов, взятых в отдельности. Такие «формулы» вносятся в речь как готовые единицы. «Формулы» представляют собой результат лексикализации того или иного явления синтаксиса или морфологии данного языка.

«Ответ» (예보에, 네) – лексическая категория, которая не имеет грамматических форм, а также выступает в предложении как вводное слово или обращение. Корейская культура требовала повышения статуса «формул» О.Есперсена, так как, возведя их в ранг частей речи, можно утверждать, что эти «формулы» являются законом, хотя в грамматике датского лингвиста «формулы» относятся больше к привычке говорить.

Корейские ученые рассматриваемого периода отличались стремлением обобщить и систематизировать материал, накопленный их

предшественниками. Несмотря на то, что начало XX века относится ко времени становления корейского языкознания, лингвистам в этот период удалось добиться немалых результатов. Они не только довели до логической последовательности материалы своих учителей, но и постарались описать спорные моменты в грамматике, которые не были учтены их предшественниками. Дополняя уже имеющиеся данные по теоретической грамматике родного языка, лингвисты пытались подойти с разных точек зрения к объектам исследования.

Необходимо отметить, что семантический принцип, доминирующий в предыдущих работах, постепенно стал уступать позиции принципу морфологическому и в большей степени синтаксическому. Это с очевидностью прослеживается в работах Ким Ту Понга и Ли Ван Ынга, объединивших разряды слов в макроклассы.

Корейские ученые, вслед за античными философами и европейскими лингвистами, начинали описание частеречного аппарата с выделения классов существительных, местоимений и числительных. Это подтверждает признанием неоспоримым фактом, что субстантивы в любом языке представляют собой самый многочисленный класс, обладающий наиболее устойчивой и легко определяемой парадигмой.

Определения и классификации имени существительного в работах Нам Гунг Ока, Ким Ту Понга и Ли Ван Ынга имеют много общего. Все лингвисты подразделяли имена существительные на следующие классы: имена нарицательные, собственные, собирательные, абстрактные, которые, в зависимости от глубины исследования, могли иметь еще и подгруппы.

Следует отметить работу Ли Гю Банга, который помимо общих классов, представленных во всех исследованиях, выделил составные существительные (연접명사), или сложные (복합명사), например 짚신 (соломенные лапти); указательные (방위명사), например 남 (юг), и служебные: 것, 바, 줄, 곳, 괴, 뒤, 리, 쪽, 편, 제. Принципы выделения групп существительных по семантико-морфологическому признаку указывают на стремление ученого рассмотреть вопрос словообразования, играющего немаловажную роль в делении слов на части речи. Подобные сложные существитель-

ные Чжу Си Гёнг относил к разряду прилагательных, ориентируясь только на семантико-синтаксические характеристики данной группы слов. Ли Гю Банг, воспользовавшись правилами морфологического принципа, обратил внимание также на словообразовательные процессы.

Ли Гю Банг пошел дальше своих коллег и в вопросе о местоимениях, где помимо традиционных групп личных, указательных, вопросительных, неопределенных местоимений, выделяемых практически всеми лингвистами, указал на особый класс специальных местоимений, куда включил следующие слова: *폐하* (ваше высочество), *전하* (кардинал), *각하* (ваше превосходительство), *저하* (обращение к нижестоящему), *짐* (устаревшее слово от *김* (Ким)), *여* (женщина), *경* (господин), *자* (сын), *주인* (хозяин), *부인* (супруга), *첩* (наложница), *선생* (учитель), *제자* (ученик), *대감* (ваше превосходительство), *아씨* (госпожа), *마님* (ваша супруга), *도령* (молодой человек), *총각* (молодой человек), *작은 아씨* (маленькая госпожа), *처녀* (девушка) [이광정, 2003 : 266].

Данные обращения утратили первоначальное значение. Поэтому они могут использоваться не только как обращения, но и как местоимения. В современном корейском языке из приведенных выше слов особенно часто встречается слово «*선생*» (учитель), которое применяется в качестве местоимения второго или третьего лица. Представленная Ли Гю Бангом группа специальных местоимений опять же может быть прокомментирована в духе грамматики О. Есперсена, который отмечал неоднозначность существующих трактовок в выделяемых видах личных местоимений, в частности, местоимений третьего лица. Датский лингвист утверждал, что местоимения *он, она, оно* чаще всего употребляются вместо упоминания соответствующего предмета или лица; не подлежит сомнению, что можно было бы найти целый разряд подобных слов, но не все они считаются местоимениями [Есперсен, 1958 : 66]. Ли Гю Банг нашел этот «ряд» широко распространенных подобных слов.

Идиоматические черты обнаружены корейскими лингвистами не только в именных частях речи, но и в других классах слов, в частности в предикативах. Наряду с признанием общих категорий, свойственных корейскому

глаголу, таких, как переходность/непереходность, время, залог, наклонение, Нам Гунг Ок акцентировал внимание на особенностях категорий наклонения и залога, а Ли Ван Ынг – на способах образования глаголов от других частей речи.

Нам Гунг Ок выделял следующие разновидности категории наклонения (*서법*): повествовательная (*직설법*), повелительная (*명령법*), соединительная (*연접법*), вопросительная (*의문법*), прерывания действия (*중지법*), личное отношение (*감동법*), неизменно указывая на формальное выражение данных категорий с помощью ряда окончаний.

Если Нам Гунг Ок уделял особое внимание грамматическим формам глаголов, то Ли Ван Ынг сосредоточился на изучении словообразовательных процессов. Все глаголы делились им на два класса: собственно глаголы, например, *가다* (идти), и глаголы, образованные от других частей речи, например, *밝이다* (освещать), *높이다* (повышать), где база деривации – прилагательные, к основе которых присоединяется суффикс *-이*. Ученый указал на формальные признаки, посредством которых возможен переход из одной части речи в другую.

В тесной связи с классом глаголов рассматривался корейскими лингвистами и разряд предикативных прилагательных. Все, за исключением Ким Ту Понга, считали прилагательные подгруппой предикативных прилагательных.

Тщательное исследование Чжу Си Гёнгом служебных частей речи, в частности выделенного им класса частиц, не могли не привлечь внимание его учеников. Нам Гунг Ок, Ли Гю Банг и Ли Ван Ынг рассматривали группы частиц, выделенные Чжу Си Гёнгом, в режиме комментариев и внесения дополнений в уже существующую классификацию.

Ким Ту Понг несколько иначе подошел к изучению данного вопроса. Ученый все частицы разделил на четыре класса: частицы именных частей речи (*임자것*), частицы причастий (*딸림것*), соединительные (*매임것*) и вспомогательные (*돕은 것*). Частицы причастий и соединительные частицы, согласно утверждениям Ким Ту Понга, присоединяясь к слову, наделяют его описательной (*꾸미다*) функцией. Частицы причастий используются с именными частями речи, а соединительные – с предикативами. Частицы именных частей

речи лингвист делил на частицы *именительного падежа* (다만 입자곶), например, 이/가, 게서, 에서, и частицы *звательного падежа* (부름 입자곶), например, 야, 아, 여, 이여, 시여, 이시여. Частицы причастий классифицировались на притяжательную – (얻음딸림곶) – 의 – и частицы причастий (그림딸림곶) – 은, 는, 던, 을. У соединительных частиц Ким Ту Понг обнаружил три группы:

1) частицы *винительного падежа* и *соединительные* частицы (덩이매임곶) – 와/과, 을/를, 이/가 (выступающие в качестве вспомогательной частицы);

2) *дополнительные* частицы (깁음매임곶) – 로, 으로, 에서, 에, 보다, 처럼, 만큼, 에게;

3) частицы, *привносящие в слово дополнительный оттенок* (꾸밈매임곶) – 아/어, 게, 도록, 니, 면, 거늘, 아도, 아야.

К вспомогательным частицам были отнесены следующие виды частиц: 도, 만, 은, 든 지, 야이, 야, 마다, 까지. Лингвист правомерно утверждал, что вспомогательные частицы не имеют отношения к составу предложения, они лишь привносят дополнительное значение в семантику слова, к которому присоединяются [최규수, 2003 : 62].

Необходимо отметить и правомерность выводов корейского лингвиста в вопросе об отнесении к соединительным частицам частиц 와/과, которые остальными лингвистами, в том числе и Чжу Си Гёнгом, были отнесены к классу союзов. Ким Ту Понг был первым, кто открыл истинную природу данных языковых единиц, принимая во внимание не только их семантико-синтаксические, но и морфологические особенности.

Индивидуальные черты корейского языка обнаруживались лингвистами в ходе исследований разных аспектов грамматики. Каждый ученый стремился описать идиоматические особенности той грамматической или понятийной категории, а также отдельного класса слов, которые, по его мнению, были наиболее значимыми в языке. Таким образом, выводы исследователей основывались преимущественно на эмпирических данных принципах. Создание единого эффективного аппарата описания частей речи все же не было достигнуто. Тем не менее почти единодушное согласие исследователей в том, что грамматические теории корейского языка должны исходить, в первую очередь, из его уникальных особеннос-

тей, позволяют говорить о становлении национальной научной традиции.

Следует отметить, что жизнь всех корейских лингвистов, исследовавших родной язык, имеет общие черты. Лингвисты периода развития собственной грамматической традиции были высокообразованными людьми, хорошо знакомыми с европейской и североамериканской традициями языкознания. Помимо активной научной и просветительской деятельности они, все без исключения, принимали участие в освободительном движении против японской экспансии, в формировании временного правительства.

Любое революционное движение влечет за собой идею о пересмотре правил существующего языка. Революционеры во все времена интересовались языком, ибо он нужен был им для того, чтобы вести эффективную пропаганду. Для внедрения новых идей необходимо было уничтожить старое, отстроить совершенно новое, заменить существовавший консервативный язык на новый революционный код. **XV–XVI века знамениты гонениями церкви на революционеров Кальвина, Лютера, которые перевели Библию на родной язык. XX век ознаменован трудами Сталина по языкознанию, целью которых было создать новое направление, отличное от всех существующих, и тем самым подтвердить факт возможности независимого от внешнего влияния развития науки в одной стране [Виноградов, 1952].**

Появление многочисленных работ корейских лингвистов, в которых они обращаются к особенностям родного языка, скорее всего, связано с тем, что лингвисты-революционеры стремились создать собственную лингвистическую науку.

Стремление найти отличия родного языка от европейских повлекло к изменению курса исследования. Так, корейские лингвисты перешли от приверженности универсальным правилам к построению собственных грамматических теорий, что повлекло за собой смену типологического подхода контрастивным анализом, который характеризуется поиском индивидуальных, отличительных черт языков.

Независимое от традиций европейской грамматики исследование корейского языка отражено в разных грамматических аспектах работ корейских лингвистов данного периода. Они шли вслед за младограмматика-

ми, которые призывали к изучению особенностей родного языка, и в некоторых отношениях опередили О.Есперсена, который пытался отстроить систему языка от его единиц, комментируя аномалии, постоянно встречающиеся в ходе исследования грамматики конкретного языка.

Поиск идиоматических черт родного языка на фоне прецедентов в виде конкретных приложений универсализма приводил к тому, что корейские ученые искали своего рода «золотую середину» между аналогизмом и аномализмом. Через проведение аналогий с другим языком, в частности английским, имевшим уже в то время устоявшуюся грамматическую парадигму, исследователи выявляли аномалии, свойственные корейскому языку.

Целесообразно отметить, что корпус частеречного аппарата имел во всех его интерпретациях зримые универсальные характеристики. Все лингвисты выделяли существительное, глагол, междометие. Основные классы слов были одинаковыми, однако теоретические описания разнились в зависимости от взглядов ученого. После выхода в свет работ Чжу Си Гёнга, который разделил все слова на знаменательные и служебные, исследователи пошли дальше простого перечисления классов частеречного аппарата. Ким Ту Понг выделил три макрокласса слов: 1) главные, 2) частицы и 3) собирательный класс. Затем Ли Ванг Ынг выделил макроклассы именных и предикативных частей речи [이광정, 2003].

Необходимо отметить, что все корейские ученые едины в том, что классы первостепенной значимости составляют существительное и глагол, которые не только относятся к самым многочисленным во всех языках, но и обладают определенным набором легко определяемых признаков и категорий.

При анализе материалов корейских лингвистов данного периода обнаруживается, что их исследовательская стратегия совпадала со взглядами европейских ученых, таких, как Э.Сепир, Бодуэн де Куртене. Сепир писал о том, что «... когда мы говорим об общей форме того или иного языка, должно быть ясно, что в основе каждого языка лежит как бы определенный чертеж, что у каждого языка есть свой особый покров. Этот тип, или чертеж, или “дух” структуры языка, есть нечто гораздо более фундаментальное, нечто гораз-

до глубже его проникающее, чем та или другая нами в нем обнаруживаемая черта» [Сепир, 1934 : 94]. Все эти составляющие были обнаружены в исследованиях корейских лингвистов, направленных на описание идиоматичности грамматического строя языка.

К исследовательской парадигме корейских ученых также можно отнести слова слова И.А. Бодуэна де Куртене: «... Крайне неуместно измерять строй языка в известное время категориями какого-нибудь предшествующего или последующего времени... Видеть в известном смысле без всяких дальнейших околичностей категории другого языка не научно; наука не должна навязывать объекту чуждые ему категории и должна отыскивать в нем только то, что в нем живет, обуславливая его строй и состав... Следует брать предмет исследования таким, какой он есть, не навязывая ему чуждых категорий» [Бодуэн де Куртене, 1963]. Именно такая направленность научной мысли характерна для корейских лингвистов – последователей Чжу Си Гёнга.

Библиографический список

1. Бодуэн де Куртене, И.А. Избранные труды по языкознанию [Текст] / И.А. Бодуэн де Куртене. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. – Том I.
2. Виноградов, В.В. Вопросы языкознания в свете трудов И.В. Сталина [Текст] / В.В. Виноградов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1952.
3. Гак, В.Г. О контрастивной лингвистике [Текст] / В.Г. Гак // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. – М. : Прогресс, 1989 – С. 5–17.
4. Есперсен, О. Философия грамматики [Текст] / О. Есперсен – М.: Изд-во иностр. лит., 1958.
5. Мазур, Ю.Н. Грамматика корейского языка. Морфология. Словообразование [Текст] / Ю.Н. Мазур. – М. : Муравей, 2004.
6. Мещанинов, И.И. Члены предложения и части речи [Текст] / И.И. Мещанинов. – Л. : Наука. Ленингр. отделение, 1978.
7. Сепир, Э. Язык. Введение в изучение речи [Текст] / Э.Сепир. – М. : Соцэкгиз, 1934.
8. Холодович, А.А. Очерк грамматики корейского языка [Текст] / А.А. Холодович. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1954.
9. 국어사전, 금성출판사, 1999. – 2548 페이지.
10. 이광정. 국어문법연구 I 품사, 도서출판 역락, 2003.
11. 최규수. 주시경 문법론과 그 뒤의 연구들, 도서출판사, 2003.

УДК 811. 531
ББК 81. 2

М.В. Багинская

ИНТЕНЦИЯ В ВЫБОРЕ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО: ИЗ ОПЫТА НАБЛЮДЕНИЯ НАД МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИЕЙ

Статья посвящена некоторым проблемам выбора имени собственного в корейском и европейских языках. Проблема выбора или интенция при выборе имени собственного связаны со специфическими особенностями восточной и западной культур. В свою очередь, имена собственные, интенция при выборе которых меняется от культуры к культуре, предполагают различия формального и смыслового характера.

Ключевые слова: имена собственные; интенция выбора имен собственных; формальные и смысловые различия.

M.V. Baginskaya

THE INTENTION OF THE SELECTION OF PROPER NAMES: FROM THE EXPERIENCE OF OBSERVATION ON INTERCULTURAL COMMUNICATION

This article is dedicated to problems of selection of proper names in the Korean and some European languages. The intention of selection of proper names varies from culture to culture. Therefore proper names contain and reflect certain formal and semantic differences.

Key words: proper names; intention of selection of proper names; formal and semantic differences.

Предмет рассмотрения в данной статье – процесс выбора имени в условиях культурных различий и, соответственно, различий в сознании участников номинативного процесса. Целесообразно начать рассмотрение имен собственных со стороны их структурных и исторических характеристик.

Корейское имя собственное состоит обычно из трех слогов: первый слог – фамилия, два последующих – собственно имя. В редких случаях фамилия может состоять из двух слогов, а имя из одного. Может показаться необычным, что компоненты определяются как слоги, а не слова. Ошибки в этом нет – корейское имя действительно состоит из слогов – чтений китайских иероглифов. Исторически сложилось так, что Корея долгое время находилась под влиянием более мощного соседа – Китая, и первая письменность, появившаяся на корейском полуострове, была китайского происхождения. Отсюда и имена – с корейским прочтением китайских иероглифов.

На сегодняшний день в Корее насчитывается около 5000 иероглифов, и теоретически любая комбинация из них может служить именем человека. Даже при приблизитель-

ном подсчете становится понятным, что количество имен, образованных таким способом, весьма велико, если не сказать огромно. Таким образом, в отличие от культур западных, имеющих дело с более или менее ограниченным числом имен собственных, корейская культура, казалось бы, предполагает открытый список имен.

Однако существуют некоторые правила выбора двух конкретных иероглифов (слогов). В первую очередь выбор этот зависит от гендерного фактора. Нельзя утверждать, что для женских имен используются одни конкретные иероглифы, а для мужских – другие. Тем не менее некоторую закономерность все-таки можно проследить. Так, можно выделить некоторые наиболее часто встречающиеся в женских и мужских именах слоги.

Таблица 1
Некоторые слоги, характерные для мужских и женских собственных имен в корейском языке

Мужские имена		Женские имена	
слог	значение	слог	значение
철	железо	미	красота
승	победа	숙	чистота
치	правитель	향	аромат
걸	выдающийся	연	лотос

Таким образом, имеют место некоторые ограничения семантического характера, ибо, как видно, выбор того или иного иероглифа обусловлен его значением, которое, в свою очередь, соотносится с некими характеристиками, присущими либо мужчине, либо женщине. Однако эти ограничения не предполагают того, что имя может быть соотнесено с индивидом определенной гендерной принад-

лежности. Если приведенные русские имена собственные не имеют гендерных маркеров лишь в сокращенных, ласкательных своих формах и определить их принадлежность можно только по контексту, то корейские собственные имена на таких маркеров вовсе не обнаруживают. Надо заметить, однако, что и сокращенных форм у корейских имен также нет (табл. 2).

Если приведенные русские имена собственные не имеют гендерных маркеров лишь в сокращенных, ласкательных своих формах и определить их принадлежность можно только по контексту, то корейские собственные имена на таких маркеров вовсе не обнаруживают. Надо заметить, однако, что и сокращенных форм у корейских имен также нет (табл. 2).

Таблица 2

Гендерные маркеры в полных и кратких формах корейских и русских имен собственных

Русские имена			Корейские имена		
мужские (полная форма)	женские (полная форма)	краткая форма	мужские (полная форма)	женские (полная форма)	краткая форма
Евгений	Евгения	Женя	승희	송희	-
Валентин_	Валентина	Валя	창동	동아	-
Александр_	Александра	Саша	순만	순량	-
Юлий	Юлия	Юля	경구	민경	-

лежности. Если, например, в русском языке имена собственные имеют гендерные маркеры в своих полных формах и только некоторые из них могут утрачивать их в фамильярных разновидностях, то корейские имена собственные такими признаками не обладают.

Конечно, зная значение наиболее типичных слогов, входящих в состав корейского имени, можно предположить его гендерную принадлежность. Однако нередки случаи, когда такая возможность отсутствует. Так, например, имена 승희, 송희, 순량, 지혜 имеют в своем составе слоги, которые могут характеризовать и мужчину, и женщину, и, следовательно, нельзя с уверенностью сказать, мужское это имя или женское. Слог 희 может означать радость или процветание,

Причина подобных различий лежит в области не столько языковой, сколько культурно-исторической. Язык является лишь средством онтологизации этих различий. Отсутствие воспроизводимых собственных имен в корейском языке и невозможность определения их гендерной принадлежности объясняются тем способом выбора имен, который сложился культурно и исторически. Аналогично особенности и признаки имен собственных в западных языках могут быть объяснены условиями культуры. Однако целесообразно предположить, что и выбор имени также обусловлен культурой и менталитетом ее носителей.

Каковы условия культуры, влияющие на процесс выбора имени? Чем руководствуются представители различных культур при вы-

боре имен? Иначе говоря, какова интенция выбора того или иного имени собственного?

В широком и наиболее общем смысле под интенцией понимается намерение. У Э. Гуссерля это понятие тесно связано с интенциональностью. Он пишет: «...интенциональность – это способность разума иметь интенцию», т.е. намерение [Ландгребе, 2002 : 3]. У него же находим такое высказывание: «...смысл – это интенция разума» [Ландгребе, 2002 : 5]. Следовательно, интенция выбора имени – это цель, согласно которой выбирается то или иное имя, но вместе с тем это и работа мышления, познание формы и смысла имени как объекта, который имеет определенные смысл и значение. Сознание никогда не существует в субъективном вакууме, а всегда является осознанием чего-то. Сознание не только не может быть отделено от мира своих объектов – более того, на самом деле оно конституирует мир [Филиппович, 1997 : 28]. Коль скоро мы рассматриваем процесс выбора имени как процесс сознательный, можно утверждать, что результат этого процесса – имя – продукт работы сознания, реализующего определенные интенции.

Действительно, присваивая имя, человек стремится к конкретным целям: выделить другого из множества подобных, индивидуализировать его, но сделать это сообразно своим эстетическим представлениям и существующим условиям культуры. Так, присвоение, например, женского имени в корейской культуре будет основываться прежде всего на выборе слогов, характеризующих положительные женские качества – красоту – 미 , добродетель – 선 , почтительность – 효 , или же слогов, указывающих на сходство с чем-то изящным, прекрасным, приятным – лотос – 연 , весна – 춘 , цветок – 화 .

Таким образом, можно утверждать, что имя в корейской культуре присваивается в соответствии с теми качествами, которыми якобы обладает или должен обладать объект номинации. Корейская традиция именования ориентирована на передачу ключевых признаков, что сближает корейские имена с дескрипциями. Понятно, что количество признаков, связанных с тем или иным понятием, а также их возможные комбинации подсчитать весьма затруднительно – отсюда и нелимитированное число имен в корейском языке. Кроме то-

го, признак сам по себе не несет указания на гендерную принадлежность, следовательно, иероглиф, имеющий значением ту или иную характеристику, может быть использован как в мужском, так и в женском имени. Разумеется, это не касается тех случаев, когда признаки и качества, отраженные в значении иероглифа, зафиксированы либо за мужскими, либо за женскими именами согласно культурной традиции.

Однако в основе выбора имени может лежать не только признак. Рассмотрим такие корейские женские имена, как 후남 и 딸 막이 . Буквальное значение их – «следующим будет мальчик» и «хватит дочерей». В основу таких имен положена ситуация, вернее свернутое описание ситуации, – отсутствие сыновей. Таким образом, вкладывая в имя такой ситуативный код, человек, говоря словами Э. Гуссерля, «конституирует окружающий его мир», описывает важные для него события. Сознание его направлено на то, чтобы дать название окружающей действительности, может быть, даже закрепить ее в памяти с помощью имени потомка. Но одновременно в семантической составляющей имени содержится прямая отсылка к культурно-этническим и социально-историческим фактам, и даже непосвященному понятно, насколько предпочтительнее было в семье рождение сына по сравнению с рождением дочери.

Рассматривая вопрос интенции выбора имени, мы чаще всего предполагаем некоего носителя этой интенции, обладателя интендирующего сознания. Не раз высказывалось утверждение о том, что человек-носитель интендирующего сознания действует не только в соответствии со своими представлениями о красоте и благозвучности имени, но еще и в соответствии с нормами и стандартами культуры. В связи с этим встает вопрос о том, всегда ли имя собственное является продуктом интенциональности человека. Следовательно, процесс именования призван не только индивидуализировать человека, присвоить ему некие качества, но и ввести его в соответствующие область и время культуры. Подтверждением этому может служить тот факт, что с течением времени, с изменением некоторых норм и ценностей меняются и имена.

Так, в настоящее время в Корее наметилась тенденция давать ребенку имя, состоящее не

из иероглифических, а исконно корейских элементов – 날개 – крыло, 아름 – красота, 사랑 – любовь, 바람 – ветер, 바다 – море, 하늘 – небо. Возможно, это связано со стремлением вернуться к истокам культуры и языка, с модой на все аутентичное, но вне зависимости от причин ясно прослеживается характерная особенность в определенный момент времени. Некоторые особенности процесса именования можно увидеть в именах времен колонизации Кореи Японией. Тогда, например, девочек принято было называть по аналогии с японскими именами, то есть в имени обязательно должен был присутствовать слог 차, который соответствовал японскому иероглифу 子 (ребенок), наиболее часто встречавшемуся в японских женских именах – Мичико, Наоко и т.д.

Западные (или христианские культуры) обладают собственным набором правил и норм, на которые и опираются при выборе имени носители этих культур. Не все из этих правил соответствуют тем, которые существуют в корейской культуре, так же как и собственные имена в западных культурах имеют свои, только им присущие характеристики и особенности.

В Библейской традиции культуры Средиземноморья, к которой восходит христианство, вопрос имени человека всегда был очень важен. Имена героев веры – Авраама, Исаака и Иакова – многократно повторялись в поколениях, сначала у ветхозаветных иудеев, а потом и у христиан. Наиболее распространенной традицией всегда был обычай давать имя ребенку в честь почитаемого семьей святого. Эта практика основана на том, что верующие люди осуществляют личный молитвенный контакт с тем или иным святым. Если это так, то обычно в семье предшествующих поколений уже есть люди, носящие имена почитаемого святого. Наблюдается традиция преемственности, которая у посторонних может создать иллюзию только родового уважения – например, наименование детей в честь дедушек, бабушек, матерей, отцов и т.д. Для человека малорелигиозного дело обстоит именно таким образом. Более того, это главный мотив в нерелигиозных семьях. Однако первоначально основная причина была именно в почитании конкретного святого целыми поколениями. Несмотря на разные предпосылки вы-

бора способа именования в религиозных и нерелигиозных семьях, можно утверждать, что в основе его лежит принцип родовой доминанты. Иными словами, стремление человека сохранить в имени (или с его помощью) родовую принадлежность, преемственность имеет ключевое значение.

Таким образом, христианской традиции именования свойственна ориентированность на прецедентное имя. Эта ориентированность прослеживается и в выборе по имени почитаемого в семье святого, и в традиционном выборе имени по святым.

Однако подобная ориентированность прослеживается и в именах дохристианской эпохи. Тогда имя могло быть дано в честь умершего предка, оно связывало ребенка с историей рода и передавало эту связь в будущее. Особенно важным был правильный выбор имени для наследников престола. Так, например, в средневековой Скандинавии даже после принятия христианства законных сыновей и наследников принято было называть языческими именами, в отличие от побочных детей, при именовании которых правила были не столь жесткими. В одно и то же время бастард мог быть назван Христоффом (иноязычное христианское имя), тогда как законный наследник – только языческим именем, например, Кнут, и обязательно в честь деда, прадеда или другого предка по мужской линии [Топорова, 1996 : 92]. Здесь можно говорить о феноменологически прецедентном имени, когда рамки культуры этого прецедента сужены до одной семьи. Принцип прецедентности, однако, не становится от этого менее ярко выраженным. Именно этот принцип может являться причиной ограниченности, лимитированности списка собственных имен в западных культурах и возможности соотнести их с определенной гендерной принадлежностью.

Нельзя сказать, что в настоящее время принцип имянаречения в западных культурах кардинально изменился. Чаще всего имя выбирается из более или менее регламентированного списка, исходя из соображений благозвучности в сочетании с фамилией, в зависимости от степени воцерковления и т.д., но мало кто задумывается о смысле имени. Более того, специфика имени собственного в западной культуре чаще всего не предполагает

указания на изначально присущую ему смысловую нагрузку.

Так, например, русские христианские имена в большинстве своем имеют греческое, иногда латинское происхождение, следовательно, внутренняя форма имени будет представлять собой перевод с этих языков [Суперанская, 2007 : 123]. Но не всегда имя переводится, иногда его сложно перевести. Внешняя же форма слова не дает никаких отсылок к своему смысловому содержанию. Для русского человека имя Виктор не всегда ассоциируется с победой, Софья – с мудростью, Денис – с древнегреческим богом Дионисом (кстати, типичный пример прецедентного имени), Андрей – с мужеством и храбростью, Петр – с камнем, Екатерина – с надеждой, Зоя – с жизнью и т.д. Исключения из этого списка, пожалуй, могут составить только имена Вера, Надежда, Любовь. У греков таких имен не было. Тем не менее в греческих преданиях существовали символические фигуры Вера (Пистис), Надежда (Элпис) и Любовь (Агапе), но они не давались людям в качестве имен. Очевидно, при составлении русского церковного именослова названия этих символических фигур послужили основой для создания имен Вера, Надежда, Любовь из словесного материала русского языка [Суперанская, 2008 : 198]. Но нельзя с уверенностью утверждать, что сегодня эти имена присваиваются потому, что человек осознает их внутреннюю форму. Эти имена – скорее стертые метафоры, из-за частого употребления потерявшие свою образность.

Иными словами, интенция выбора имени в западной культуре такова, что процесс именования связан лишь с наделением именем определенного объекта, но он не предполагает передачу свойств и признаков, содержащихся во внутренней форме.

Несмотря на существенные отличия процесса выбора имени собственного в западных культурах от аналогичного процесса в культуре корейской, некоторые сходства все же можно обнаружить. Так, наравне с корейской культурой, западные культуры при выборе имен в немалой степени опираются на соответствующие нормы, ценности и стандарты. Западно-европейские имена также немало подвержены изменениям, вызванным культурными сдвигами в определенный момент времени. В 60-е

годы XX в. в СССР чрезвычайно популярным было женское имя Валентина – так звали первую женщину-космонавта. Чуть раньше весьма популярным было имя Татьяна – в честь актрисы Татьяны Самойловой, сыгравшей главную роль в известном фильме «Летят журавли». 30-е же годы охарактеризовались большим вниманием к проблеме чернокожего населения США, что нашло выражение в присвоении русским детям иностранных имен, типичных для афроамериканцев: Луи, Том, Джим.

Все это явно указывает на различия в культурах, с одной стороны, а с другой – является следствием этих различий. Иными словами, различия в формальной структуре имени и в процессах мышления, участвующих в создании этой структуры, взаимосвязаны и взаимообусловлены. Подобные различия между знаком как выражением, которое обладает смыслом, или значением и знаком как признаком, указанием, оповещением и т.п., можно найти у Э. Гуссерля. Это различие разъясняется с помощью разделения указания и доказательства. Э. Гуссерль критически рассматривает различие между физической стороной выражения и совокупностью «психических переживаний», которые обычно считают смыслом, или значением выражения.

Для того чтобы верно провести различие между физической стороной выражения и его значением, Э. Гуссерль вводит различие между выражениями в коммуникативной функции, где они выполняют роль признаков-указаний, и выражениями в «одиночестве душевной жизни». Последние уже не выступают как признаки, но «сами-себя-из-себя-показывают», если это выразить на хайдеггеровском языке [Гуссерль, 2001 : 211]. Таким образом, можно сказать, что номинация именем собственным в корейском языке, имеющая номинативно-коммуникативный характер, и произвольная номинация именем собственным в западноевропейских языках вполне могут быть противопоставлены именно с этой точки зрения.

«Одинокая душевная жизнь» рассматривается Э. Гуссерлем как своего рода пространство, в котором осуществляется сам акт придания смысла. Затем вводится различие между физической стороной выражения и актом придания смысла, причем от последнего отде-

ляется акт, осуществляющий смысл. Соответственно последнему различию вводятся термины «интенция значения» и «осуществление значения». Осуществляться, или «заполняться», «пустая» интенция может, по Э. Гуссерлю, в рисунке, знаке, символе (сигнификативное осуществление) [Прехтль, 1999 : 8].

В формальном своем проявлении имя – это и есть «заполненная» интенция. Но процесс и результаты этого процесса будут различны в корейской и западноевропейских культурах. Так, в корейской культуре смыслом сначала наделяется имя и через него – человек. Западные культуры предполагают несколько иной вариант: здесь сначала человек наделяется именем, и лишь после этого имя приобретает какой-то смысл.

Различие «интенции значения» и «осуществления значения» играет важную роль в концепции Э. Гуссерля. Интенция значения – это по существу то искомое в переживании, которое позволяет мыслить чистое значение и, следовательно, логическое значение.

Хотя Э. Гуссерль постоянно употребляет термин «акт», все же обращение от актов придания значения к значениям как идеальным единствам и к подразумеваемой в этих актах предметности представляется несколько неожиданным. Причина этого в том, что термины «интенция значения» и «осуществление значения» создают видимость, что речь уже идет о значении, а не о «психических переживаниях», которые, по Э. Гуссерлю, функционируют в качестве «интенции значения» и «осуществления значения» и в этой функции принадлежат определенным языковым выражениям. Из этих «психических переживаний» «значения» еще нужно извлечь. Речь, однако, не идет о том, что значение (как идеальное единство) имеет интенцию, но о том, что в «психических переживаниях» имеет место интенция придать значение. Иначе говоря, присутствует намерение наделить значением определенное языковое выражение или определенный предмет. Термин «интенция значения» означает по существу: «интенция-как-придание-значения». То же самое относится и к термину «осуществление значения» – не значение должно осуществляться, но акт придания значения [Гуссерль, 2002 : 134].

Принимая концепцию Э. Гуссерля о том, что не само по себе значение может обладать

интенцией, но работа мысли имеет интенцию придать значение некоему объекту, можно говорить о применимости этой концепции к проблеме выбора имени собственного в различных культурах. Но, соглашаясь с Э. Гуссерлем в том, что в «психических переживаниях» имеет место интенция придать значение определенному языковому выражению или определенному предмету, можно также утверждать, что западная культура имеет интенцию наделить значением предмет, тогда как корейская культура стремится придать значение слову, этот предмет обозначающему.

Действительно, функция именования в западной культуре заключается в индивидуализации человека, выделении его из прочих людей и т.д. Какого-либо самостоятельного тайного смысла, который до сих пор многие пытаются обнаружить в западных именах, нет. Все условные значения этих имен – лишь перевод с тех языков, из которых они взяты. В любом случае, даже это условное значение чаще всего скрыто или потеряно, и выбор имени происходит безотносительно к этому значению. Не будучи соединенным со своим носителем, такое имя будет лишь одним из многих одинаковых – в какой-то мере здесь называется такая особенность западноевропейских имен, как воспроизводимость. Но как только имя присвоено кому-то, оно приобретает характерные черты, которые переходят на него с того, кто им обладает. Действительно, из двух женщин с одинаковым именем Елена одну можно назвать Ленчик, Ленуся, а другую – Ленка. И выбор варианта будет зависеть именно от индивидуальных черт характера, внешности и т.д. носительниц этого имени.

В корейской же традиции присвоения имени преследуются совершенно другие цели – наделить человека именем, которое бы помимо функции индивидуализации выполняло и своеобразную функцию описания или объяснения. Здесь предполагается как бы обратный процесс – переход качеств и признаков имени на того, кто им обладает, имя как будто обязывает человека быть таким, как он говорит о себе, представляясь.

Таким образом, можно утверждать, что культурные различия, о которых принято говорить как об оказывающих влияние на язык

и на процессы и особенности использования этого языка в коммуникации, накладывают отпечаток и на выбор стратегии и целей использования языка. Изучение любого языка и культуры, к которой он принадлежит, невозможно за рамками межкультурной коммуникации. Поэтому чрезвычайно важно понять и исследовать влияние интенций носителей различных языков на процесс межкультурной коммуникации.

Библиографический список

1. *Гуссерль, Э.* Логические исследования. Исследования по феноменологии и теории познания [Текст] / Э. Гуссерль. – М. : Гнозис, 2001.
2. *Ландгребе, Л.* Интенциональность у Гуссерля и Brentano [Текст] / Л. Ландгребе // Логос. – 2002. – № 2. – С. 3 – 11.
3. *Прехтль, П.* Введение в феноменологию Э. Гуссерля [Текст] / П. Прехтль. – Томск : Водолей, 1999.
4. *Суперанская, А.В.* Общая теория имени собственного [Текст] / А.В. Суперанская. – М. : ЛКИ, 2007.
5. *Суперанская, А.В.* О русских именах [Текст] / А.В. Суперанская, А.В. Сулова. – СПб. : Авалонь : Азбука-классика, 2008.
6. *Топорова, Т.В.* Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные [Текст] / Т.В. Топорова. – М. : Языки русской культуры, 1996.
7. *Филиппович, А.* Проблема смысла в работах Э. Гуссерля и Л. Витгенштейна [Текст] / А. Филиппович // Философия и философы: Взгляд молодых. – Минск, 1997.

*О.Н. Волкова***СТРУКТУРА СЛОВАРЯ ИМЕН МИФИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ ДРЕВНЕГО КИТАЯ**

В статье предлагается способ упорядочивания имен мифических животных древнего Китая. Автор рассматривает эти сверхъестественные существа в качестве элементов особой символической зооморфной модели мира, которая конструируется в китайском мифе. Каждый из элементов несет свое глубокое значение, описание которого необходимо для адекватного понимания китайской духовной культуры. С этой целью в статье также приводятся результаты анализа знаков, соответствующих именам мифических животных в системе китайской письменности.

Ключевые слова: китайская мифология; «Канон гор и морей»; мифические животные; китайские письменные знаки; символическая модель мира.

*O.N. Volkova***THE DICTIONARY OF MYTHICAL ANIMALS OF ANCIENT CHINA NAMES STRUCTURE**

This paper offers a method of putting in order the images of the Chinese mythical animals. The significance of the research becomes evident if we accept the idea that myth reconstitutes the symbolic zoomorphous model of the world and regards the images of the supernatural creatures as the elements of this model. Each figure of the mythical animal is the form with deep content, which is so important for the comprehension of the Chinese spiritual culture. For that purpose, this paper also presents the results of the analysis of the Chinese characters representing mythical animals.

Key words: Chinese mythology; «The Book of Mountains and Seas»; mythical animals; Chinese characters; symbolic model of the world.

В настоящей работе предлагается возможная модель упорядочивания в рамках специализированного словаря великого разнообразия существ, которые, в соответствии с китайским мировосприятием, населяют пространство сакрального. Речь пойдет о существах зооморфной природы, составляющих в совокупности наиболее архаичный пласт мифологии Китая, столь трудно поддающейся систематизированному изложению.

Цель создания такого рода словаря, с одной стороны, заключается в том, чтобы представить древнекитайских мифических животных списком в связи с тем, что знание этих существ совершенно необходимо для адекватного понимания китайской культуры. Они являются элементами особой модели мира, изначально конструируемой в мифе. Рождаясь в результате ментальной творческой деятельности китайского народа, они концентрируют в себе особое одухотворенное видение мира, и многие из них впоследствии пронизывают

иные формы творчества – художественную литературу, поэзию, театр, музыку, изобразительное искусство.

С другой стороны, цель составления словаря заключается в том, чтобы выявить и проанализировать с позиций грамматологического подхода языковые репрезентанты образов мифических животных. В сущности, подобный анализ позволит описать один из аспектов существующей в китайском этносознании «мифологической картины мира», которая прорисовывается китайской письменностью.

Основу словаря составляют китайские письменные знаки (логограммы), первичное, или единственное, значение которых соответствует именам мифических животных древнего Китая [Ошанин, 1983; Юань Кэ, 1985; Сюй Чжуншу, 1993; Шань Хай Цзин, 1999]. Следуя китайской грамматологической традиции, отобранные имена-логограммы представляется возможным разделить на две группы по степени их семиотической сложности.

В первую группу входят простые, семантически неделимые знаки (文 wén, *вэнь*), или монономы; вторую группу составляют сложные по своей структуре знаки (子 zì, *цзы*), или полиномы [Готлиб, 2007] (табл. 1).

ности [Zi Zeyi, 1997; Ван Хунюань, 2000; Тан Хань, 2001]:

- 1) гадательных надписях на черепаших панцирях и лопаточных костях жертвенных животных (甲骨文 jiǎgǔwén, *цзягувэнь*)

Таблица 1

Тип логограммы по степени семиотической сложности	Знак, репрезентирующий мифическое животное	Значение
Мононом	𪚩 chùo (<i>чо</i>)	<i>мифическое животное чо с головой, как у зайца, и ногами, как у оленя, огромных размеров и черного цвета</i>
Полином	鵬 fú (<i>фу</i>)	<i>зловещая птица фу, похожая на сову; является вестником несчастья</i>

Многочисленные логограммы полиномного типа распределены строго по разделам, в которые они объединяются на основании общности родовых семантических показателей. Названия разделов, а также их содержание указаны в соответствии с классическим делением Сюй Шэня, представленном в работе «Шо вэнь цзе цзы» («*Г*文解字»), или «Толкование знаков», датируемой I в. н. э. [Шовэнь цзецзы, 2002] (табл. 2).

- 2) надписях на металле (金文 jīnwén, *цзинь-вэнь*), а именно, надписях на бронзовых ритуальных сосудах, колоколах, каменных барабанах, треножниках эпохи Чжоу (XI–III вв. до н. э.);
- 3) надписях в стиле *сяочжуань* (小篆 xiǎozhuàn), возникших при образовании единой империи Цинь (221 г. до н. э.) и сохранившихся на бронзовых и керами-

Таблица 2

№	Название раздела	Родовые маркеры, входящие в раздел
1	ПЕРНАТЫЕ	鳳 fèng (<i>фэн</i>) – птица феникс 鳥 niǎo (<i>няо</i>) – длиннохвостая птица 隹 zhūi (<i>чжуй</i>) – короткохвостая птица
2	ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ	犬 quǎn (<i>цюань</i>) – собака 馬 mǎ (<i>ма</i>) – лошадь 羊 yáng (<i>ян</i>) – баран 牛 niú (<i>ню</i>) – корова 豕 shǐ (<i>ши</i>) – свинья
3	ХОДЯЩИЕ ЖИВОТНЫЕ	鹿 lù (<i>лу</i>) – олень 鼠 shǔ (<i>шу</i>) – мышь 虎 hǔ (<i>ху</i>) – тигр 熊 néng (<i>нэн</i>) – медведь
4	ПОЛЗАЮЩИЕ ТВАРИ, ЧЕШУЙЧАТЫЕ И ПАНЦИРНЫЕ	虫 hǔi (<i>хуэй</i>) – ядовитая змея 彘 zhì (<i>чжи</i>) – пресмыкающееся без ног 魚 yú (<i>юй</i>) – рыба 鼃 mǐn (<i>минь</i>) – лягушка 龜 gūi (<i>гуй</i>) – черепаха 龍 lóng (<i>лун</i>) – дракон
5	ЧЕЛОВЕК	亻 náo (<i>нао</i>) – обезьяноподобное существо 鬼 gūi (<i>гуй</i>) – дух, черт

Каждый из родовых маркеров сопровождается пиктографическими изображениями, которые представлены на трех последовательных стадиях эволюции китайской письмен-

ческих сосудах, монетах, бамбуковых дощечках (табл. 3).

Кроме толкования древнейших рисунков зверей и птиц, к которым восходят логограм-

№	Примеры родовых маркеров	Изображения в надписях на панцирях черепах и костях животных	Изображения в надписях на металле	Унифицированная форма в малой печати (сяочжунь)
1	鳥 niǎo (няо), длиннохвостая птица			
2	魚 yú (юй), рыба			

мы, выступающие в роли родовых маркеров, в разделы также включены описания символического значения рассматриваемых животных. Нередко символическая интерпретация подтверждается архаичными изображениями животных, обнаруженными на керамических изделиях неолитических культур, существовавших на территории Китая (прибл. с 6000 г. до н. э.). Рассмотрим для примера образ птицы.

Символическое толкование образа птицы

В качестве элемента зооморфного мифологического кода птица является образным соответствием светлого творческого начала *ян* в противоположность рыбам и змеям, соотносимым с темной силой *инь*. Поэтому интересны изображения на керамических изделиях эпохи неолита, где птица держит в клюве рыбу.

Связь крылатого существа с воздухом (дыханием) очевидна [Топоров, 2000]. В инь-

Рис.1. Птица и рыба
Орнамент на керамическом сосуде,
неолитическая культура
Яншао (5000 – 3000 гг. до н. э.)

скую эпоху душа *хунь* (состоящая из частиц *ян*), которая в течение жизни прилагалась к дыханию человека [Кравцова, 1999], нередко изображалась в виде птицы. Кроме того, в виде полета птицы представлялось отправление души умершего на небо [Васильев, 1970] (рис.1).

Связь птицы с солнцем, тотальным воплощением начала *ян*, прослеживается в архаическом представлении о том, что перевозчиком солнца по небу является гигантская птица. Так, на бронзовых изделиях эпохи Инь встречается изображение летящей птицы и солнца на ее крыльях. Некоторые исследователи полагают, что оно соотносится с одним из знаков неолитической культуры Давэнькоу (ок. 4000 лет назад) (рис. 2, рис. 3).

Рис. 2. Солнце и летящая птица
Орнамент на бронзовом изделии

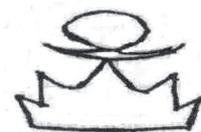

Рис. 3. Горы и солнце на крыльях птицы
Знак неолитической культуры
Давэнькоу эпоха Инь – Шан

В трактате «Хуайнань-цзы» (II в. до н. э.) сообщается о том, что на солнце обитает во-

Рис. 4. Птица на фоне солнечного диска
Рельеф периода Восточная Хань
(25 – 220 гг. н. э.)

рон: «日中有踰_Г». Нередко само солнце рисовалось в облике золотого ворона (рис. 4).

Внутри каждого из разделов логограммы, обозначающей мифические существа, в зависимости от произношения располагаются по алфавитному принципу и нумеруются. Рядом с логограммой указывается ее чтение в современной китайской транскрипции, основанной на латинице; далее в круглых скобках следует ее чтение в русской транскрипции. При наличии иных (диалектных) вариантов произношения и/или написания таковые либо даются тут же, либо – при необходимости отдельного рассмотрения графической формы – располагаются в соответствии с принятыми в словаре принципами построения и снабжаются ссылками. Логограммы воспроизводятся в полном написании, их сокращенные варианты следуют в скобках (табл. 4).

Каждое из имен животных персонажей китайской мифологии сопровождается статьей, в которой они рассматриваются с позиций фантастического внешнего облика, происхождения, отношения с человеком. Поскольку большинство такого рода существ упоминается

в древнем трактате «Шань хай цзин» («Шанхайцзин»), или «Канон гор и морей» [Шан хай цзин, 1999], который признан основным мифологическим источником в культуре Китая и датируется V – II вв. до н. э., то в словаре в переводе дается соответствующий фрагмент памятника, а некоторые имена снабжаются восстановленными иллюстрациями [Каталог гор и морей, 1977; Шань Хай Цзун, 1999]. В статье также включены описания наиболее известных мифологических сюжетов, в которых участвуют исследуемые мифические существа, а также ритуалов, сопряженных с этими существами [Васильев, 1970; Юань Кэ, 1985; Гроот, 2000]. При этом даются ссылки на такие источники, как трактат «Хуайнань-цзы» (II в. до н. э.), «Исторические записки» Сыма Цяня (145 – ок. 90 гг. до н. э.), словарь «Эр Я» (I в. до н. э.), «Шо вэнь», комментатора Го Пу (276 – 324 гг.), а также на Словарь китайских мифов и преданий Юань Кэ (табл. 5).

В ряде случаев параллельно с односложным вариантом имени приводится его наиболее распространенный многосложный вариант (по всей видимости, более позднего про-

Таблица 4

Логограмма, фиксирующая мифическое животное	Чтение знака	Иные варианты написания	Иные варианты чтения	Значения
鰲 (с родовым компонентом «рыба»)	áo (ао)	鰲 (с родовым компонентом «лягушка»)	—	<i>мифическая гигантская морская черепаха ао, плавающий остров; на спине у ао лежат три священных горы – Инчжоу, Пэнлай и Фанчжан, где располагается обитель бессмертных. В отдельных случаях ао изображали как рыбу, иногда с человеческой головой</i>
獬豸 (с родовым компонентом «свинья»)	yuán (юань)	1) 獬 (с родовым компонентом «собака») 2) 獬 (с родовым компонентом «бык»)	—	<i>мифическое животное юань, похожее на трехногого быка</i>
虺 (с родовым компонентом «змея»)	wèi (вэй)	—	—	1) <i>мифическая змея с шестью когтистыми лапами и четырьмя крыльями, которая приносит большую засуху;</i> 2) <i>змея с одной головой на двух телах</i>
獾 (с родовым компонентом «собака»)	wàn (вань)	獾 (с родовым компонентом «змея»)	màn (мань)	<i>по Го Пу, дикое животное вань подобно ентоидной собаке огромных размеров. Оно упоминается в «Ши цзи», «Исторических записках» Сыма Цяня</i>

Имя мифического существа	Изображение	Описание мифического существа	Фрагмент «Канона гор и морей», где упоминается мифическое существо
鯪 líng (лин)		В «Каноне северных земель внутри морей» («Канон морей», цзюань 7) сообщается о рыбе <i>лин</i> . Это морское чудовище имеет туловище рыбы, а лицо и конечности человека; оно также зовется Холм-рыба – 陵魚 língyú (линьюй). По преданиям, <i>лин</i> заглатывает лодки рыбаков.	陵魚人面，手，足，魚身，在海中。 [Шан хай дзин, 1999]

исхождения), а также его буквальный перевод [Юань Кэ, 1985; Сюй Чжуншу, 1993] (таб. 6).

Далее в словарной статье следует толкование видовых компонентов в соответствии с этапами эволюции китайского письма, воспроизводятся изображения, с которыми связывается этимология знаков-гипонимов. При этом освещаются гипотезы известных китайских грамматологов (Сюй Шэня, Тан Ланя, Го Можо, Цзоу Сяоли, Ван Хунюаня, Тан Ханя, Ли Лэи, Се Гуанхуэя и др.). Автор не делает поспешных выводов касательно связи графических образов с обозначаемыми мифическими существами (если таковые не очевидны), однако предоставляет материал для размыш-

лений. Рассмотрим в качестве примера следующую логограмму (табл. 7).

Толкование. Вероятнее всего, указание на то, что туда, где появится *чжу*, будут ссылать людей, связано с легендой о происхождении этой птицы. По преданию, сын легендарного императора Китая Яо, правивший в период с 2356 по 2258 гг. до н. э., Даньчжу (丹朱), был непутевым и неучтивым, поэтому Яо передал престол императору Шуню (2256 – 2208 гг. до н. э.). Но властелин страны Мяо посочувствовал Даньчжу, осудил поступок его отца, императора Яо. За это Яо убил его и сослал своего сына к реке Даньшуй (丹水), «Красной реке». Однако жители страны Мяо последовали за Даньчжу, чтобы искать

Таблица 6

Логограмма, фиксирующая имя мифического существа	Многосложный вариант имени мифического существа	Толкование
羴 fēn (фэнь) (знак с родовым показателем «баран»)	墳羊 fēnyáng (фэньян) (сочетание, буквально означающее «баран из могилы»)	<i>Фэнь</i> – это овцеподобное чудовище, живущее в земле. Голландский синолог Я.Я.М. де Гроот в «Демонологии древнего Китая» указывает на то, что знак 羴 fēn (фэнь) может употребляться с ключом «земля» – 墳 fēn (фэнь), – и в этом случае у него появляется значение «могила». Тогда бином 墳羊, фэньян, может быть переведен как «баран из могилы» [Грот, 2000]. Действительно, это существо нередко ассоциировалось с могилкой, так как считалось, что бараны и козы пожирают погребенных.
蝮 wèi (вэй) (знак с родовым показателем «змея»)	肥遺 fēiyí (фэйи) (сочетание, буквально означающее «плодородный» + «терять»)	В «Каноне западных гор» («Канон гор», цзюань 2) сообщается, что на отвесной горе под названием Великая цветущая (Тайхуа), где не водятся ни птицы, ни звери, обитает змея с шестью когтистыми лапами и четырьмя крыльями. Она зовется <i>фэйвэй</i> (в сочетании со знаком 蟹 fèi, фэй). С ее появлением в Поднебесной случается большая засуха.

Логограмма, соответствующая имени мифического существа	Изображение мифического существа	Грамматологический анализ видового знака в составе логограммы	Значение логограммы
鶡 zhū (чжу)		В элементе 朱 zhū (чжу) основным является изображение дерева с устремленными вверх ветвями и корнями внизу; точкой (или горизонтальной) указывается его середина, где ствол делится пополам.	В «Каноне южных гор» («Канон гор», цзюань 1) сообщается, что на Ивгоре водится птица, которая зовется чжу. Она похожа на ястреба, но с чело-вечьими руками. Звук, издаваемый этой птицей, напоминает пение перепела. Она выкрикивает собственное имя. Там, где она появится, туда будут ссылать людей.
			
		Первоначальный смысл данного знака «столб дерева, полученный после того, как дерево разрублено». Многие сложные логограммы, в состав которых входит рассматриваемый знак, имеют смысл «разрубать», «прерывать», а также «убивать». Если дерево рассечь на две части, то внутри окажется красное вещество, сердцевина дерева. Отсюда и другое значение – «красный».	

прибежища в другом краю. В последующем эти племена на юге Китая будут названы Мань. Даньчжу правил ими и поднял их на бунт против Яо. Тогда император Яо послал свои войска к реке Даньшуй, на берегах которой произошло сражение. В том сражении войска Даньчжу потерпели поражение, а сам Даньчжу, почувствовав свою вину, бросился в воды Южного моря и после смерти превратился в птицу чжу [Шань хай цзин, 1999].

Интересно, что имя Даньчжу состоит из двух логограмм, значения которых следующие: 丹 dān (дань) – «киноварь», «ярко-красный», 朱 zhū (чжу) – «багряный красный». Возможно по этой причине в качестве элемента в состав рассматриваемой логограммы 鶡 zhū (чжу) наряду со знаком «птица» входит знак «красный», которым обозначалось имя этого мифического персонажа, превратившегося в птицу. Примечательно, что юг в китайской космологии ассоциируется с красным цветом, а Даньчжу после изгнания основал племена именно на юге. Кроме того, если логограмму 鶡 zhū (чжу) разложить на два простых компонента, то мы получим сочетание 朱鳥 zhūniǎo (чжуньяо), букв. «Красная птица», символ южного сектора неба.

Библиографический список

1. Васильев, Л.С. Культы, религии, традиции в Китае [Текст] / Л.С. Васильев. – М. : Наука, 1970.
2. Готлиб, О.М. Основы грамматологии китайской письменности [Текст] / О.М. Готлиб. – М. : АСТ Восток-Запад, 2007.
3. Гроот, Я.Я.М. де. Демонология древнего Китая [Текст] / Я.Я.М. де Гроот; пер. с англ. Р.В. Котенко. – СПб. : Издат. группа «Евразия», 2000.
4. Каталог гор и морей (Шань хай цзин) [Текст] / предисловие, перевод и комментарий Э.М. Яншиной. – М. : Наука, 1977.
5. Кравцова, М.Е. История культуры Китая [Текст] / М.Е. Кравцова. – СПб. : Изд-во «Лань», 1999.
6. Ошанин, И.М. (ред.) Большой китайско-русский словарь [Текст] / И.М. Ошанин. – М. : Наука, 1983. – Т. 1–4.
7. Топоров, В.Н. Животные [Текст] / В.Н. Топоров // Мифы народов мира: энциклопедия; гл. ред. С.А. Токарев. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2000. – Т. 1. – С. 440–448.
8. Li Leyi [李乐毅]. Tracing the Roots of Chinese Characters: 500 cases. Translated by Wang Chengzhi [Текст] / Li Leyi [李乐毅]. – Beijing: Beijing Language and Culture University Press, 1997.
9. 山海经 [Шань хай цзин]. 杨帆, 邱效瑾注译 [Ян Фань]. — 合肥: 安徽人民出版社, 1999.

-
-
10. 说文解字，附檢字 [Шовэнь цзецзы. Комментарии к знакам]. — 北京：中華书局， 2002.
 11. 唐汉 [Тан Хань]. 汉字密码 [Тайны китайских знаков]. 上下册. — 上海：学林出版社， 2001.
 12. 王宏源 [Ван Хунюань]. 字里乾坤：汉字形体源流 [Небо и Земля в китайской письменности: начало и развитие графической формы письменных знаков]. — 北京：华语教学出版社， 2000.
 13. 徐中舒 [Сюй Чжуншу]. 汉语大字典：缩印本 [Китайский толковый словарь]. — 四川辞书出版社，湖北辞书出版社， 1993.
 14. 袁珂编著 [Юань Кэ]. 中国神话传说词典 [Словарь китайских мифов и преданий]. — 上海：上海辞书出版社， 1985.

*Е.Д. Исаева***ОСОБЕННОСТИ ЯПОНСКОЙ ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ**

В статье рассматривается одна из наиболее актуальных проблем военного перевода – проблема военной терминологии, раскрывается сущность термина как языкового знака вообще, так и военного термина в частности. Кроме того, здесь представлен анализ основных особенностей военной терминологии японского языка.

Ключевые слова: терминология; военные термины; японские военные термины.

*E.D. Isaeva***PECULIARITIES OF JAPANESE MILITARY TERMINOLOGY**

The article is devoted to one of the most important problems in the military translation – the problem of the military terminology.

The author of the article describes the definitions of the lexical units «TERM» and «MILITARY TERM». The most important peculiarities of the Japanese military terms are analyzed.

Key words: terminology; military terms; Japanese military terms.

Изучение проблем терминологии на данном этапе развития общества представляется одной из важнейших задач лингвистики. В современном мире терминология играет важную роль в общении и коммуникации людей, являясь источником получения информации, инструментом освоения специальности и средством ускорения научно-технического прогресса.

Вопросы профессионализма в настоящий момент приобретают особое значение для высшего военного образования. Специфика военной службы требует специалистов высочайшего класса. Поэтому проблема качественной подготовки специалистов в целом и в области военного перевода в частности приобретает особую значимость.

Проблема терминологии является одной из основных в военном переводе. Как устная, так и письменная военная речь отличается большой терминологической насыщенностью, поэтому выявление и знание особенностей военной терминологии конкретного языка имеет чрезвычайно важное значение, прежде всего в практике перевода.

Целью данной статьи является определение особенностей системы военной терминологии японского языка, основных терминологических типов и словообразовательных моделей, что может существенно облегчить ра-

боту военного переводчика. Практическая ценность данного исследования заключается в том, что полученные выводы могут быть использованы в процессе преподавания практического курса военного перевода с японского языка на русский и наоборот.

Кроме того, ознакомление с основными особенностями японской военной лексики, несомненно, окажет помощь лицам, занимающимся чтением и переводом японской военной литературы.

Поскольку объектом изучения настоящей статьи является военная терминология японского языка, то для достижения поставленной цели по выявлению особенностей данного слоя лексики необходимо в первую очередь определить сущность термина как языкового знака вообще, так и военного термина в частности.

Термины служат специализирующими, ограничительными обозначениями характерных для определенной сферы предметов, явлений, их свойств и отношений. Военная терминология составляет отдельную подсистему лексической системы языка. Следует отметить, что до настоящего времени проблема терминологии привлекала внимание многих ученых, как отечественных, так и зарубежных, в результате чего по данному вопро-

су создан значительный объем научной литературы.

Одной из проблем определения термина является разграничение слов общелитературного языка и терминологии. Основные существующие на этот счет точки зрения заключаются в изучении термина в качестве неотъемлемой части лексической системы языка. В первом случае термин рассматривается как явление субстанционального характера и предстает как особая, специальная лексическая единица, оторванная от общелитературного языка, употребление которой замкнуто рамками языка науки. «Термины – это специальные слова, отвечающие требованиям литературной нормы и могущие иметь свои собственные преимущественно или только терминологии словообразовательные элементы, типичные для терминологии словообразовательные модели» [Крыжановская, Симоненко, 1987 : 17].

Действительно, значительное количество терминологических лексических единиц, функционирующих в составе отраслевых терминологий, не находят употребления за их пределами. При этом обращает на себя внимание тот факт, что к данному числу относятся, как правило, лексика, заимствованная из латинского, греческого и других языков. Поэтому противопоставление терминологии и лексики литературного языка в известной степени оправдано в том случае, когда терминосистема той или иной области знания строится на основе или с привлечением в широком объеме материала мертвых языков, лексические средства которых в иных сферах не употребляются. К такому роду терминологическим системам, с ярко выраженной обособленностью ее терминологического состава от лексических средств литературного языка, относится в первую очередь медицинская терминосистема. В то же время, по мнению многих ученых, «при всем разнообразии приемов, применяемых при создании новых терминов, сейчас одной из наиболее важных внутриязыковых закономерностей является сложившаяся веками традиция создавать новые термины на основе имеющихся в общелитературном языке слов» [Крыжановская, Симоненко, 1987 : 48]. Очевидно, что в этом случае образуемые терминологические лексические еди-

ницы будут иметь непосредственную связь со словами литературного языка.

В то же самое время, лексическая единица, даже будучи введенной в терминологический контекст, но не обладающая в данной отрасли знания четко определенной дефиницией, также не может считаться термином. Действительно, именно закрепленная за термином дефиниция включает в себе его научное «наполнение», представляет собой важное системообразующее основание. «Термин есть слово или словосочетание, выражающее специальное понятие науки и техники и требующее для этого построения дефиниции» [Гавриленков, 1980 : 43].

Для того чтобы четко выполнять свою функцию единицы номинации специального понятия той или иной области знания, термин должен удовлетворять определенным требованиям. Существуют различные точки зрения на признаки, которыми должен обладать термин. Так, например, А.А. Реформатский считает, что «термин максимально абстрактен, однозначен, стоит вне экспрессии, международен, логичен и может быть выделен в качестве доминирующего признака на том основании, что термин обретает свое значение, только, будучи включенным в терминологическую систему некоторой отрасли науки или техники, входя в определенные отношения с другими терминологическими лексическими единицами данной системы» [Реформатский, 1967 : 187].

В целом, термин должен обладать следующими основными характеристиками: 1) значение термина должно быть определено ясно и точно; 2) в рамках данной науки термин должен быть однозначным; 3) в рамках данной науки для обозначения одного специального понятия должен использоваться только один термин; 4) термин должен быть по возможности краток; 5) термины должны обладать значительной деривационной способностью; 6) термины должны быть построены по универсальным моделям [Лотте, 1961 : 83].

В данной работе будет использоваться следующее рабочее определение термина: терминном является слово или сочетание слов, служащее средством номинации определенного научного понятия и употребляемое в отдельной области знаний.

Военная терминология – это система лексических средств, обозначающих понятия военной науки и употребляющихся в сфере специального общения. Военная терминология отличается от нейтральной лексики функционально (специализация в области военного дела) и семантически (четкость семантических границ, стилистическая нейтральность, отсутствие эмоциональной окраски, а также стремление к однозначности). Г.М. Стрелковский суммирует следующие общие свойства военных терминов: однозначная соотнесенность термина в пределах одной отрасли военного дела; номинативность термина, т.е. независимость его от контекста; стилистическая нейтральность термина; системность термина, т.е. принадлежность его к группе понятий, описывающих определенный вид военной деятельности или определенный военный объект [Стрелковский, 1979 : 123].

В отличие от обычного слова военный термин может быть соотнесен только с одним объектом реальной действительности, представленным либо одним понятием, либо одним денотатом, либо каким-либо числом одинаковых объектов. Эта однозначная соотнесенность проявляется лишь в рамках одной отрасли военного дела. Многозначность военного термина может иметь место только при его употреблении в различных областях военного дела или в различных контекстах.

Е.Г. Пыриковым предлагается следующая, наиболее полная трактовка понятия «военный термин»: «Военный термин ... определяется как единица лексической номинации (слово или устойчивое словосочетание), закрепленная уставами и наставлениями за одним из понятий в системе понятий военной науки и ограниченная в своем употреблении военным подязыком в значении, строго регламентированном дефиницией» [Пыриков, 1988 : 98].

Японские военные термины в целом соответствуют тем требованиям, которые предъявляются к терминологическим единицам в развитых языках мира, а именно, обладают системностью, наличием дефиниции, тенденцией к моносемичности в пределах своего терминологического поля, отсутствием экспрессии, стилистической нейтральностью. Например, смысловые границы термина-словосочетания 戦車大隊 сэнься-дайтай «танковый батальон» определены положениями о штатах и воору-

жении, боевым предназначением батальона, а также отношением (иерархия) термина к ближайшим единицам своего ряда: 戦車中隊 сэнься-тю:тай «танковая рота», 戦車小隊 «танковый взвод» и т.д. [Маслов, 2002 : 22].

Системность приводящихся в качестве примеров терминов подчеркнута однотипностью их структуры. Терминологический фонд непрерывно увеличивается, так как появляются новые виды вооружения и военной техники, соответственно, появляются новые сокращения, свойственные военной терминологии вообще и японской военной терминологии в частности, и т.д. Некоторые термины выходят из употребления, другие появляются вновь, особенно это касается заимствований в военной терминологии японского языка. Терминологический слой лексики пополняется так же, как и словарный запас в целом.

Поскольку военное дело, военная наука подразделяются на отдельные области, соответственно, происходит выделение тактической, военно-организационной, военно-технической терминологии по родам войск и видам вооруженных сил. Военная наука в современную эпоху очень динамичная, быстро развивающаяся отрасль знаний, и в связи с этим постоянно расширяется и развивается военная терминология.

Анализ трудов, посвященных военной терминологии, позволяет выделить следующие группы военных терминов, разделенных по тематически-отраслевому признаку:

- Военные команды: 立て! татэ «встать»!, 気をつけ! ки-о цукэ «смирно»!, 止まれ! томарэ! «стой!».
- Военно-технические термины: 電波測定機 демпасоку:тэйки «радиолокационный дальномер».
- Оперативно-тактические термины: 陣伍 дзинго «боевой порядок», 部署 бусе «расположение войск».
- Военно-административные термины: 師管 сикан «дивизионный округ».
- Военно-топографические термины: 地形偵察 тикэй-тэйсацу «разведка местности, рекогносцировка».
- Военно-инженерные термины: 架橋材料 гакё:дзайрё: «понтонно-переправочные средства».

Это далеко не полный перечень групп терминов, распределенных по определенным тематически-отраслевым признакам. Кроме перечисленных выше единиц, существуют военно-медицинские, авиационные и другие специальные термины.

Центральное место в системе военной терминологии принадлежит оперативно-тактическим терминам, выражающим самые характерные понятия военного дела. Другие группы терминов, например, военнотехнические, военно-топографические, военномедицинские, тесно соприкасаются с терминологией невоенных отраслей деятельности человека. Такая группа, как военные команды, резко отличается от номинативных групп структурой и корневым составом [Пашковский, 1959 : 4].

Основная масса военной лексики регламентирована уставами, наставлениями, боевыми документами, и в силу этого в большей или меньшей степени, в зависимости от специфики конкретного языка, унифицирована. У военных терминов, как правило, нет синонимов, они различаются по своему употреблению. Системная обусловленность военных терминов представляет собой определенную зависимость терминов друг от друга (выражение родовых и видовых понятий, известная иерархия). Например, это свойство военных терминов прослеживается в воинских званиях: 陸将 рикусё: «генерал-лейтенант», 陸将補 рикусё:хо «генерал-майор», 一等陸佐 итто:рикуса «полковник сухопутных войск», 二等陸佐 нито:рикуса «подполковник сухопутных войск».

Поскольку в военной сфере заняты люди с самыми различными уровнями знаний и подготовленности, то военные термины должны отвечать еще одному требованию – быть ясными, простыми, доступными для понимания. Именно в силу этого многие военные термины созданы на базе общеупотребительной лексики: гусеница 輪鎖 вагусари, бомба 爆彈 бакудан.

Этим свойством в первую очередь обладают термины, предназначенные для обеспечения профессиональной коммуникации (команды, терминология приказов, донесений, распоряжений). Эти термины должны быть краткими, обеспечивать лаконичность изло-

жения: подводная лодка 潜水艦 сэнсуйкан; самолет 航空機 ко:ку:ки; танк 戦車 сэнся

При общности основных характеристик военных терминов военная терминология японского языка обладает словообразовательными элементами. К ним относятся: счетные суффиксы 門 мон – для артиллерийских орудий и 隻 сэки – для военных кораблей; термин 航空隊 ко:ку:-тай только в приложении к реалиям сил самообороны Японии служит для обозначения трех различающихся по подчиненности, назначению, организации, численности и вооружению подразделений: «авиационная эскадрилья ВМС самообороны», «истребительная авиационная группа ВВС самообороны», «отряд армейской авиации» [Пыриков, 1989 : 85].

В современном японском языке в области военно-терминологической лексики имеются широкие возможности для функционирования терминологической дублетности вследствие:

а) развитой синонимии терминов различного происхождения: 基地 кити и ベース бэ:су «база»; 差動齒車装置 садо:-хагурума-со:ти и ディファレンツヤルギア дифуарэнсяру-гия «дифференциал»; 表示装置 хё:си-со:ти и ディスプレイ дисупурэй «дисплей»; 三翼螺旋機 санъёку-расэнки и 三翼プロペラ санъёкупуропэра «трехлопастный винт»;

б) сосуществования нескольких морфологических вариантов терминов: 強行偵察 кё:ко:-тэйсацу, 武装偵察 бусо:-тэйсацу и 偵察戦 тэйсацусэн «разведка боем»; 攻撃 ко:гэки, 進撃 сингэки и 攻勢 ко:сэй «наступление»; 始動機 сидо:ки и 起動機 кидо:ки «стартер»; 兵士 хэйси и 兵卒 хэйсоцу «рядовой»;

в) наличия полной и сокращенной форм терминов: 航空救難団 ко:ку:-кю:нандан и 救団 кю:дан «крыло спасательной авиации»; 重迫撃砲 дзю:хаку-гэхико: и 重迫 дзю:хаку «тяжелый миномет»; 飛行群 хико:гун и 飛群 хи-гун «боевая авиационная группа»; 磁気探知機 дзики-тантики и 磁探 дзитан «магнитный искатель».

Японская военная терминология на современном этапе представляет собой сложную, непрерывно развивающуюся терминологическую систему как «...имеющую определенную внутреннюю организацию совокупность единиц терминологической номинации понятий военной науки, выступающую одним

из элементов военного подъязыка» [Пыриков, 1988 : 100]. Японский военный термин обладает характерной спецификой, что отличает их от других видов терминов: высокий уровень развития; многоотраслевой характер; высокий удельный вес технической терминологии; большой количественный объем; влияние американской военной терминологии [Пыриков, 1989 : 90–91].

Специфика военно-терминологической системы японского языка детерминируется, прежде всего, экстралингвистическими факторами, к которым относятся: быстрый рост экономического, научно-технического и в связи с этим военного потенциала Японии, активный выход страны на международную арену, а также тесное военно-политическое сотрудничество с США. Данные факторы оказали существенное влияние на формирование относительно устойчивой и одновременно динамичной системы военной терминологии. Современный японский язык обладает богатым фондом исторически сложившейся военной терминологии, имеющей развитые механизмы удовлетворения новых потребностей военно-терминологической номинации.

Многоотраслевой характер военной терминологии японского языка выражается в том, что входящие в ее состав термины обслуживают не только терминологическое поле данной предметной области, но и являются принадлежностью других специальных терминологических полей [Суперанская, 1989 : 116]. Иными словами, военная терминология, в отличие от других терминосистем японского языка, включает помимо терминов, закрепленных за специфическими понятиями военной науки (например: 作戦地 сакусэнти «театр военных действий», 陸戦 рикусэн «война на суше», 海上権 кайдзэ:кэн «господство на море»), большое количество элементов, относящихся к другим областям науки, техники и вообще человеческой деятельности, например, 低圧 тэйацу «низкое давление», 海面 каймэн «уровень моря», 細菌培養 сайкинбайё: «культивирование бактерий», 血止め тидомэ «кровоостанавливающее средство» [Маслов, 2002 : 28].

Высокий удельный вес в составе военно-терминологической системы японского языка отдельных подсистем, в особенности технической терминологии, обусловлен много-

гранностью военных знаний и современного военного дела в целом, а также непрерывное совершенствование средств и способов вооруженной борьбы. Так, общетехнические и военно-технические термины составляют более половины всего количества единиц военной терминологии современного японского языка [Пыриков, 1989 : 91]. Например: 四翼プロペラ сиёку-пуропэра «четырёхлопастный винт», 起動機 кидо:ки «стартер», 信管帽 синканбо «колпачок взрывателя», 起爆装置 кибаку-со:ти «детонатор».

С вышеупомянутыми особенностями военной терминологии японского языка, прежде всего с ее многоотраслевым характером, связана такая ее черта, как большой количественный объем. В частности, в пользу данного положения свидетельствуют следующие факты: танки и другие образцы боевой техники состоят из нескольких десятков тысяч деталей, а общее количество предметов снабжения в национальных вооруженных силах только по состоянию на 1989 год составляло около пяти миллионов наименований [Пыриков, 1989 : 91]. По своим размерам военная терминология превосходит многие другие терминосистемы японского языка.

Большое влияние на военно-терминологическую систему японского языка оказала и оказывает американская военная терминология. Послевоенная оккупация Японии американскими войсками, активное участие США в возрождении и строительстве японских вооруженных сил, активное влияние на военную политику страны, а также тесное японо-американское военное сотрудничество привели к тому, что организационная структура и вооружение сил самообороны, а также многие элементы военного искусства были скопированы с американских образцов. Все это, безусловно, не могло не отразиться на японской военной терминологии. Так, в ее состав вошли и продолжают входить многие термины и терминологические словосочетания, непосредственно (фонетически или графически) или опосредованно (путем лексического калькирования) заимствованные из английского языка, например, ヘリコプター хэрикопута: «вертолет» от англ. helicopter; パイロット пайротто «пилот» от англ. pilot; ソナー со:на «гидроакустическая станция» от англ. sonar; デイゼル・エンジン ди:дзэру-

эндзин «дизельный двигатель» от англ. diesel engine; SSM ミサイル SSM-мисайру «ракета класса «корабль-корабль» « от англ. SSM missile; DDG 「こんごう」型 DDG «Конго:»-ката «эсминец УРО типа «Конго»» от ам. аббревиатуры DDG; 多連装ロケットシステム (MLRS) тарэнсо:-рокэтто-сисутэму «реактивная система залпового огня» от англ. Multiple Launch Rocket System (MLRS); 即応予備自衛官員 сокуо:-ёби-дзиэйканъин «личный состав боеготового резерва» от англ. Ready Reserve Personnel; 国家安全保障理事会 кокка-андзэн-хосё:-ридзикай «совет национальной безопасности» от англ. National Security Council; 統合幕僚会議 то:го:-бакурё:-кайги «объединенный комитет начальников штабов» от англ. Joint Chiefs of Staff; 航空救難 ко:ку:-кю:нан «авиация спасения» от англ. Air Rescue [Маслов, 2002 : 30].

Проведя краткий анализ, можно отметить следующее: военная терминология современного японского языка формируется и развивается под воздействием комплекса лингвистических и экстралингвистических факторов, определяющих основные особенности ее функционирования. К лингвистическим особенностям могут быть отнесены: специфика терминологии как языковой подсистемы, особенности исторического развития национального языка (заимствование словообразовательных средств и способов из китайского языка), грамматические процессы в японском языке; к экстралингвистическим – быстрый рост экономического, научно-технического и военного потенциала Японии, динамичное развитие военно-предметной области, тенденция к дифференциации и специализации военных знаний, расширению и усложнению понятийного аппарата многих отраслей военной науки.

Библиографический список

1. *Гавриленков, С.И.* К вопросу о соотношении термина и понятия [Текст] / С.И.Гавриленков // Сб. статей. – М. : Воен. ин-т., 1980. – № 16. – С. 42–46.
2. *Лотте, Д.С.* Основы построения научно-технической и др. терминологии [Текст] / Д.С. Лотте // Вопросы теории и методики. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – С. 6–90.
3. *Крыжановская, А.В.* Актуальные проблемы упорядочения научной терминологии [Текст] / А.В. Крыжановская, Л.А. Симоненко. – Киев : Наукова думка, 1987.
4. *Маслов, Д.И.* Военная терминология современного японского языка (в функционально-сопоставительном аспекте) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Д.И. Маслов. – М., 2002.
5. *Пашковский, А.А.* Японская военная лексика [Текст] / А.А. Пашковский // Военный японско-русский словарь. – М. : Воениздат, 1959. – С. 8–28.
6. *Пыриков, Е.Г.* Лексика и терминология современного японского языка в сопоставительном освещении [Текст] / Е.Г. Пыриков. – М. : Изд-во ВКИ, 1988.
7. *Реформатский, А.А.* Введение в языковедение [Текст] / А.А. Реформатский. – М. : Просвещение, 1967.
8. *Стрелковский, Г.М.* Теория и практика военного перевода. Немецкий язык [Текст] / Г.М. Стрелковский. – М. : Воениздат, 1979.
9. *Суперанская, А.В.* Общая терминология: Вопросы теории [Текст] / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильевна. – М. : Наука, 1989.

УДК 81.711
ББК 83.07

О.Г. Кобжицкая

АНИМИСТИЧЕСКИЕ ВЕРОВАНИЯ КИТАЙЦЕВ

В статье рассматриваются некоторые вопросы анимистических верований китайцев в аспекте лингвокультурологического анализа. Автор выделяет базовые лексемы анимистических верований и делает попытку их систематизации в рамках модели «Ян – Инь».

Ключевые слова: анимистические верования; китайская культура; ян-инь.

O.G. Kobzhitskaya

ANIMISTIC BELIEFS OF CHINESE PEOPLE

The article deals with some issues of animistic beliefs of Chinese people taking into consideration linguistic and cultural analysis. The author points out basic lexemes of animistic beliefs and makes an attempt to systematize them according to «Yang Yin» model.

Key words: animistic beliefs; Chinese culture; Yang Yin.

Основной пласт анимистических верований китайцев составляют верования в существование добрых и злых духов. По теории о двух противоположных началах, обозначаемых как *инь* и *ян*, Вселенная является порождением этих двух начал. Миропорядок во вселенной устроен таким образом, что в нем постоянно взаимодействуют положительные силы *ян* и отрицательные силы *инь*. Взаимодействие этих сил может оказать существенное влияние на гармонию в природе, социуме и жизни отдельного человека. В основе китайской религиозной системы покоится доктрина, «согласно которой миром управляют *шэнь* и *гуй*, порождаемые *инь* и *ян*, их чередование и составляет Дао, вселенский миропорядок» [Гроот, 2001].

Одушевленность космических сил выражается в том, что положительные силы *ян*, олицетворяющие свет, являются воплощением добрых духов, отрицательные силы *инь* – воплощением злых духов. Первые называются духи *шэнь*, вторые – духи *гуй*. Всеми этими духами распоряжалось верховное божество Шанди, на смену которому позже пришло Небо. В древнекитайской религиозной системе Небу отводилась особая роль. Небо считалось главным божеством *шэнь*, наивысшим воплощением силы *ян*, и без его санкции ни один дух не мог причинить вред человеку.

С появлением теории о небесном «мандале», связанной с переменчивостью божественной

небесной воли, Небо было наделено свойством карать недобродетельных и награждать высокодобротельных правителей. Воля Неба как проявление высшей силы, разума и справедливости, была также призвана дать положительную или отрицательную оценку поступкам обычных людей. Это означало, что посредством злых духов *гуй*, посылаемых Небом, человек, пренебрегший законами Дао, получал заслуженную кару за свои преступления.

Наряду с добрыми и злыми божествами, олицетворяющими природные силы, самое пристальное внимание китайцев было сосредоточено на душах и духах людей. Человек является носителем двух видов душ: *по* и *хунь*. При жизни человека души категории *инь* назывались *по* (у человека их насчитывалось семь), души категории *ян* – *хунь* (всего насчитывалось три). Со смертью человека души *по* возвращаются к *инь* и, уходя в землю, становятся злыми духами *гуй*; души *хунь* возвращаются к *ян* и, возносясь на небо, становятся добрыми духами *шэнь*. По мнению некоторых синологов, противопоставление двух типов душ впоследствии легло в основу деления духов на злых и добрых, укоренившегося в народном сознании и дошедшем до наших дней. Поклонение предкам как раз и имело ввиду эти две души. Особое внимание уделялось духу *гуй*, так как считалось, что из-за нерадивого отношения к нему родственников

могут пострадать люди не только своего, но и чужого клана. Разнообразные предметы, которые клали в могилу вместе с покойником, как раз и предназначались для *гуй* умершего, поддержания его нормального существования. Кроме этого, ему приносили регулярные и обильные жертвоприношения. Возможно, такое повышенное внимание было связано с представлением об опасностях, исходящих от *гуй* людей, умерших насильственной смертью или не имеющих родственников.

Что касается духа *шэнь*, то право обладать им могли иметь только знатные люди и благородные мужи, да и то со временем сила их *шэнь* утрачивалась и могла превратиться в духов *гуй*. Лишь прямой предок семьи и сам великий правитель могли вечно пребывать на небе в качестве духа *шэнь*. Примечательно то, что, согласно этой теории, прижизненные свойства человека не переходили автоматически на тех духов, которыми становился человек после смерти. Поэтому вне зависимости от того, каким был статус человека в жизни, все равно со смертью человека он сразу (у незнатных людей) или постепенно превращался в злого духа *гуй*. Прямой же предок семьи, будучи *шэнь* по отношению к своим потомкам, мог быть злостным *гуй* по отношению ко всем остальным. Этим объясняется повышенная не «родственная» забота китайцев о духах умерших не своего клана, так как считалось, что путем специальных ритуалов и правильных подношений предкам можно обратить *гуй* в своих защитников.

Начиная с эпохи Чжоу, главной задачей погребальных обрядов стало «во-первых, уничтожение вредоносности *гуй*, а во-вторых, объединение трех *шэнь* в единую духовную субстанцию рода – *лин*, которому живые потомки затем приносили поминальные жертвы и который воплощался в табличке с посмертными именами почивших предков» [Городецкая, 2005]. Такая наалтарная табличка предков служит «полноценным представителем и даже заместителем усопшего». «Табличка является собой начало *ян* по отношению к телу в могиле, которое даже после всех актов очищения продолжает оставаться *инь*» [Маслов, www.maslov.msk.ru]. Основную роль в этом обряде играл сам покойный предок, а точнее его «заместитель», обычно внук покойного. Мальчик, одетый в одежду умершего, присут-

ствовал на церемонии, принимал жертвоприношения и от лица покойного возвещал процветание всем живым потомкам. В идее замещения мертвого живым (покойного деда живым внуком) кроется представление о биологическом тождестве, преемственности поколений. Только тот, кто передал свою жизнь живущим потомкам и, таким образом сохранил «тело» предков, имел право на поминовение с жертвенными дарами. Отсюда становится понятна особая забота китайцев о своем мужском потомстве. Ведь для осуществления культа предков, поддержания постоянной связи между живыми и мертвыми было необходимо продолжение рода, иначе можно было лишиться поддержки и опеки со стороны умерших предков.

Традиции почитания духов предков в несколько измененном виде дошли и до наших дней. Так, праздник «Чжунюань» – «праздник Полнолуния в середине года» празднуется 15-го числа 7-го месяца. Этот праздник установлен в честь душ-сирот, а также всех душ умерших. В этот день принято зажигать фонари и пускать по рекам бумажные лодки фачуань. В лодки кладут бумажную одежду, обувь, жертвенные деньги и затем поджигают их. «Этим спасают сиротливых душ. Благодаря такой помощи, души могут снова возродиться в этой жизни в образе людей» [Баранов, 1999].

Душам умерших посвящен праздник Цинмин – «праздник чистого света» (отмечается 5 апреля). Этот праздник также называют тацинце – «Праздник прогулок по первой зелени», так как этот главный весенний праздник отмечается всей семьей на лоне природы с обязательным посещением родовых могил.

Главной задачей обряда «отправления зимней одежды», совершаемого 1-го числа 10-го месяца также является оказание знаков внимания, уважения и почтения душам умерших предков.

Глубокая вера китайцев в существование добрых и злых духов сопровождает их всю жизнь и заставляет вести постоянный поиск действенных средств борьбы с потусторонним миром, таящим в себе опасность для живых. Все эти средства направлены на то, чтобы «заставить замолчать злых духов *гуй* и одновременно способствовать деятельности *шэнь*» [Гроот, 2001].

Таким образом, рассмотренные нами анимистические верования китайцев представлены следующими парами базовых лексем: *шэнь* – *гуй* и *хунь* – *по*. Данные лексемы включены в систему общерелигиозных китайских верований, в основе которой лежит теория о двух противоположных началах *инь* и *ян*: *шэнь* и *хунь* как проявление светлого начала *ян* олицетворяют добрых духов; *гуй* и *по* как проявление темного начала *инь* олицетворяют злых духов.

Библиографический список

1. Баранов, Верования и обычаи китайцев [Текст] / И.Г. Баранов. – М. : Муравей, 1999.
2. Городецкая, О. Дух и тело в погребальных традициях древнего Китая [Текст] / О. Городецкая // Проблемы Дальнего Востока. – 2005. – № 5. – С. 133.
3. Гроот, Я. Я. М. де. Демонология древнего Китая / Я.Я.М.де Гроот. – СПб.: Евразия, 2001.
4. www.maslov.msk.ru

Е.В. Кремнёв

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА К КИТАЙСКИМ ПИСЬМЕННЫМ ТЕКСТАМ

В статье рассматривается вопрос о необходимости специфических подходов к применению контент-анализа к китайским письменным текстам в связи с некоторыми особенностями китайского языка. Основными проблемами при использовании контент-анализа являются правильное выделение единиц анализа и единиц счета применительно к китайскому тексту, а также верная числовая интерпретация полученных результатов на основе стилистических особенностей китайского языка.

Ключевые слова: контент-анализ; китайский текст; единица анализа; единица счета.

E. V. Kremnyov

THE PROBLEMS OF APPLICATION OF CONTENT ANALYSIS TO THE CHINESE WRITTEN TEXTS

The article describes the need for specific approaches to the application of content analysis to the Chinese written texts in connection with some special features of the Chinese Language. While using content analysis, the main problems are the correct selection of analysis units and count units as well as correct interpretation of results based on stylistic special features of the Chinese texts.

Key words: content analysis; Chinese text; analysis unit; count unit.

Контент-анализ определяют как «формализованный метод изучения текстовой и графической информации, заключающийся в переводе изучаемой информации в количественные показатели и ее статистической обработке» [Дмитриев, 2005]. Кроме того, его также можно определить как «метод выявления и оценки специфических характеристик текстов и других носителей информации (видеозаписей, теле- и радиопередач, интервью, ответов на открытые вопросы и т. д.), в котором в соответствии с целями исследования выделяются определенные смысловые единицы содержания и формы информации, а затем производится систематический замер частоты и объема упоминаний этих единиц в определенной совокупности текстов или другой информации» [Психологический словарь, 2000]. Этот метод, также называемый «количественным анализом документов», крайне необходим, когда речь заходит об исследовании скрытых закономерностей. В таких случаях особый интерес для исследователя представляет информация, сознательно или подсознательно включенная автором в текст помимо общей коммуникативной цели или наряду с ней.

При значительном количестве проанализированных источников контент-анализ позволяет оперировать достаточно точными данными, выраженными в числовых показателях. Это делает его незаменимым при исследовании самых различных явлений в ряде гуманитарных наук. К примеру, в психологии контент-анализ позволяет выявлять отдельные психологические характеристики коммуникатора, аудитории, сообщения и их взаимосвязи. При этом, в сравнении с элементарным содержательным анализом, контент-анализ как научный метод психологии дает информацию, которая отвечает определенным критериям качества, предъявляемым к результатам исследования: надежности, объективности, валидности. Контент-анализ активно применяется в социологии и политологии для изучения таких социально-политических и экономических процессов, которые внешне представляются хаотическими, бессистемными и имеют множество скрытых факторов влияния.

Важность таких исследований, проводимых касательно внутренних процессов в КНР, очевидна. При всей открытости, которую сегодня позиционирует Китай, большая часть

важной информации остается завуалированной, скрытой. В таких исследованиях контент-анализ, по утверждению социолога А.Г. Здравомыслова, является «научно обоснованным методом чтения между строк», может быть применен в самых различных вариациях: как в соединении с качественным, так и в виде сугубо количественного анализа. Кроме того, следует отметить, что контент-анализ нередко применяется вкупе с другими методами исследования. В таких случаях либо он выступает в качестве проверочного метода, либо данные, полученные с его помощью, сравнивают с данными, полученными с использованием других методов. Заметную роль в повышении качества контент-анализа играет возможность использования методов многомерного статистического анализа данных. Особенно широко используется факторный анализ, способствующий выявлению скрытых факторов, определяющих содержание текстов.

Вместе с тем, в процессе применения контент-анализа к китайским текстам исследователь чаще всего рискует столкнуться с проблемами, игнорирование которых может привести как к искажению информации на стадии ее получения, так и к неверной интерпретации. Рассмотрим некоторые из таких проблем на примере количественного анализа, основанного на подсчете частности употребления единиц анализа, выраженных лексическими единицами, и их взаимной встречаемости. В таких случаях единицы анализа будут приравниваться к единицам счета. Поскольку каждый этап характеризуется своей проблемой, рассмотрим трудности в зависимости от процедур, при которых они возникают.

Количество и качественные характеристики процедур контент-анализа могут различаться, однако в подавляющем большинстве исследований при работе с вышеуказанной разновидностью контент-анализа к основным процедурам относят следующие: выявление смысловых единиц контент-анализа, выделение единиц счета, собственно процедуру подсчета и интерпретацию полученных числовых данных.

На этапе выявления единиц анализа и единиц счета встает серьезная проблема определения формы самой единицы. Данная трудность заложена в структурных различиях ки-

тайского и европейского текста. В отличие от текстов, написанных на европейских языках, китайский имеет качественно иную структуру. Основной единицей текстового материала является иероглифический знак. В связи с этим исследователю приходится выбирать между подходами, основанными на различных принципах к выделению базовых единиц, а выбор этот всегда продиктован самим текстом. Первый подход заключается в выделении в качестве единиц анализа монономов, то есть слов, представленных в тексте одним иероглифическим знаком. Очевидно, что такой знак может быть единицей анализа только тогда, когда того требуют поставленные исследователем задачи. Это касается работ, непосредственно изучающих знак, а также тех случаев, когда анализируемый текстовый массив представляет собой произведения, созданные целиком на вэньяне. Примером может служить отрезок из «Дао дэ цзин», в котором большая часть иероглифических знаков может стать единицами анализа и единицами счета:

«道，可道，非恒道。名，可名，非恒名。无名，天地之始；有名，万物之母。故常无欲，以观其妙；常有欲，以观其徼。此两者同出而异名，同谓之玄。玄之又玄，众妙之门»。

За единицу анализа здесь, в зависимости от задач исследования, могут быть взяты любые знаки (道, 名, 天, 地), являющиеся полнозначными словами, а единицами счета – как сами единицы анализа, если речь идет о подсчете частности встречаемости, так и другие характеристики текста (например, взаимная встречаемость знаков 道 и различных отрицаний: 非, 无 и т.д.). Таким образом, текст, в котором знак равняется слову, не вызывает затруднений с выбором единиц анализа и единиц счета.

Второй подход основан на выборе в качестве единиц контент-анализа как монономов, так и полиномов, то есть слов, записываемых несколькими иероглифами. Как правило, этот подход применяется в тех случаях, когда мы имеем дело с материалами, составленными на современном китайском языке, поскольку большая часть лексики в таких текстах представлена словами, записываемыми как одним, так и двумя и более иероглифами. Это, в первую очередь, затрудняет применение автоматизированных систем при последующем про-

цессе подсчета единиц, поскольку большинство из них построено на подсчете слов, разделенных пробелом, чем китайский текст также не обладает. Большинство исследователей при этом сначала используют дробление текста на слова, а уже затем приступают к подсчету. Следует отметить, однако, что по большей части такие методики не полностью удовлетворяют требованиям точности подсчета, поскольку дробление текста является весьма условным, что может привести к значительным отклонениям числовых закономерностей и, в итоге, ошибочным выводам, сделанным на их основе.

Решение этой проблемы, как нам представляется, лежит в двух противоположных направлениях. Первое направление заключается в полном подсчете всех единиц счета без использования автоматизированных средств. Такой процесс, хотя и является трудоемким и протяженным во времени, тем не менее дает достаточно точные результаты, поскольку учитывает все способы употребления лексических единиц. Вторым направлением может стать разработка и использование специальных программ типа CLAAS (Chinese Language Automatic Annotation System), позволяющих проводить предварительное реферирование текста с выбором ключевых слов, словосочетаний и предложений с заданными параметрами [Загибалов, 2005]. В этом случае программа позволяет проводить подсчет заданных единиц без дробления текста, увеличивая точность подсчета.

На последующем этапе при проведении структурного анализа текста и выявлении частотности упоминания того или иного термина исследователь сталкивается с еще одной проблемой, связанной со стилистическими особенностями китайских текстов. При проведении данной процедуры необходимо учитывать тот факт, что частотность употребления ключевых слов в китайском и русском текстах различны. Повторы, недопустимые в русском и большинстве европейских языках, в китайском – привычное явление.

В качестве примера можно рассмотреть отрезок текста из статьи на китайском языке, представляющий определение понятия «领导文化» в самом широком смысле и перевод этого отрезка:

«领导文化是一国社会政治文化的特殊分布, 是领导者群体或个体在领导实践中形成的, 对于领导活动的过程、本质、规律、规范、价值以及方式方法等各方面的综合反映形式, 是领导者开展领导活动和从事领导行为的内驱动力和精神导向» [Бай Вэйчунь, 2001].

«Управленческая культура – это особая составляющая социально-политической культуры страны, формирующаяся в процессе коллективной или личной управленческой практики, комплексно отражающая процесс, сущность, законы, нормы, значение управленческой деятельности, ее формы и способы, и являющаяся внутренней стимулирующей силой и духовной направляющей деятельности управленцев».

Из примера видно, что для адекватного перевода переводчику не требуется употреблять слова «управление» и «управленческий» такое же количество раз для передачи того же спектра значений, что дается в китайском определении.

Кроме того, китайский пример можно также сравнить с самостоятельным аналогичным определением, приведенным в статье русскоязычного автора:

«Понятие “управленческая культура” интерпретируется нами как целостное единство управленческих знаний, чувств, ценностей, управленческих и организационных отношений на определенном этапе управленческой деятельности, обеспечивающее достижение поставленных целей. И в настоящее время управленческая культура существенно влияет на профессиональную деятельность руководителя, так как является важнейшим критерием, показателем профессионализма и компетентности современного руководителя» [Начкебия, 2008].

В китайском определении слово «领导» применяется в нескольких значениях, в русском же определении эти значения передаются разнокоренными словами: «управленческий» и «руководитель», в связи с чем они становятся разными единицами счета и могут в зависимости от требований исследования войти в разные категории анализа.

Таким образом, анализ частотности возможен только при учете этого фактора. Это важно и на завершающем этапе контент-анализа: интерпретации полученных числовых дан-

ных, особенно если имеет место использование числовых результатов контент-анализа для сравнения частотности употребления тех или иных терминов в текстах на китайском языке с частностью в текстах на русском и европейских языках. Кроме того, даже при работе только с китайскими текстами установление верных числовых соотношений возможно только при условии выявления частности нескольких смысловых единиц для каждого текста. Это особенно важно в том случае, если контент-анализ служит вспомогательным методом для проверки данных, полученных иными методами. В этом случае адекватность оценки данных зависит от верного понимания специфики языка и правильной интерпретации числовых данных в рамках этой специфики.

Указанные проблемы далеко не исчерпывают тот ряд трудностей, что встают перед исследователем в работе над китайским текстом, они лишь сужены до анализа частотности употребления единиц анализа, приравненных к единицам счета. Проведение контент-анализа в различных его вариациях в отношении китайских текстов неизбежно будет ставить перед исследователем проблемы, сущность которых состоит в том, что изначально контент-анализ был разработан для текстов, написанных на европейских языках. Тем не менее это вовсе не означает, что данный метод в отношении китайского языка неприменим. Более того, контент-анализ при правильном подходе дает исчерпывающие и точные данные. Однако получение таковых от анализа китайских текстов возможно только в том случае, если применение метода проводится с учетом ря-

да специфических характеристик китайского языка. Изучение этих особенностей дает исследователю возможность избежать ошибок на каждом из этапов анализа и получения неверных результатов при проведении исследования с использованием контент-анализа.

Библиографический список

1. *Бай Вэйчунь*. Дандай чжунго линдао вэньхуа дэ цзегоусин тэчжэн луньси (Анализ структурных особенностей современной культуры госаппарата КНР) [Электронный ресурс] / Бай Вэйчунь, Чжан Шунь // Научный вестник Северовосточного университета. – 2001. – №6. – Режим доступа: <http://emuch.net/journal/article.php?id=CJFDTotalDBSS200106006>.
2. *Дмитриев, И.В.* Контент-анализ: сущность, задачи, процедуры [Электронный ресурс] / И.В. Дмитриев // ПСИ-ФАКТОР. – 2005. – Режим доступа: <http://www.psyfactor.org/lib/k-a.htm>.
3. *Загibalов, Т.Е.* Автоматический анализ текстов на китайском языке. Проблема выбора базовой единицы [Электронный ресурс] / Т.Е. Загibalов // Диалог: междунар. конф. по компьютерной лингвистике / Красноярский государственный университет». – 2005. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2005/Zagibalov%20T/Zagibalov.htm>.
4. *Начкебия, М.С.* Влияние управленческой культуры на профессиональную деятельность руководителя [Электронный ресурс] / М.С. Начкебия. – 2008. – Режим доступа: www.pacademy.edu.by/conferenc/2008/kpu/doc/razdel3/nachkebia.doc.
5. Психологический словарь [Электронный ресурс]. – 2000. – Режим доступа: http://planey.ru/dic/k/k_47.htm.

*И.В. Шаравьева***ОПЫТ ЭТИМОЛОГО-ГРАММАТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЗНАКА «人»
И НЕКОТОРЫХ ЕГО ПРОИЗВОДНЫХ**

В статье производится этимолого-грамматологический анализ китайских логограмм, объединённых общей семой «человек». Автор рассматривает предложенные логограммы как дериваты знака «人»; устанавливает на этой основе лексико-семантическое поле.

Ключевые слова: грамматология; этимология; лексико-семантическое поле.

*I. V. Sharavieva***EXPERIENCE OF ETYMOLOGICAL AND GRAMMATOLOGICAL ANALYSIS
OF THE SIGN «人» AND ITS DERIVATIVES**

Hieroglyphs with the «man» seme forming the «man» lexico-semantic field are reviewed in the present article. The core of the field is a logogram with the «man» meaning and some peripheral meanings that mark out a definite semantic sign are formed around the core.

Key words: grammar; etymology; lexico-semantic field.

Семантический анализ лексем индоевропейских языков позволяет исследовать значение слов с точки зрения их формы и содержания, в то время как идеографичность китайского языка дает нам возможность рассматривать знаки с точки зрения грамматологического подхода и принимать во внимание этимологию того или иного знака.

Объектом анализа является выявление и этимологический анализ корпуса знаков, объединённых общей семой «человек», образующих лексико-семантическое поле «человек». Выбор данного лексико-семантического поля обусловлен тем, что семантическое поле занимает существенное место в лексической системе любых языков. К тому же, именно человек является одним из основополагающих компонентов отношения **человек – мир**, формируя концепт, возникающий из деятельности человека, его мыслительного и чувственного опыта.

Э. М. Медникова отмечает, что «... Каждое слово языка входит в определенную лексико-семантическую парадигму, причем чаще всего, вследствие своей многозначности, не только в одну. Индивидуальная семантика слова раскрывается через его противопоставление другим членам парадигм, в которые оно входит, по определенным существенным признакам» [Медникова, 1974 : 48].

Лексико-семантические поля слов являются неким пластом лексической структуры языка, они отражают синтагматические и парадигматические связи, в которые способны вступать языковые единицы. Лексико-семантическое поле часто формируется вокруг некоего первичного значения, образуя ядро. Лексические же единицы, находящиеся на периферии, обладают определенными специфическими семантическими признаками и «отстоят» от основного первоначального значения.

Внутри лексико-семантических полей наблюдается системный характер связи, а также взаимозависимость и взаимоопределяемость языковых значений. Так, например, значения могут выстраиваться иерархично, отражая разный уровень абстракции. Кроме того, лексико-семантическая парадигма должна быть обозрима и реальна для носителя языка.

Однако, прежде чем выявить структуру лексико-семантического поля «человек», необходимо рассмотреть знаки, входящие в данное поле с целью выявления их семантики.

Эволюция пиктографических изображений знаков и формирование их семантики достаточно неоднозначно представлены в китайской грамматологической традиции. Со времен возникновения словаря Сю Шэня «Шо вэнь цзе цзы» (说文解字. – Объяснение простых и трактовка сложных знаков), где пред-

ставлены знаки разного периода времени, скомпонованные по картине мира древних китайцев, китайские ученые по-разному трактуют комментарии Сюй Шэня. Попытаемся представить выявленные нами знаки с разных точек зрения, опираясь, в основном, на исследование китайских грамматологов Цзо Сяоли, Дун Ляньчи и некоторых других авторов, анализировавших «Шо вэнь цзе цзы».

Выборка корпуса знаков обусловлена классификацией знаков профессора Цзо Сяоли, представленной в одной из глав «基础汉字形义来源» («Цзичу ханьцзы сини лайюань»). Все это – иероглифы с семой «человек», не связанные, однако, с определенными частями тела. Для определения структуры лексико-семантического поля нами произвольно было выбрано некоторое количество знаков.

Являясь центральной фигурой, соединяющей небо и землю, человек рассматривался в Китае как существо, обладающее внутренней самодостаточностью, стремящееся к гармонии с природой. Здесь человек антропокосмичен, и его корни восходят к «первочеловеку», например, мифическому Паньгу, от которого зародилась жизнь. Образ человека является основополагающим и в конфуцианстве, где четко прописаны действия и поведение «благородного мужа», которому следовало подавить личную корысть, бороться со страстями и «выправить эгоистическое сознание» [Алимов, Ермаков, Мартынов, 1998 : 160].

Иероглиф 人 в надписях «цзиньвэнь» (династия Чжоу XI–XIII вв. до н.э.) имел следующий вид: 𠤎 𠤏 𠤐 𠤑 . Мы можем предположить, что формы пиктограммы восходят к изображению того, что видит человек со стороны: это существо, немного наклонившееся вперед с четырьмя конечностями и головой.

В словаре «Сяньдай ханьюй цыдянь» (现代汉语词典) приведено более 20 лексических значений знака 人 человек [现代汉语词典, 2000:1061]. Одно из значений знака «человек» – народ, простонародье. Следует отметить, что одно из значений иероглифа 民 также – народ. Данным знаком может передаваться значение другого человека, каждого из людей или человека, достигшего совершенства, а также все события, явления, с которыми сталкивается человек в своей жизни, способности и талант людей.

Знак «человек» в силу своей принадлежности к обществу формирует такое значение как человеколюбие, так называемая конфуцианская гуманность. Человек должен стремиться к некоему эталону, идеалу. В силу этого и формула китайского «абстрактного гуманизма» гласила: «в пределах четырех морей все люди братья» [Алимов, Ермаков, Мартынов, 1998 : 168]. Еще одно из значений – это плодовая косточка, ядро, то есть некий центр, образующий то, что вокруг. Действительно, человек является центром, через который он пропускает все события окружающего мира, и язык так или иначе является отражением субъективной оценки происходящего человеком.

В «Шо вэнь цзе цзы» определяется, что данная пиктограмма изображает руки и ноги человека. Человек здесь – самое «дорогое» между землей и небом, и все, связанное с человеком, обозначается данным знаком. Профессор Цзоу Сяоли отмечает, что в древних источниках литературы человек выступает как аристократ, а также столичный аристократ. Дун Ляньчи в своих комментариях к «Шо вэнь цзе цзы» указывает на то, что каждый знак, берущий свое начало от 人, связан по значению с внешностью человека, его поступками, характером, общественной принадлежностью, именем и даже с личными вещами человека [董连池, 2000 : 212].

Комментируя фразу Сюй Шэня «天地之性。。。», авторы словаря

«说解今文字释» (Шо цзе цзинь вэнь цзы ши – «Истолкование знаков» указывают, что 性 xing и представляет собой непосредственно сущность человека [汤可敬, 1996 : 1065].

Рассмотрев основные значения знака «человек», представляется возможным выделить интегральный семантический признак – это прямоходящее работающее существо с 4 конечностями. «Человек» не может быть оформлен как предикат, это субъект, который направляет различного рода действия. Как видно, в современном употреблении произошло расширение семантики данного знака, связанное, возможно, с достаточно широким полем соотносительности знака со всеми аспектами человеческой деятельности, наблюдаемое в его этимологии. Все другие значения возникают именно на этой основе, привнося определенные семантические различия.

Еще один знак, передающий изображение человека, – большой 大. По мнению Чжан Иньсиня, знак является простой логограммой, пиктографичной по своему облику, но передающей отвлеченное, непредметное значение [Готлиб, 2006 : 44]:

На некоторых изображениях мы ясно видим очертания человека, четко выраженные голову, руки, ноги. Есть и пиктограмма человека, стоящего на земле, а некоторые изображения передают человека без основы, здесь видны только конечности (𠂇 𠂈). Основное значение данного знака в современном языке – большой, то есть человек, широко расставив руки и ноги, заявляет миру о том, что он играет большую роль. Отсюда значения знака – гордый, самовлюбленный; не маленький, описание площади, количества, объема, силы, превосходящей партнера; толстый: увеличивать, расширять, акцентировать внимание на чем-то. Большой отражает глубокую степень чего-либо. Если человек «большой», то необходимо проявлять к нему уважение, почет, это еще одно значение знака. Данным знаком изображались и деньги, монеты, имеющие большую ценность.

Иероглиф также служил формой обращения к старшим родственникам (к отцу или дяде), имеющим большое влияние в семье. На одном из диалектов 大 служило обращением к отцу. Знаком также обозначали один из философских терминов, семантика которого близка в семантике знака 道 [Готлиб, 2006 : 112].

Таким образом, данный знак в современном употреблении уделяет внимание более детальному рассмотрению роли человека, его непосредственную характеристику в обществе, раскрывая его социальную сущность.

Сюй Шэнь определяет знак 大 следующим образом: небо большое, земля большая, человек тоже большой, изображение формы человека, все, восходящее к 大, относится к данному знаку.

Грамматолог Жун Гэн отмечает, что данное изображение, хотя и показывает нам стоящего человека, тем не менее значение данного знака «большой». Цзоу Сяоли описывает человека с широко распростертыми руками и ногами, кажущемся достаточно большим, поэтому

еще на гадательных надписях значение знака – «большой». Элемент 大 может находиться в иероглифах сверху, снизу, посередине [邹晓丽, 1990 : 9]. Существует мнение, что наряду с различными написаниями знака 大 еще одной формой изображения данного иероглифа являлся 介, однако причины такого написания не ясны [汤可敬, 1996 : 1427], и Сюй Шэнь не придерживался такой точки зрения. Форма написания вплоть до периода Чжуань сохранялась такой же, как и в цзягувэнь [董连池, 2000 : 290].

Как видно, логограмма 大 – это по-прежнему все тот же человек, выполняющий в современном китайском роль прилагательного «большой», а вовсе не субъекта, направляющего различные действия. Благодаря дескриптивному аспекту рассмотрения «человека с расставленными руками и ногами» семантика данного знака достаточно сильно меняется и происходит возникновение признака, описывающего субъект.

Еще один знак, где человек находится в вертикальном положении, представлен логограммой 身. В «цзиньвэне» же иероглиф имеет следующую форму:

Основное значение данного иероглифа, активно участвующее в современном языке, – тело человека или животного, это или все тело, или тело от бедра до шеи, или все тело, кроме головы. Приобретенное абстрактное значение – это основная часть предмета или главная его часть. И, как следствие, дальнейшее расширение семантики идет по пути приобретения значений, связанных с изображением и видением самого себя, это – собственный, сам, сам лично, способный нести на себе, брать что-то на себя, а также местоимение «я». Самовыражение «я» происходит путем обладания высоким общественным положением, успехами в карьере (еще одно значение), а этого можно добиться, обладая способностями и моральными качествами. 身 – это и просто вся жизнь человека, его возраст, поколение. Знак может употребляться и как счетное слово, употребляющееся с одеждой.

С одной стороны, данная логограмма представляет собой женщину, то есть признак человека по отнесенности к мужскому или женскому полу, и может входить в лексико-

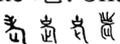
семантическое поле «человек», с другой стороны, это знак, отображающий физическую часть «оболочки» человека, который сам может являться ядром семантического поля «части тела человека».

Знак 身 изначально пиктографичен, но его значение определенным образом изменилось. Сюй Шэнь определяет 身 как «сам, восходит к человеку». По мнению Цзоу Сяоли, 身 в знаках цзиньвэнь изображает беременную женщину в профиль (он отмечает, что в современном языке одним из названий беременной женщины является 有身) или мужчину в профиль с большим животом, аристократа, занимающего высокое общественное положение. Автор придерживается, вероятное, последней трактовки, так как в цзягувэнь уже существовал знак, передающий значение беременной женщины, изображающий младенца внутри человека, поэтому данное значение является приобретенным в дальнейшем [邹晓丽, 1990 : 13].

Дун Ляньчи отмечает, что иероглиф происходит от человека, только в данном случае это человек с животом. Автор полагает, что Сюй Шэнь неправильно относит этот знак к фоноидеографической категории. Он также говорит о том, что в период дачжуань (большая печать) употребление 身 было равнозначно 体, и в современном языке тело обозначается именно этими знаками 身体 [董连池, 2000 : 220].

Грамматолог Ли Сяодин также полагает, что данный знак поначалу изображал человека, и только в дальнейшем ему был пририсован живот [汤可敬, 1996 : 1125].

Итак, в современном языке существующие ранее признаки человека, такие, как «беременность», «наличие живота», исчезают, и остается достаточно нейтральная семантика знака «тело» как физическая оболочка каждого человека.

Почитание китайцами старости находит свое отражение в знаке 老. Знак 老 представлен в цзиньвэне как:

Основное значение, активно участвующее в современном языке, – человек в возрасте, противоположный «маленькому», старик. Это и семантика старости, времени на закате жизни, на склоне лет. Семантика – человек становится старым, перестает работать, уходит в отставку и возвращается на родину. Старость неизбежно связана с болезнями, поэтому од-

но из значений – утомиться, изнемогать, устать, дряхлый, ветхий, осыпаться, опасность. Это и вежливые слова соболезнования по поводу смерти. Старость – символ утечки энергии, но одновременно и мудрости, знания, накопленного богатого жизненного опыта, способности разобраться в жизни, поэтому 老 также имеет значение квалифицированный, опытный, вести, возглавлять, но в то же время – и устарелый, затасканный. Обозначение цветовой гаммы данным знаком – темный цвет.

Старость всегда почиталась китайцами, ведь именно в это время можно постигнуть истину жизни. Одним из составляющих счастья была возможность человека прожить до глубокой старости, старость входила в пять земных благ. Отсюда – еще одно значение данного иероглифа. Это вежливое обращение к старикам, в древности – обращение к слугам, или только вежливая форма обращения, не показывающая возраст.

Однако 老 не только обращение, но и название членов семьи: родителей или старших в семье, или самый последний по старшинству.

老 также может являться префиксом, который ставится перед существительными, обозначающими человека или животного. Как известно, при бытовом общении 老 ставится перед односложными фамилиями, показывая таким образом, преимущество данного человека по возрасту или дружеские отношения.

Таким образом, у знака 老 более 30 лексических значений, многие из которых связаны с традиционными понятиями китайской культуры.

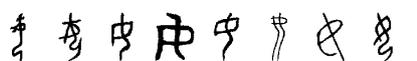
По мнению Сюй Шэня, 老 это и есть 考 (Сюй Шэнь приводит в качестве примера пару 老-考, относя знаки к видоизмененной категории [Готлиб, 2006 : 43], знак изображает человека около 70 лет с длинными волосами, возможно, с посохом, изображение восходит к человеку, усы и борода которого стали белыми. Цзоу Сяоли трактует пояснения Сюй Шэня как указание на пиктографическое изображение человека с длинными волосами, опирающегося на посох. Автор отмечает, что древние китайцы не уважали татуированных людей с короткими волосами, поэтому у человека в возрасте волосы должны быть длинными. Данный знак имеет также значение старца, форма этого иероглифа предполагает изо-

бражение головного убора на голове человека. Четко прослеживается значение уважаемого старца [邹晓丽, 1990 : 23].

Иероглиф 老 представляет новый признак человека – возраст как еще одну характеристику человека, вызывающую уважение и благоговение перед мудростью человека. В связи с этим, значение знака в современном языке теряет непосредственно признак «человек», обретая при этом его возрастную характеристику.

Представляется интересным рассмотреть знак 女 – женщина как один из компонентов парадигмы мужчина – женщина, противопоставленной по гендерному признаку.

Знак 女. В цзиньвэне он обозначался так:

В древнем Китае женщина нужна была прежде всего как рабочая сила. В отличие от мужчины, ее не рассматривали как продолжение семейных традиций, так как ей все равно суждено было выйти замуж и покинуть родной дом. Такое отношение приводит к отрицанию женского начала, женщина должна была выполнять свою функцию: вести хозяйство и заниматься семьей.

Лексическое поле слова в современном языке не очень широко. Прежде всего это обозначение женщины, женского пола, самки у животных, а также молодой незамужней девушки. Женщина – слабое существо, отсюда – значение нежности, слабости. Существует также и значение отдавать дочь замуж. Одним из значений знака является местоимение *ты*, что, видимо, предполагает наличие собеседника женского пола. Данный знак представляет один из признаков человека – женский пол.

По Сюй Шэню, знак передает изображение жены и отнесен у Ван Юи к фоноидеографической категории. Цзоу Сяоли отмечает, что в древности 女 женщина и 奴 раб имели одинаковое чтение. Иероглиф изображался как человек, раб, стоящий на коленях с руками за спиной (отражал отношение общественного строя к замужеству, господство патриархата). Постепенно по мере эволюции иероглифа написание знака пришло к 女 [邹晓丽, 1990 : 16].

Дун Ляньчи детализирует пиктографическое изображение, он отмечает, что раб изображается с поднятой головой, ее колени со-

гнуты, руки находятся вдоль тела, услуживает другим. Грамматолог Ли Сяодин полагает, что так как достаточно сложно определить различие изображений мужчины и женщины по знакам, то главное различие можно строить на их работе: женщина выполняет женскую работу, вяжет, шьет и т.д., основная ее работа проходит в комнате, мужчина же работает в поле. Впоследствии все знаки, связанные с женщиной, отражают низкий статус женщины, что бы женщина ни делала, у нее не было своего мнения, она обладала скромным характером и прислуживала другим [董连池, 2000 : 317].

Ученый Сю Хао предполагает, что изображение передает также значение женщины, занимающейся какой-то работой, одежда у которой с прикрытым подолом, что и отличает ее от мужчины [汤可敬, 1996 : 1741].

Таким образом, можно сказать, что значение логограммы в настоящее время передает только один признак – женский пол, что существенно отличается от первоначального пиктографического изображения, делающего акцент на положении раба-женщины в обществе.

Очень интересен знак 长, изображенный в надписях «цзиньвэнь» как 𠂇 𠂈 𠂉 𠂊 𠂋.

Пиктографическое изображение представлено человеком с длинными волосами с посохом в руках. Значение данного иероглифа «далекий», о котором говорит Сюй Шэнь, по мнению Цзо Сяоли, было приобретено позже [邹晓丽, 1990 : 23]. Дун Ляньчи указывает, что это изображение человека почтенного возраста. Местонахождение посоха меняется с течением изменения знаков [董连池, 2000 : 262].

Семантика 长 в современном языке не слишком широка: он имеет такие значения, как «длинный, долгий, большой». Единственным значением, отраженным в этимологии, является значение «старший, директор».

Мы рассмотрели некоторые знаки с семей «человек». Знак «человек» является основой, на которой происходит дальнейшее приобретение различных признаков. Мы можем определить эту логограмму как ядро, формирующее лексико-семантическое поле со значением «человек». Вокруг ядра, в свою очередь, формируются периферийные значения, каждое из которых выделяет определенный семантический признак, так, например,

логограмма 大 выделяет положение человека в пространстве и его влияние на окружающий мир, слово находится на периферии лексико-семантического поля, поскольку выделяет признак «большой», который сам по себе уже является оценкой человека, а не его конкретным представлением. Логограмма 长 также выделяет признак «длинный», однако грамматологически является изображением человека, но уже с дополнительными предметами в руках – посохом и находится на периферии поля. Знак 身 представляет физиологические данные, этот иероглиф находится чуть ближе к ядру поля: тело человека, по существу, является одним из свойств самого человека и может образовывать собственное лексико-семантическое поле «части тела человека». Логограмма 立 указывает на положение в пространстве, ее значение следует из пиктографического изображения, в современном языке являясь предикатом, поэтому данный знак находится на некотором расстоянии от ядра семантического поля. Знак 老 также выделяет признак – возраст, мудрость и находится на периферии поля.

Структура поля «человек» неоднородна, знаки обладают достаточной автономностью. В основном они активно участвуют в формировании логограмм в современном китайском языке. Грамматологический подход позволяет

выделить этимологическую характеристику каждого знака, однако каждый из них наделен определенным существенным признаком.

Библиографический список

1. *Алимов, И.А.* Срединное государство. Введение в традиционную культуру Китая [Текст] / И.А. Алимов, М.Е. Ермаков, А.С. Мартынов. – М. : ИД «Муравей», 1998.
2. *Готлиб, О.М.* Основы грамматологии китайской письменности [Текст] / О.М. Готлиб. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007.
3. *Медникова, Э.М.* Значение слова и методы его описания [Текст] / Э.М. Медникова. – М. : Высшая школа, 1974.
4. *现代汉语词典.* 商务印书馆, 2000.
5. *董连池.* 通释 说文不首形意. 东北师范大学出版社, 2000.
6. *邹晓丽.* 基础汉字形义来源 – “说文”不首今读本义. 北京出版社, 1990.
7. *易可敬/撰* 说解今文字释. 1996.

Е. Ю. Куницына

ДРАМА ШЕКСПИРА: СЦЕНИЧНОСТЬ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

В статье рассматривается одна из актуальных проблем современного шекспировского переводоведения – сценичность перевода. Сценичность представлена как условие и критерий оценки перевода драмы. Уточняется понятие сценичности перевода, разграничиваются понятия «сценический» перевод и «сценичный» перевод. Особое внимание уделяется сценичности в ее отражении в шекспировском переводческом дискурсе.

Ключевые слова: драма Шекспира; сценический перевод; сценичность; феноменологическое переживание; шекспировский переводческий дискурс.

E. Kunitsyna

SHAKESPEARE DRAMA: TRANSLATION PERFORMABILITY AND TRANSLATION DISCOURSE

The paper presents an insight into the problem of drama translation «performability». The concept of stsenichnost (performability, stageability), reviewed and concretized, is regarded as both a prerequisite of drama stage translation and a criterion of its evaluation. Special attention is given to stsenichnost as reflected in Shakespeare translation discourse.

Key words: Shakespeare drama; stage translation; stsenichnost (stageability, performability); phenomenological experience; Shakespeare translation discourse.

Шекспир остается одним из самых притягательных авторов для переводчиков, режиссеров и исследователей во всем мире. Исключением не является и Китай, где история знакомства с Шекспиром насчитывает почти два века [Sun, 2009]. «Гамлет» здесь также является одной из самых переводимых трагедий. Так, до 1949 года существовало три перевода трагедии на китайский язык. Позже к ним добавилось еще пять, два из которых – поэтические переводы. За послевоенное время было опубликовано более пятидесяти монографий, посвященных Шекспиру [Lu, 1983], и число переводов, постановок и критических статей о поэте и его произведениях продолжает расти¹.

Для китайских переводчиков и переводоведов, так же как и для их коллег из других стран, главной проблемой перевода является проблема взаимоотношения «буквы» и «духа» подлинника и оригинала (ср. *shen xing jie si* [Sun, 2009 : 138]). Выделяют три основных аспекта трудностей перевода: верность (*faith-*

fulness, кит. *xin*), удобочитаемость (*readability*, кит. *da*) и изящество (*refinement*, кит. *ya*) [Ibid.] (ср. тж. *smoothness*; единство верности и «гладкости» перевода исповедовал известный китайский переводчик Шекспира Лян Шицю [Yan, 2005]).

Опыт перевода Шекспира на разные языки и мировой шекспировский переводческий дискурс представляют большой интерес для современной науки о переводе, переводческого шекспироведения. Новейшие достижения в области исследования перевода Шекспира на русский и китайский языки могли бы стать отдельной темой российско-китайского научного диалога.

В центре внимания настоящей статьи находится вопрос о сценичности перевода как условия перевода драмы для сцены и критерии оценки перевода. Шекспировский переводческий дискурс, в котором отражается требование сценичности перевода шекспировской драмы, охватывает широкий временной спектр, от первых русских переводов Шекспира до переводов новейшего времени (1828 – 2003).

1. См. ссылки 30, 33, 34, 35, 37, 38, 46, 50 в Библиографическом списке.

Сценичность как понятие, обозначающее качество, необходимое для любого драматического произведения, предназначенного для сценического представления, и обуславливающее его успех у публики, из дискурса театрального закономерно пришло и в переводческий дискурс. Современное переводоведение оперирует рядом понятий, восходящих к категории сценичности, на которых целесообразно остановиться.

Ключевыми понятиями, используемыми зарубежными исследователями, являются понятия **performability**, **playability** и **speakability** [Bassnett, 1978, 1991; Pavis, 1982, 1989; Schultze, 1990; Espasa, 2000; Anderman, 2001; Elam, 2002; Nikolarea, 2002; Kruger, 2004; Pinto, 2006; Mathjissen, 2007]. Все эти понятия объединяет одно – пригодность – для представления (**perform**), для игры (**play**) и произнесения (**speak**), и все они обозначают то, что позволяет отличать драматический текст от текста театрального (сценического). (Ср. использование терминов в следующем заголовке: *Performability in Translation: Speakability? Playability? Or just Saleability?* [Espasa, 2000]) (курсив мой – Е. К.).

Сценичность перевода драмы, как и сценичность самой драмы, определяется множеством выходящих далеко за рамки собственно литературно-эстетических и лингвистических факторов. Набрасывание смысла охватывает не только сценическое «что», но и «как», то есть круг театральной интерпретации охватывает? что будет сказано со сцены и как слова будут соотнесены с действием, как должен будет стоять или сидеть актер, их произносящий, каким будет выражение его лица и проч. Т. Л. Щепкина-Куперник, переводившая Шекспира для театра, вспоминала о впечатлении, которое произвело на нее чудо оживания Гермiony в «Зимней сказке» в исполнении выдающейся актрисы М. Н. Ермоловой, когда «мраморно-бледное лицо на глазах зрителей розовело» [Щепкина-Куперник, 2005 : 487].

Понятием **performability** переводоведение обязано С. Баснетт [Bassnett, 1978]. Согласно С. Баснетт, пригодность для сцены, способность пьесы быть представленной подразумевает невербальные, культурные и собственно сценические аспекты драмы, однако С. Баснетт указывает на них как на неопределенное и неопределимое качество, что в даль-

нейшем привело ее к отказу от данного понятия. Признавая драматический текст на ИЯ «неполным, незавершенным», пишет ученый, следовало бы ожидать восстановления постановочного измерения (**performance dimension**) текста на ПЯ именно от переводчика, а это невыполнимая, «сверхчеловеческая задача» [Bassnett, 1991 : 100].

С. Баснетт отмечает также, что, не имея соответствий в других языках, **performability** зачастую сводится к понятию пригодности для произнесения со сцены (**speakability**, русским терминологическим соответствием является удобопроизносимость – Е. К.), следствием чего становится произвольное, **ad hoc** решение переводчика, относительно того, что считать удобопроизносимым [Ibid.: 102]. П. Пави понимает **speakability** как легкость произнесения (**easy pronunciation**) [Pavis, 1982]. А. Кругер использует понятие **breathability** [Kruger, 2004] (пригодность для дыхания, «выдыхаемость»). Б. Шульце настаивает на различии **speakability** и удобства произнесения (**convenient pronunciation**) [Schultze, 1990]. С. Аалтонен также считает неверным сведение этого критерия сценичности исключительно к легкости и простоте, поскольку нет необходимости в том, чтобы театральные тексты были простыми, удобными, легкими для произнесения, проговаривания (**easy to speak**) [Aaltonen, 2000].

О. Цубер-Скеритт [Zuber-Skeritt, 1980] связывает **speakability** с тем, что, очевидно, можно назвать идиоматичностью речи, идиоматичностью перевода. Термин «идиоматичность» используется нами одновременно в двух смыслах. В смысле, в котором понимает его Ю. Д. Апресян, идиоматичность – это правильность речи (естественность) [Апресян, 1995]. Если что-то отбивает у публики интерес к пьесе, пишет О. Цубер-Скеритт, то это диалог, звучащий как перевод с другого языка, а не как естественная речь на языке адресата [Mathjissen, 2007 : 15]. Вторым важным смыслом является тот, который вкладывают в данный термин А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский, понимая идиоматичность как «осложненность способа выражения содержания» [Баранов, Добровольский, 1996 : 51]. Такое понимание идиоматичности сценического перевода согласуется с мнением С. Аал-

тонен (ср. тж. приведенное выше кит. *ya* (refinement)).

Для М. Снелл-Хорнби [Snell-Hornby, 1984] сценическая пригодность пьесы, пригодность для игры, то есть разыгрывания на сцене, заключается в *ритмическом рисунке пьесы*, определяющем структурную организацию текста, включая перестановку отдельных сцен, собственно ритм, чередование стиха и прозы, паузы, повторы, что в совокупности обеспечивает динамичность сценического действия.

И. Левый в качестве требований, предъявляемых к переводу драмы для театра, выделяет удобопроизносимость и удобопонятность [Левый, 1974]. «Сверх простой понятности, требующейся от книги или монолога, сценический диалог должен обладать очевидностью понятности, понятности, которую зритель наблюдает своими глазами и готов подтвердить», – писал Б. Пастернак [Пастернак, 2004 б : 394].

Исследователи и переводчики понимают удобопроизносимость неодинаково, однако разные интерпретации следует считать скорее достоинством, нежели недостатком данного понятия, поскольку и легкость (пусть относительная) и идиоматичность, дополняя друг друга, обеспечивают в результате способность пьесы быть представляемой (*performability*), следовательно, играемой (*playability*, тж. *actability* – понятия, которые в отдельных исследованиях отождествляются между собой [Esparasa, 2000]). Отождествление правомерно в силу уже самой семантики данных слов, синонимичных по своей природе (*perform-play-act*) [Webster, OED].

В продолжение темы необходимо обратить внимание на еще один немаловажный факт. Одним из критериев сценичности перевода драмы считается приемлемость (*acceptability*) [Toury, 1980]. Понятие приемлемости сценического перевода теснейшим образом связано с понятием аксиологического диссонанса переводчика. Аксиологический диссонанс представляет собой доминанту когнитивного диссонанса переводчика¹ Шекспира, о чем свидетельствует и китайский шекспировский переводческий дискурс.

1. Когнитивный диссонанс, аксиологический диссонанс переводчика – термины Г. Д. Воскобойника [Воскобойник, 2004].

Так, Ч.-Х. Чан указывает, что наибольшую трудность при переводе Шекспира на китайский язык представляют культурные различия, связанные с нормами этикета (*social etiquette*). В соответствии с китайской сценической традицией Дункан не может сказать Леди Макбет *Give me your hand* – данная фраза означала бы для китайского зрителя не учтивость, а обольщение. Неприемлемым на китайской сцене является и изображение сыновнего неповиновения, как, например, того, что демонстрирует Гамлет в разговоре с Гертрудой [Chang, 2009].

Итак, если пьеса ориентирована на сцену, то ее должно отличать то, что гарантирует ей успех у зрителя – сценичность, в том числе и в первую очередь сценичность перевода. Исходя из рассмотренных выше определений и характеристик, под сценичностью перевода следует понимать соответствие требованиям идиоматичности, удобопроизносимости, доступности (понятности), ритмичности текста драмы, приемлемости. Обращает на себя внимание «разнонаправленный» характер сценичности с учетом участников процесса. Так, удобопроизносимость ориентирована на актеров, которым предстоит донести слово поэта до зрителя, в то время как приемлемость и доступность (понятность), обуславливаемая идиоматичностью и соответствующей ритмикой, ориентирована непосредственно на самого зрителя. Ритмичность структуры текста и его динамичность, очевидно, могут быть достигнуты в результате сотрудничества переводчика и режиссера.

Шекспировский переводческий дискурс демонстрирует стремление переводчиков соответствовать, в том числе, и требованию сценичности.

Термины «сценичность» или «театральность» в дискурсе первых русских переводчиков Шекспира не встречаются, но задачи, которые ставили перед собой переводчики в своем желании представить Шекспира русской публике, в полной мере сообразуются со стремлением достичь сценичности, призванной способствовать феноменологическому переживанию у зрителя. Однако не все переводчики предназначали свой перевод именно для театра.

М. Вронченко, М. Загуляев, А. Данилевский, А. Соколовский в своих предисловиях к

переводу трагедии «Гамлет» говорят преимущественно о читателе [Вронченко, 1828; Загуляев, 1877; Данилевский, 1878; Соколовский, 1883]. Отсюда и выдвижение критерия удобочитаемости перевода – этот термин дважды употребляет М. Загуляев; доступность перевода читающей публике – цель, преследуемая А. Данилевским. Примечательно, что А. Соколовский, принимаясь за перевод всего Шекспира и говоря в основном о читателе, начинает с тех произведений, которые «исполняются на сцене», с «Гамлетом» во главе [Соколовский, 1883 : 2]. Таким образом, понятие сценичности обретает здесь еще один оттенок значения – популярность, известность.

Не случайно издатель перевода Н. Полевого отмечает в своем предисловии: «“Гамлет” у нас наиболее популярная и наиболее любимая пьеса Шекспира. Русская публика познакомилась с ней по переводу Н. А. Полевого, а удивительная игра Мочалова <...> содействовала укреплению этой трагедии на сцене. Перевод Полевого не точен и не полон, но он прекрасно применим к сцене» [Шекспир, 1887 : III]. Необыкновенная сценичность перевода Н. Полевого обеспечила невероятную популярность отдельным словам и выражениям, так что многие из них «сделались нам так же близки, как цитаты из “Горе от ума” и “Ревизора”» [Ibid.: IV].

Сценичность, тем самым, оказывается сопряженной с таким лингвистическим явлением, как крылатость, популяризация фраз и выражений. Как в свое время сцена стала для Шекспира средством массового распространения его необычных, ярких выражений, около двухсот из которых вошли в сокровищницу английского языка и обрели статус фразеологических единиц (ФЕ) [Свиридова, 1968; Кунин, 1996; Куницына, 1998], так и переводная пьеса, исполненная на сцене, обогатила русский язык многими «шекспиризмами»: *О, женщины! ничтожество вам имя! Башмаков она еще не износила, За человека страшно мне!* и т. д.

Следует обратить внимание, что вообще термином «шекспиризмы» принято обозначать созданные Шекспиром ФЕ (ср. тж. «псевдошекспиризмы»). Приведенные выше примеры – это крылатые фразы, популярные цитаты. Примечательно, что в отличие от двух первых выражений, действительно принадле-

жащих Шекспиру (*Frailty, thy name is woman! и ere those shoes were old*), выражения *За человека страшно мне*, также ставшего крылатым, в подлиннике нет, однако оно так органично вплетено в ткань монолога Гамлета, что русскому читателю, а главное, зрителю и в голову не пришло бы усомниться в том, что это сказал сам Шекспир.

Было бы несправедливым не упомянуть тот факт, что и несценичный перевод может успешно популяризовать фразу или выражение. Признанный тяжеловесным перевод М. П. Вронченко со всеми, по образному выражению А. С. Пушкина, привешенными к его стихам «гирьками» [Левин, 1973] «дал крылья» знаменитым словам Горацио: *There are more things in heaven and earth, Horatio, / Than are dreamt of in your philosophy.* ««Есть многое на свете, друг Горацио, / что и не снилось нашим мудрецам» (Из «Гамлета» в переводе 1828 года (!) М. Вронченко; «именно в таком виде, эта цитата вошла в русский язык»)» [Палажченко, 2004 : 237]. Заметим, однако, что у М. Вронченко не *на свете*, а *в природе*. Но так запомнилось это выражение, очевидно, с чьей-то легкой руки, вернее, «легких уст», произнесших *на свете* вместо *в природе*.

Для сравнения приведем еще несколько переводов: *Горацио, есть многое и на земле и в небе, / О чем мечтать не смеет наша мудрость* (Н. Полевой); *И в небе и в земле сокрыто больше, / Чем снится вашей мудрости, Горацио* (М. Лозинский); *Ведь много скрыто в небе и земле / Таких вещей, Горацио, что не снилось / Всей вашей философии* (А. Радлова); *Горацио, наш мир куда чудесней, / Чем снился он философам твоим* (А. Чернов); *Горацио, не все, что есть в природе / Наука в состоянии объяснить* (В. Поплавский). Пожалуй, «сценичные» переводы все же уступают в данном случае «несценичному» М. Вронченко.

Итак, перевод Н. Полевого, вышедший через девять лет после перевода М. Вронченко, обладал беспрецедентной сценичностью. Его невероятная популярность у публики долгое время не оставляла шанса вытеснить его со сцены. Известно, что актеры восполняли пропущенные Н. Полевым места отрывками из других переводов и фактически играли составной перевод [Аверкиев, 1895]. Подобная жертва была оправдана ввиду отсутствия достойной альтернативы. Д. В. Аверкиев, связы-

вавший успех перевода Н. Полевого с живостью языка и решившийся на перевод «Гамлета» для театра, преследовал цель быть по возможности точным, но чтобы при этом язык перевода был живым, что весьма существенно при передаче драм Шекспира и должно прельщать наиболее талантливых артистов, не желающих «ограничиваться одной более или менее условной декламацией», но желающих «изобразить не условную трагическую фигуру, а живого человека» [Аверкиев, 1895 : 4 – 5]. Живость языка, таким образом, есть не что иное, как идиоматичность.

Интерес представляет собой предисловие П. П. Гнедича, сопровождающее его перевод, вышедший в 1891 году. «Настоящее издание, – пишет П. П. Гнедич, – не назначено для продажи: необходимость его вызвана одновременной постановкой “Гамлета” осенью текущего года на императорских сценах обеих столиц. <...> Текст этого издания – только *выборки из моего полного перевода – те картины и сцены, которые удобны к постановке*. Подстрочный перевод имеет иной характер и редакцию. Для сокращения я руководствовался режиссерскими экземплярами «Гамлета» в переводах Полевого и Загуляева, имеющимися в архивах Императорских театров» [Гнедич, 1891 : 1] (курсив наш – Е. К.).

Обращают на себя внимание два момента. Во-первых, при подготовке пьесы к постановке, да еще одновременно на подмостках театров обеих столиц, П. Гнедич опирался на переводы – один, непосредственно предназначенный для сцены, перевод Н. Полевого, и второй – М. Загуляева, напомним, ориентированный, очевидно, на читателя, поскольку ключевым концептом, вокруг которого строится его переводческий дискурс, выступает удобочитаемость (*readability*). Во-вторых, переводчик подчеркивает разницу между полным переводом и переводом для сцены, с сокращениями. На титуле «Гамлета» так и написано: «Перевод с английского П. П. Гнедича. С сокращениями согласно требованиям сцены» [Гнедич, 1891]. Итак, сокращения, адаптации, подразумеваемые требованием сценичности, неизбежны, при этом они и объективны (фактор времени) и субъективны (переводчик определяет, что удобно к постановке, а что нет). Это как раз и послужило, напомним,

причиной для отказа С. Басснетт от понятия *performability*.

На данном этапе возникает необходимость указать на нетождественность понятий «сценический перевод» и «сценичный перевод». Под сценическим (или театральным) переводом следует понимать особый вид перевода – перевод, предназначенный для сцены, под переводом сценичным логично понимать оценку перевода – перевод, успешно актуализованный на сцене. В качестве иллюстрации можно привести следующий факт. Блестящему переводу «Гамлета» Д. В. Аверкиева, выполнившего его специально для театра, «с учетом требований сцены», как и П. П. Гнедич, театры предпочитали перевод именно П. Гнедича как «лучше адаптированный к вкусам публики» [Гарин, s.a.] – другими словами, из двух сценических переводов сценичным оказался один.

В продолжение разговора о сценичности хотелось бы обратить внимание на переводческий дискурс Т. Л. Щепкиной-Куперник, представляющий собой главу «Шекспир» из ее книги мемуаров. Правнучка великого русского актера М. Щепкина, Т. Л. Щепкина-Куперник, с ранних лет связанная с театром, любила «три вещи на свете»: море, Бетховена и Шекспира. Любовь к автору, которого она будет переводить, любовь к его поэзии, которую она знала с детства по переводам, звучавшим со сцены «лучшей школы», которая ей была доступна, Малого театра (здесь она смотрела «Сон в летнюю ночь», «Бурю», «Зимнюю сказку», «Цимбелина», «Много шума из ничего», «Укрошение строптивой», «Гамлета»), заставила ее выучить английский язык, чтобы иметь возможность читать Шекспира в подлиннике и сравнивать с переводами.

Следующим этапом «на пути отношений» переводчицы с Шекспиром была поездка на родину поэта, где она впитывала в себя атмосферу, в которой он творил свои бессмертные произведения. Переводчица делает одно очень веское замечание о феномене бессмертия: театров «Глобус» и «Блэкфрайэрс» уже давно не существует, но имена их не исчезли, не стерлись из памяти – «их обессмертил Шекспир» [Щепкина-Куперник, 2005 : 491, 493].

Интерес представляет опыт работы переводчицы для театра. Когда режиссер Михайловского театра предложил ей сделать новый

перевод комедии «Сон в летнюю ночь», она сразу согласилась, потому что это была одна из ее самых любимых пьес. Как признается переводчица, не имея тогда «никакого понятия о методологии перевода», писала она «как на ум приходило, ничтоже сумняшеся». И хотя ее перевод понравился режиссеру и через год по нему был поставлен спектакль, сама переводчица испытывала чувство неудовлетворенности – классический случай когнитивного диссонанса. Поэтому, когда много позже ей предложили сделать перевод нескольких пьес Шекспира для Гослитиздата, она опять же согласилась и, помимо пьес, переводимых ею впервые, заново перевела и «Сон в летнюю ночь». К этому времени она уже успела познакомиться с принципами перевода шекспировских произведений, «выработанными целой коллегией шекспироведов, <...> чрезмерно строгими и придерживавшимися больше “буквы”, чем “духа”, и впоследствии очень измененными» [Ibid. : 499].

В 1939 году исполнилось желание переводчицы: театр им. М. Н. Ермоловой решил поставить комедию «Как вам это понравится», традиционно считавшуюся скучной для публики. Т. Л. Щепкина-Куперник работала в тесном сотрудничестве с режиссером М. О. Кнебель. Предприятие увенчалось успехом – зал был всегда переполнен. Залогом сценического успеха шекспировской пьесы (заметим, что театральный текст был сокращен почти на треть по сравнению с оригиналом и полным переводом пьесы, из пяти актов было сделано три), переставшей быть «скучной», была гармония, в которой сливались и живой язык перевода, и актерская игра, и декорации, и костюмы, и талантливая музыка, и блестящие режиссерские находки, которые, по словам переводчицы, понравились бы и самому Шекспиру.

Теоретическая ценность данного дискурса, далекого от какой-либо научности и теоретичности, очевидна. В переводческом дискурсе Т. Л. Щепкиной-Куперник выделяются четыре важных момента. Первый – это когнитивный диссонанс переводчицы и возвращение к переведенному тексту. Второй момент – назовем это «дискурсивным погружением» будущего переводчика в культуру, атмосферу автора, которого ей еще только предстоит перевести, но что она уже предвосхищала в своем

опыте. Третий момент – сотрудничество переводчика и режиссера – условие достижения сценичности перевода, гарантирующей феноменологическое переживание у зрителя. Четвертый момент – полимедиальность драмы на сцене, где вербальный компонент, то есть переводной текст произведения, является лишь частью сложного семиотического пространства, включающего другие каналы коммуникации, другие средства означивания.

Термином «сценичность» пользуется А. Радлова; под ним переводчица понимает сочетание точности и удобопроизносимости. «*Не может быть точным неудобопроизносимый перевод*», – пишет А. Радлова [Радлова, 1934 : 142–143] (курсив наш – Е. К.). Это мнение созвучно мнению Д. В. Аверкиева. Б. Пастернак говорил о потребности «театров и читателей в простых, легкочитающихся переводах» [Пастернак, 2004 а : 72]. Внимание обращает на себя то, что Б. Пастернак говорит *театры*, а не просто зрители. Действительно, прежде чем пьесу увидит и услышит зритель, ее должны прочитать и пережить во внутреннем времени ЕГО режиссер и актеры, а актерам это нужно будет прочитать уже со сцены.

Итак, термин «сценичность», обозначающий в целом критерий качества, которому должен соответствовать перевод пьесы для сцены, и, соответственно, оценку качества перевода, встретился как таковой только в предисловии издателя перевода Н. Полевого (1887) и в статье А. Радловой (1934). Однако этот термин является ключевым в оценках одного из новейших переводов «Гамлета» – перевода В. Поплавского (2001) его издателем Н. Журавлевым (как в случае с переводом Н. Полевого) и театроведом Е. Сальниковой, для которой перевести пьесу хорошо означает перевести ее «театрально» [Сальникова, 2001]. На «чувство театра», необходимое переводчику драмы, указывает Н. Живаго [Живаго, s.a.]. (В скобках заметим также, что иногда говорят «переводить по-современниковски», «переводить по-таганковски» или «по-вахтанговски»).

Н. Журавлев и Е. Сальникова указывают на модернизацию В. Поплавским текста Шекспира. Н. Журавлев признает, что местами текст звучит так современно «и созвучно именно нашим российским настроениям и обстоятельствам, что впору заподозрить переводчи-

ка в сознательной и излишней модернизации слов и смысла текста, написанного четыре века назад, в другой стране и по другим поводам», и заключает, что было бы, однако, «трюизмом говорить в этом случае о вечной и всемирной современности классики, но, увы, это так» [Журавлев, 2001]. С издателем солидарна театровед. Модернизации классики, в которой можно было бы упрекнуть В. Поплавского, Е. Сальникова противопоставляет «элементарную адекватность вечному драматизму Шекспира» [Сальникова, 2001].

По мнению издателя, «внесценическому академизму» прежних переводов шекспировского «Гамлета» противостоит «актуализованная сценичность» перевода В. Поплавского, связываемая критиками с живостью языка, то есть его исключительной современностью, позволяющей передать смысл и энергию подлинника, «именно энергию, потому что она и только она привлекала (и привлекает) зрителей в кресла и ярусы театров всех времен и народов» [Журавлев, 2001] (курсив наш – Е. К.).

В литературоведении существует такое понятие, как «tellability» [Pratt 1977], означающее, что произведение (текст) «должен стоять того, чтобы его рассказали», или, иными словами, достоинство «быть рассказанным» [Хабермас 2003 : 210]. В театре, соответственно, говорят о достоинстве произведения «быть показанным» – *performability*. О переводе драмы, таким образом, можно говорить в терминах достоинства быть *с-казанным*.

Итак, сценичность перевода драматического текста предполагает наличие определенных качеств, позволяющих драматическому тексту стать театральным (сценическим) текстом на языке перевода. Успешное воплощение переводного театрального текста определяется идиоматичностью языка, удобопроизносимостью, понятностью, приемлемостью, ритмичностью и динамичностью структурной организации текста.

Библиографический список

1. Аверкиев, Д. В. <От переводчика> [Текст] / Д. В. Аверкиев // Гамлет, принц датский. Трагедия в пяти действиях В. Шекспира / пер. с издания 1623 г. Д. В. Аверкиева. – М. : Универс. тип., 1895. – С. 3 – 5.
2. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика [Текст] / Ю. Д. Апресян // Избранные труды. – М. : Школа «Языки русской культуры» : Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – Т. 1.
3. Баранов, А. Н. Идиоматичность и идиомы [Текст] / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Вопросы языкознания. – № 5. – 1996. – С. 51 – 64.
4. Воскобойник, Г. Д. Тожество и когнитивный диссонанс в переводческой теории и практике / Г. Д. Воскобойник // Вестник МГЛУ. Сер. Лингвистика. – 2004. – Вып. 499.
5. Вронченко, М. От переводчика [Текст] / М. Вронченко // Гамлет. Трагедия в пяти действиях. Сочинение В. Шекспира. Перевел с Английского М. В. – СПб. : Тип. медицинского департамента министерства внутренних дел, 1828. – С. I – XXIV.
6. Гарин, И. Пророки и поэты. Шекспир в России [Электронный ресурс] / И. Гарин. – Режим доступа: http://www.booksfreeonline.com/english/SHAKESPEARE/p_p043.html.
7. Гнедич, П. П. <От переводчика> [Текст] / П. П. Гнедич // Гамлет принц датский. Трагедия в пяти актах В. Шекспира. Перевод с английского П. П. Гнедича. С сокращениями согласно требованиям сцены. – СПб. : Типогр. О. А. Гнедич на Кавказских Минеральных водах, 1891.
8. Данилевский, А. М. Предисловие [Текст] / А. М. Данилевский // Гамлет, Принц Датский. Трагедия Вилиама Шекспира. Перевод в прозе с Немецкаго по А. В. Шлегелю А. М. Данилевского. – Витебск: Тип. Наследников М. Б. Неймана, 1878. – С. 5 – 6.
9. Живаго, Н. С мыслями и без о переводе пьес (и не только) [Электронный ресурс] / Н. Живаго. – Режим доступа: <http://www.italingua.ru/Biblioteca/download/Smycljami.pdf>.
10. Журавлев, Н. «О брате нашем, Гамлете родном...» Предисловие издателя [Электронный ресурс] / Н. Журавлев // Трагическая история Гамлета, датского принца: пер. В. Поплавского. – Режим доступа: http://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_hamlet7.txt.
11. Загуляев, М. А. Несколько слов от переводчика [Текст] / М. А. Загуляев // Гамлет принц датский. Трагедия в пяти действиях. Сочинение Вильяма Шекспира. Русский перевод с английского М. А. Загуляева. Верное с подлинником издание. – СПб.: Тип. Ф. Х. Иордана, 1877.
12. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка [Текст] / А. В. Кунин. – М. : Высшая школа; Дубна : Изд. центр «Феникс», 1996.
13. Куницына, Е. Ю. Историко-функциональный аспект шекспиризмов [Текст] : дис. ... канд. филол. н. / Е. Ю. Куницына. – Иркутск, 1998.
14. Левин, Ю. Русские переводы Шекспира [Текст] / Ю. Левин // Мастерство перевода. Сб. 9. – М. : Сов. писатель, 1973. – С. 5 – 25.
15. Левый, И. Искусство перевода [Текст] / И. Левый. – М. : Прогресс, 1974.
16. Палажченко, П. Р. Мой несистематический словарь (Из записной книжки переводчика) [Текст] / П. Р. Палажченко. – М. : Р. Валент, 2004.
17. Пастернак, Б. Замечания к переводам из Шекспира [Текст] / Б. Пастернак // Полн. собр. соч. – М.: Слово / Slovo, 2004 а. – Т. V. – С. 72 – 90.

18. *Пастернак, Б.* О связи жизни и искусства [Текст] / Б. Пастернак // Полн. собр. соч. – М. : Слово / Slovo, 2004 б. – Т. V. – С. 393 – 394.
19. *Радлова, А.* Как я работаю над переводом Шекспира [Текст] / А. Радлова // Литературный современник. – № 3. – 1934. – С. 138 – 145.
20. *Сальникова, Е.* Шекспир и мы. Предисловие театроведа [Электронный ресурс] / Е. Сальникова // Трагическая история Гамлета, датского принца: пер. В. Поплавского. – Режим доступа: http://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_hamlet7.txt.
21. *Свиридова, Л. Ф.* Обогащение английской фразеологии шекспиризмами [Текст]: дис. ...канд. филол. наук / Л. Ф. Свиридова. – М., 1968.
22. *Соколовский, А. Л.* От переводчика [Текст] / А. Л. Соколовский // Гамлет принц датский. Трагедия Шекспира. В новом переводе А. Л. Соколовского. – СПб. : Тип. В. П. Безобразова и Комп., 1883. – С. 1 – 3.
23. *Хабермас, Ю.* Философский дискурс о модерне [Текст] / Ю. Хабермас. – М. : Изд-во «Весь Мир», 2003.
24. *Шекспир, В.* Гамлет принц датский. Трагедия в пяти действиях Виллиама Шекспира [Текст] / В. Шекспир; пер. с англ. Н. А. Полевого (с дополнениями и вариантами по переводам Вронченко, Кронеберга, Кетчера и Соколовского и характеристиками Гамлета – Гете, Шлегеля, Джонсона, Кольриджа, Мезьера и др.). – СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1887.
25. *Щепкина-Куперник, Т. Л.* Дни моей жизни [Текст] / Т. Л. Щепкина-Куперник. – М. : Захаров, 2005.
26. *Aaltonen, S.* Time-Sharing on Stage. Drama Translation in Theatre and Society [Text] / S. Aaltonen. – Clevedon; Buffalo; Toronto; Sydney : Multilingual Matters, 2000.
27. *Anderman, G.* Drama Translation [Text] / G. Anderman // Routledge Encyclopedia of Translation Studies / Ed. M. Baker. – Shanghai, 2001. – Pp. 71 – 74.
28. *Bassnett, S.* Translating for the Theatre: The Case Against Performability [Electronic resource] / S. Bassnett // Traduction, Terminologie, Redaction: Studies in the Text and its Transformations (Special Issue: Languages and Cultures in Translation Theories) 4 (1). – Режим доступа: <http://id.erudit.org/iderudit/037084ar>.
29. *Bassnett, S.* Translating Spatial Poetry: An Examination of Theatre Texts in Performance [Text] / S. Bassnett // Literature and Translation / Eds. J. S. Holmes et al. – Leuven: ACCO, 1978. – Pp. 161 – 176.
30. *Chang, C.-H.* Shakespeare in China [Electronic resource] / Chen-Hsien Chang. – Режим доступа: <http://books.google.ru/books?id=T5G1Y6eFPVIC&pg=PA112&lpg=PA112&d>.
31. *Elam, K.* The Semiotics of Theatre and Drama [Text] / K. Elam. – London : Routledge, 2002.
32. *Espasa, E.* Performability in Translation: Speakability? Playability? Or just Saleability? [Text] / E. Espasa // Moving Target: Theatre Translation and Cultural Relocation / Ed. C.-A. Upton. – Manchester : St Jerome Publishing, 2000. – Pp. 49 – 62.
33. *He, Q.* Teaching Shakespeare in Chinese Universities [Text] / Quixin He // Chinese Shakespeare Yearbook 1994 / Ed. Meng Xianqiang. – Changchun : Northeast Normal Univ. Press, 1995. – Pp. 211 – 224.
34. *Huang, A.* Shakespeare and the Visualization of Metaphor in Two Chinese Versions of Macbeth [Electronic resource] / A. Huang. – Режим доступа: <http://docs.lib.purdue.edu/clcweb/vol6/iss1/5>.
35. *Huang, A. C. Y.* Shashibiya: Staging Shakespeare in China [Text] / A. C. Y. Huang // Asian Theatre Journal. – Vol. 22. – Iss. 2. – 2005. – Pp. 371 – 374.
36. *Kruger, A.* The Role of Discourse Markers in an Afrikaans Stage Translation of *The Merchant of Venice* [Electronic resource] / A. Kruger. – 2004. – Режим доступа: <http://www.accessmylibrary.com/coms2>.
37. *Lin, S.* A Mirror Up to 'Human' Nature. The Case of the Chinese Translator Liang Shi Qiu [Electronic resource] / Shen Lin. – Режим доступа: <http://books.google.ru/books?id=PgJAUnusS84C&pg=PA98&lpg=PA98&dq=>.
38. *Lu, G.* *Hamlet* Across Space and Time [Text] / Gusun Lu // Shakespeare Survey. – 1983. – Vol. 36. – Pp. 53 – 56.
39. *Mathijssen, J. W.* The Breach and the Observance: Theatre Retranslation as a Strategy of Artistic Differentiation, with Special Reference to Retranslations of Shakespeare's *Hamlet* (1777-2001): Dissertation [Electronic resource] / J. W. Mathijssen. – Режим доступа: <http://igitur-archive.library.uu.nl/dissertations/2007-0724-200650/index.htm>.
40. *Nikolarea, E.* Performability versus Readability: A Historical Overview of a Theatrical Polarization in Theatre Translation [Electronic resource] / E. Nikolarea. – Режим доступа: <http://accurapid.com/journal/22theater.htm>.
41. *Pavis, P.* Languages of the Stage: Essays in the Semiology of the Theatre [Text] / P. Pavis. – New York : Performing Arts Journal Publications, 1982.
42. *Pavis, P.* Problems of Translation for Stage: Intercultural and Post-Modern Theatre [Text] / P. Pavis // The Play Out of Context: Transferring Plays from Culture to Culture / Eds. H. Scolnicov and P. Holland. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1989. – Pp. 25 – 44.
43. *Pinto, S. R.* Theatrical Texts vs. Subtitling. Linguistic Variation in a Polymedial Context [Electronic resource] / S. R. Pinto. – Режим доступа: http://www.euroconferences.info/proceedings/2006_Proceedings/2006_Ramos_Pinto_Sara.pdf.
44. *Pratt, M. L.* Toward a Speech Act Theory of Literary Discourse [Text] / M. L. Pratt. – Bloomington : Indiana Univ. Press, 1977.
45. *Schultze, B.* In Search of a Theory of Drama Translation: Problems of Translating Literature (Reading) and Theatre (Implied Performance) [Text] / B. Schultze // Associacao Portuguesa de Literatura Comparada: Os Estudos Literarios: (Entre) Ciencia e Hermeneutica. Proceedings of the 1st Congress of the PCLA in 1989. – 1990. – Pp. 267 – 274.
46. *Sun, Y.* Translating Methods of Shakespeare in China [Electronic resource] / Yanna Sun. – Режим доступа: <http://www.ccsenet.org/journal.html>.

47. The Oxford English Dictionary. In 13 vol. [Text] / Oxford : Oxford Univ. Press, 1933 [OED].
48. *Toury, G.* In Search of a Theory of Translation / Meaning and Art [Text] / G. Toury. – Porter Institute for Poetics and Semiotics, Tel-Aviv University, 1980.
49. Webster's New Collegiate Dictionary [Text]. – Springfield, Mass.: G. & C. Merriam-Webster, 1981 [Webster].
50. *Yan, X.* Brief Analysis of Liang Shiqiu's Translation Attitudes [Electronic resource] / Xiaojiang Yan. – Режим доступа <http://www.linguist.org.cn/doc/uc200511/uc20051116.pdf>.

УДК 81'25
ББК 81.1

А.В. Немировская

МЕТАФОРА ТУРЕЦКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДА

В статье рассматриваются проблемы перевода метафоры с турецкого на русский язык на материале художественного произведения. Предлагается типология метафоры турецкого художественного текста, описывается специфика её образования и функционирования, выделяются стратегии и приемы перевода метафоры турецкого художественного текста на русский язык.

Ключевые слова: метафора; художественный текст; турецкий язык; интегративный подход; приемы перевода.

A.V. Nemirovskaya

METAPHOR OF TURKISH LITERARY TEXT AS THE OBJECT OF TRANSLATION

The paper deals with the problems of literary translation of Turkish metaphor from the perspective of integrative approach, combining achievements of cognitive linguistics, [psycholinguistics](#) and [lingvosynergetics](#). A new typology of metaphor in the Turkish literary text is suggested, along with the description of peculiarities of metaphor formation and functioning. According to the new conceptual approach, the strategies and methods of translation of the metaphor in the Turkish literary text are defined.

Key words: metaphor; literary text; Turkish language; integrative approach; translation methods.

Перевод турецкой метафоры в художественном тексте как воссоздание образов одного языка средствами другого является непростой задачей и требует не только владения приемами перевода метафор, но и знания турецкой культуры, поскольку феномен метафоры имеет лингвокультурный характер и должен рассматриваться с учетом традиций и самосознания народа. Не менее важен и человеческий фактор, учет личности автора и личности адресата метафоры. Изучая метафору как объект перевода, мы вынуждены обращаться и к личности переводчика, к реципиенту метафоры. Учет такого многообразия факторов придает исследованию проблем перевода метафоры мультидисциплинарный характер и требует интегративного подхода к их решению [Немировская, 2006].

Исходя из этого, мы придерживаемся когнитивной трактовки метафоры как универсального познавательного механизма, когнитивного процесса, способа концептуализации действительности, осознания мира, который «предопределяет» или «навязывает» носителям какого-либо языка специфический

взгляд на мир. Иными словами, при анализе художественной речи используется широкий подход к выделению метафор, основанный на общих принципах когнитивной лингвистики. В рамках единой системы рассматриваются лексические единицы, составные наименования, фразеологизмы и их компоненты, а также другие воспроизводимые единицы (пословицы, поговорки, афоризмы и т.п.). Как отмечает И.М. Кобозева, для когнитивного подхода имеет смысл признавать «метафорами, или, выражаясь более осмотрительно, метафороподобными выражениями, все образные построения, имеющие в качестве когнитивной основы уподобление объектов, относящихся к разным областям онтологии» [Кобозева, 2001]. Метафора может исследоваться и как механизм, и как процесс, и как его результат, и как ментальная операция. Соответственно, и к переводу метафоры используется кардинально иной подход: в первую очередь обращается внимание не на формальные признаки и способы их передачи в языке перевода, а на концептуальный смысл метафоры.

Основная цель переводчика – сохранение метафоры при переводе. Так, при отборе языкового материала, понятийное сближение является более важным фактором, чем уровневые или структурные различия. К тому же стиль художественной литературы характеризуется стилистической «незамкнутостью», неограниченностью в отношении используемых в нем речевых средств, поэтому, говоря о функционировании метафоры в художественном произведении, иногда можно упомянуть и об использовании метафор в разговорной речи, и об употреблении неологизмов и терминов, созданных на основе метафорического переноса. В художественном тексте можно встретить метафоры любых типов. Кроме того, помимо стилистических особенностей художественного текста, значительным фактором, влияющим на функционирование метафорической единицы в турецком художественном тексте и её перевод, является система турецкого языка.

Типологически метафоры турецкого и русского языков имеют значительные различия в плане формы, содержания и функционирования, а именно, формируются специфические словообразовательные средства для создания метафорических номинаций. К ним относятся различные способы выражения, уподобления, сравнения, например, турецкое словообразование использует для уподобления конструкции с послелогом *gibi*, *li*, *sekinde*, *halinde* и др. Сравните: рус. *U-образная труба* и тур. *U şeklinde tüp*. *Yol yılan gibi kıvrılıyordu* – дорога вилась змеёй; *Haberi duyunca ok gibi fırlayarak eve koştu* – услышав эту новость, он стрелой помчался домой. Метафорические номинации часто реализуются при транспозиции – переходе слова из одной части речи в другую: *каменное сердце* (*taş kalp*), *змеиться* (о дороге) (*yılan gibi kıvrılmak*) и т.п.

Турецкому языку не свойственны частичные метафоры, одна и та же форма слова соотносится с обоими значениями, прямым и переносным. Например, турецкое слово *çekirdek* имеет помимо своего основного прямого значения *ядро*, *косточка*, *зерно*, *сердцевина в плодах* такие фигуральные значения, как *суть*, *сердцевина*, *кадры*, *основа*, *центр*, *костяк*. Следовательно, одна и та же форма слова употребляется в словосочетаниях с метафорическим значением: *çekirdek eri* – *кадровик*;

çekirdek ordusu – *кадровая армия, кадровые войска, отборные войска*; *çekirdekten yetişmek* – *обучиться с малолетства чему-либо («вырасти из семечки»)*. Нередко в русском языке переносное значение восходит к уменьшительной форме слова, отличающейся от более употребительной общей формы, тогда как в турецком форма остается при этом значении неизменной. Например, *ayak* – *нога и ножка (стула, стола)*; *diş* – *зуб и зубец, зубчик (вилки, расчески, пилы)*, а также *долька (апельсина, чеснока)*.

В синтаксическом аспекте типология метафоры определяется теми конструкциями, в которых она реализуется в речи. Так, метафора может опознаваться в словосочетаниях благодаря определенным синтаксическим структурам. Безусловно, особенности языковой системы оказывают влияние на характер приемов номинации: словосложения в турецком языке облекаются в изафетную конструкцию. Первый тип (притяжательный, или двуаффиксный изафет): зависимый член предшествует главному и оформляется аффиксом родительного падежа; главный член получает аффикс принадлежности: *işçi partisinin çekirdeği*. Изафет второго типа (относительный, или одноаффиксный изафет): определяемое (главный член группы) получает аффикс принадлежности третьего лица, определение (первый компонент) аффиксов не принимает и всегда непосредственно примыкает к определяемому: *denizaltı* – *подводная лодка* (*deniz* – *море*, *alt* – *низ*), *nehir kolu* – *рукав реки* (*nehir* – *река*, *kol* – *рукав*), *boyunbağı* – *галстук* (*boyun* – *шея*, *bağ* – *связка*). Большинство сложных слов в турецком языке представляют собой изафетные словосочетания второго типа. Изафет третьего типа (качественный, или безаффиксный, изафет): именная определительная группа, в которой ни зависимый, ни главный член не получают никаких формальных показателей: *gül yanak* – *щеки как розы*, *kasırğa atlar* – *кони как вихрь*, *iç yüz* – *суть*, *kelebek kravat* – *галстук-бабочка*. Значительная часть номинативных метафор в турецком языке образована изафетными конструкциями.

Необходимо отметить, что сложившаяся в языке лексическая система сама начинает накладывать известные ограничения на творческую деятельность людей, создающих новые слова [Языковая номинация, 1977 : 156]. Ме-

тафорическая номинация становится зависимой от сложившейся лексической системы. Турецкий язык часто прибегает к метафорическому переосмыслению там, где в русском языке используются словообразовательные и иные средства. Например, термин штепсельное гнездо в турецком языке выглядит как *dişi fiş* (если переводить буквально – *женский контакт*), а штепсельная вилка – *erkek fiş* (*мужской контакт*). И даже если в русском используется термин метафорического происхождения, он нередко имеет менее сильные ассоциации с общеупотребительным словом, чем соответствующий турецкий. Например, турецкий термин *demirkapan* (*ловушка для железа*) и его русский эквивалент *магнит*. Показательны в этом смысле термины, образованные со словом *perde*, буквальное значение которого «занавес, занавеска». Например, *ateş perdesi* – *огневая завеса*, *duman perdesi* – *дымовая завеса*, *perdecere perdesi* – *портьера*, *beyaz perde* – *экран кино*, *perde duvarı* – *ограда* и др.

Для адекватного перевода требуется, в первую очередь, понимание реципиентом смысловой доминанты турецкой метафоры, что требует не только достаточного уровня языковой компетенции в турецком языке, но и отличного знания культуры и традиций турецкого народа. Подобное разнообразие структурных типов метафоры требует применения различных переводческих приемов. Поскольку метафора представлена в художественном тексте, с точки зрения формы, различными языковыми конструкциями, то требуется предварительная классификация для выявления наиболее эффективных приёмов перевода. Так как в качестве объекта перевода выступают разнообразные образные средства языка, созданные на основе метафорического переноса, для удобства дальнейшей классификации переводческих приемов и стратегий целесообразно придерживаться классификации метафоры на основе подхода Дж. Лакоффа: авторская метафора (творческая метафора, уникальная по своему метафорическому переносу, находящаяся вне нашей конвенциональной понятийной системы); концептуальная метафора (базовая, автоматизированная в нашем сознании и детерминирующая мышление).

Рассмотрим данную классификацию на примерах:

1. Концептуальные метафоры (базовые: языковые, номинативные метафоры): *boşnak güzeli* – *кровь с молоком* (букв. *красавица-боснийка, рыжеволосая красавица*); *kadın avcısı* – *бабник* (букв. *охотник на женщин*). Номинативные (вынужденные) метафоры – тропы, возникшие как основные названия (номинации) предметов: *лист бумаги*, *ножка стула*. К вынужденным метафорам также относят метафоры-термины. Например: *ayak* – *нога и ножка (стула, стола)*; *ayakkabı* – *обувь (ayak – нога, kap – футляр, крышка)*; *göz* – *глаз и глазок (на картошке, на растениях, деревьях, смотровое окошко)*; *kelebek kravat* – *галстук-бабочка*.

2. Авторская метафора (образная, поэтическая).

В художественном произведении образы – это воплощение мышления автора, его яркое изображение картины мира. Яркий образ основан на использовании сходства между двумя далекими друг от друга предметами. Автор может порой проводить смелые параллели между, казалось бы, не имеющими ничего общего концептами: *Sabahsız bir gecedir* (M. Öztürk) – *ночь без утра (волосы любимой девушки)*; *İki kara ada* (M. Öztürk) – *два черных острова (глаза девушки)*; *Bulutların ıslıkladığı şarkısı* (M. Öztürk) – *песня воды, насвистываемая тучами (летний дождь)*.

При переводе метафоры используются следующие 6 приемов:

1. Полный перевод – сохранение образа, дословный перевод, когда это возможно. Применяется для перевода метафор в том случае, если в турецком и русском языках совпадают как правила сочетаемости, так и традиции выражения эмоционально-оценочной информации, употребленные в данной метафоре. *Yeni mutluluk yuvasını* (O. Pamuk) – *его новое гнездо счастья*. *Gel şurada birkaç tane atalım* (S. Ali) – *давай-ка опрокинем по стопочке*.
2. Интерпретация, или толкование, когда образ оригинала невозможно перенести в перевод из-за неадекватности его восприятия реципиентом перевода. Интерпретация – перевод, выполненный по денотативному методу, осуществляемый как трехэтапный процесс: этап восприятия сообщения на исходном языке; этап формирования мыслительного образа (концеп-

та этого сообщения); этап интерпретации этого образа средствами языка перевода. Интерпретация не устанавливает прямой связи между словами и словосочетаниями двух языков. *Yarım saat oturmakla eyde sora yemezsin* (S. Ali) – не поколотят же тебя дома, если ты посидишь здесь полчаса. *Onun için candan bir arkadaş bulunca dört elle sarılıyorum* (S. Ali) – вот почему, когда найдешь настоящего друга, то привязываешься к нему всей душой.

3. Замена образа – чтобы передать ту мысль, которая закодирована в авторской метафоре, переводчик прибегает к замене на образ, более традиционный и понятный для читателя. Применяется в случаях лексического или ассоциативного несоответствия между элементами метафоры в исходном и переводящем языках. *Kuşbaşı kar* – снег крупными хлопьями (букв. размером с птичьей головой). *Ne şar ne şeker* – ни рыба ни мясо (букв. ни квасцы ни сахар).
4. Традиционное соответствие – употребляется в отношении метафор фольклорного, библейского, античного происхождения, когда в исходном и переводящем языках сложились разные способы выражения метафорического подобия. *Kadir gecesini doğmak* – родиться в сорочке, родиться под счастливой звездой (букв. родиться в 27-ю ночь рамазана, ночь предопределения, когда Мухаммеду был ниспослан Коран). *Kafdağının ardında* – за морями за долами; за тридцать земель (букв. за легендарной горой Каф). *Otur iki gözüüm* – садись, свет очей моих. (S. Ali)
5. Структурное преобразование – применяется при различии традиций грамматического оформления метафоры в исходном и переводящем языках. Структурные преобразования заключаются как в словесном, так и в грамматическом изменении исходного текста. *Hayatın baharı* – молодость. *Biz de fikir sahibiyiz...* (S. Ali) – мы ведь тоже умеем мыслить... *Fakat cahil çocuk, dinlemezdiki...* Нер burnunun dogrusuna giderdi (S. Ali) – но ведь молодо-зелено, всегда напролом лез.
6. Добавление/опущение – используется в тех случаях, когда мера подразумеваемости подобия в исходном и переводящем языках различна, и требуется либо экспли-

кация подразумеваемого в исходном тексте смысла (прием добавления), либо, напротив, импликация словесно выраженного в исходном тексте (прием опущения). Опущение: *Sana verecek zamanım yok* (S. Ali) – у меня нет времени на тебя. *Yüreklerin kulakları sağır* (N. Hikmet) – сердца глухи. Добавление: *Genç olmak, ateşli olmak, davanın ruhunu duymak lazim* (S. Ali) – надо молодым, горячим быть, надо иметь нюх на дела такого сорта.

Построение метафорических единиц в турецком и русском языках различно, и при переводе нередко приходится прибегать к значительным преобразованиям: например, замена самого стилистического статуса единицы, когда вместо исходной метафоры в русском языке появляется сравнение или метафорический эпитет: *Damarları fırlak kupkuru eller* (O. Kemal) – высохшие руки со вспученными венами. *Yüzü soğuktur şu menhus yerin* (S. Ali) – это неприятное, зловещее место.

Указанные приемы перевода метафорических единиц, наиболее приемлемы в языковой паре турецкий – русский языки. Мы постарались построить модель процесса нахождения адекватного варианта перевода. С этой целью можно предложить стратегию перевода, ведущую к созданию метафорического образа в тексте перевода, адекватного авторскому.

Целесообразно стратегию перевода определить как совокупность принципов, которыми руководствуется переводчик в процессе их движения от исходного текста в тексте в языке перевода. Употребляя термин «стратегия», мы имеем в виду комплекс мер, общий план действий переводчика, технику перевода. Возможно выделить следующие 3 стратегии перевода метафоры: 1) встречающая метафоризация и подбор средств языка перевода, которые адекватно воспроизводят авторскую метафору текста оригинала; 2) замена авторской метафоры собственными интерпретациями, личными ассоциациями и представлениями; 3) перевод авторской метафоры образным сравнением или устойчивыми языковыми метафорами, характерными для языка перевода, буквальное тождество.

Наиболее адекватными переводами следует признать варианты перевода, полученные в результате применения первой стратегии. Меньшая степень адекватности при за-

мене авторской метафоры собственными интерпретациями и наименее адекватным переводом можно считать образные сравнения или устойчивые метафоры в ПЯ. Соответственно, отказ от перевода метафорической единицы, ее «пропуск» в переводе рассматривается нами как неадекватный перевод. Это говорит о невозможности преодоления когнитивного диссонанса вследствие низкого уровня языковой компетенции переводчика/реципиента в турецком языке. Что касается перевода концептуальных метафор (устойчивых языковых и номинативных метафор) ИЯ, мы полагаем, что они должны передаваться аналогичными метафорами в ПЯ. Допустима замена образа, подбор традиционного соответствия, чтобы быть понятными читателю и с легкостью интерпретироваться на основе его концептуальной системы.

Каким же образом можно оценить качество и адекватность перевода метафоры? Для исследования перевода метафоры художественного текста целесообразно последовательное применение методов компонентного, контекстуального и концептуального анализа [Губернаторова, 2003 : 238].

Благодаря методу компонентного анализа переводчик анализирует единицы языка в их прямом номинативном значении, может различить модификации значений лексических единиц, определить их степень пересечения и/или несовмещения в двух языках.

Контекстуальный анализ является следующим этапом анализа метафорического контекста. На этом уровне изучается функционирование языковых элементов в художественном контексте, т.е. учитываются дополнительные оттенки значения или «коннотации», приобретаемые единицами языка в контексте, который выражает авторский смысл. Контекстуальный анализ способствует более глубокому внедрению в авторскую модель познания (метафору) благодаря рефлексии над более широким контекстом целого/законченного речевого произведения.

Концептуальный анализ является заключительным этапом работы над метафорическим контекстом. Содержание текста исследуется как функциональное поле смысла, а не речевая актуализация семантического поля лексемы (о разграничении семантического и концептуального анализа см.: [Кубрякова,

1991]). Под концептуальным анализом можно понимать исследование выраженного в словах мыслительного (когнитивного) содержания ценностных (модальных) коннотаций и мотивационно-прагматических установок. Такое понимание «концептуального» противопоставляет в общем плане внеязыковые аспекты языковых значений собственно языковым. В концептуальном анализе изучается взаимоотношение компонентов доминантного смысла текста, представленного в разных лексемах, в которых фиксируются актуальные субъективные авторские смыслы с помощью конвенциональных единиц. Именно от тщательно выверенного концептуального анализа зависит степень адекватности перевода.

Метафора как ненормативное явление требует нестереотипных путей интерпретации. Однако, несмотря на кажущуюся сложность понимания и интерпретации авторской, творческой метафоры, которая находится вне конвенциональной понятийной системы реципиента, ее адекватный перевод может быть осуществлен самопроизвольно, за счёт механизмов смыслопорождения. Это объясняется тем, что метафора функционирует как динамическая когнитивная структура в концептуальной системе переводчика. Метафора автоматически регулирует протекание синергетических процессов в концептуальной системе переводчика и тем самым обуславливает адекватность перевода. Метафора как выражение авторского смысла не содержит в себе возможности для разворачивания этого смысла. С синергетической точки зрения, восприняв эмоциональную энергию и нестереотипную информацию как познавательную структуру, реципиент начинает собственный процесс смыслопорождения на базе присвоенного, происходит «запуск» рефлексивного процесса, стимулируемого метафорой. При этом смысл турецкой метафоры может быть передан с применением различных приемов перевода. Основным фактором, обуславливающим подбор приемов перевода для создания в тексте языка перевода метафорического образа, адекватного по смыслу и экспрессии метафоре исходного текста, являются системные различия турецкого и русского языков, а также традиции в использовании метафор в художественных текстах, характерные для этих языков.

Теперь о степенях сложности перевода метафор. Как правило, турецкие номинативные метафоры зафиксированы в словарях, и переводчик всегда может справиться об адекватном варианте перевода. Перевод концептуальных турецких метафор представляет трудность только в том случае, если, вследствие своей культуроспецифичности, они неизвестны переводчику, не зафиксированы в словарях и логика метафорического переноса в турецком языке не совпадает с мышлением носителей русского языка. В свою очередь, это может быть обусловлено либо несовпадением концептуальных систем автора или всего турецкого народа в целом и реципиента/переводчика, либо недостаточной языковой компетентностью последнего.

В целом, адекватный перевод метафоры достигается при использовании различных приемов перевода, поскольку адекватность перевода определяется сформированностью определенных когнитивных структур в сознании переводчика и тем, как он может ими оперировать. В переводе метафоры адекватность достигается в том случае, когда тот образ мира, который автор представляет метафорически в тексте оригинала, представляется в тексте перевода также метафорически. Иными словами, в языке перевода возникает когнитивная структура, инвариантная когнитивной структуре метафоры в исходном языке. А значит, адекватным переводом метафорической единицы ИЯ следует признать инвариантную метафору в ПЯ, соответствующую по смыслу и эмоциональному воздействию оригиналу и отвечающую нормам русского языка. Очевидно, что поиск такого соответствия связан с синергетическими процессами, протекающими в концептуальной системе переводчика.

Подведем итоги. Успешность исследования метафоры художественного текста как объекта переводческой деятельности определяется интеграцией достижений традиционной лингвистики, лингвистики текста, психолингвистики, явившейся предтечей появлений исследований в когнитивном и лингвосинергетическом направлениях языковедения. Актуально и привлечение к объяснению возможности адекватного перевода метафоры и принципа дополнительности Н. Бора, который позволяет рассмотреть метафору как цельную единицу, совмещающую в себе кон-

тинуальность мышления и дискретность как свойство языка и требующую применения интегративного подхода к своему изучению как феномена и как объекта перевода [Немировская, 2005 : 321]. Так, для выявления специфики функционирования метафоры в художественном тексте методологически значимым и продуктивным является синтез традиционного и нового: объединение достижений системоцентрической лингвистики, а также когнитивных и психолингвистических методов исследования.

Библиографический список

1. *Губернаторова, Э. В.* Алгоритм анализа художественного метафорического контекста [Текст] / Э. В. Губернаторова // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: сб. ст. / под общ. ред. В. А. Пищальниковой. – М. : Барнаул, 2003. – С. 232–241.
2. *Кобозева, И. М.* Семантические проблемы анализа политической метафоры [Текст] / И.М. Кобозева // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 2001. – № 6. – С. 132–149.
3. *Кубрякова, Е. С.* Обеспечение речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона [Текст] / Е. С. Кубрякова // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. – М., 1991. – С. 82–140.
4. *Немировская, А.В.* Применение принципа дополнительности к переводу метафоры [Текст] / А.В. Немировская // Университетское переводоведение. Вып. 7 : материалы VII Междунар. науч. конф. по переводоведению «Федоровские чтения» 20–22 октября 2005 г. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2005. – С. 319–327.
5. *Немировская, А. В.* Интегративный подход к переводу метафоры в художественном тексте [Текст] / А.В. Немировская // Вестник Красноярского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2006. – № 3. – С. 211–213.
6. *Языковая номинация (Общие вопросы)* [Текст] / отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1977.

Список источников примеров

1. *Hikmet, N. Tüm Eserleri* [Text] / Nazım Hikmet. – İstanbul : Yapı Kredi Yayınları, 2003.
2. *Orhan, K. Kırmızı Küpeler* [Text] / Kemal Orhan. – İstanbul : Tekin Yayınevi, 1996.
3. *Öztürk, M. Eksi Kırk* [Text] = *Минус сопок / Mustafa Öztürk*. – М., 2000.
4. *Pamuk, O. Kara Kitap* [Text] / Orhan Pamuk. – İstanbul : İletişim Yayınları, 2000.
5. *Sabahattin, Ali. Fikir Arkadaşı* [Text] / Ali Sabahattin // *Bütün eserleri. Kitap 6.* / Ali Sabahattin. – İstanbul : Cem yayınevi, 1994. – S. 74–48.

УДК 81 - 11
ББК 81-2

Е. Л. Пастернак

РОЛЬ РАННИХ ИНДОЛОГИЧЕСКИХ ОПЫТОВ АНКЕТИЛЬ- ДЮПЕРРОНА В ФОРМИРОВАНИИ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В статье рассматривается вклад французского востоковеда XVIII в. А-Ж Анкетиль-Дюперрона в формирование основных методов санскритологии и сравнительно-исторического языкознания. Рассматриваются две параллельные линии течения лингвистической мысли: философская и историческая. Исследуемый период представляется важнейшим этапом становления лингвистики.

Ключевые слова: язык и культура; санскритология; родство языков; индоевропеистика; ориентализация; исторический метод.

E. L. Pasternak

THE ROLE OF THE EARLY INDOLOGICAL ESSAYS OF ANQUETIL-DUPERRON IN THE FORMING OF FRENCH LINGUISTIC.

The author considers the eminence of the first French orientalist A.-J. Anquetil-Duperron and his contribution to the formation of the comparative linguistics. The article contains a comparative analysis of the two tendencies of the early linguistics thought: philosophical and historical. The works of the orientalists and philosophers of the XVIII century are estimated as a basis for a new type of the analysis of languages.

Key words: language and culture; sanscritology; parency of languages; indoeuropeistic; orientalism; historical method.

В немногочисленных критических работах (J.-M. Andre & M.-F. Basels, L. Campbell, J. De-loche и др.) А.-Ж. Анкетиль Дюперрон (1731–1805), как правило, называется первым французским востоковедом (le premier orientaliste français), хотя в современной критике вопрос о первенстве нередко решается в пользу его старшего современника Г.-Л Керду [Murg, 1987 : 17–34, 45–87]. Выраженное лидерство Анкетилия состояло, скорее, в стремлении к *ориентализации* французского общества, которая к концу XVIII столетия становится все более актуальной и в силу исторических и социальных обстоятельств, и в связи с повышенным интересом, возникшим в странах-колонидах к культуре колоний.

Анкетиль-Дюперрон, кроме своей историко-культурной миссии (l'homme pelerin), запомнился французам и европейцам как первый переводчик (а судя по некоторым критическим откликам, скорее, *пересказыватель* текстов *Авесты*).

Следует отметить, что для исследования культуры и языка индийцев Анкетиль около

семи лет (с 1754 по 1761 гг.) прожил в Индии. Главным своим делом он считал не столько перевод на французский язык *Авесты*, сколько обогащение европейского общества рукописями, содержащими результаты его работы с информантами. Тем не менее даже не это обстоятельство, сделавшее его знаменитым, определяет первенство этого автора в ряду цитируемых ученых-создателей французского «раздела» ранней индоевропеистики.

Отметим, что один факт, так или иначе связанный с переводом *Авесты*, представляется существенным предварением к собственно индоевропеистским его изысканиям. После опубликования французского текста *Авесты* Анкетиль становится одним из самых упоминаемых и цитируемых авторов. Особенно показательной представляется реакция французского мыслящего общества на это сочинение – в ней явно ощущается некая готовность к сенсационным открытиям, чего практически не ожидалось и не наблюдалось ранее. Если некоторые сочинения, создававшиеся в рамках старой школы, имели принципиально но-

ваторский, но не сенсационный характер, то книги, относимые к новым традициям, нередко выглядели сенсацией. Этот внешний, чисто формальный пункт, демонстративно отличающий старое от нового, показателен – в нем видится стремление к факту и в среде ученых, и в среде читателей, в особенности, если заново обретенный факт обладает выраженной привлекательностью, которой было так много в культурологических, этнологических и лингвистических материалах, полученных парижской Королевской библиотекой с Востока.

В самом событии (многолетняя восточная экспедиция, результатом которой становится собрание более двухсот единиц рукописей) прослеживаются весьма характерные черты, определяющие и сам образ человека, мыслящего и действующего иначе, нежели кабинетный ученый-теоретик, и принципы его работы. Пример Анкетиль-Дюперрона представляется показательным для установления романтического склада мысли и действия, очевидным образом противоречащего традиционному научному мировоззрению философа-просветителя.

Итак, опубликованный перевод *Авесты* стал ярким событием. Представленный материал поражал живостью и наглядной фактурностью и спровоцировал ряд откликов, в которых выражалось сомнение в самой его достоверности. Одним из наиболее непримиримых критиков Анкетилья явился Уильям Джонс, главным пунктом обвинения которого служила «нарочитая глупость» всего произведения, указывающая на соответствующее ментальное состояние упоминаемых в нем лиц (см. об этом подробнее [Edward, 1980]).

Благодаря миссии Анкетиль-Дюперрона задавались стиль и темп нового типа сочинений по истории и языкознанию – путешествия обеспечивали экспериментальный характер работы, и набранный фактический материал уже становился собственностью автора. Результата работы над материалом читатели и корреспонденты ждали с жадностью, чем может объясняться явная взаимная агрессивность критиков и авторов. Такова типичная ситуация, в которой создавались первые сочинения санскритологического периода во Франции.

Главным своим сочинением Анкетиль считал «Индию и ее взаимоотношения с Евро-

пой» («*L'Inde en rapport avec l'Europe*») [Duperron Anquetil, 1798]. Прежде всего, стоит сказать несколько слов об исторических предпосылках его создания: одним из наиболее интересных для современного исследователя общих ситуативных положений представляется принципиальное смещение интересов ученых (философов и теоретиков языка и культуры) от греко-римской античности в сторону египетского и индийского культурного наследия. Подобная динамика в области трансформации системы интеллектуальных ценностей характерна вообще для европейской науки XVIII столетия. Одним из первых признаков указанной тенденции может считаться (представленный, в частности, в подробной интерпретации Э.-Б. де Кондильяком) трактат У. Уорбертона «...О египетских иероглифах» [Кондильяк, 2006]. Кроме того, в ее пользу свидетельствует и ряд других сочинений (только во французской традиции это Lambert, de Marsy, Sonnerat и др.).

Не пускаясь в рассуждения о политических и «меркантилистских» интересах европейцев, центр которых в основном и сосредоточивался в Индии, стоит признать очевидное следствие операций, связанных с этими интересами – чем больше экспедиций возвращалось из Индии, тем обширнее становился экспортируемый материал, в том числе представлявший существенный интерес и для науки о языке. Однако не следует полагать, что причиной указанного смещения интереса являлась только всем известная европейская экспансия на Восток и соответствующей причиной научных споров (наиболее выраженным примером которых является уже упомянутый спор между Джонсом и Анкетиль-Дюперроном) было только пресловутое геополитическое соперничество Англии и Франции. Стоит указать на общее и гораздо более существенное для данного исследования положение – *ориентализация* философов и теоретиков языка выглядит вполне естественным явлением, отвечающим двум потребностям: в изменении собственно подхода к научному материалу и в прерывании догматической традиции, отчасти построенной на позициях античной философии.

Уход от античной системы мысли предполагает новую базу в виде нового материала. И именно в этой точке сходится поиск сознания

и реализация исследования уже обнаруженных и собранных памятников языка и культуры.

Таково первое существенное обстоятельство, вызвавшее перемену подхода к исследованию языка и выбор специально предназначенного для этого исследования материала.

Стоит отметить и особенный тип исследователя, так ярко воплощенный в самом явлении Анкетилля. В отличие от большинства своих предшественников, он не был миссионером и отправился в Индию, что называется, по велению сердца. Известно, что он отправился в экспедицию в Индию с одной целью. В 1754 г., будучи студентом, вполне заинтересованным в самостоятельных востоковедческих исследованиях, он увидел факсимильное издание оксфордской *Vendidada* и решил сделать достоянием своих соотечественников наиболее представительное собрание текстов *древнеиндийского языка*. Вдохновленный и предвиденным богатством материала, и очевидным патриотизмом, он нанялся простым матросом в Ост-Индскую кампанию и отправился в путешествие в Индию, которое длилось семь лет.

Анкетиль-Дюперрон занимался все эти годы с информантами, в основном, с парсами. Многолетняя работа с ними, помимо собрания текстов, представленных некоторое время спустя в виде упоминавшегося перевода *Авесты*, стала основой для сопоставительного анализа множества элементов собранного им языкового материала.

Анализ собственно теории языка, излагаемой в «Индии...», необходим не только в силу очевидности ее формообразующей роли для новой методологии, но и для возможного пересмотра значения сочинений этого автора для французской лингвистики. До сегодняшнего дня Анкетилля называют человеком, привнесшим во французскую культуру вкус и любовь к восточному мифу, сыгравшие немало важную роль в формировании романтической системы мысли.

Однако прежде чем пускаться в даже самые поверхностные рассуждения о наиболее существенных сочинениях и теориях, составляющих основу ранней санскритологии, необходимо составить четкую хронологическую картину развития этого направления в языкознании.

Задолго до знаменитого выступления Уильяма Джонса уже существовали санскритологические работы и, более того, были широко доступны. Скорее всего, первым из исследователей санскрита (но никак не просто из знатоков, которых было немало среди путешественников и миссионеров) следует считать немецкого миссионера Генриха Рота (Heinrich Roth, 1620–1668). По завершении своего служения в Индии и незадолго до смерти Рот опубликовал на латинском языке грамматику санскрита, словарь и перевод на латинский язык некоторых священных текстов. Таким образом, зарождение санскритологии можно датировать шестидесятыми годами XVIII столетия, поскольку грамматика языка, словарь и двуязычный вариант издания памятника представляют собой корпус лингвистических работ, которые могли сделаться основой для построения дальнейших, более мощных и выразительных исследований.

Совершенно аналогичный набор работ (то есть грамматика, словарь и перевод текстов) полвека спустя был представлен в качестве результата миссионерской деятельности французского иезуита и санскритолога Жана-Франсуа Понса (Jean-François Pons, 1698–1753).

Значимость миссионерских трудов для лингвистики нельзя недооценивать. Очевидно, что изначально исследование языка индийцев имело исключительно практическую цель – понимать тех, кого следует обратить в свою веру. Наиболее амбициозные миссионеры стремились установить непосредственный контакт с брахманами, которым принадлежало сокровенное знание и которые владели священными текстами. Поскольку любые научные изыскания, в особенности, в области религиоведения, философии и языка поощрялись французскими властями, то результатов миссионерской научной деятельности ожидали во Франции – они публиковались и широко обсуждались. Именно так сочинения миссионеров-лингвистов и философов становились доступными и читаемыми.

Эта тенденция уже к 1734 году привела к тому, что в Королевской библиотеке в Париже находилось около двухсот санскритских рукописей и несколько санскритских грамматик. Если вспомнить о том, как Кондильяк сетовал на то обстоятельство, что ему не удает-

ся и не удастся «докопаться» до древнейшего языка, который может считаться праязыком (*langue-mère*) других языков (напомним, что его «Опыт о происхождении человеческих знаний» был опубликован в 1746 г.), то этот пример параллельного течения двух ответвлений лингвистической мысли может послужить более чем красноречивой иллюстрацией столкновения двух систем мышления – догматической и романтической [Кондильяк, 1980 : 230 и след.].

Не следует пытаться ответить на вопрос, был ли знаком кто-либо из философов-лингвистов (Кондильяк, Руссо, Ламетри, Кабанис и пр.) с индологической коллекцией, хранившейся в Королевской библиотеке. Прямых свидетельств этому не найдено. Очевидно лишь одно обстоятельство – характер миссионерских индологических работ был широко известен многим французам, которые причисляли себя к разряду мыслящих, пишущих и читающих. Просветительская деятельность иезуитов давно являлась одной из основ интеллектуализации всего французского общества. Таким образом, не столько неведение философов-лингвистов, сколько принципиально новый взгляд на исследуемый ими корпус лингвистических вопросов становится причиной игнорирования довольно представительного санскритского материала.

Как уже говорилось, смещение научного интереса в сторону Востока происходило во Франции именно под влиянием обильных индологических поступлений.

Очевидно, что Индия как особая цивилизация была давно известна европейцам. Более того, судя по свидетельствам только французских историков санскритологии (Descamps, Edward, Vamboate), из Александрии ежегодно к берегам Индии отправлялось около ста двадцати кораблей в год. Это свидетельство само по себе не менее красноречиво, чем например, путешествие в Индию философа Плотина или обширные познания Св. Ипполита, жившего в Риме в III в., о многосторонней актуальности этой цивилизации для европейской, начиная с самых ранних ступеней развития последней. Таким образом, можно судить о привлекательности индийской культуры и цивилизации для европейцев.

И тем не менее санскритология могла зародиться не на уровне гипотезы, но в фор-

ме целого направления в языкознании только при наличии определенных, необходимых для этого условий.

Первое, наиболее простое и очевидное условие – это аккумуляция лингвистического материала и его перцепция европейцами. Для ведения научной экспериментаторской лингвистической работы было необходимо определенное время, период, нужный для того, чтобы европейцы-миссионеры и экспериментаторы сами заговорили на исследуемом языке.

Миссии, обычно длившиеся несколько лет, предполагали перемещения и соответственное общение миссионера с информантами, принадлежавшими к разным социальным группам. Так постепенно преобразуется и сама миссионерская грамматика – автор, составляющий ее, владеет языком если не в совершенстве, то на необходимом профессиональном уровне. Таким образом, санскритский, зендский (старое название авестийского) языки для европейца постепенно теряют привычную высокую степень отчуждения. Далее – чем больше памятников собирается в процессе работы с информантами разных социальных групп, тем большей становится доступность материала.

Это первое условие может служить залогом некоего равновесия, устанавливаемого между двумя линиями рассуждений о языке. Старая школа продолжала формулировать основы своих главных принципов – происхождение, предназначение и функции языка, соотношение мысли и речи. Кроме того, в теориях и грамматиках проводятся изыскания в области языковых универсалий общих правил для всех языков, и на уровне состояния языка, и на уровне его формирования.

Вторым условием следует считать необходимую для исследования сумму методов и приемов, так называемый инструментарий, созданный ранее теоретиками языка и проверяемый на новом материале. Соблюдение этого условия необходимо для функционирования научного направления. Здесь вновь крайне актуальным представляется напоминание о необходимости признания исследователями языка принципа историзма. Это означает принципиально иное осмысление лингвистической данности, явно отличающееся от прежнего. Поскольку Г.-Л. Керду практиче-

ски сформировал принцип историзма, включаемый в анализ развития цивилизации и языка, то главным трудом для его последователей стало применение этого принципа на собранном материале.

Определение восприятия историзма учеными XVIII в. представляется крайне существенным. Поскольку именно в это время все чаще упоминается проблема развития языка во времени и пространстве, решение ее стало невозможным исключительно на эмпирической и интуитивной основах, приоритетное положение которых в системе рассуждений о языке теряет свою силу.

Если представители старой философской школы Просвещения не включали индологических материалов в корпус своих исследований, то новые ученые-миссионеры (главными представителями французской *протоиндоевропеистики*, следует считать, помимо Анкетиль-Дюперрона, Керду, Понса, Дюбуа, Дегиня) в лингвистических комментариях к собранным текстам не могли не использовать сформированный ранее метод.

Некоторые исследователи в определении образа жизни такого ученого прибегают к термину «путешествие-обучение» («*voyage-formation*») (J-M. André, M.-F. Basels и др.). Так, в процессе работы над материалом, который мог длиться, как в случае Анкетиль-Дюперрона, несколько лет, а в случае Керду – практически несколько десятилетий, появляется новый образ ученого-языковеда, полностью отличный от его предшественника – человека XVIII столетия, который работает в кабинете, подобно Кондильяку и даже воинствующему Ламетри.

«Ученый-странник» («*homo pelegrinus*») проводит годы в восточной экспедиции и формирует свое научное мировоззрение и методологию в кочевых условиях. Однако по возвращении в свой кабинет в европейской столице он превращается в своего предшественника и тратит иногда ровно столько же времени на анализ и обработку всего собранного в странствиях материала и, естественно, использует методологический корпус, разработанный до него.

Вслед за основанием Калькуттского востоковедческого общества (*Société asiatique*) в 1784 году в нескольких европейских столицах учреждаются специальные востоковедческие

центры: в Париже – это Школа Восточных языков (1795г.) и кафедра санскрита в Коллеж де Франс, открытая по указу Людовика XVIII. Таким образом подчеркивалась высокая актуальность языка и культуры индийцев для общества тех самых европейских стран, которые в течение долгого времени проявляли в отношении к Индии исключительно меркантилистские интересы.

Эти события стали еще более сильным аргументом в пользу того, чтобы отучить теоретиков языка от давно устаревшей, но весьма сильной идеи считать греческий и латынь модификациями древнееврейского языка. Сила и убедительность санскритологии на самых ранних официально зафиксированных этапах ее развития поставили точку и в прежней *геб्रोцентристской* теории и в истории традиционного «приоритетного» интереса к античности.

В большинстве французских источников по истории лингвистики и санскритологии именно 1784 г. называют началом нового этапа в языкознании.

Однако представляется уместным утверждение, что создание Общества явилось красноречивым моментом истории, который впоследствии будет считаться вехой, определившей на государственном уровне научные приоритеты.

Датировка основных периодов санскритологии может быть произведена не столько на основе решений, принимавшихся на государственном уровне, сколько на основе собранного, необходимого для всестороннего лингвистического анализа материала. Таким образом, основателем санскритологической традиции во Франции уместно будет называть Пона, и учеными, существенно продвинувшими эту традицию и принесшими неоценимый вклад в общую коллекцию памятников, – Керду и Анкетиль-Дюперрона.

Кроме того, поскольку имена Анкетиль-Дюперрона и Уильяма Джонса связывают в критических сочинениях не только в контексте созидания или формирования науки, но нередко и в контексте спора, характер которого был вполне в духе уже цитированных споров предшествовавших ученых-философов, то следует прояснить некоторые исключительно статусные позиции, которые отчасти могут

определять и чисто лингвистические претензии, которые Джонс предъявлял Анкетиллю.

В силу общеизвестных исторических событий очевидно, что все приоритетные позиции в отношении санскритологии и индологии вообще по праву были предназначены английским исследователям и государственным деятелям ввиду явного превосходства Англии перед Францией в сфере присутствия на территории Индии, то Уильям Джонс как признанный первооткрыватель сравнительного метода не мог смириться с переводом Авесты скорее всего или в основном потому, что ее автором был француз.

Поскольку оба этих имени в дальнейших критике и истории науки помещены в слишком выразительный общеисторический контекст, то и в современных исследованиях можно встретить соответствующие указанному контексту эпитеты. Ситуация, в которой титул первооткрывателя должен быть защищен, конечно, типична для любого сенсационного открытия, а степень сенсационности первых санскритологических исследований слишком очевидна. Однако для позднейших ученых, предпринимающих попытки воссоздания истории науки, именно эта высокая сенсационность представляет собой одно из очевидных затруднений, встречающихся на пути исследователя. В этой связи необходимо с максимальной отчетливостью определять подлинность открытий, сделанных авторами исследуемых сочинений. Кроме того, следует вспомнить и о том, что сходство санскрита с европейскими языками отмечалось разными исследователями задолго до Джонса (Известный историк индоевропеистики Л. Кэмпбелл указывает среди наиболее ранних сочинения G. Cambrensis, Comenius, Dante, Gelenius, Goropius, Jager, J-J Scaliger и других) [Campbell, 2003 : 43 и след.].

Таким образом, не касаясь темы лидерства, которая не может быть включена в число центральных тем данного исследования, является в высшей степени целесообразным проанализировать подлинный вклад названных французских ученых в формирующуюся индоевропеистику и по возможности точно определить степень привлечения в их работе методологических принципов, созданных их предшественниками, представляющими старую школу теории языка.

Эта задача представляется наиболее важной из общего комплекса задач и вопросов, возникающих в ходе рассуждения об истории санскритологии, так как решение ее может быть весомым доказательством преимущества в области методологии, очевидно, существующей даже в условиях обозначенной выше ситуации прерывающихся традиций и перемены приоритетов в области гуманитарных наук. Естественно, что те существеннейшие преобразования в системе воззрений на язык, которые были вызваны интенсификацией санскритологического направления, нуждались в обновленной совокупности частных методов исследования языка. Однако сам избранный термин предполагает наличие прежних разработанных методов в их заново задуманном, осмысленном, обновленном применении.

Главное положение сравнительно-исторического метода, сводящееся к определению в каждом языке неповторимых особенностей, раскрывающихся только при сравнении с другими языками; и само это сравнение обнаруживает у некоторых из них родство – представляется наиболее развитым и, благодаря учению Керду, более чем наглядно проявившемся во французской традиции исследования языка.

Существенный принцип исследования языков, предполагающий их объединение в группы и семьи, менее выражено, но вполне ощутимо содержался в разных работах рассматриваемого периода. Ошибочность самой идеи, которой руководствовался Ж.-Ж. Руссо и его последователи, группируя языки по географическим ареалам, или Бернар Лами – по степени удаленности от Ближнего Востока, считавшегося началом цивилизации и прародиной человеческого языка, не может никоим образом способствовать определению принципа группировки на основе родства. Эти положения являются только изначальными работками подобного подхода. Тем не менее инстинктивное стремление исследователей к объединению языков в группы явилось предпосылкой к их последующему объединению на основе родства. Напомним, что принципы сопоставления и группирования языков в самой начальной форме уже были изложены Лейбницем за полстолетия до экспедиции Анкетилля. Отчасти востоковедческие исследо-

вания в области языков в последней четверти XVIII века могут выглядеть исполнением воли Лейбница, высказанной им в «Новых опытах...»: «Я желал бы, чтобы ученые поработали ...над уэльским, бискайским, славянским, финским, турецким, персидским, армянским, грузинским и другими языками, чтобы лучше установить гармонию между ними, которая... окажется весьма полезной при объяснении происхождения народов» [Лейбниц, 1983 : 287].

Таким образом, сопоставительное исследование языков как метод уже было внедрено в сознание исследователей в качестве залога для открытия серии разработок к еще более крупной и ценной научной теме – истории человечества.

Положение о непрерывном развитии языка представляется наиболее разработанным во всем корпусе языковедческих вопросов, разрешаемых в работах французских лингвистов-философов XVIII столетия.

Проследив в довольно сжатом пунктирном виде за основными методологическими линиями и сопоставив их с данными исследуемых выше лингвистических учений, можно говорить о складывающейся обновленной методологической ситуации во французской науке о языке.

Тем не менее не представляется возможным рассуждение о трансформациях в системе одного метода, без включения исследования того материала, который и станет основой функционирования нового метода.

Именно в связи с этим утверждением представляется наиболее актуальным анализ лингвистического наследия Анкетиль-Дюперрона. Определение вклада этого ученого в формирование французской лингвистики тем более актуально, что его имя, упоминаемое довольно часто в работах по индологии, истории Востока и культурологии, как правило, ассоциируется с общим представлением о геройстве в науке. Его называют первооткрывателем, пионером, героем, Колумбом востоковедения.

Подобное позиционирование Анкетиль-Дюперрона, естественно, усложняет задачу объективного определения научной ценности его лингвистических трудов.

Как уже отмечалось выше, первые парсийские манускрипты оказались в Оксфорде в 1723 году. С этого времени постепенно

шел процесс накопления коллекций древнеиндийских манускриптов в английских библиотеках. Обладание бесценными документами естественно предполагает возможность работы с этими рукописями, то есть прежде всего выполнение адекватного их перевода и обширных комментариев и заметок, сделанных в ходе работы. Таким образом, становится очевидным, что, для того чтобы обнародовать эти бесценные дары, недостаточно собирать их и перевозить в Европу, нужно еще и научиться работать с рукописями, написанными на неизвестном и трудно определяемом языке. Именно такова была идея Анкетиль-Дюперрона, озарившая его, как только он прочел манускрипт из оксфордской библиотеки. Следует сказать, что Анкетиль учился богословию в Сорбонне и по окончании курса продолжал учиться в Голландии в семинариях Амерсфоорта и Рийнберга, которых называли «последним оплотом янсенизма». В соответствии с этими обстоятельствами можно судить о богословской и философской базе, сформировавшей научное мировоззрение Анкетилья. К моменту принятия решения о многолетнем путешествии он был достаточно хорошо образован и, вне сомнения, помимо вошедшего в историю стремления к совершенной героической деятельности, имел существенную теоретическую подготовку для длительной экспериментаторской работы в области культуры и языка.

Библиографический список

1. *Кондильяк, Э.-Б. де.* Опыт о происхождении человеческих знаний [Текст] / Э.-Б. де Кондильяк // Соч. В 3 т. Т. I. – М. : Мысль, 1980.
2. *Кондильяк, Э.-Б. де.* О языке и методе [Текст] / Э.Б. де Кондильяк. – М. : УРСС, 2006.
3. *Лейбниц, Г.В.* Новые опыты о человеческом разуме [Текст] // Г.В. Лейбниц // Соч. В 4 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1983.
4. *Campbell, L.* Why Sir William Jones got it all wrong... [Text] / L. Campbell // Univ. of Canterbury Press. – 2003.
5. *Duperron Anquetil, A.J.* L'Inde en rapport avec l'Europe [Text] / A.J. Duperron Anquetil. – Paris : Lesguiliez frères, 1798.
6. *Edward, S.* L'Orientalisme [Text] / S. Edward. – Paris : Seuil, 1980.
7. *Murr, S.* L'Indologie du père Coeurdoux [Text] / S. Murr. – Paris : Seuil, 1987.

*А.А. Пруцких***ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИНЫ
В ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ**

Изучение иностранного языка необходимо рассматривать как часть процесса познания бытия других народов. В статье предпринимается попытка объяснить закономерности отражения социальной ситуации в иероглифической письменности через комбинаторику различных семантических составляющих.

Ключевые слова: китайский язык; письменность; иероглифика; комбинаторная семантика.

*A.A. Prutskikh***REFLECTION OF SOCIAL POSITION OF WOMAN IN CHARACTERS**

Learning of foreign languages must be viewed as a part of the process of familiarization with lifestyles of other nations. I attempt to explain some rules of reflection of social situation in Chinese characters through combination of different semantic units.

Key words: Chinese language; writing; characters; semantics.

Изучение собственно иностранного языка уже давно утратило актуальность как практическое целевое предназначение. В настоящее время следует его рассматривать как часть процесса познания бытия других народов, взглянуть на него как на когнитивный процесс. «Понимание текста предполагает не только знание языка, но также и знание мира» [Дейк, 1989 : 161]. По причине «незнания мира», взаимной невежественности, отсутствия информации об истории и традициях друг друга всякое межнациональное и межкультурное взаимодействие обречено на недопонимание, разногласие и даже на конфликты.

Язык как зеркало процессов, происходящих в обществе на определенном этапе, куда более объективен, нежели исторические очерки, зависящие от огромного числа общественно-политических и субъективных факторов. Общеизвестно, для более глубоко понимания событий в историко-культурном аспекте неопределимую роль играет обращение к литературе того или иного периода и к языку, который во всем великолепии предстает именно в литературных произведениях.

«Особенный» взгляд на положение вещей в окружающем мире нашел свое отражение, прежде всего в письменности, используемой в настоящее время почти четвертью населе-

ния земного шара, и именно изучение строения иероглифа и взаимовлияния выражаемых частями иероглифа понятий позволяет приоткрыть завесу над тем, что называют «китайской спецификой». Разумеется, как и всякая система, система китайской письменности имеет свое развитие и, следовательно, изменяется на протяжении своей истории, однако при этом неоднократные попытки реформирования иероглифического письма большей своей частью ограничивались пересмотром стилей написания, но не изменением принципа отражения окружающей действительности.

Попытаемся на конкретных примерах рассмотреть, как отражалась реальная жизнь в письменности. Не будем останавливаться на изображениях различных предметов быта и природных явлений, о них упоминается всякий раз, когда описывается иероглифика, и эти примеры известны даже далеким от китайского языка людям (изображение солнца, луны, человека, посуды и т.д.). Обратимся к отражению более сложных явлений и понятий, например, социального положения женщины в древнем китайском обществе, отношение к ней со стороны мужчины.

Проблема взаимодействия и совместного существования обоих полов в обществе, возникающая вместе с появлением человека, на раз-

ных исторических этапах и у разных народов представлялась по-своему. Абсолютного равенства полов за всю многовековую историю не было ни разу: человеческие сообщества находились или находятся либо при матриархате, либо при патриархате, выраженных с большей или меньшей степенью категоричности. И только в последние несколько десятилетий в западном (не восточном) мире явственно прослеживается уравнивание социальных отношений между мужчиной и женщиной.

В.В. Малявин в своей книге «Китайская цивилизация» так пишет об отношении к женщине: «В традиционном отношении китайцев к женщине есть что-то глубоко неловкое, неуклюжее, даже жестокое, ибо это отношение с редким упорством и последовательностью отрицает в женщине женское начало, присущие только женщине переживания, интересы и мечты. Женщина признавалась и ценилась в Китае лишь постольку, поскольку была необходима для функционирования семьи и ведения хозяйства. Все прочие женские качества официальная мораль китайского общества старалась игнорировать или, по крайней мере, перевести в область отвлеченных мечтаний» и далее: «...конфуцианские блюстители морали из века в век приписывали женщинам целый сонм пороков: злословие, коварство, тщеславие, легкомыслие и заурядную глупость (открыто приписывать женщинам похотливость не позволяло конфуцианское целомудрие)» [Малявин, 2000 : 542].

Этнические или, в нашем случае правильное название, социальные стереотипы в отношении к поведению китайцев в обществе, сложившиеся как у других народов, так и у самих китайцев, до сих пор оказывают сильное влияние на отношение к женщине в наши дни. Женщины по-прежнему, за редким исключением, не занимают руководящих постов и не работают на каких-либо ответственных должностях, не ведут активной общественно-политической жизни и т.д. Их удел – это домашние хлопоты, воспитание детей, приготовление пищи, уход за скотом и прочее, а самое главное – подчинение мужчине. Отношение к женщине, ведущей активную деятельность, более насторожено, сдержано, к ней испытывают меньше доверия, чем к мужчине, при этом всякий раз мужчина-китаец напоминает женщине о том, кто она и как ей следует

вести себя в обществе по отношению к мужчине. Даже если такое напоминание будет в виде комплимента, то за ним будет скрываться превосходство над женщиной, позиционирование себя как более сильного, от которого зависит принятие решения в бизнесе или в любой другой деятельности.

Изменить этот стереотип также трудно и, скорее всего, невозможно, как и изменить саму философию древних китайцев, построенную на противопоставлении «светлого» и «темного», «мужского» и «женского» начал. Вообще вся китайская философия строится на принципе биполярности, в соответствии с которым происходит категоризация окружающего мира. Женщина, в соответствии с древними канонами, приравнивалась к категории ничтожных, малых людей. Конфуций говорил: «Трудней всего общаться с женщиной и малым (ничтожным) человеком. Приблизить их к себе – и станут дерзкими, а удалить – озлобятся».

Неравное положение мужчины и женщины в древнем Китае полностью может быть подтверждено формой иероглифов. Показательна эпоха Цзягувэнь (jiaguwen) – период рабовладельческого общества, после династии Шан (конец второго – начало первого тысячелетия до н.э.). Человеческое общество прошло через патриархат, понятия о главенстве мужчин вышли на ведущие позиции, в обществе сформировалось отношение к «уважению мужчин и пренебрежению женщиной». Нужно отметить, что понятия матриархального общества не были полностью ликвидированы, и они, в определенной степени, оказывали влияние на создание иероглифов, при этом следует обратить внимание, что это влияние, при главенстве «мужских понятий», было совсем незначительным, а начиная с Цзягувэнь количество иероглифов, выражающих власть и превосходство мужчин, значительно превосходит число иероглифов с понятиями матриархального общества.

Сам иероглиф 女 «женщина» является пиктографическим изображением женщины, которая сидит на коленях, покорно сложив руки перед собой: 女. В древние времена женщины уничижительно называли себя 奴 «раба», 妾 «наложница, служанка». В иероглифе 奴 «раба» правая часть 又 является изображением правой руки со значением «иметь,

обладать, владеть». Женщина не могла быть свободной и самостоятельной, она рассматривалась лишь как объект владения мужчины, с полной зависимостью от него. Верхняя часть иероглифа 妾 «наложница» это изображение меча или ножа, который занесен над женщиной, стоящей на коленях 妾, показывая тем самым превосходство над ней, ее подчиненность мужчине. Обратим внимание на то, что изображается не обычный боевой меч или нож как оружие, а тот, который специально использовался в древнем Китае как орудие пыток и наказания для рабов и преступников 辛.

Такое отражение общественной жизни в языке в целом и иероглифике в частности могло происходить только в обществе, в котором «уважали мужчину и пренебрегали женщиной». В целом ряде иероглифов, содержащих ключ «женщина», мы также видим следы социального неравенства мужчин и женщин, царившего в те времена.

Используя компонентный анализ, попробуем выделить из иероглифов, содержащих ключ «женщина», те, которые содержат понятия, связанные с общественным положением. Из двухсот шестидесяти пяти иероглифов с ключом «женщина» двадцать четыре указывают на социально-функциональную роль женщины. Для обозначения понятия «служанка» используется семь слов, «проститутка» – три, «фрейлина» – три, «наложница» – два, «воспитательница» – два, по одному для «куртизанка», «госпожа», «барышня», «сваха», «замужняя женщина», «девка», «раба». Как очевидно явствует, из списка всего одно слово «госпожа» указывает на достаточно высокое положение в обществе, четыре – «воспитательница» (2 слова), «барышня» и «сваха» с нейтральной отнесенностью и девятнадцать (!) указывают на подчиненное или низкое положение женщины. Следует оговориться, что понятие «госпожа», при всей значимости общественного положения женщины, не подразумевает ее свободу и самостоятельность в действиях, она по-прежнему принадлежит своему господину. А вместо иероглифа 娘 «госпожа», состоящего из 女 «женщина» и 良 «хороший», также использовался иероглиф, состоящий из ключа 女 «женщина» и правой части иероглифа 仆 «слуга». Первоначальное значение этого иероглифа (仆) «раб,

слуга» суть изображение несущего груз человека, над которым нависает нож для наказаний, слуга изображался в одежде, украшенной хвостом животного, что еще раз подчеркивало его бесправие. Даже в богатых китайских семьях после смерти мужа жена не могла претендовать на наследование имущества или его части, все распределялось между старшими в роду мужчинами.

Существует ли различие между семью иероглифами, означающих понятие «служанка»? Для ответа на этот вопрос разберем некоторые из них.

Иероглиф 妮 употребляется для указания на молодых служанок или на девочек, состоит из 女 «женщина» и 尼 «монашка», проводится параллель между скромной и аскетичной жизнью монашек, посвятивших себя служению богу, и существованием молодых служанок, чья судьба уже predetermined в служении господину с самого их рождения.

Другой иероглиф состоит из двух элементов: левого – 女 «женщина» и правого – 身 «тело», помимо значения «служанка», значение «забеременеть». Мужчина мог позволить иметь себе столько жен, сколько он желал, а главное предназначение жены – это продолжение рода и рождение мальчика. Если первая (старшая) жена не могла родить мальчика, считалось, что она не оправдала ожиданий, и муж был вправе взять еще жен. Иногда девушку брали в дом только для рождения сына, либо использовали для этого тело (身) служанок, именно использовали, поскольку все дети, рожденные от господина, считались общими со старшей женой, и настоящая мать (младшая жена или служанка) не имела никаких прав на родного ребенка.

Тот же отвлеченный признак – способность рожать мальчика – послужил почвой для создания другого иероглифа с синонимичным значением: левый элемент – 女 «женщина», правый – 果 «плод».

Второй элемент иероглифа 婢 «служанка» означает «низкий, подлый, презирать» – 卑. Этим указывается на положение женщины на самой низшей ступени социальной лестницы китайского общества того периода.

Такое множество и разнообразие подтверждает, что на том этапе формирования иероглифов эти понятия занимали значительное место в реальной жизни китайца, а употребле-

ние того или иного слова, прежде всего, зависело от относительного статуса говорящих или тех, кого они так называли. Если бы женщина занимала равное или более высокое место по сравнению с мужчиной, то и понятий, отражающих в языке это явление, было бы значительно больше.

Сравнивая количество слов, указывающих на зависимое, подчиненное положение женщин в русском и китайском языках, приходим к выводу, что в китайском таких слов оказывается больше, поскольку актуальна необходимость более точно называть общественный статус женщины в Китае. В России, где отношение к женщине строится исходя из ее материнского начала и красоты, понятий для указания на зависимость и низкое социальное положение женщины меньше, следовательно, и слов, содержащих эти понятия, также меньше, чем в китайском языке. То есть возникновение и частота употребления тех или иных слов, выражающих одинаковые или близкие понятия, напрямую зависят от реальной ситуации, сложившейся в обществе на определенном этапе.

В семейной жизни жена была полностью зависима от мужа, главной добродетелью женщины являлась покорность: в девичестве она во всем подчинялась отцу, после замужества становилась служанкой мужа и его родителей. Китайская пословица гласит: «Муж есть глава жены», а иероглиф «жена» 妻 есть изображение коленапреклоненной женщины, чьи волосы держит рука. Подчиненное положение женщины восходит к культу предков, в соответствии с которым назначение человека на земле – продолжать род и поддерживать могилы предков. Женщине же, утратившей при вступлении в брак всякую связь с родной семьей, отводилась второстепенная роль. Положение жены было настолько бесправным, что поводом для развода и, как следствие, навлечение позора на всю бывшую семью жены могло послужить использование ею предметов домашнего обихода без разрешения мужа. В государственном законе о правах главы семьи говорилось: «Глава семьи управляет своими детьми, младшими братьями и всеми членами семейства, распределяет между ними обязанности, назначает занятия, дает им все необходимое. Члены семейства ни в коем случае не могут действовать по своему усмотре-

нию, но обо всем должны докладывать главе семьи и поступать согласно его воле. Сыновья и жены не могут иметь собственного имущества» [Сидихменов, 1987 : 349].

Но было бы неправильно и однобоко не сказать о том, что иероглифы с ключом «женщина» выражали и такие понятия, как материнство и красота, которые неразрывно ассоциируются для всех людей с женщиной. Женская грудь как символ материнства взята за основу для изображения иероглифом понятия «мать» – 母. В эпоху Цзягувэнь изображали коленапреклоненную женщину с открытой грудью, в дальнейшем со сменой стилей написания от иероглифа был отвлечен основной признак (грудь), по которому он означал данное понятие. В нем уже не указывается на приниженное положение женщины-матери и, возможно, на исчезновение такого указания оказала влияние все та же конфуцианская мораль, предписывающая сыновнюю почтительность. Конфуций на вопрос о том, что такое сыновняя почтительность, ответил: «Это то, когда отца и мать лишь одно и тревожит – как бы сын не захворал».

Изучая иероглифику, мы овладеваем как непосредственно языковыми знаниями и письменностью, так и анализируем происхождение и строение иероглифов, можем глубже понять культурные особенности древних китайцев, их отношение к окружающей действительности. Подобным образом мы можем найти отражение практически любого аспекта окружающего нас мира в любом языке, при этом абсолютно не важны форма существования того или иного языка, виды письменности и т.д. Релевантным остается то, что любой язык служит для создания, хранения и передачи информации об окружающем мире.

Библиографический список

1. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т.А. ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989.
2. Малявин, В.В. Китайская цивилизация [Текст] / В.В. Малявин. – М. : Астрель, 2000. – С. 542–543.
3. Сидихменов, В.Я. Китай: Страницы прошлого [Текст] / В.Я. Сидихменов. – М. : Наука. 1987.

*Т.А. Пруцких***ЭТАЛОН ОКРУГЛОСТИ И ПРОБЛЕМА СМЫСЛОВОГО ВОСПРИЯТИЯ**

Ключевым вопросом сложного процесса смыслового восприятия является проблема «эталона» – фонетического и субстантивного. В статье представлены результаты экспериментальных исследований с носителями китайского языка, доказывающие, что лабиальные фонемы играют универсальную звуко-символическую роль в обозначении округлого.

Ключевые слова: восприятие; круг; лабиальные финалы; звуко-символизм; фонетическое значение; китайский язык.

*Т.А. Prutskikh***ROUND STANDARD AND THE PROBLEM OF MEANING PERCEPTION**

The article considers meaning perception as a complicated mental activity where the question of standard (phonetic and substantial) is one of the most important. We present the results of some linguistic experiments with Chinese native speakers proving that labial finals play the universal sound-symbolical role in signification of the round.

Key words: perception; round; labial finals; sound-symbolism; phonetic meaning; Chinese.

Круг – один из самых древних символов, существовавший еще в архаической культуре и в той или иной степени отразившийся в мифах, ритуалах, бытовых представлениях, в искусстве. Семантическая емкость этого образа выявляет особенности мировидения определенной культуры и в то же время сама определяется системой, в ней наличествующей.

С участием концептов «круг», «колесо» формировались основные мифолого-поэтические, философские, космологические представления человечества. В древнейшей картине мироздания круг – это образ Солнца; суточное и годовое движение Земли осознается как движение по кругу; происходят круговороты дня и ночи, времен года, лунных фаз, круговороты вещей в природе; имеют место биологические и космические циклы, вплоть до идеи реинкарнации (переселения душ). К образу движения по кругу восходит древнейшая модель времени и истории.

В образно-мифологическом сознании образы круга и кольца нередко содержат идею единства, бесконечности и законченности, целостности и высшего совершенства; иногда круг и кольцо – это весь мир, поэтому круг обычно сопровождает изображения мирового древа. Круг и кольцо – это и общность (людей, территории), а также власть над этой об-

щностью. В ряде традиций круг и кольцо – это еще и судьба. Греческая богиня случая и судьбы Тихе, как и римская Фортуна, изображалась в виде молодой женщины, стоящей на шаре или колесе (символ неустойчивости, изменчивости счастья; ср. фразеологизм колесо Фортуны, его соответствия в языках Европы и колесо дхармы в буддизме) [Мечковская, 2000 : 300]. В китайской космологии тоже достаточно четко прослеживается идея цикличности: 12 циклических знаков, 12 животных восточного гороскопа, 12 месяцев в календаре (лунном и солнечном).

Что человек воспринимает круглым, округлым, сферическим? Всегда ли радиус и диаметр предмета или наличие у него функционально значимого сечения круглой формы предполагают круглую или шарообразную форму воспринимаемого предмета? Может ли звучание слова быть связано со значением округлости?

Смысловое восприятие как сложная перцептивно-мыслительная мнемическая деятельность на протяжении долгого времени остается в центре внимания и психологов, и психолингвистов. «Сложность этого психического явления обуславливается прежде всего тем, что, будучи, с одной стороны, процессом непосредственного чувственного позна-

ния, оно, с другой стороны, в силу специфической природы своего объекта – речевого сообщения является процессом опосредованного второсигнального отражения действительности, то есть процессом раскрытия опосредованных словами связей и отношений, включающим осмысление» [Зимняя, 2001 : 309]. Проблема уровневой организации процесса речевого восприятия, а также проблема способа, характера обработки поступающего на слуховой анализатор акустического сигнала подробно рассмотрены в монографии И.А. Зимней «Лингвопсихология речевой деятельности» [Зимняя, 2001 : 309–341]. Мы же остановимся подробно лишь на вопросе «эталона» при смысловом восприятии.

Проблема «эталона» («прошлого образца» – И.М. Сеченов, «нервной модели» стимула – Е.Н. Соколов) является сложной и во многом еще нерешенной в общепсихологическом плане. Так, окончательно не определены сами механизмы сличения с эталоном, форма его представления в памяти и т.д. В то же время очевидным и плодотворным является положение о том, что «усвоение новых эталонов происходит на основе эталонов, сформировавшихся ранее...» и что «между разными системами эталонов существует взаимосвязь, обеспечивающая, с одной стороны, преемственность перцептивного развития ребенка, а с другой стороны, возможность оперирования разными типами оперативных единиц при решении разных типов перцептивных задач» (цит. по: [Зимней 2001 : 328]). Если соотнести это общепсихологическое положение с данными речевых исследований, то в исследованиях речевого восприятия «эталон», в зависимости от его «хранения» в постоянной памяти человека, рассматривается либо как «след», «отпечаток» прошлого воздействия, как своеобразная «энграмма», либо как сам процесс поиска [Леонтьев, 1971]. Вслед за И.А. Зимней, мы принимаем модель речевого восприятия К. Стивенса и М. Халле, согласно которой «эталон» является «абстрактным представлением», с которым и происходит сличение входящего звука, претерпевающего сложные преобразования. «Абстрактное представление» формируется и соотносится с входящим речевым сигналом на основе акустических, слуховых признаков сигнала. Актуализация этих абстрактных представлений

управляется системой правил языка. Считается, что эта идея восходит к В. Гумбольдту и в наиболее простом виде она выражается так: мозг слушающего синтезирует образы, следуя определенным правилам, и затем сравнивает эти порожденные внутри образы с поступающими.

«Языковое сознание должно содержать нечто, не поддающееся детальному объяснению, – сходное с инстинктом предчувствие всей системы в целом, на которую опирается язык в данной индивидуальной форме. Здесь уже проявляется то, что, в сущности, повторяется во всем процессе образования (и восприятия – Т.П.) языка. Язык можно сравнить с огромной тканью, все нити которой более или менее заметно связаны между собой и каждая – со всей тканью в целом. С какой бы стороны к этому ни подходить, человек всякий раз касается в речи лишь какой-то отдельной нити, но, движимый инстинктом, он постоянно совершает это так, как будто в данный момент ему открыта вся основа, в которую неизбежно вплетена эта отдельная нить» [Гумбольдт, 1984 : 88].

Смысловое восприятие начинается с выделения значимых элементов речевого высказывания (слов). Этот процесс опирается на особый тип слуха, которым обладает лишь человек, – фонематический слух. Слух этот основан на способности выделять и идентифицировать звуки речи по их отношению к звуковым эталонам – фонемам [Горелов, 2001 : 78].

В литературе неоднократно отмечалась приоритетная роль лабиальных фонем в названии округлых, шарообразных, выпуклых, выпяченных предметов в самых разных языках. Лабиальные используются для обозначения предметов округлых, шарообразных и т.д. благодаря таким характеристикам их артикуляции, как округление либо выпячивание губ и увеличение объема ротового резонатора. С.В. Воронин в своей монографии «Основы фоносемантики» излагает результаты анализа обозначений округлого в английском языке, делая вывод, что «лабиальные в английских обозначениях округлого несомненно играют роль звукосимволических элементов. Такая картина характерна не только для английского. Проведенный в работе подсчет еще по семи языкам различных языковых семей пока-

зывает, что превышение вероятного ожидания лабиальных в обозначениях округлого таково: в русском – 1,40, в чувашском – 1,88, в венгерском – 1,58, в монгольском – 1,60, в индонезийском – 1,55, в хауса – 1,41, в суахили – 1,52» [Воронин, 1982 : 102], в английском – 2,5, в китайском – 2 [Пруцких, 2004 : 272].

Считаем уместным обратить внимание на результаты проведенного нами эксперимента с носителями китайского языка с целью определения округлости и продолговатости некоторых предметов. Выяснилось, что кость, труба, сверло, вал, изгиб (извилины), гроздь (бу-

ского языка по признаковой шкале «круглый-квадратный», полученные в результате экспериментов с носителями языка.

Шкала оценок построена следующим образом:

- полностью круглый – 1,
- не полностью круглый – 2,
- никакой – 3,
- не полностью квадратный – 4,
- полностью квадратный – 5.

По этой шкале рассчитывается среднеарифметическое число, которое и соответствует средней оценке информантов по исследуе-

Схема 1

Признак	Лабиальные финалы китайского языка									
	и	о	ио	ои	ао	uai	uan	uang	ui	un
Круглый-квадратный	2,4	1,1	2,1	2	1,4	3,3	3,4	3,4	3,8	3,5

сы) – это, прежде всего, вытянутые предметы; труба (горн), дуга, арка, радуга, цилиндр, залив – округлые предметы; самыми «круглыми» оказались – гонг, плод (фрукт), нора (пещера). В состав каждого слова входят лабиальные финалы.

А.П. Журавлев разработал целую систему измерения фонетического значения (ФЗ) не только слова, но и отдельно взятого звука речи. С помощью так называемых признаковых шкал (всего 25) оказалось возможным не только обнаружить у звуков речи какую-то содержательность, но и буквально измерить эти тонкие, почти не осознаваемые нами свойства звуков. Подробное описание всей процедуры анализа ФЗ изложено в книге А.П. Журавлева «Звук и смысл» [Журавлев, 1991 : 10 – 15], мы же, не вдаваясь в подробности специальных математических приемов, приведем средние оценки лабиальных финалей китай-

тому признаку. «Средняя оценка только тогда является значимой, т.е. свидетельствует о том, что по данному признаку звук вызывает какое-то впечатление (обладает конкретной фонетической значимостью – Т.П.), когда эта оценка попадает в одну из зон значимых отклонений» [Журавлев, 1991 : 15] (схема 1).

Лабиальные финалы *и, о, ио, ои, ао* попали в зону значимых отклонений в сторону округлости, что свидетельствует о вполне определенной, устойчивой связи данных звуков с незвуковым свойством округлости. Самыми «круглыми» оказались финалы *о* и *ао*.

Еще одна методика звуко-символического исследования, которая носит название «эксперимент подбора» (*matching experiment*), заключается в предъявлении двух звучаний и, как правило, двух смыслов. Одной из разновидностей данной методики является предъявление нескольких (обычно двух) звучаний и

нескольких (обычно двух) рисунков, заменяющих смыслы. Такая методика использовалась еще в 1924 году Узнадзе (см.: [Brown 1955]), а в 1947 году подобной процедурой воспользовался В. Келлер, который предложил испытуемым (немцам) два рисунка и два звучания – *tekete* и *maluma* (рис 1).

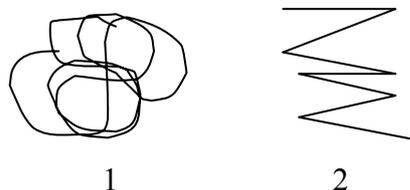

Рис 1

Как и следовало ожидать, фигуре № 1 было приписано звучание *maluma*, а фигуре № 2 – звучание *tekete*. Эксперименты с рисунками свидетельствуют в первую очередь о структурном сходстве символа (в данном случае *maluma* и *tekete*) с **символизируемым** понятием. Испытуемый приписывает звучание *tekete* с тремя взрывными согласными прерывистой ломаной фигуре, а звучание *maluma* с тремя сонорными и лабиальным *u* – фигуре, с плавно изгибающимися линиями [Левицкий, 1973 : 14], что, безусловно, подтверждает существование универсального звуко-символизма.

В книге «Основы психолингвистики» И.Г. Горелова и К.Ф. Седова представлены опыты, подобные методике подбора, проведенные в конце 60-х годов авторами на страницах газеты «Неделя»: рисунки несуществующих животных, различные геометрические фигуры и т.п. были представлены параллельно с несуществующими словами (квазисловами), которые были специально подобраны в соответствии с фоносемантическими данными по характеру рисунков [Горелов, 2001: 13 – 14]. Мы приведем один пример из данного эксперимента, где очевидна связь между лабиальным *o*, сонорным *l* в звучании ОЛОФ и округлым существом на рисунке 1, а также соотношение между звонкими согласными взрывным *g* и фрикативным *r*, самым открытым из гласных *a* в звучании ГБАРГ и квадратным существом на рисунке 2 (рис. 2).

Автором данной статьи также был проведен эксперимент по рассматриваемой методике с носителями китайского языка (всего 132

респондента). Нужно было соотнести рисунки человечков – толстого и худого – с наиболее подходящими для каждого из них именами (*Buo²buo* и *Ding¹ding*). 112 (85%) участников эксперимента соотнесли звучание *Buo²buo* с рисунком № 1, а звучание *Ding¹ding* – с рисунком № 2.

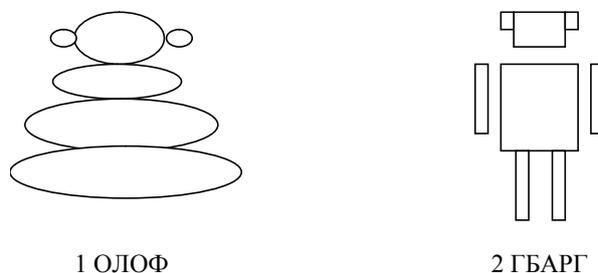

Рис. 2

Такой высокий процент соотнесения звучания лабиальных со значением округлости (в виде рисунка) нельзя считать случайным, что, без сомнения, можно связать с выполнением лабиальными звуко-символической функции указания на округлость денотата.

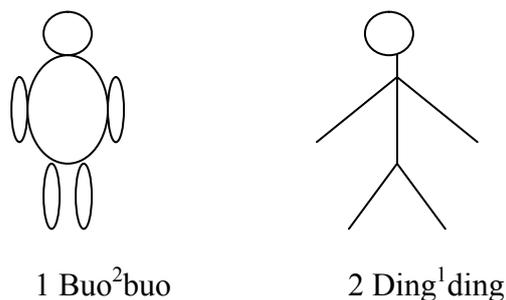

Рис. 3

Данные примеры подтверждают, что округлость действительно фоносемантически связана с лабиальностью, и это явление универсально. Но выражение округлости – это не единственный признак лабиальных звуков. Исследования С.В. Воронина показали, что для лабиальных характерен набор следующих основных фонетических значений: «большой – округлый – выпяченный – громкий – темный – печальный – мягкий – медленный – глупый» [Воронин, 1982 : 94]. Горизонты дальнейших исследований становятся вполне очевидными, тем более что звукоизобразительные слова в любом языке представляют собою самый малоисследованный пласт лексики.

Библиографический список

1. *Воронин, С.В.* Основы фоносемантики [Текст] / С.В. Воронин. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1982.
2. *Горелов, И.Н.* Основы психолингвистики [Текст] / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2001.
3. *Гумбольдт, В. фон.* Избранные труды по языкознанию [Текст] / В.фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984.
4. *Журавлев, А.П.* Звук и смысл [Текст] / А.П. Журавлев. – М. : Просвещение, 1991.
5. *Зимняя, И.А.* Лингвopsихология речевой деятельности [Текст] / И.А. Зимняя. – М. : Московский психолого-социальный институт; Воронеж : НПО «МОДЕК», 2001.
6. *Левицкий, В.В.* Семантика и фонетика [Текст] / В.В. Левицкий. – Черновцы : Изд-во ГУ, 1973.
7. *Леонтьев, А.А.* Психологическая структура значения [Текст] / А.А. Леонтьев // Семантическая структура слова: Психолингвистические исследования. – М. : Наука, 1971.
8. *Мечковская, Н.Б.* К характеристике аксиологических потенциалов слова: концепты «круг», «колесо» и их оценочно-экспрессивные дериваты [Текст] / Н.Б. Мечковская // Логический анализ языка. Языки пространств. – М. : Языки русской культуры, 2000.
9. *Пруцких, Т.А.* Структурно-фонетический анализ лексико-семантической группы (ЛСГ) обозначений округлого в китайском языке [Текст] / Т.А. Пруцких // Китайское языкознание. Изолирующие языки: материалы XII Междунар. конф., Москва, 22-23 июня 2004 года. – М. : ИЯ РАН, 2004.
10. *Brown, R.* Phonetic symbolism in natural languages [Text] / R. Brown, A. H. Black, A.E. Horowitz // J. Abnorm. a. Soc. Psychol. – 1955.

УДК 441
ББК 81

В.А. Разумовская, Е.М. Фейтельберг

ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД

Объектом изучения статьи являются звукоподражательные слова турецкого языка в свете их универсальных и факультативных особенностей. Предпринимается попытка комбинирования двух подходов к изучению ономастопов в контексте тюркских и, в частности, турецких звукоподражаний. Помимо этого высказывается гипотеза о том, что между акустическими признаками звучащего денотата и формальной структурой звукоподражательного слова существует определенная связь.

***Ключевые слова:** фоносемантика; звукоподражание; лингвистические универсалии; турецкий язык; теория перевода.*

V.A. Razumovskaya, E.M. Feitelberg

ONOMATOPOEIC WORDS IN THE TURKISH LANGUAGE: INTEGRATIVE APPROACH

This article deals with onomatopoes in Turkish language, focusing on its universal and optional peculiarities. It offers an attempt to combine two different approaches to onomatopoes analysis within the framework of Turkic onomatopoes and onomatopoes in Turkish language in particular. The hypothesis of the article is that there is a certain connection between acoustic characteristics of the onomatopoe denotate and its formal structure. The further research may result into phonosemantic models description which is very important for translation strategies selection.

***Key words:** phonosemantics; onomatopoeia; linguistic universals; Turkish language; translation study.*

Одним из «вечных» вопросов лингвистики справедливо считается вопрос о наличии или отсутствии мотивированной связи между звуковой формой и значением лексических единиц. К наиболее известным и значимым аргументам в поддержку признания объективно существующей связи между звуковыми и семантическими комплексами единиц языка относятся такие лингвистические явления и категории, привлекающие внимание исследователей еще с древних времен, как примарная мотивированность и звукоизобразительность, представленная в системе языка звукоподражательными (ономастопы) и звукосимволическими разновидностями. Тем не менее универсальная категория звукоизобразительности в языковой системе вообще и в отдельных языках в частности не является полностью изученной и описанной. Значительный вклад в исследование указанной выше лингвистической категории звукоизобразительности внесла новая интегративная область линг-

вистики – фоносемантика, находящаяся на стыке фонетики, семантики и лексикологии.

Фоносемантика имеет объектом изучения звукоизобразительную систему языка в аспектах синхронии и диахронии [Воронин, 1982 : 21] и до сих пор содержит значительное количество вопросов, на которые еще предстоит найти ответы современным лингвистам. Несмотря на многочисленные (и иногда весьма удачные) попытки создать универсальную классификацию звукоизобразительных (преимущественно звукоподражательных) явлений и разработать методику анализа данных явлений, в лингвистике и в пограничных научных областях до сих пор не существует всеобъемлющего комплексного подхода, который бы позволил охватить различные аспекты звукоизобразительных явлений: фонетические, акустические, морфологические, семантические, этимологические. Практически отсутствуют исследования звукоизобразительных явлений в аспекте перевода. Целенаправлен-

ное применение многоаспектного комплексного подхода к изучению универсальной языковой категории звукоизобразительности позволит более глубоко и детально определить закономерности построения (образования) и функционирования звукоизобразительных явлений, расширить и уточнить универсальную типологию звукоподражательных и звукоимовических моделей, а также определить и описать стратегии перевода звукоизобразительных явлений в общей и частных теориях перевода.

Как уже отмечалось выше, категория звукоизобразительности имеет универсальный статус и обладает как инвариантными, общими для всех языков, характеристиками, так и специфическими характеристиками, присущими только одному языку или группе языков, объединенных преимущественно по генеалогическому принципу.

Объектом данного исследования являются звукоподражательные слова в турецком языке, рассматриваемые с позиций идей лингвистического универсализма и в контексте интегративного подхода.

Общепризнанным считается тот факт, что наличие лингвистических универсалий позволяет выделить идентичные или сходные языковые явления и процессы, лежащие в основе межкультурной коммуникации и, прежде всего, ее переводческой разновидности. Именно явление языкового универсализма лежит в основе ключевых переводоведческих теорий – теорий уровней переводческой эквивалентности.

Ч.Ф. Хоккетт определяет языковую (лингвистическую) универсалию как «некоторый признак или свойство, присущее всем языкам или языку в целом» [Хоккетт, 1970 : 45]. Лингвистические универсалии по своей природе являются обобщенными характеристиками свойств и тенденций единиц любого естественного языка и разделяются всеми говорящими. Они составляют самые общие (универсальные) законы лингвистики. Лингвистические универсалии могут принадлежать к любому уровню языка. Наличие универсалий на семантическом уровне было подробно описано С. Ульманном. По его словам, ни один язык не является полностью мотивированным или полностью немотивированным. Все языки содержат как мотивированные, так и немотиви-

рованные слова в различных пропорциях, которые зависят от ряда факторов – этимологических, языковых, культурных, социальных. Наличие этих двух типов слов определяется как семантическая универсалия [Ульманн, 1970 : 254]. С. Ульманн также выделяет три основных типа мотивированности слов:

1) морфологическая мотивированность, предполагающая образование нового слова из существующих морфем (*подстаканник, настольный*);

2) семантическая мотивированность, к которой относятся различные типы переноса значений (*нос лодки, ключ к сердцу*);

3) фонетическая мотивированность, означающая, что звуковая форма слова определяется его денотативным значением.

Ярчайшим примером третьего типа мотивированности является звукоподражательная (ономатопэтическая) лексика. А.П. Журавлев также относит в эту категорию звукоимовическую лексику [Журавлев, 1974 : 13]. С.В. Воронин считает звукоподражание и звукоимовизм категориями одного видового уровня, конституирующими родовую категорию звукоизобразительности. В данной работе мы разделяем точку С.В. Воронина.

По мнению С. Ульманна, в отличие от первых двух типов мотивированности, фонетическая мотивированность является примарной, так как в этом случае фонетическая (звуковая) форма слова связана с денотатом непосредственно. Исследователь также отмечает, что «между ономатопэтическими элементами разных языков (при всей их условности) часто наблюдается определенное сходство» [Ульманн, 1970 : 259]. Данное сходство звукоподражательных единиц является проявлением лингвистического универсализма на уровнях фонетики и семантики, которые можно в данном контексте объединить в самостоятельный фоносемантический уровень. Необходимо обратить особое внимание на то, что универсализм на уровне фоносемантики предполагает универсализм фоносемантических моделей. Понятие фоносемантических моделей и принципы их классификации были разработаны С.В. Ворониным.

Как уже отмечалось выше, объектом настоящего исследования является категория звукоподражания в современном турецком языке. По данным «Лингвистического энциклопеди-

ческого словаря», звукоподражание определяется как закономерная и непроизвольная фонетически мотивированная связь между фонемами слова и лежащим в основе номинации звуковым (акустическим) признаком денотата (мотивом) [Лингвистический энциклопедический словарь, 1998 : 165]. В ряде языков звукоподражания образуют отдельный класс слов наряду с такими традиционно выделяемыми частями речи, как глаголы, существительные, местоимения. Звукоподражание также определяют как условную словесную имитацию звучаний окружающей действительности фонетическими средствами данного языка (*мяу-мяу, гав-гав, тик-так*). Общеязыковая категория звукоподражания включает группы слов, обозначающих звуки, производимые животными, неречевые звуки, производимые человеком (кашель, смех, чихание и т.д.), а также другие звучания окружающего мира. Данный языковой факт свидетельствует о том, что звукоподражания представляют собой иконические знаки, т.е. знаки, непосредственно воспроизводящие существенные признаки объекта.

Необходимо подчеркнуть, что звукоподражательными являются не только те слова, примарная мотивированность которых ощущается в настоящее время, но также и те, у которых первоначальная мотивированность в ходе языковой эволюции оказалась ослабленной или утраченной, но может быть выявлена с помощью фоносемантического и этимологического анализов. В научной литературе неоднократно отмечалось, что звукоизобразительные основы в различных языках обладают высокой степенью продуктивности [Барташова, 1987; Канкия, 1988], что приводит к тому, что зачастую звукоизобразительное по своему происхождению слово уже не воспринимается на данном этапе развития языка как таковое. Некоторые из них утратили свое первоначальное конкретное значение и приобрели метафорическое значение.

Обратимся к материалу турецкого языка. Так, слово *çıldırmaq* в современном турецком языке имеет значение «сходить с ума». Согласно данным этимологического словаря Севана Нишаньяна «Sözlerin Soyağacı», его изначальное (на данный момент практически утраченное) значение – «издавать треск» [Nişanyan, электронный ресурс]. Несмотря на

то, что лексические единицы, подобные глаголу *çıldırmaq*, уже практически не воспринимаются современными носителями языка как звукоподражательные, тем не менее их происхождение позволяет исследователям не только относить их к отдельной группе слов, но и использовать в их описании и исследовании сходные подходы и принципы. По данным этимологических словарей, особенность звукоизобразительной системы тюркских языков (и турецкого языка, в частности) заключается именно в том, что сравнение звукоподражаний, этимология которых осталась прозрачной, и звукоподражаний с неясной этимологией показывает, что вторая группа относительно невелика. Это не только дает хорошую возможность для детального изучения звукоизобразительной системы турецкого языка, но и создает основу для определения их категориального статуса как отдельного класса слов.

Как уже отмечалось выше, любое исследование звукоподражательной лексики, так или иначе, связано с вопросом о мотивированности языкового знака. Хорошо известно мнение Ф. де Соссюра о том, что звукоподражательные слова не являются органическими элементами в системе языка, а их число более ограничено, чем полагают: первоначально они не имели такого характера, «качество их теперешнего звучания есть случайный результат фонетической эволюции» [Соссюр, 1999 : 71]. Тем не менее это утверждение интенсивно и регулярно подвергалось критике. Современные исследователи, вопреки постулатам Ф. де Соссюра, безоговорочно считают фонетическую мотивированность звукоподражательных слов лингвистической аксиомой.

Несомненной особенностью турецких ономастов является тот факт, что их фонетический состав во многом противоречит общим фонетическим законам турецкого языка, в том числе ключевой фонетической универсалии тюркской языковой семьи – сингармонизму. С этой точки зрения звукоподражательные слова можно определить как «аномальные». То, что данное обстоятельство не является «случайным результатом фонетической эволюции», может быть гипотетически сформулировано следующим образом: турецкие звукоподражательные слова подчиняются своей системе фонетических закономерностей. Мож-

но предположить, что звукоподражательные слова турецкого языка представляют собой отдельный класс фонетически мотивированных слов.

Языковая категория звукоизобразительности традиционно связана с другой универсальной языковой категорией – категорией экспрессивности и, прежде всего, с экспрессивностью образного типа [Разумовская, 1985]. Регулярная образность звукоизобразительной лексики, несомненно, свидетельствует о том, что звукоизобразительные слова имеют больший изобразительный и экспрессивный потенциал, чем слова звукоизобразительно нейтральные. Так, прием, предполагающий создание ассоциативной связи между эмоциональным воздействием, прогнозируемым и направляемым автором, и определенными фонетическими явлениями – звуковая метафора (обладающая обязательной образностью) – широко используется в художественном тексте: поэтическом и прозаическом. Возможность создания такой связи обусловлена тем, что, как показали многочисленные исследования данных разноструктурных языков, звукосмысловые корреляции носят регулярный характер [Вундт, 1912]. Это объясняет высокую частотность использования звукоизобразительных единиц в художественных текстах, а также в детской речи, где они служат целям семантизации звуковой стороны текста. Фоностилистические приемы (аллитерация, ассонанс и звукопись), создающие звуковую образность в поэзии и прозе, нередко сочетаются в художественном тексте с фоносемантическими явлениями, выполняющими аналогичные функции [Павловская, 2004]. Регулярная образность звукоизобразительной лексики может быть объяснена следующими факторами:

Приближенность звуковой формы слова к звучащему денотату, двойной маркированностью и высокой продуктивностью звукоподражательных слов открывает перед отправителем сообщения возможность помочь получателю текста «услышать» сцену своим внутренним слухом, разбудить его воображение. Например, как это сделано в следующих примерах: *Aşağı inen bir merdivenin başında ışık görünüyor, oynak bir vals çalan bir piyanonun sesine kahkahalar, el şakırtıları, tabak, bardak gürültüleri karışıyordu* (Reşat Nuri Güntekin,

60). – Там, где заканчивалась лестница, ведущая вниз, виднелся свет, и звуки игривого вальса, который кто-то играл на фортепиано, смешивались со смехом, аплодисментами, звоном тарелок и стаканов;

‘İnşallah Girit gâvurlarını kestikten sonra Hanya’dan Mekke’ye bir tren yaparız!’ derken sarhoşların kahkahaları gazinoyu sarsıyordu (Reşat Nuri Güntekin, 22). – «Даст Бог, перепрезав всех этих гяуров, мы из Ханьи пустим поезд в Мекку!» – хохот пьяных наполнял казино.

Языковая аномальность звукоподражательных слов; позволяет отнести их к периферийным участкам лексической системы языка, наряду с междометиями, идеофонами, детскими словами, а также эмоциональной лексикой, заимствованиями, вокативами, императивами, личными местоимениями, именами собственными. У периферийных единиц обнаруживаются специфические свойства, аномальные по отношению к свойствам единиц центра [Журинский, 1972; Живов, Успенский, 1973; Воронин, 1979]. Таким образом, онома топы являются маркированными дважды: за счет своей периферийной «аномальности» и непосредственно за счет звукоподражательности, например, *вложить деньги в проект – вбухать деньги в проект; засмеяться – заржать, захохотать*.

Высокая продуктивность звукоподражательных основ, является идеальным материалом для словотворчества и языковой игры, которые основы открывают широчайшие возможности для создания окказионализмов как на корневой основе, так и в условиях видоизменения в соответствии с под требованиями говорящего, стремящегося к максимальному приближению фонетического состава слова к денотату-звуку. Проиллюстрировать вышесказанное можно следующим примером. Так, звукоподражательное слово *cağıl* с основным значением «шум» может быть подвергнуто редупликации двух видов: полной и частичной. Фонетический состав каждой из двух новых производных образований позволяет максимально отразить в фонетической модели звукоподражания акустические признаки звучащего денотата. Единица *cağıl çağıl* «шум льющейся воды» является примером полной редупликации и имеет фоносемантическое значение монотонного, однородного звука. Дру-

гая производная единица *cağil cuğul* с лексическим значением «шум, гам, исходящий от толпы детей» обладает частичной редупликацией с заменой корневого гласного во втором элементе конструкции и имеет фоносемантическое значение сложного, неоднородного звука.

Переводческий аспект звукоподражательных единиц предполагает рассмотрение данных единиц как единиц перевода, относительно которых переводчик принимает решение на перевод. В переводоведении уже высказывалась идея о том, что эквивалентность при переводе звукоподражательных единиц устанавливается на уровне фоносемантических моделей [Воронин, Паго, 1995]. Таким образом, стратегии перевода звукоподражательных единиц должны предполагать определение фоносемантической модели в языке-источнике и воссоздание данной модели в языке перевода. Наиболее интересные результаты может дать сопоставление переводов исходного текста, содержащего фоносемантические явления на языки, принадлежащие к различным языковым семьям [Разумовская, Моджицка, Раджабова, 2005].

Для описания турецких звукоподражательных слов применим подход С.В. Воронина, заключающийся в классификации звукоподражательных моделей по принципу их соотносимости с денотатом. Типы денотатов-звучаний группируются в три класса: А. удары; Б. неудары и В. диссонансы (серии ударов). Классы А и Б являются полярно противоположными, а класс В представляет собой «промежуточный» класс между ударами и неударами [Воронин, 1982 : 45]. Ономатопы, соответствующие этим трем типам звучаний, называются, в свою очередь, А. инстанты; Б. континуанты и В. фреквентативы. Каждому из классов ономатопов соответствует каноническая звукоподражательная модель, в которой отображаются общие для ономатопов звукоизобразительно валентные фонетические компоненты. Универсальность данной классификации была доказана на материале значительного количества родственных и неродственных языков С.В. Ворониным и его учениками. Результаты нашего анализа турецких звукоподражательных единиц в контексте теории С.В. Воронина также подтвердили универсальность классификации С.В. Воронина и показали, что три

основных класса ономатопов представлены и в системе турецкого языка.

Инстанты как класс ономатопов обозначают удар, т.е. «сверхкраткий» звук или тон, одинаково воспринимаемый человеческим ухом как акустический удар [Воронин, 1982 : 46]. В турецком языке к этому типу будут относиться такие ономатопы, как *tık tık* «тикать (о часах)», *çık çık* «стук по железу», *bum* «звук удара», *küt* «звук от удара по дереву или подобному твердому материалу» и др.

Континуанты как класс ономатопов обозначают неудар, т.е. «длящееся» слитное тоновое или шумовое звучание [Воронин, 1982 : 48]. Примеры турецких ономатопов, относящихся к этому классу: *uğu* «звук, издаваемый совой», *uğultu* «гул», *böğür* – «стонать, кричать от боли (о животном)» и др.

Фреквентативы как класс ономатопов обозначают очень быстрые последовательности ударов, в которых каждый удар уже почти не ощущается отдельно, но полное слияние последовательности ударов в единое звучание отсутствует [Воронин, 1982 : 54]. В качестве примеров из турецкого языка можно привести следующие ономатопы: *çingir çingir* «звук, издаваемый погремушкой», *gıcirtı* «скрип», *firil firil* «легкое дуновение ветра» и др.

Признавая универсальность подхода к исследованию звукоподражательных явлений С.В. Воронина, мы считаем важным рассмотреть точку зрения турецких лингвистов на общеязыковую категорию звукоподражательности и ее проявления в турецком языке.

Проблема звукоподражаний в турецком языке была предметом исследования многих турецких лингвистов. Наиболее значительный вклад в изучение турецких звукоподражаний внесли О.Н. Туна, С. Чагатай, Х. Эрэн, В. Хатибоглу, М. Эргин, К. Тюркай, А. Дж. Эмре, Т. Бангуоглу, Н. Ючок, а также О. Башкан, С. Байрав, Д. Аксан и другие. Наиболее значимой работой в данной научной области считается монография Х. Зюльф리카ра «*Türkçede Ses Yansımaları Kelimeler: inceleme – sözlük*» («Звукоизобразительные слова в турецком языке: исследование и словарь»), опубликованная в 1995 году [Zülfikar, 1995]. Более ранние работы турецких лингвистов, как правило, рассматривают звукоподражания фрагментарно. Некоторые исследователи, в частности, М. Эргин, определяет звукоподражания как один

из классов междометий. Наиболее часто категория звукоподражательности изучается как один из аспектов проблемы редупликации, занимающей значительное место в словообразовательном разделе тюркологии.

Х. Зюльфикар также отмечает, что звукоподражательная лексика имеет непосредственное отношение к редупликации. Это утверждение особенно верно для турецкого языка, т.к. редупликация в современном турецком языке – это один из способов придания дополнительных качественных и количественных характеристик звукоизобразительной единице, благодаря чему она выделяется (иррадирует) в тексте и имеет более высокий изобразительный и экспрессивный потенциал по сравнению с другими лексическими единицами. Поскольку прием редупликации у звукоизобразительной лексики весьма продуктивен, то большое количество редуплицированных лексических единиц турецкого языка имеют звукоподражательное происхождение.

Работа Х. Зюльфикара примечательна не только обширным словарем звукоподражательных слов турецкого языка, насчитывающим более 10 000 лексических единиц, но и разработкой авторского подхода к анализу звукоподражательных выражений. Исследователь настаивает на необходимости рассмотрения звукоподражательной лексики как самостоятельного класса слов. Инновация работы Х. Зюльфикара состоит: (1) классификации турецких звукоподражательных слов по принципу их образования; (2) описании характерных исключительно для турецкого языка фонетических особенностей звукоподражательных слов (сингармонизм и его нарушение); (3) объединении близких по значению слов в смысловые группы; (4) выделении словообразовательных и формообразовательных средств, характерных для турецких звукоподражательных слов; (5) описании способов регулировки значений звукоподражаний, которые являются отличительным свойством звукоизобразительной системы турецкого языка (различные виды редупликаций, чередование корневой гласной, а также некоторые словообразовательные средства).

По структурному принципу Х. Зюльфикар выделяет три гиперкласса звукоподражательных слов – первичные (*birincil biçimler*), вто-

ричные (*ikincil biçimler*) и деривативные звукоподражания (*türevler biçimler*).

Первичное звукоподражание – это наименьшая односложная и неделимая звукоподражательная единица [Zülfikar, 1995 : 92]. Например: *caz* «звук шипения от капли масла, упавшей на раскаленную сковородку»; *huk* «звук всхлипывания»; *yirt-* «разрывать (с треском)» и т.д. Первичные звукоподражательные слова могут подвергаться редупликации: *civciv* «цыпленок»; *kişkiş* «междометие для подзывания домашних птиц»; *dirdir* «болтун». И редуплицированные и нередуплицированные первичные звукоподражания могут сочетаться со вспомогательными и со смысловыми глаголами: *ham etmek* «съесть (детский язык)»; *hur çikarmak* «спровоцировать ссору, драку»; *mit mit etmek* «говорить тихим голосом»; *cap cap yıkanmak* «мыться, плескаться».

Вторичные звукоподражательные слова – это именные формы, образованные от первичных звукоподражательных основ путем добавления к ним определенных аффиксов (как правило, аффикса *-il, -ir* и его вариантов *-il, -ul, -ül, -ir, -ur, -ür* и аффикса *-ış, -uş, -üş*). Например: *cızır cızır* «шипение при жарке мяса на раскаленной сковороде»; *fosur fosur* «звук втягивания дыма при курении»; *mışıl mışıl* «звук сопения (спящего человека)» и т.д. Чаще всего вторичные звукоподражательные слова выполняют функцию обстоятельства в сочетании с глаголом (вспомогательным либо смысловым).

Деривативные звукоподражательные слова – это слова, образованные от первичных либо вторичных звукоподражательных основ по определенным моделям (как правило, это различные виды редупликации или аффиксация).

В наиболее полном виде классификацию деривативных звукоподражательных слов можно представить в виде двух больших классов. Первый образуют глаголы, второй имена.

К первому относятся звукоподражательные глаголы, образованные от:

- a) первичных звукоподражательных основ: *haykır-* «воскликнуть»; *tükür-* «плюнуть»; *ağla-* «плакать»; *vızla-* «жужжать»;
- b) редуплицированных первичных звукоподражательных основ: *hır hır et-* «хрипеть»; *mızızlan-* «ныть»; *pit pit*

at- «стучать от страха (о сердце)»; *gur gur öt-* «курить кальян»;

с) вторичных звукоподражательных основ: *horulda-* «храпеть»; *cırıla-* «плескаться в воде»; *ımla-* «напевать»; *kakıl-daş-* «одновременно кудахтать (о курах)»;

д) редуцированных вторичных звукоподражательных основ: *cırım cırım et-* «разрывать на части»; *şapır şupur ye-* «есть с чавканьем»; *hopur hopur hopla-* «прыгать от нетерпения»; *zangır zangır titre-* «дрожать»;

Ко 2-му классу относятся звукоподражательные имена, образованные от:

а) первичных звукоподражательных основ: *cilbık* «жидкая хлюпающая грязь»; *hapık* «детское пюре»; *badrak* «хам, грубиян»; *bağrgan* «плакса, нытик»;

б) вторичных звукоподражательных основ: *carılıt* «легкий шум»; *himırgan* «человек, разговаривающий сам с собой»; *şapıldak* «болтун»; *cakıldak* «сплетник».

Результаты исследования Х. Зюльффикара, полученные исключительно на материале турецкого языка, могут быть использованы как для анализа материала языков тюркской языковой семьи, так и других языковых семей. Изучение звукоизобразительной системы каждого языка и выработка различных методов анализа и классификационных подходов способствуют целям дальнейшей разработки проблем общезыковых фоносемантических универсалий. Исходя из общенаучного принципа комплементарности, можно гипотетически предположить, что комбинирование этих двух направлений (морфологического Х. Зюльффикара и акустического С.В. Воронина) может стать эффективным подходом к изучению звукоподражательных слов различных языков и, прежде всего, языков.

Возможность комбинирования двух подходов можно проиллюстрировать на примере фрагмента романа Решата Нури Гюнтекина «Вечернее солнце», уже приводимого выше:

Aşağı inen bir merdivenin başında ışık görünüyor, oynak bir vals çalan bir piyanonun sesine kahkahalar, el şakırtıları, tabak, bardak gürültüleri karışıyordu. – Там, где заканчивалась лестница, ведущая вниз, виднелся свет, и

звуки игривого вальса, который кто-то играл на фортепиано, смешивались со смехом, аплодисментами, звоном тарелок и стаканов.

В данном предложении присутствуют три звукоподражательных слова: *kahkaha* «хохот», *şakırtı* «шум», *gürültü* «шум». С точки зрения подхода Х. Зюльффикара, *kahkaha* – это звукоподражательное имя существительное, образованное от первичной редуцированной звукоподражательной основы; *şakırtı* – звукоподражательное имя существительное, образованное от вторичной звукоподражательной основы; *gürültü* – звукоподражательное имя существительное, образованное от вторичной звукоподражательной основы. В терминологии С.В. Воронина единицы *şakırtı* и *gürültü* являются чисто шумовыми квазиконтинуантами (фреквентативами) и сочетают в себе чистый диссонанс и элементы чисто шумового неударя; *kahkaha* относится к типу тоновых квазиконтинуантов (фреквентативов) и обозначает тоновый квазинеудар, в котором одновременно с чистым диссонансом наличествуют элементы тонового неударя. Очевидно, что существует регулярная связь между характером звучащего денотата (все три ономотопа, без сомнения, являются фреквентативами-квазиконтинуантами) и типом звукоподражательной модели. Корреляция между характером звучащего денотата и типом модели определяет не только отнесенность звукоподражаний к определенному классу согласно классификации Х. Зюльффикара, но и их образованность не от первичной основы, а от ее производных. Так, выявлено соответствие фреквентативов деривативным, а ударов – редуцированным первичным и вторичным звукоподражательным словам.

Набор канонических фоносемантических моделей, предложенных С.В. Ворониным, может быть детализирован и расширен с учетом закономерностей, существующих между моделью ономотопа и его этимологическими и морфологическими параметрами, что будет еще одним шагом на пути создания теории фоносемантических универсалий.

Многоаспектное изучение звукоподражательных явлений позволит более точно описывать фоносемантические модели данных явлений в языке оригинала и реконструировать данные модели средствами языка-перевода,

что особенно важно при выборе стратегий перевода художественного текста.

Библиографический список

1. *Барташова, О.А.* Звукоизобразительность в терминологии [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О.А. Барташова – Л., 1987.
2. *Воронин, С.В.* Аномалии аномальной системы (инвариантно-функциональные элементы в звукоизобразительной лексике) [Текст] / С.В. Воронин // Системное описание лексики германских языков : межвуз. сб. – Л., 1979. – Вып. 3. – С. 63–69.
3. *Воронин, С.В.* Основы фоносемантики [Текст] / С.В. Воронин. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1982.
5. *Воронин, С.В.* Эквивалентность в переводе и звукоизобразительная лексика (семиотический подход) [Текст] / С.В. Воронин, А.Д. Паго // Английская филология в переводческом и сопоставительном аспектах. – СПб., 1995. – С. 83–87.
6. *Вундт, В.* Проблемы психологии народов [Текст] / В. Вундт. – СПб. : [б.и.], 1912. – С. 30–47.
7. *Живов, В.М.* Центр и периферия в языке в свете языковых универсалий [Текст] / В.М. Живов, Б.А. Успенский // Вопросы языкознания. – 1973. – № 3. – С. 24–36.
8. *Журавлёв, А.П.* Фонетическое значение [Текст] / А.П. Журавлёв. – Л. : [б.и.] 1974.
9. *Журинский, А.Н.* Звуковой символизм в языке: некоторые подходы и принципы описания [Текст] / А.Н. Журинский // Проблемы африканского языкознания. – М. : Наука, 1972. – С. 92–124.
10. *Канкия, Н.Д.* Примарная мотивированность слова (на материале английского и грузинского языков) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Д. Канкия. – Л., 1988.
11. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998.
12. *Павловская, И.Ю.* Фоносемантический анализ речи [Текст] / И.Ю. Павловская. – СПб. : СПбГУ, 2004. – С. 61–88.
13. *Разумовская, В.А.* Экспрессивная глагольная номинация в современном английском языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.А. Разумовская. – Л., 1985.
14. *Разумовская, В.А.* Фоносемантические закономерности поэтического перевода (русско-англо-польско-немецко-таджикские параллели) [Текст] / В.А. Разумовская, И. Моджицка, Н. Раджабова // Фоносемантика. Вып. 17 : материалы XXXIII Междунар. филол. конф. (Санкт-Петербург, 2-20 октября, 2004 г.). – СПб. : Изд-во филол. фак-та СПбГУ, 2005. – С. 19–29.
15. *Соссюр, Ф. де.* Курс общей лингвистики [Текст] / Ф. де Соссюр. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1999.
16. *Ульманн, С.* Семантические универсалии [Текст] / С. Ульманн // Новое в лингвистике. Вып.5. – М. : Прогресс, 1970. – С. 254–258.
17. *Хоккетт, Ч.Ф.* Проблема языковых универсалий [Текст] / Ч.Ф. Хоккетт // Новое в лингвистике. – М. : Прогресс, 1970. – Вып. 5. – С. 45–77.
18. *Nişanyan, S.* Sözlerin Soyağacı [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.nisanyansozluk.com> (15 июня. 2009).
19. *Zülfikar, H.* Türkçede Ses Yansımaları Kelimeler [Текст] / H. Zülfikar. – Ankara, 1995.

УДК 441
ББК 81

В.А. Разумовская, Цзан Годун

**ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ РОМАНА И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ»)**

Объектом анализа в статье является юмористический дискурс в аспекте перевода. Объясняется этимология и семантика единицы «юмор», рассматриваются языковые формы проявления юмора, а также сопоставляются фрагменты романа выдающихся русских юмористов XX века И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и их переводы на английский и китайский языки в целях определения эквивалентности переводов юмористического текста.

Ключевые слова: юмор; художественный перевод; эквивалентность перевода.

V.A. Razumovskaya, Zang Guodong

**HUMOUR DISCOURSE AS A TRANSLATION PROBLEM
(ON THE EXAPTLE OF THE TRANSLATIONS OF I. IL'F AND E. PETROV'S NOVEL «THE TWELVE CHAIRS»)**

This article deals with the humour discourse in the aspect of translation. The brief information about the etymology and semantics of the unit «humour» is given; the language forms of humour manifestation are analysed and the fragments from the novel by outstanding Russian humorists of the XX century I. Il'f and E. Petrov «The Twelve Chairs» and its English and Chinese translations are compared for humorous text translation equivalence determination.

Key words: humour; literary translation; translation equivalence.

К несомненным универсалиям человеческого бытия относится такое проявление субъективного мира индивида, человеческих эмоций, как юмор. Известно, что первоначально в латинском языке слово «humor» (вариант «umor») означало «жидкость, сок». Затем слово было заимствовано французским языком и через него – английским как «humour» [Ruch, 1998 : 7]. Другие значения данная лексическая единица приобрела в контексте средневековой медицины, согласно постулатам которой здоровое состояние человеческого организма (тела и духа) зависело от свойств и соединения четырех жидкостей, заключенных в организме. В словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона отмечалось, что слово «humor» приобрело в европейских языках значение «настроение»; во французском языке слово имело отрицательные коннотации и обозначало преимущественно плохое, дурное настроение («avec humeur» – «с раздражением»), а в немецком языке семантика слова содержала положительные коннотации, и с XVIII века слово обозначало хорошее настроение [Энциклопедический словарь, 1993–1998]. В китайском

языке лексическая единица 幽默 (you mo) является фонетическим заимствованием (скорее всего из английского языка) и имеет значение «юмор». Языковыми способами манифестации экстралингвистической категории юмора в различных лингвокультурах выступают определенные типы текстов (фельетоны, юмористические рассказы, анекдоты и т.п.).

Так, в китайском языке лексическая единица 笑话 (xiao hua), обычно переводимая как «анекдот», обозначает «смешной рассказ». Данный текст не тождественен тексту анекдота в европейском понимании. 笑话 (xiao hua) буквально означает «смешные слова», имеющие определенную коннотацию. Китайские «смешные слова» представляют собой забавные истории, которые могут показаться представителям других культур и не очень смешными. Такие истории в определенной степени напоминают сказки.

Известно, что в отличие от собственно комической трактовки внеязыковой ситуации юмор настраивает участников коммуникативного акта на вдумчивое, серьезное отношение к предмету смеха, на постижение его су-

ти и основных характеристик. В зависимости от эмоционального тона и культурного уровня речевого субъекта, юмор может быть добродушным, жестоким, дружеским, грубым, печальным, саркастическим, трогательным. Категория юмора предполагает комплексную оценку описываемой ситуации, основанную на отклонении от общепринятых стереотипов. Природа юмора может иметь как универсальную основу, находящуюся вне времени и пространства, так и обладать национальной и исторической спецификой, что обеспечивает его уникальность. Общеизвестно, что в основе комического лежит расхождение между значением предложения (буквальным значением) и значением высказывания (косвенным значением). Данное расхождение может варьироваться от их частичного совпадения – говорящий хочет сказать нечто большее, чем говорит (встречается в большинстве случаев юмористического дискурса), до их полной противоположности – говорящий подразумевает обратное тому, что он говорит (в случае иронии, сарказма, сатиры). Категория юмора неоднократно становилась объектом изучения как лингвистов, так и представителей других научных областей [Бореев, 1979; Антонова, 1989; Панина, 1996; Рюмина, 1998; Арутюнова, 1999].

Существуют различные формы юмора. Например, грубые шутки популярны среди детей и подростков, а также среди представителей некоторых слоев общества с низким уровнем культуры, в то время как сатира более популярна среди взрослых и образованных людей. К литературным формам проявления юмора относятся анекдот, шутка, монолог, диалог, рассказ, каламбур, афоризм. Кроме текстовой формы, юмор может быть также представлен в графической форме – карикатура, шарж, рисунок, фото и т.п. Особый вид юмора представляет собой черный юмор, представленный во многих лингвокультурах. Главным жанром сатирической публицистики является фельетон, в котором комическая сущность отрицательных явлений и ситуаций действительности раскрывается при помощи ассоциативной разработки темы с использованием приёмов иносказания.

Среди авторов литературных произведений выделяется особая группа писателей-юмористов. Наиболее известными русскими

писателями-юмористами XX века справедливо считаются И. Ильф и Е. Петров.

Один из авторов знаменитых романов «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» И. Ильф в начале своего творчества писал материалы юмористического и сатирического характера (в основном фельетоны). С совместной работы над романом «Двенадцать стульев» в 1927 году началось творческое содружество И. Ильфа и Е. Петрова.

Сюжетная основа романа была подсказана В. Катаевым, которому соавторы посвятили данное произведение. В воспоминаниях об И. Ильфе Е. Петров впоследствии писал, что ими было принято решение о том, что сюжет со стульями не должен быть основой романа, а может быть только причиной, поводом к тому, чтобы показать реальную жизнь того времени [Воспоминания, 1963]. Данная задача удалась писателям в полной мере: их произведения стали ярчайшей «энциклопедией советской жизни» конца 1920-х – начала 1930-х годов.

Интерес к языку сатиры И. Ильфа и Е. Петрова возник непосредственно после выхода в свет их работ и впоследствии не угасал, поскольку писатели запечатлели в своих произведениях панораму жизни советского общества 20-х годов XX века. «Описание окружающей действительности сквозь призму комического мировидения соавторов выразилось в общем комическом эмотивном фоне их произведений и насмешливой эмотивной тональности, проявляющейся в выражении эмоционального отношения к действительности» [Попченко, 2005 : 3].

О фельетонах И.Ильфа и Е.Петрова, как, впрочем, и об их творчестве в целом, писали многие российские исследователи. Современник двух соавторов А.П. Селивановский, автор статьи «Смех Ильфа и Петрова», положительно отзывается о фельетонах И. Ильфа и Е. Петрова об искусстве, но недооценивает другие фельетоны сатириков, считая, что они поверхностны [Селивановский, 1932]. Другой современник соавторов указывает на оптимистический характер сатиры И. Ильфа и Е. Петрова: «...в сатире Ильфа и Петрова, возникшей уже на почве социалистических побед, особенно рельефна новая черта советской сатиры: её общий оптимистический тон. Она питается не ненавистью, даже желчью (как са-

тира Вольтера, Свифта, Салтыкова-Щедрина), но скорее чувством гордого презрения, насмешки победителя» [Зелинский]. Позитивно отзывается о сатире И. Ильфа и Е. Петрова А. Роскин в статье «Мастера фельетона». Данный исследователь отмечает малую изученность фельетонов соавторов и делает меткое наблюдение: «Ильф и Петров наряду с острой наблюдательностью и обширной осведомленностью внесли в фельетон мягкость, которая не переходит в благодушие, и изысканность, не переходящую в стилизацию. Газетная оперативность фельетона Ильфа и Петрова сочетается с высокими литературными качествами...» [Роскин, 1935 : 7]. Е.И.Журбина в статье «Об Ильфе и Петрове» указывает на ограниченный подход советских критиков к творчеству И. Ильфа и Е. Петрова: «Если об Ильфе и Петрове “заходила речь” в нашей критике, то при этом ставился, главным образом, вопрос правильно или неправильно потрудились эти писатели на поприще советского юмора и сатиры.... В круг общей своей проблематики критика Ильфа и Петрова почти не включила» [Журбина, 1937 : 174].

В 40-е годы соавторов преимущественно считали проповедниками идеологии партии [Молдавский, 1981]. Сложившийся в 40-е годы подход к творчеству И. Ильфа и Е. Петрова справедливо критикуется Л. Гуровичем, который также отмечает малую изученность творчества соавторов [Гурович, 1957]. Данную точку зрения можно, бесспорно, признать справедливой. Необходимо подчеркнуть, что все указанные выше исследования носили преимущественно литературоведческий характер. Значительно позднее стали появляться исследования, посвященные проблемам языковых особенностей известных романов И. Ильфа и Е. Петрова. К другой малоизученной тематике относятся переводы произведений соавторов. Исследования, посвященные изучению романов в аспекте перевода, стали появляться сравнительно недавно [Бестолкова, 2005].

Общеизвестным является тот факт, что стремительное развитие мировой цивилизации способствует вовлечению все большего числа людей в сферу межкультурных контактов и связей. Это обуславливает актуальность вопросов, связанных с художественным переводом, поскольку переводная литература

остаётся одним из основных источников получения знаний об иных («чужих») культурах. Во избежание взаимного непонимания между представителями разных культур необходимо установить, насколько может быть достоверной культурологическая информация, которую читатель, не знакомый с оригинальным произведением, способен почерпнуть в произведении переводном.

Главной причиной появления искажений, ошибок и неточностей в переводах художественных произведений является межкультурная асимметрия, проявляющаяся при сопоставлении оригинальных и переводных текстов. Одним из обязательных условий для достоверной передачи информации, содержащейся в подлиннике, является способность переводчика проникать в реальность, описанную в подлиннике, иметь верное представление о вещах, обозначаемых языковыми реалиями. Еще более сложной задачей для переводчика является передача при переводе различных экспрессивных параметров оригинального текста и, прежде всего, юмористического содержания оригинала [Влахов, Флорин, 1980].

Совместное произведение И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» на китайский язык еще не переведено. По крайней мере, не существует официальной опубликованной версии перевода. На настоящий момент известны четыре китайских перевода романа «Двенадцать стульев». Первый перевод был опубликован издательством «Ни Ту» в 1954 году в Шанхае (переводчик Фэй Минцзюнь); второй перевод появился в «Хэйлунцзянском народном издательстве» в 1984 году (переводчики Ань Юйсень и Чжун Дин). В следующем году был опубликован третий перевод, получивший высокую оценку читателей (переводчик Сюй Чанхань). Последний из известных нам переводов вышел в свет в 2004 году в «Издательстве культуры народов» (переводчик Чжан Пэйвэнь). Данный переводной текст и используется в нашем исследовании [Чжан Пэйвэнь, 2004].

Известны три перевода романа И.Ильфа и Е.Петрова «Двенадцать стульев» на английский язык. Самый ранний перевод был сделан Эриком Конколом [Ilf, Petrov, 1929]. Второй перевод вышел в свет в лондонском издательстве «Labour Book Service» в 1940 году. Пере-

Лозунг был переведен следующим образом: (1) «Помощь утопающим людям находится в руках этих самих утопающих» (Дж. Ричардсон); (2) «Задача помощи утопающим – это обязанность самих утопающих» (Э. Конкол); китайский перевод – «Спасение утопающих – утопающим нужно спастись своими силами». Наиболее удачными можно признать английские переводы, особенно перевод Дж. Ричардсона, в котором сохранена лексема «руки». Юмористический эффект создается комбинированием смысла и ассоциаций прецедентного текста и прямого значения единицы «руки» («руки утопающих»).

Рассмотрим другой фрагмент главы:

«Товарищи! – сказал он прекрасным голосом. Товарищи и братья по шахматам, предметом моей сегодняшней лекции служит то, о чем я читал, и, должен признаться, не без успеха, в Нижнем Новгороде неделю тому назад. Предмет моей лекции – плодотворная дебютная идея. Что такое, товарищи, дебют и что такое, товарищи, идея? Дебют, товарищи, – это “Quasi una fantasia”»

«Comrades and brother chess players,» he said in a fine speaking voice: «the subject of my lecture today is one on which I spoke, not without certain success, I may add, in Nizhni-Novgorod a week ago. The subject of my lecture is “A Fruitful Opening Idea”. What, Comrades, is an opening? And what, Comrades, is an idea? An opening Comrades, is quasi una fantasia» (перевод Дж. Ричардсона).

«Comrades!» he said in a fine voice. «Comrades and brothers in chess, the subject of my lecture today will be something I read about – and, I must confess, not without success – in Nizhni-Novgorod last week. The topic of my lecture is “A Fruitful Opening Idea”. What, comrades, is an opening and what, comrades, is an idea? The opening, comrades, is Quasi una fantasia» (перевод Э. Конкола).

«同志们!» 他以十分悦耳地嗓音说道。同志们，棋友们，我今天要讲的是一周前在下新城讲过的内容，应当承认，不无好评。我的讲座的题目是《成功的布局理念》，同志们，什么是布局，什么是理念呢？同志们，布局就是Quasi una fantasia。(法语，意思是“一种幻想”。原文有误，应为 Quoi si une fantaisie)».

Словосочетание «Товарищи и братья по шахматам» представляет собой нарушение

клише («братья по партии», «братья по разуму», «братья по вере»). Нарушение клише и сочетание советизма «товарищи» и слова «братья» способствуют созданию юмористического эффекта. В английских переводах и слово «братья» переведено синонимичным словом «brothers». В китайском переводе используется лексическая единица со значением «друзья». Разъясняя слово «дебют», О. Бендер использовал иностранное выражение «*Quasi una fantasia*», что также усиливает юмористическую заряженность текстового отрывка. Бессодержательная речь О. Бендера перегружена терминами, что свидетельствует о невежестве говорящего в рассматриваемой шахматной теме. Данное итальянское выражение («почти как фантазия», «псевдофантазия») часто используется в работах по искусству (музыка, живопись, литература) и не является шахматным термином. О. Бендер использует непонятное для слушателей выражение для придания своему выступлению (лекции) наукообразности. В английских и китайском переводах иностранная фраза была оставлена без изменения, но в китайском переводе появилась дополнительная (хотя и не совсем корректная) информация об этом выражении: «Франц. язык: мечта. В оригинале была ошибка, правильное написание: *Quoi si une fantaisie*».

Выступление О. Бендера в клубе – аллюзия на рассказ «Лекция Ниагарова» из сборника В. Катаева, изданного в серии «Юмористическая иллюстрированная библиотека журнала “Смехач”» в 1927 году [Катаев, 1927]. Герой рассказа читает в московском Политехническом музее платную лекцию о «междупланетном сообщении». Тема лекции перекликается с названием главы романа, в которой также представлены кассир, странная по содержанию лекция, неуместные анекдоты, бегство лектора и кассира. Как «Лекция Ниагарова», так и глава романа имеют ярко выраженную юмористическую окраску. Юмористический эффект создается использованием различных средств, среди которых представлены стилистически-маркированные лексические единицы:

Например, вон тот блондинчик в третьем ряду.

Take, for example, the fair-haired young man sitting in the third row... (перевод Дж. Ричардсона).

For example, take that blond man in the third row... (перевод Э. Конкола)

«比如，喏，第三排的那位黄头发的同志».

В русском оригинале суффикс «-чик» в слове «блондинчик» имеет не ласкательное значение, а презрительно-уничижительное. Как в английских переводах, так и в китайском варианте экспрессивное значение передано не было: *fair-haired young man* – *молодой светловолосый человек*; *blond man* – *блондин*; 黄头发的同志 – *блондин*.

Целям создания юмористического эффекта могут служить самые различные единицы языка (термины, имена собственные). Наиболее значимым в данном контексте является способ использования такого рода единиц в юмористическом дискурсе:

...несколько поучительных историй из практики наших уважаемых гипермодернистов Капабланки, Ласкера и доктора Григорьева.

...some instructive stories about our esteemed ultramodernists, Capablanca, Lasker and Dr Grigoryev (перевод Дж. Ричардсона).

...a few instructive stories from the practice of our respected hypermodernists Capablanca, Lasker, and Dr. Grigoriev (перевод Э. Конкола).

几个具有一定教育意义的事例，他们是我们的超级现代派大师卡帕布兰卡、拉斯克和格里戈里博士的亲身经历。

Шахматный термин «гипермодернист», имеющий ярко выраженную юмористическую окраску в данном контексте, представлен в трех переводах тремя различными вариантами: *ultramodernists*; *hypermodernists*; 超级现代派大师 (супермодернист). Объектом шуток авторов романа выступают популярные споры о гипермодернизме – сложившимся в 1910–1920-е годы направлении шахматной стратегии, особенно сильно повлиявшим на дебютную теорию, о которой должен был рассказать васюкинцам О. Бендер. Основателями данного направления считались Нимцович, Рети и Алехин. Сам термин «гипермодернизм» или «ультрасовременные шахматы» был предложен Тартаковером. Примечательно, что упомянутые лжегроссмейстером О. Бендером Капабланка, Ласкер и Григорьев ги-

пермодернистами не были, что также способствует созданию определенного юмористического эффекта.

Обратимся еще к одному фрагменту текста романа:

Краткостью лекции все были слегка удивлены. И одноглазый не сводил своего единственного ока с гроссмейстеровой обуви.

The brevity of the lecture caused certain surprise. The one-eyed man was keeping his single peeper firmly fixed on the Grossmeister (перевод Дж. Ричардсона).

Everyone was somewhat surprised by the brevity of the lecture. And the one-eyed one did not take his single eye off the grandmaster's footwear. (Перевод Э. Конкола).

讲座短得使大家感到有些惊奇。独眼龙用他那唯一的一只眼一直盯着大师的靴子。

В переводах Дж. Ричардсона и Чжан Пэй-вэня передана идея о том, что одноглазый шахматист пристально смотрел на обувь гроссмейстера. В целях создания юмористического эффекта в оригинале используется устаревшее слово «око». В переводе Дж. Ричардсона предпринята попытка перевести устаревшее слово «око» стилистически-сниженной единицей английского языка «реерер», что может быть рассмотрено как своеобразная юмористическая и стилистическая компенсация.

В данном фрагменте также представлена аллюзия на рассказ «Лекция Ниагарова»: у героя В. Катаева были «остроносые малиновые туфли». Как известно, О. Бендер в Старгороде приобрел «малиновые башмаки», которыми очень гордился.

Проведенный сопоставительный анализ английских и китайского переводов известного романа «Двенадцать стульев» свидетельствует о том, что перевод юмористического текста представляет крайне сложную задачу для переводчиков, обусловленную как различием языков и культур, вовлеченных в процесс перевода, так и национальной спецификой юмора. Однако данная задача является задачей выполнимой, решаемой на основе выбора различных переводческих стратегий и компенсаторных приемов.

Библиографический список

1. Антонова, О.В. Компрессия в юмористических текстах [Текст] / О.В. Антонова, А.Н. Мурзин // Речевые приемы и ошибки : сб. науч. трудов. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1989. – С. 110–119.

2. *Арутюнова, Н.Д.* Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова – М.: Языки русской культуры, 1999.
3. *Бестолкова, Г.В.* Отражение реалий русской культуры в английских и французских переводах (на материале романов И.Ильфа и Е.Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» и их переводов на английский и французский языки) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Г.В. Бестолкова. – М., 2005.
4. *Бореев, Ю.Б.* Комическое или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия [Текст] / Ю.Б. Бореев. – М. : Искусство, 1970.
5. *Влахов, С.* Непереводимое в переводе [Текст] / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Междунар. отношения, 1980.
6. Воспоминания об И. Ильфе и Е. Петрове [Текст]: сборник / сост. Г. Мунблит, А.Раскин. – М. : Советский писатель, 1963.
7. *Гурович, Л. И.* Ильф и Е. Петров, сатирики [Текст] / Л.И. Гурович // Вопросы литературы. – 1957. – №4. – С. 110–139.
8. *Журбина, Е.И.* Об Ильфе и Петрове [Текст] /Е.И. Журбина // Октябрь. – 1937. – № 10. – С. 171–178.
9. *Зелинский, К.Л.* Литературные картины тридцатых годов (1930–1935 гг.) [Текст] / К.Л. Зелинский // РГАЛИ. – Ф. 1604, оп.1, ед.хр. 131.
10. *Ильф, И.* Двенадцать стульев [Текст] / И. Ильф, Е. Петров. – М. : Эксмо, 2005.
11. *Катаев, В.* Самое смешное [Текст] / В. Катаев // Юмористическая иллюстрированная библиотека журнала «Смехач». – М. : Гудок, 1927.
12. *Молдавский, Д.М.* Товарищ смех [Текст] / Д.М. Молдавский. – Л. : Лениздат, 1981. – С. 258–276.
13. *Панина, М.А.* Комическое и языковое средство его выражения [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / М.А. Панина. – М., 1996.
14. *Попченко, И.В.* Комическая картина мира как фрагмент эмоциональной картины мира (на материале текстов И.Ильфа и Е.Петрова) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.В. Попченко. – Волгоград, 2005.
15. *Роскин, А.* Мастера фельетона [Текст] / А. Роскин // Худож. литература. – 1935. – № 8.
16. *Рюмина, М.Т.* Тайна смеха или эстетика комического [Текст] / М.Т. Рюмина. – М. : Знак, 1998.
17. *Селивановский, А.П.* Смех Ильфа и Петрова [Текст] / А.П. Селивановский // Литературная газета. – 1932. – № 38.
18. *Чжан Пэйвэнь, 十二把椅子* 翻译版 перевод «Двенадцать стульев» [Текст] / Чжан Пэйвэнь. – Пекин : Культуры народов, 2004.
19. Энциклопедический словарь: в 86 т. – СПб. : Фирма «ПОЛРАДИС» : АООТ «Иван Федоров», 1993—1998.
20. *Ilf I.* The 12 chairs [Text] / I. Ilf, E. Petrov. Translated by Eric Konkol. – London, 1929.
21. *Ilf I.* The Twelve Chairs [Text] / I. Ilf, E. Petrov. Translated by John H.C. Richardson – Chicago : Northwestern University Press, 1997.
22. *Ruch, W.* Sense of humor: A new look at an old concept [Text] / W. Ruch// The sense of humor explorations of a personality characteristic / Ed. By W. Ruch. – Berlin; New York : Mouton de Gruyter, 1998. – P. 3–14.

Л.Ц. Санжеева

СИНОНИМЫ В ПОЭТИКЕ БУРЯТСКОГО ЭПОСА О ГЭСЭРЕ

В статье рассматриваются разные виды синонимов, встречающиеся в бурятском эпосе «Абай Гэсэр Богдо хаан». В ходе анализа выявлены семантические, стилистические, семантико-стилистические синонимы и определена их роль в поэтике эпического произведения. Также внимание уделено синонимам уточняющего, замещающего и усилительного характера.

Ключевые слова: синонимические отношения; семантическое тождество; семантическая и стилистическая синонимия; фразовые и фразеологические синонимы; уточняющие; замещающие усилительные синонимы.

L. Sanzheeva

SYNONYMS IN THE POETICAL STYLE OF THE BURYAT EPIC OF GESER

Synonyms and their role in the 'Abai Geser Bogdo Khaan' epic are considered in the paper. The author points out different types of synonyms: semantic, stylistic, semantic-stylistic, specifying, substitutional and intensifying. We also provided examples from the text of the epic with some comments.

Key words: synonymic relations; semantic identity; semantic and stylistic synonymy; phrasal and phraseological synonymy; specifying; substitutional and intensifying synonyms.

В данной работе изучены вопросы синонимии в улигере «Абай Гэсэр Богдо хаан», записанном от известного бурятского сказителя А.В. Васильева (Альфора). Синонимы в бурятском языке обладают разной степенью семантической близости или тождества: синонимичность слов *хараха* (смотреть, видеть) – *үзэхэ* (видеть, осматривать) выражается яснее, чем слова *бахархаха* (быть довольным) – *хухихэ* (веселиться) – *баясаха* (радоваться) – *зугаалаха* [развлекаться (гулять)], последние имеют значительные смысловые и стилистические различия. Смысловое тождество наблюдается в следующих словах и словосочетаниях: *холын зам* – дальний путь, *утын зам* – длинный путь; *эмээлгуй* – без седла, *зайдаар* – на неоседланном коне [Хундаева, 1999 : 6].

Известный бурятский лингвист, исследователь фольклора Е.О. Хундаева пишет о разных видах синонимов, которые мы приводим ниже. Семантические синонимы различаются оттенками значений или семой, например, *эмнэхэ* (лечить, имеется в виду «процесс лечения») – *эдэгээхэ* (вылечить, излечить, исцелить, поставить на ноги, «результат»); *сэбэр* (красивый) – *хайхан* (приятный, милый). В

данном случае значения, т.е. семы, или семантическое наполнение слов различаются. Стилистические синонимы имеют почти одинаковое значение, но различаются стилистической окраской, например, *аали* – жилье, строение (межстилевое слово) – *үргөө(н)* – большой дом, дворец (книжное слово).

Семантико-стилистические синонимы отличаются друг от друга и по нюансам смысла, и своей стилистической окраской, например, *зарлиг* – указ, повеление (устаревшее, книжное) и *тунхаг* – объявление, молва (общеупотребительное).

Встречаются синонимы уточняющего характера. Синонимы, уточняющие и дополняющие друг друга, более емко выражают мысль, например, *хариха бусаха* – возвращаться домой – вновь прийти, приехать куда-то; *дохолон хулгуй* – хромой – безногий. Здесь второе слово подчеркивает, уточняет значение первого.

В таких синонимах, как, например, *арханшүдхэр*, первое слово *архан* – заимствованное (ср.: Раху), диалектное (боханское), второе слово *шүдхэр* – чёрт (общеупотребительное) разъясняет значение первого.

В синонимах могут быть сопоставлены обозначаемые ими понятия по различиям в их семантике: *шагнаха* (слышать) – *дуулаха* (слышать); *эмнэхэ* (лечить) – *эдэгээхэ* (излечивать), *уур* (гнев) – *сухал* (ярость).

Синонимы в бурятском эпосе могут противопоставлять значения: *хубуун бэишэ* – *худэри* (не парень (могучий батор), а исполин).

Встречаются синонимы в функции замещения, слово *гулидхаха* может сопровождаться словом *суглуулха*, оба имеют значение *собирать*, то есть одно слово может быть замещено другой синонимичной единицей, но это не устоявшееся парное слово, характерное для бурятского языка, а результат индивидуально-авторского творчества.

В бурятском улигере часто наблюдается последовательное использование нескольких синонимов, в результате чего интенсивность признака, действия усиливается.

Азарга сагаан булжамуур

Наран-Гоохон абхайн

Улбэр убишэн хоёрын

Эмнэжэ домножо бодобо,

Ханяада тахал хоёрын

Эдэгээжэ заларуулжа ошобо.

Здесь синонимичны слова: *улбэр* (болезненность) – *убишэн* (болезнь) – *ханяада* (кашель, простуда) – *тахал* (эпидемия). Следующий пример также очень показателен: *эмнэжэ* (излечивая) – *домножо* (исцеляя знахарскими приемами) – *эдэгээжэ* (заживляя) – *заларуулжа* (выправляя, поднимая на ноги). Каждый следующий синоним усиливает предыдущий, создается градация не синонимами, а словами, связанными некоторой общностью значений: *сэбэр*, *хайхан*, *арюун* – красивая, приятная, чистая (святая); *мэхэлэн хардажа байба* – обманывает, клеветает; *хандаржа бутаржа хэбтэбэ* – ломаясь и разваливаясь на части, лежал [Хундаева, 1999 : 8]. В данном случае мы наблюдаем своеобразную градацию значений.

В Гэсэриаде также встречаются фразеологические синонимы: *Уураа ехээр уурлаба*, // *оошоо ехээр булхайба* – Сильно рассердился, // раздул рот. Большинство из них образованы на основе бурятских фразеологических выражений.

Далее приводим примеры с наиболее распространенными видами синонимов, которые мы обнаружили в варианте А.В. Васильева

(Альфтор) «Абай Гэсэр Богдо хаан. Буряадай морин ульгэр».

Семантические синонимы

Слова семантически близки друг другу, оба имеют значение ‘плакать’: *Уйлалдан*, *бархиралдан* (с. 453).

Слово ‘зориг’ означает ‘смелость’, ‘алдар’ означает ‘слава’, вместе они имеют обобщающее значение ‘известность, популярность’: *Зоригто алдартта хэрэгтээ* (с. 463).

Оба слова имеют значение ‘собираться’: *Сугларжа*, *гульдхажэ* (с. 464).

Слова имеют одинаковое значение – распространяться: *Дэлгэржэ*, *таража* (с. 465).

Эти слова близки по значению: *хүтэлхэ* – вести за руку; *дахуулха* – вести за собой: *Хүтэлжэ*, *дахуулжа ябаба ла* (с. 465).

Шэртэхэ (вникать, интересоваться) и *шэнжэхэ* (вникать, рассматривать, наблюдать) близки в семантическом смысле: *Шэртэн шэнжэн хараба ла* (с. 466).

Слова *хэлэхэ* (сказать, говорить) и *хүүнэхэ* (говорить) синонимичны: *Хэлэн хүүнэн хууба ла* (с. 466).

Дайлаха (воевать) и *оролсохо* (бороться) близки по смыслу. Они образно оттеняют значение друг друга: *Дайлалсаха*, *оролсохо* (с. 466).

Тулаха (противостоять) и *оролсохо* (бороться) имеют собирательное значение ‘сопротивляться’: *Тулажа оролсожо шадаха* (с. 479).

Слова *дарагдаха*, *добтолуулха* близки по значению – победить, разбить: *Дарагдабабди*, *добтолуулабди* (с. 481).

‘Намалзуулаха’ и ‘нахиилгаха’ имеют значения ‘колыхать’ и ‘прогибать’, то есть они близки по значению: *Намалзуулан*, *нахиилган байбад ла* (с. 485).

Слова ‘зонхилхо’ (управлять, распоряжаться) и ‘зараглаха’ (посылать, распоряжаться) являются семантическими синонимами: *Зонхилжэ*, *зараглажа* (с. 494).

Слова ‘добтолохо’ (нападать) и ‘дабтаха’ (наступать) синонимичны: *Добтолон дабтан ябашаба ла* (с. 508). – Напав, разорив, ушел.

Слова ‘хатаргаха’ (пускать рысцей) и ‘гүйлгэхэ’ (заставить бежать) почти синонимичны. *Хатарган гүйлгэн ошобод ло* (с. 508).

Далее приводим остальные образцы семантических синонимов из анализируемого улигера.

<i>Огторгойн бурхадай урдан аалами... Тэнгэрийн бурхадай урдан аалами (с. 17)</i>	Перед небесными божествами ... Перед тэнгриями – бурханами
<i>Тулалсаһан тулалсаһан дайсые аалами Дараха заяан дуулдан байһандла аалами! (с. 17)</i>	Врага, с которым бился, Подалю, как предначертано свыше!
<i>Нарабэй харанхуй (с. 18)</i>	Темно (не солнечно)
<i>Нарабэй мэльгэр (с. 18)</i>	Темный, тускло блестящий
<i>Тэнэрхэ бисарха боложо (с. 19)</i>	Лопнет, треснет
<i>Мүрэнүүд, горхонүүд</i>	Реки и ручьи
<i>Урдажа, шурьяжа ошожо (с. 19)</i>	Текут, несутся быстро
<i>Наадатай неэдэһэтэй ябаба ла (с.20)</i>	Игривым и смешливым был
<i>Шэбишэжэ, шүүжэ оробо ло (20)</i>	Начал думать, размышлять
<i>Шүүн шэнжэн оробо ло (20)</i>	Начал вдумываться, вникать
<i>Гэгээрүүлжэ толотуулжэ ...</i>	Рассветая, сияя
<i>Толотуулжэ гэгээрүүлжэ (21)</i>	Освещая, проясняя
<i>Хэрэг зоригоо дүүргэжэ (22)</i>	Выполняя свое дело (достигая цели)
<i>Хараа үзээ хадаа хайн бэлэй (26)</i>	Было бы хорошо увидеть, узреть
<i>Үзэхэмнэй, харахамнай гэбэл (28)</i>	Если захотеть увидеть, посмотреть
<i>Баран сугларжа, гүльдажа (109)</i>	Все собравшись
<i>Араяа хэсэ дэлгэжэ, Араяа зониие суглуулхамни, үбэрэй хэсэ дэлгэжэ, үбэрэй амитание гүльдхахамни (147)</i>	Били в северный барабан, Собирали народ с севера, Били в южный барабан, Собирали народ с юга
<i>Гэрхэн тээшэ гэшхүүлбэ, Газархан тээшээ гайгуулба (115)</i>	Направил (коня) к дому, К своему кочевью направил (коня), покачиваясь
<i>Алан хюдан орхихомнай (426)</i>	Убьем, уничтожим

Семантико-стилистические синонимы

Баран хороогдобо, алуулба ла (347)

Все были истреблены, убиты

Хороогдохо (быть убитым, истребленным – булагатский говор), алуулха (быть убитым) – общеупотребительное слово.

Алан хюдан орхибо (с. 482)

Слова алаха – убить (общеупотребительное слово), хюдаха – истребить (образный стиль).

Уйлалдан, бархиралдан байбад ла (с. 482)

Уйлаха (плакать) и бархираха (диал. – плакать) являются синонимами.

Приводим далее остальные образцы семантико-стилистических синонимов.

Зар зарлиг гаргажа (79)

Оповестив (народ) и повелев

Олон ада анхайнуудые,

Бодо боохолдойнуудые (68)

Много бесов и злых духов,

Умерших душ

Стилистические синонимы

Олон зула шатаалгатай аалами ...

Түмэн зула шатаалгатай аалами (с. 17)

Много лампад зажжено ...,

Тысяча лампад зажжено

Слова олон (много – нейтральный разговорный стиль) и түмэн (тысяча – слово образно-художественного плана) в данном случае синонимичны.

Ноёрхуу нохойрхуу (68)

Чванливый, наглый

Ноёрхуу (чванливый) и нохойрхуу (наглый, нахальный – эмоционально-художественный стиль) несколько различаются по сфере употребления.

Һүрхээ һайзгайма байба ла (437)

Осанистый важный был

Һүрхээ (прекрасный) – слово общеупотребительного стиля, һайзгай означает представительный (булагатский говор).

Уулзан золгодон байба ла (440)

Уулзаха – встречать; золгохо – встречать. Последнее слово имеет значение *приветствовать обеими руками в знак почтения* (агинский говор).

Синонимы уточняющего характера

Найн һайхыма, арюун сэбэрыма,

гэгэн саган үдэр (21)

Хороший, чистый и красивый,

Ясный светлый день

Из второй строки становится ясно, что речь идет о чистом светлом дне.

Тэнгэрийн түмэн сагаан **бурхашуул**,
Огторгойн олон сагаан **тэнгэришүүл** (60)
Небесные тысячи белых бурханов,
Небесные многочисленные белые тэнгрии
Эти фразы уточняют смысл друг друга.

Синонимы замещающего характера

Хобтоёо уудалха болобо аалами ...
Абдараа уудалха болобо аалами (с. 17)

Открытым сундуки ...

Раскрытым лари

Хобто и абдар (сундук, шкаф) синонимичны, также употребляются как парные слова абдар хобто с собирательным значением – сундуки, шкафчики.

Мэргэн тогтоол гаргая, ...

хайхан эсхэбэри гаргая (69)

Примем хорошее решение,

Сделаем хороший «раскрой»

Тогтоол (решение, постановление), эсхэбэри или эсхэлгэ (кройка) замещают друг друга в смысловом отношении.

Синонимы с усилительным значением

Гайхан тагнан шэбшэбэ лэ (с.19)

Хотел знать, выяснить, понять

Синонимы нанизываются друг на друга для усиления образного воздействия: гайхаха – удивляться; тагнаха – разузнавать; шэбшэхэ – размышлять.

Шэбшэжэ, шүүжэ оробо ло (с.20)

Думал, вникал

Шэбшэхэ – размышлять; шүүхэ – вникать.

Второе слово усиливает значение второго.

Тэдэни шэртэн шэнжэлэн хаража (с.20)

Всматривался в них, изучал

Шэртэхэ – всматриваться; шэнжэлэхэ – рассматривать, изучать. Второе слово усиливает значение первого.

Амидаржа, хүдэлжэ, бодожо (64)

Ожил, пошевелился и приподнялся

Амидарха (оживать), хүдэлхэ (шевелиться), бодохо (подняться, встать). В этих словах показана градация значений.

Интерес представляет группа синонимов – парных слов, характерных для улигерного языка и системы бурятского языка в целом. Здесь имеются в виду слова, находящиеся в соположении, но обозначающие одно и то же явление или предмет. Это яркое художественно-стилистическое средство в поэтике бурятской

Гэсэриады. К сожалению, работы, посвященные данному явлению в бурятском эпосе, малочисленны, поэтому их исследование весьма актуально и значимо в рамках поэтики бурятских эпических произведений.

Синонимы – парные слова

Уур сухал боложо (с. 18)

Озлобились, разъярились

Уур означает ярость, злоба; сухал – гнев, ярость. Парные слова уур сухал имеют значение гнев.

Хараан шэрэн ябаба (с. 19)

Шли, ругаясь и бранясь

Хараха – ругать; шэрэхэ – ковать, закалять: это парные слова со значением браниться.

Ехэ хүтюү хөөрүү болжо (с.19)

Сильно обрадовался, разговорился

Хүтюү – радостный; хөөрүү – разговорчивый. В соположении они образуют парные слова.

Хэлэн хүүнэн байна (с. 19)

Говорил, сказывал

Хэлэхэ – говорить, сказать; хүүнэхэ – парное слово к хэлэхэ.

Найгажа, надхажа (с. 19)

Качаясь и колыхаясь

Надхаха найгаха – качаться, колыхаться, то есть это – парные слова.

һалганан, булгэнэн (22)

Дрожа и трясаясь

һалганаха – дрожать, трястись; второе слово в словаре отсутствует, вместе они составляют парное слово.

Сэсэн сэндэр боложо (23)

Став умной – разумной

Сэсэн – умный; сэндэр – парное к нему слово.

Хэрэг зоригоо дүүргэжэ (22)

Выполняя свое дело, цель

Хэрэг – дело, зориг – цель, устремление; они близки по значению.

Орожо ерэжэ амаршалбад (28)

Войдя (прибыв), поздоровались

Орожо ерэхэ (прибыть, войти) – парные слова.

үһөө хиһаагаа нэхэн (333)

Добиваясь мщениа

үһөө хиһаан (мщение) – синонимы, вместе они образуют парные слова.

хуугайдан, хаихаран абаба ла (340)

Закричали, завопили

Хуугайлха, хашхараха – синонимы, а именно парные слова.

Хобдог хомхой дайладан (с.466)

Хобдог (жадный, алчный, ненасытный) и хомхой (жадный) являются парными словами.

Сахюур саган байтаһаар (с.466)

Сахюур (белёсый, кремнёвый) и саган (белый) являются парными словами со значением 'белоснежный'.

Можно привести парные слова из текста эпоса «Гэсэр», образованные на основе синонимии и отраженные в словарях, например: *хашаг татал* – болезни, недуги; *дайн дажар* – битвы, войны; *үлбэр үбшэн* – большой; *олзотой омогтой* – с богатой добычей; *шолмо шудхэр* – чёрт; *гэмэрэн гэмшэн* – с ворчанием и брюзжанием; *ээрэн борон* – пристава с расспросами; *бахижса барижса* – крепко ухватиться; *тангариг шахаа (хэлэжэ)* – клятву давая; *ордон ургоон* – ставка, резиденция; *үлэн хоһор (найгажса)* – от голода (качаясь); *бадран зандан хуурлэбэ* – повышая голос, говорил; *гайхан тагнан* – удивляясь.

Нередки синонимичные сочетания, не отраженные в словарях как парные слова: *ундыжэ бодожо* – привставая, поднимаясь; *отог аали* – жильё; *ами һулдэ* – жизненная сила, мощь; *мэхэ гохо* – обман, ложь; *золхон заян* – счастье, судьба; *хэргэг һонор* – осмотрительный; ой модон – лес; *харааха шэрээхэ* – ругаться, браниться [Хундаева, 1999 : 15–16].

Фразовые и фразеологические синонимы

Тэнгэри дэлхэй хоёри

*Гэгээрүүлжэ, толотуулжэ,
Ургаса амитые яргуулба* (21)

И небо, и землю

Освещая, заливая лучами,

Осчастливило все растущее и живое

Далее идет следующая фраза, синонимичная первой:

Тэнгэри дэлхэй хоёри

Толотуулжэ, гэгээрүүлжэ

Тэнгэри газар хоёри аятуулба (21)

И небо, и всю вселенную

Заливая лучами, освещая

Оживила и небо, и землю

Муу зантай, муухай аягтай (23)

С плохим нравом, дурными повадками

Муу – плохой; зан – характер, нрав; аяг – поведение, повадки.

һайн юума харуулыш,

һайхан юума үзүүлыш! (27)

Покажи хорошее,

Покажи славное!

Обе фразы близки по значению.

Багаһаан баряабэй,

Нилхаһаан хорёобэй аад (29)

С малу не сдерживала,

С пеленок не запрещала

Фразы почти синонимичны.

Нойриһоншин энэ лэ,

Унтаһанишин энэ лэ (30)

Он задремал,

Уснул

Фразы в большой степени синонимичны.

Урданай холойн юумайе аалами ...

Уудалан, ударан

Холон хуушан юумайе аалами ... (30)

Может, прошедшее, далекое ...,

Роясь [в памяти], вороша,

Может, давнее, старое ...

Фразы близки по значению.

В отдельную группу можно выделить так называемые смысловые синонимы, под которыми мы понимаем слова с разными словарными значениями или разными семами, но контекстуальным или смысловым сходством, близостью, т.е. они синонимичны лишь в рамках данного контекста. Лишенные определенного контекста, они могут и не являться синонимами. Значение, содержание, смысл – разные понятия, так же, как различны следующие понятия: план содержания и план выражения. Поэтому следует отметить, что смысловые синонимы выступают синонимами по смыслу, а не по значению, не по семе, т.е. не по минимальной единице содержания, а лишь по контексту.

Смысловые синонимы

Зүнтэглэхэ зудэрхэ (29)

Одряхлел, силы истоцились

Слова зүнтэглэхэ – дряхлеть, выживать из ума; зудэрхэ – изнуряться, изматываться по смыслу близки друг другу.

үтэлөөш, үедөөш (29)

Постарел, кости ломит от старости

үтэлэхэ – стареть; үедэхэ – болеть, ломить (о костях). На смысловом уровне эти слова близки.

Газааша гаран ошобо ло (30)

Вышел (из дома), ушел

Газааша гараха – выйти на улицу, ошохо – уйти, уехать. По смыслу эти слова синонимичны.

Анализ синонимов в улигере о Гэсэре, записанном у молькинских бурят в Приангарье, показывает, что в нем встречаются семантические, семантико-стилистические, стилистические синонимы, а также синонимы уточняющего, усилительного, замещающего характера. Встречаются синонимы – парные слова, а также фразеологические и фразовые синонимы.

Синонимы несут экспрессивную, эмоциональную нагрузку, помогают ярче выразить мысль, делают речь более ритмизованной.

Библиографический список

1. *Хундаева, Е.О.* Бурятский эпос о Гэсэре: связи и поэтика [Текст] / Е.О. Хундаева. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999.

Список источников примеров

1. *Абай Гэсэр Богдо хаан. Бурядайд морин ульгэр* [Текст]. – Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1995.

Н.А. Свердлова, Пяо Мэйшань

УРОВНИ ВЛАДЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКОМ В РАМКАХ СИСТЕМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕСТИРОВАНИЯ В РФ, РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ, КНР. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье выявляются сходства и различия в системах государственного тестирования в РФ, Республике Корея и КНР. Особенности данных тестовых систем проанализированы с точки зрения предлагаемых в них уровней тестирования, продолжительности тестирования, составляющих тестов. В завершении структурного анализа предложена сравнительная таблица.

Ключевые слова: государственное тестирование; уровень; владение языком; субтест; система тестирования.

N.A. Sverdlova, Pjao Meishan

THE LEVELS OF FOREIGN LANGUAGE COMPETENCE IN RUSSIAN, KOREAN, CHINESE SYSTEMS OF STATE TESTING. COMPERATIVE ANALYSES.

The article considers the need to find out similar features and differences in the structure of state testing systems in Russia, Korea and China. The peculiarities of these state testing systems are analyzed in connection with the following factors: the levels of testing, the duration of testing, and the components of tests. The structural analysis finishes up with the comparative table of the mentioned systems.

Key words: state testing; level; language competence; subtest; system of testing.

Социальное и культурное взаимодействие стран на современном этапе требует повышения уровня коммуникативных компетенций сегодняшних студентов – будущих специалистов в области межнациональной коммуникации.

Одним из наилучших средств углубления знаний о стране изучаемого языка и познания самого языка является участие в процессе студенческой академической мобильности. Она является основой сегодняшнего международного образования и важнейшей характеристикой образовательных интеграционных процессов.

Сегодня, например, в пяти иркутских вузах по обмену обучаются около 500 студентов из Китая и Кореи. Следовательно, в это время или в течение текущего академического года такое же количество российских студентов будут обучаться в Корее и Китае.

Одним из показателей уровня владения иностранным языком является результат тестирования – одной из основных форм контроля владения языком. Иностранные студен-

ты, приезжая в заграничный ВУЗ, как правило, проходят так называемое «внутреннее/входное тестирование» для определения или уточнения уровня знания языка с целью организации дальнейшей учебной деятельности.

В качестве «входного тестирования» используются тесты по усмотрению принимающего факультета ВУЗа. Чаще всего в ВУЗах РФ содержание этих тестов соответствует содержанию пяти субтестов государственного теста по русскому как иностранному. В ВУЗах Кореи и Китая используются также системы государственного тестирования.

По мере изучения иностранными студентами китайского, русского, корейского языков требуется подтверждать определенный уровень владения языком. Студенты это делают по разным причинам. Вот основные из них по результатам опроса студентов, обучающихся в ВУЗах Китая, Кореи, России в 2008–2009 учебном году:

1. Знать уровень изучаемого языка.
2. Иметь возможность найти лучшее рабочее место в случае положительного результа-

та тестирования – сертификат, выданный за рубежом, имеет большую валидность.

Официальный уровень владения иностранным языком определяется посредством государственного тестирования. Раньше всех появилась государственная система тестирования в Великобритании, так как именно там тестирование впервые было применено для проверки знаний учащихся – в 1864 году Дж. Фишером. А в 1883 году британский психолог Ф. Гальтон разработал теорию проведения тестирования [Гальтон, http://www.abiturient.in.ua/ru/test_history].

Учитывая географические и геополитические особенности Иркутской области, в ВУЗах Иркутска российские студенты интересуются тестированием по корейскому и китайскому языкам. Интересным представляется отличие в организации тестирования по иностранному языку в ВУЗах Китая. Например, в Даляньском, Цзилинском, Цицикарском университетах китайские студенты участвуют в тестировании по русскому языку, которое можно назвать «собственно китайским» по причине того, что уровни разработаны хотя и с учетом государственной системы тестирования по русскому языку в РФ, но представлены совершенно в ином виде (существуют и 4, и 8 уровни). Такое тестирование выполняется, скорее, внутренние учебные задачи.

Большинство студентов по результатам опроса сомневаются в своей способности получить положительный результат тестирования, прежде всего, по причине отсутствия полной информации о содержании государственного теста. Не все студенты имеют возможность в своих странах приобрести учебную литературу, необходимую для подготовки к тестированию. Как правило, это становится возможным по приезду студентов в зарубежный ВУЗ. Кроме того, многих иностранных студентов интересуют различия в известных им системах тестирования. В рамках данной статьи осуществляется попытка дать ответ на этот вопрос.

Рассмотрим квалификационный экзамен по китайскому языку **HSK (Hanyu Shuiping Kaoshi, Ханьюй Шуйпин Каоши)**. Это государственный экзамен КНР (появился 2 сентября 1992 года) для определения уровня владения китайским языком лиц, не являющихся носителями китайского языка (включая ино-

странцев, китайских эмигрантов и представителей национальных меньшинств Китая [2]). Квалификационный экзамен по китайскому языку HSK разработан HSK центром Пекинского университета языка и культуры. По уровням экзамен HSK делится на экзамен по китайскому языку базового уровня (сокр. HSK подготовительный), экзамен по китайскому языку начального, среднего уровня (сокр. HSK начальный, средний [3]), экзамен по китайскому языку высшего уровня (сокр. HSK высший). Три уровня экзамена связаны между собой от нижнего к высшему, создав единую тестирующую систему. Цель экзамена – выявить уровень владения китайским языком испытуемых.

Квалификационный экзамен по китайскому языку HSK делится на 11 уровней: 1–3 базового уровня, 3–5 начального уровня, 6–8 среднего уровня, 9–11 высшего уровня [4].

Сертификат каждого уровня делится на три разряда: А, В, С (А уровень является самым высоким и соответствует С начального уровня).

Уровень владения языком		Уровень HSK	Сумма баллов, необходимая для получения разряда
Название уровня	Разряд		
Базовый	С	1	100-154
	В	2	155-209
	А	3	210-300

Уровень владения языком		Уровень HSK	Сумма баллов, необходимая для получения разряда
Название уровня	Разряд		
Начальный	С	3	152-188
	В	4	189-225
	А	5	226-262
Средний	С	6	263-299
	В	7	300-336
	А	8	337-400

Уровень владения языком		Уровень HSK	Сумма баллов, необходимая для получения разряда
Название уровня	Разряд		
Высший	С	9	280-339
	В	10	340-399
	А	11	400-500

Структуру квалификационного экзамена по китайскому языку **базового уровня** (HSK подготовительный) можно представить следующим образом.

1. Аудирование	1-50 заданий	35 минут
2. Грамматика	51-90 заданий	40 минут
3. Чтение	91-140 заданий	60 минут

Квалификационный экзамен по китайскому языку **HSK начального, среднего уровня** длится 145 минут, состоит из 170 вопросов.

1. Аудирование	1-50 заданий	35 минут
2. Грамматика	51-80 заданий	20 минут
3. Чтение	81-130 заданий	60 минут
4. Комплексная проверка	131-170 заданий	30 минут

Квалификационный экзамен по китайскому языку **высшего уровня** (HSK высший) состоит из трех независимых частей: 1. 120 вопросов письменного экзамена (объективные ответы). 2. Сочинение 3. Экзамен по устной речи. 120 вопросов письменного экзамена делятся на три части: аудирование, чтение на понимание и комплексная часть.

1. Аудирование	1-40 заданий	30 минут
2. Чтение	41-55 заданий	15 минут
	56-80 заданий	25 минут
3. Комплексная проверка	81-120 заданий	40 минут

После 120 вопросов письменного экзамена устраивается перерыв 10 минут, затем, сочинение (30 минут) и экзамен по устной речи (20 минут: 10 минут – подготовка, 10 минут – экзамен).

Business Chinese Test (BCT) предлагает проверить уровни сформированности коммуникативной компетенции в деловой сфере. Данный квалификационный экзамен по китайскому языку также имеет уровни владения языком деловой коммуникации. Их пять.

Каждый уровень BCT состоит из 4 субтестов (чтение, аудирование – 1 категория; говорение, письмо – 2 категория), но тестируемый имеет право выбрать один из субтестов категории. Если выбирается один из субтестов

категории, то его вес составляет 500 баллов. Общий балл за тестирование (1–5 уровень) – 1000, каждый уровень по 200 баллов.

Структура BCT:

Категории субтестов	Субтесты	Количество заданий		Время выполнения, мин	
BCT аудирование чтение	аудирование	50	100	40	100
	чтение	50		60	
BCT письмо говорение	письмо	2	4	10	50
	говорение	2		40	

Квалификационный экзамен по корейскому языку **ТОPIK (Test of Proficiency In Korean – «корейское языковое мастерство»)** – это государственный экзамен Кореи для определения уровня владения корейским языком лиц, не являющихся носителями корейского языка (включая иностранцев, корейских эмигрантов) [<http://www.islu.ru>]. Квалификационный экзамен по корейскому языку **ТОPIK** направлен на обнаружение фактических способностей владения языком.

В корейском языке существуют две категории **ТОPIK**: общий тест (S-ТОPIK) и второй – это бизнес-тест (B-ТОPIK). По уровням экзамен общего ТОPIK делится на экзамен по корейскому языку начального уровня, экзамен по корейскому языку среднего уровня, экзамен по корейскому языку продвинутого уровня. А бизнес (B-ТОPIK) имеет один уровень.

Квалификационный экзамен по корейскому языку **ТОPIK** делится на 6 уровней: 1–2 начальный уровень, 3–4 средний уровень, 5–6 продвинутый уровень.

Структура общего ТОPIK следующая.

Наименование уровня	Уровень ТОPIK	Сумма баллов, необходимая для прохождения уровня
Начальный	1	100-400
	2	100-400
Средний	3	100-400
	4	100-400
Продвинутый	5	100-400
	6	100-400

Структура БИЗНЕС - ТОPIК

Уровень	Субтесты	Количество задания	Время, мин
1,3, 5	Лексика.Грамматика/ Письмо	30 /1	90
	Аудирование/ Чтение	30/30	90
2,4,6	Лексика.Грамматика/ Письмо	30 /1	90
	Аудирование/ Чтение	30/30	90

Для сравнительного анализа рассмотрим

Субтесты	Количество заданий	Сумма баллов	Время, мин
Аудирование	30	100	90
Письмо	30	100	90
Грамматика	30	100	90
Чтение	30	100	90

систему государственного тестирования **по русскому языку как иностранному (ТРКИ)**. В создании Государственного образовательного стандарта по русскому как иностранному и, как результат, в подготовке системы ТРКИ принимали участие ведущие специалисты РУДН, СПбГУ, ГИРЯП, МГУ (1999 год). В настоящее время российская государственная система тестирования граждан зарубежных стран по русскому языку предусматривает выделение **элементарного, базового и четырех сертификационных** уровней владения русским языком как иностранным [Щукин, 2005 : 72].

В квалификационном экзамене по русскому языку каждый уровень делится на 5 частей:

ТРКИ элементарного уровня			
Название	Количество	Время, мин	Баллы
1. Аудирование	1-20 заданий	25	100
2. Лексика, грамматика	1-100 заданий	50	100
3. Чтение	1-30 заданий	45	120
4. Говорение	1-12 заданий	45	130
5. Письмо	1-2 заданий	50	80

Данная классификация уровней с 1 января 2010 года будет изменена в сторону ликвидации элементарного уровня владения языком [<http://mon.gov.ru/dok/npa/mon/?page=1>].

Актуальной остается задача дифференциации содержания в рамках каждого уровня ТРКИ в сфере делового общения [Щукин, 2005 : 73].

На основании предложенных к рассмотрению структур систем государственного тестирования можно сделать следующие выводы.

1. «Входное» тестирование студентов, пребывающих из-за рубежа базируется на содержании тестов государственной системы тестирования предложенных к рассмотрению стран.

2. В основе отличия разрядов уровней (HSK, TOPIK) лежит принцип критериально-ориентированного тестирования, то есть учет планируемого результата тестирования. Студент, таким образом, может видеть, насколько он близок к максимальному результату в пределах одного уровня.

3. Во всех рассмотренных системах тестирования части экзамена не взаимосвязаны.

4. В ТРКИ и ТОPIК разработано тестирование, определяющее уровень владения языком деловой коммуникации. В Китае система такого тестирования уже достаточно разработана (существует с 20.04.2007 года) и её, в отличие от предыдущих систем, можно назвать вариативной в силу того выбора, который предлагается тестируемым.

5. Более детальное дробление уровней (если брать за основу ТРКИ) базового и первого допускается в китайской и корейской системах тестирования. Меньшее деление такого рода наблюдается для второго уровня HSK и ТОPIK. Третий уровень представлен «подуровнями» только в HSK. Система ТРКИ не предполагает подобной детализации.

ТРКИ базового уровня			
Название	Количество	Время, мин	Баллы
1. Аудирование	1-30 заданий	30	180
2. Лексика, грамматика	1-110 заданий	50	110
3. Чтение	1-30 заданий	50	180
4. Говорение	1-13 заданий	50	180
5. Письмо	1-2 заданий	50	80

ТРКИ 1 уровня				ТРКИ 2 уровня			
Название	Количество	Время, мин	Баллы	Название	Количество	Время, мин	Баллы
1. Аудирование	1-30 заданий	35	120	1. Аудирование	1-25 заданий	35	150
2. Лексика, грамматика	1-166 заданий	60	150	2. Лексика, грамматика	1-150 заданий	90	150
3. Чтение	1-20 заданий	50	140	3. Чтение	1-25 заданий	60	150
4. Говорение	1-14 заданий	60	100	4. Говорение	1-15 заданий	45	145
5. Письмо	1-2 заданий	60	80	5. Письмо	1-3 заданий	55	65

ТРКИ 3 уровня			
Название	Количество	Время, мин	Баллы
1. Аудирование	1-25 заданий	35	150
2. Лексика, грамматика	1-100 заданий	90	100
3. Чтение	1-25 заданий	60	150
4. Говорение	1-15 заданий	45	150
5. Письмо	1-3 заданий	60	100

ТРКИ 4 уровня			
Название	Количество	Время, мин	Баллы
1. Аудирование	1-25 заданий	45	150
2. Лексика, грамматика	1-100 заданий	60	141
3. Чтение	1-24 заданий	60	136
4. Говорение	1-11 заданий	48	165
5. Письмо	1-3 заданий	75	95

Результат сопоставления уровней, разрядов, предложенных в HSK, TOPIK и ТРКИ, можно представить в следующем виде.

Сопоставительная таблица систем тестирования уровней владения иностранным языком.

ТРКИ	Базовый уровень	Первый уровень	Второй уровень	Третий уровень	Четвертый уровень
HSK	Базовый уровень (1-3)	Начальный уровень (3-5)	Средний уровень (6-8)	Высший уровень (9-11)	
ТОPIK	Начальный уровень (1-2)	Средний уровень (3-4)		Продвинутый уровень (5-6)	

Библиографический список

1. Гальтон, Ф. Государственное тестирование в Великобритании. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.abiturient.in.ua/ru/test_history
2. Государственное тестирование в КНДР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: 韩语能力考试 <http://www.qnr.cn/waiyu/xyz/hy/hanbao/200903/134668.html> <http://www.topik.or.kr/>.
3. Государственное тестирование в КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: 汉语水平考试.
4. История преподавания русского языка как иностранного в очерках и извлечениях [Текст]: учеб. пособие / ред.-сост. А.Н. Щукин. – М. : Филоматис, 2005.
5. Тестирование по китайскому и корейскому языкам. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.islu.ru>.
6. Проекты нормативных правовых актов Минобрнауки России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mon.gov.ru/dok/npa/mon/?page=1>.

УДК 495.1
ББК 81.711

К.А. Соляян

КУЛЬТУРНАЯ И СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА КИТАЙСКОГО ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Цель статьи – выявление специфики китайских поздравлений в современной межкультурной коммуникации. В статье рассматривается тесная взаимосвязь культуры и языка, праздник определяется как явление культуры, анализируются способы его отражения в языке. На примерах китайских текстов поздравлений предпринимается попытка анализа их структуры, семантики и прагматики. Проводится сравнение поздравлений в китайском и русском языках.

Ключевые слова: традиционная культура; язык и культура; национально-культурная специфика; китайский язык; поздравление; этикетный речевой жанр, язык и культура.

K. Soloyan

CULTURAL AND STRUCTURAL SEMANTIC SPECIFICITY OF CHINESE CONGRATULATIONS

The objective of the article is to define the specificity of Chinese congratulations in the modern intercultural communication. This paper proves of strong interrelation between culture and language, determines holiday as a cultural event (fact) and its reflection in the language. Chinese texts demonstrate a peculiar aspects of congratulations. A further comparison of the structure semantics and pragmatics of the congratulations in the two languages (Chinese and Russian) is important.

Key words: culture; national cultural language specificity; traditional culture; Chinese language; congratulations; etiquette speech genre, language and culture.

Традиционная культура представляет собой устойчивую, нединамичную культуру, характерной особенностью которой является то, что происходящие в ней изменения идут слишком медленно и поэтому практически не фиксируются коллективным сознанием данной культуры. В истории существовало ряд цивилизаций, культуру которых можно считать традиционной. Речь идет о Древнем Египте, Древнем Китае, Шумере, Ассирии, Древней Индии и пр. Данные традиционные общества воспроизводили существовавший образ жизни тысячелетиями, когда прошлое взрослых оказывалось будущим их детей. Гибель одних государств и возникновение на их месте других не меняло сам тип культуры. Основание культуры сохранялось, передавалось в качестве социальной наследственности, обеспечивая воспроизводство традиционного типа развития. Не только человек не ощущал разлада с обществом, но и природа органично взаимодействовала с данной культурой, много-

численными примерами доказывая с ней свое единство [Пархоменко, 2001].

Интерес к традиционной культуре народов мира, а также сохранение лучшего из ее достояния всегда было и остается очень актуальным. Не существует двух народов с совершенно одинаковой культурой [Чебоксаров, 1971]. Поэтому исследование культуры той или иной страны в разных аспектах является не только интересным, но и актуальным. Широко известны работы в области культуры Д. С. Лихачева, Ю. Лотмана, Э. Тейлора и других исследователей. Из многочисленных определенных культуры выделяются существенные для ее взаимодействия с языком аспекты, и они обобщаются в понятие культуры как продукта духовно-нравственного осмысления человеком мироустройства, на фоне которого формируется самосознание личности человека, исторически видоизменяющейся в процессах личностной и групповой рефлексии над ценностно значимыми условиями природного, социального и духовного бытия человека

[Телия, 1999 : 18]. Культура – это своеобразная историческая память народа. И язык, благодаря его кумулятивной функции, хранит ее, обеспечивая диалог поколений [Телия, 1996 : 226].

Культура включает в себя регулятивные элементы: идеалы, нравственные нормы, традиции, обычаи – в совокупности они и составляют социальные и этикетные нормы поведения, соблюдение которых является непременным условием сохранения общества и культуры как интегрированного целого. В культуре каждого народа есть своя специфика празднования того или иного праздника, выражения поздравлений и пожеланий, особенности которых ярко выражены прежде всего в языке.

Самая важная функция культуры – быть средством передачи разнообразных знаний и информации от одного человека к другому. Язык как культурный объект, т.е. как часть культуры, играет при этом крайне важную роль, воспроизводя логическую и эстетическую картины мира, внося в нее своеобразные коррективы, накладывая на понимание свой отпечаток. Взаимная связь языка и культуры не вызывает сомнений. Каждый язык неотделим от культуры, которая составляет его содержательный аспект. Язык не только сиюминутно отражает современную культуру, но и фокусирует ее предыдущие состояния и передает ее ценности от поколения к поколению. Отсутствие определенных предметов и явлений, существующих в одной культуре и не имеющих аналогов в другой, ведет к отличию в языковом понимании [Бао Хун, 1999 : 305].

Изменяясь во времени, национальный язык как социально-историческая категория никогда не теряет своей конкретной сущности, что позволяет ему сохранить важное свойство передачи культурно-исторических традиций от поколения к поколению. Национальный характер проявляется в отражении особенностей природы, быта, обычаев, истории и культуры. Как известно, национально-культурная специфика языка определяется также социальными и религиозными условиями. Объектом данной статьи является культурная специфика китайских поздравлений. Задача статьи определяется нами как выявление данной специфики в области соотношения языка и культуры в рамках межкультурной коммуникации. Русские и китайцы – люди, живущие в разных со-

циальных и культурных условиях, имеющие разный язык, разную историю, нравы, принципы, психологию, религию. Эти два народа смотрят на мир разными глазами. В формировании русского национально-культурного ареала важную роль сыграло христианство. В отличие от русской, в китайской национальной культуре отсутствовала единая религия. В китайскую культуру вливались элементы даосизма, буддизма, но ее ядро составляет конфуцианство. Все это, естественно, отражается в языке и показывает его специфику [Бао Хун, 1999 : 310].

Каждый язык обладает своим собственным способом восприятия и отражения мира и по-своему создает его языковую картину. Выявление национально-культурных особенностей китайских поздравлений очень важно в процессе современной межкультурной коммуникации и заслуживает подробного исследования.

Особенностью поздравления на китайском языке является возможность выражения пожеланий и поздравлений. Сферой проявления поздравлений является обстановка праздничной коммуникации. Основными функциями поздравления являются реализация этикетной функции и репрезентация отношения поздравления, пожелания к адресату. Ситуация поздравления предполагает, что говорящий правильно оценивает некоторые события из жизни адресата как положительные и согласно этикету поздравляет. Формула поздравления является специфическим показателем отношений между автором и адресатом. Полная реализация этикетного речевого жанра поздравления предполагает речевое действие **поздравляю** и сообщение о событии-поводе, так как в реальном общении некоторые компоненты речевого жанра поздравления отсутствуют.

Как уже не раз отмечалось, понятие «речевой жанр» использовалось многими лингвистами: Е.А. Земской, Т.В. Шмелевой, М.Ю. Федосюком. Теоретически проблема речевого жанра впервые была осмыслена М.М. Бахтиным. Концепция жанра рассматривается в соотношении с понятием речевого акта – центральным понятием теории речевых актов [Бахтин, 1979].

Понятия «речевой жанр» и «речевой акт» соотносятся также, как понятия «модель» и

«конкретная реализация этой модели». Например, этикетный речевой жанр поздравление в реальном общении реализуется через речевой акт «Поздравляю!» или «С праздником!», что позволяет описать этикетный речевой жанр как совокупность речевых актов, соответствующих представлениям автора об адресате, о ситуации и ее оценке, о целесообразности и форме высказывания. Также необходимо отметить, что этикетный речевой жанр поздравления является специфическим знаком, показателем определенного типа отношений между автором и адресатом: поздравляют тогда, когда хотят подчеркнуть свое внимание к адресату, заботу о нем – незнакомых обычно не поздравляют (исключением являются традиционные праздники).

Определение культурной специфики народа и ее отражение в языке невозможно без предварительной типологии праздников. Т.В. Шмелева выделяет следующие типы праздников: народные, церковные, государственные, культурные, региональные, биографические и фестивальные [Шмелева, 2000].

Известно, что праздники являются древнейшими и одними из важнейших проявлений традиционной культуры того или иного народа, формирующейся в течение веков и тысячелетий. Как правило, такие праздники практически не изменялись с течением времени и сохранили свои традиции празднования:

Народные праздники: • 农历正月初一新年 (春节) – Начало месяца по лунному календарю – Новый год (Праздник Весны); • 农历八月十五 – 中秋节 – 15 сентября по лунному календарю – Праздник Луны, Праздник середины осени или урожая; • 农历腊月二十九或三十是除夕 – 29-30 декабря по лунному календарю – канун Нового года; • 农历正月十五 – 元宵节 – Праздник в ночь на 16-е января по лунному календарю, Праздник Фонарей; • 农历七月初七 – 七夕节 (中国情人节) – 7 июля по лунному календарю – Праздник седьмой ночи (Китайский день влюбленных); • 二月二龙抬头 – Праздник Дракона.

Религиозные праздники: • 农历五月初五 – 端午节 – 5 мая по лунному календарю – Праздник «Дуанью»; • 4月4日 或5日 – 清明节 – 4 или 5 апреля – «Цинмин» пятый из 24 сезонов лунного календаря, День поминовения усопших или День прогулки по первой траве; • 农历九月初九 – 重阳节 – 9 сентя-

бря по лунному календарю – Праздник «Чуньян», Праздник двойной девятки; • 3月12日 – 植树节 – 12 марта – Праздник древонасаждения.

Однако в процессе социально-экономического и историко-культурного развития ряд праздников испытывает влияние господствующих идеологий, религий, культур.

Профессиональные праздники: • 9月10日 – 教师节; 10 сентября – День учителя; • 5月的第二个星期日 – 母亲节 – Второе воскресенье мая – День матери; • 5月4日 – 青年节 – 4 мая – Праздник молодежи.

Государственные праздники: • 1月1日 – 元旦 – 1 января – первый день нового года; • 7月1日 – 中国共产党成立纪念日 – 1 июля – День образования Коммунистической партии Китая; • 8月1日 – 建军节 – 1 августа – День Народно-освободительной армии Китая; • 10月1日 – 国庆节 – 1 октября – Национальный праздник.

Необходимо особо отметить социальную многофункциональность праздника: торжественное обновление жизни, коммуникативная и регулятивная роль, эмоционально-психологическая и нравственно-воспитательная функции. Как явление культуры, праздник обладает своими признаками, к числу которых относятся «праздничное время», «праздничное настроение», «праздничная ситуация» и т.д. [Арнольдов, 1993].

В Китае праздники отчетливо отображают основные черты традиционной общественной организации китайцев. Разрыв между семейной и публичной жизнью наложил глубокий отпечаток на китайскую культуру. В жизни китайцев годовой цикл праздников тесно связан с естественной сменой сезонов, движением небесных светил. Жизнь природы сходится с жизнью общества, а праздники выступают как важнейшая связующая нить между социальным и природным и, как высшая санкция культуры [Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии, 1989]. Как известно, в Китае действует лунный календарь¹, поэтому многие праздники определяются по датам лунного календаря. Исходя из этого, китайские праздники могут быть классифициро-

1. Система счета времени, в которой за основу принят лунный год, где смена фаз луны согласуется с началом астрономического года, называется лунным календарем тысячелетий [Советский энциклопедический словарь, 1988].

ваны: народные, религиозные, государственные, профессиональные.

Международные праздники, отмечаемые по всему миру: • 3月8日 - 国际妇女节 - 8 марта - Международный женский день; • 5月1日 - 国际劳动节 - 1 мая - Международный день труда; • 6月1日 - 国际儿童节 - 1 июня - Международный день защиты детей; • 12月25日 - 圣诞节 - 25 декабря - Рождество, относятся к особому классу.

Как видно из представленной выше классификации праздников, многие из них являются международными и отмечаются как в нашей стране, так и в Китае. Большое количество праздников - буддистские религиозные, связанные с почитанием предков и жертвоприношением Будде. В группе государственных праздников мы видим в основном праздники, связанные с правящей Коммунистической партией страны, народные праздники объединяют группу новогодних праздников, и самая маленькая по количеству праздников - это группа профессиональных праздников, что подчеркивает необязательность «честьования» каждой профессии, как это принято, например, в России.

По хронологическому аспекту описание китайских праздников представлено следующим образом:

1. 1月1日 - 元旦 1 января - первый день нового года.

2. 农历正月初一 - 新年 (春节) Начало месяца по лунному календарю - Новый год (Праздник Весны).

3. 农历正月十五 - 元宵节 Праздник в ночь на 16-е января по лунному календарю, Праздник Фонарей.

4. 二月二龙抬头 - Праздник Дракона.

5. 3月8日 - 国际妇女节 8 марта - Международный женский день.

6. 3月12日 - 植树节 12 марта - Праздник древонасаждения.

7. 4月4日 或5日 - 清明节 4 или 5 апреля - «Цинмин» пятый из 24 сезонов лунного календаря, День поминовения усопших или День прогулки по первой траве.

8. 5月1日 - 国际劳动节 1 мая - Международный день труда.

9. 5月4日 - 青年节 4 мая - Праздник молодежи.

10. 农历五月初五 - 端午节 5 мая по лунному календарю - Праздник «Дуанью».

11. 5月的第二个星期日 - 母亲节 Второе воскресенье мая - День матери.

12. 6月1日 - 国际儿童节 1 июня - Международный день защиты детей.

13. 7月1日 - 中国共产党成立纪念日 1 июля - День образования Коммунистической партии Китая.

14. 农历七月初七 - 七夕节 (中国情人节) 7 июля по лунному календарю - Праздник седьмой ночи (Китайский день влюбленных).

15. 8月1日 - 建军节 1 августа - День Народно-освободительной армии Китая.

16. 农历九月初九 - 重阳节 9 сентября по лунному календарю - Праздник «Чуньян», Праздник двойной девятки.

17. 9月10日 - 教师节 10 сентября - День учителя.

18. 农历八月十五 - 中秋节 15 сентября по лунному календарю - Праздник Луны, Праздник середины осени или урожая.

19. 10月1日 - 国庆节 1 октября - Национальный праздник.

20. 12月25日 - 圣诞节 25 декабря - Рождество.

21. 农历腊月二十九或三十是除夕 29-30 декабря по лунному календарю - канун Нового года.

Представление китайских праздников в хронологическом порядке практически невозможно (и даже ошибочно), поскольку большинство китайских праздников отмечается по лунному календарю, и каждый год один и тот же праздник приходится на разные даты. Биографические праздники такие, как День рождения, например, в Китае, несомненно, есть, но в силу того, что в основе лунный календарь, этот праздник отмечается не в один и тот же день, как это принято в России, а в разные.

Так, Международный женский день 8 марта, Первомай и День образования КНР - 1 октября отмечаются официально в Китае [Горбачев, 1994].

По названиям китайских праздников сложно определить, что это за праздник. Необходимо знать историю происхождения данного праздника, его традицию празднования и, главное, понимать значение этого праздника в жизни китайцев. Само понимание праздника специфично. Если, например, в России День поминовения усопших не является праздни-

ком, то в Китае этот же день является праздником и будет отмечаться согласно древним традициям. Новый год в России наступает 1 января (середина зимы), то есть это фиксированная календарная дата, а Новый год в Китае наступает по лунному календарю и считается Праздником весны (春节), поэтому дата Нового года меняется из года в год. То же самое происходит и с китайскими днями рождения, где день рождения каждый год приходится на разные даты. В России день рождения – фиксированный праздник, который будет отмечаться каждый год в один и тот же календарный день.

Такие различия связаны, прежде всего, с культурными особенностями той или иной страны, с традициями празднования того или иного праздника. Один и тот же праздник в каждой стране отмечается по-разному, в разное время, нельзя отрицать и тот факт, что общее в праздновании все равно есть: это пожелания, веселье, радость, которыми обычно делятся с родными и близкими, с друзьями и коллегами по работе. Выражение поздравления, как правило, предполагает использование глагола *поздравляю*.

В китайском языке глаголу *поздравляю* соответствует глагол 祝贺, который также переводится на русский язык как «желаю». Полная реализация жанра поздравления предполагает речевое действие (поздравляю или желаю) и сообщение о событии – поводе [Тарасенко, 1999].

Приведем несколько примеров, где глагол 祝贺 будет переводиться на русский язык глаголом «поздравляю»:

Поздравляю вас (тебя) с ... 祝 (贺) 您 (你) .

Поздравляю с Новым годом! 祝你新年快乐! (дословно: желаю тебе веселого Нового года).

Поздравляю с Новым веком! 祝你新世纪快乐!

Поздравляю с Новым годом 年.

Поздравляю с праздником! 祝节日好! (дословно: желаю хорошего праздника).

Из примеров видно, что глаголы 祝 и 贺 могут употребляться как отдельные глаголы, имеющие сходные значения, а именно: «поздравлять», «желать».

Например, к устным новогодним поздравлениям можно отнести следующие выраже-

ния. Обычно такие поздравления можно услышать в повседневном общении:

– 邻居之间也非年在院子里见了面, 总要说一声: «您过年好!» (Соседи тоже носили друг другу новогодние визиты, а когда встречались во дворе, обязательно тихонько говорили: «Хорошо вам провести Новый год!» – 新年快乐! (Веселого Нового года!); 新年好! (*Поздравляю с Новым годом!*) В китайском варианте имеет место опущение глагола «поздравить», но на русский язык он переводится. Например: «Счастья в Новом году!» – 恭贺新禧! (Такая форма поздравления используется очень редко); «С наступающим Новым годом!» – 预祝新年快乐! В двух последних примерах, наоборот, в русском варианте мы опускаем глагол *поздравить*, а в китайском языке глагол представлен эксплицитно.

В примерах, представленных выше, поздравления реализуются посредством нейтральной лексики, используются чаще всего в устной речи. Это пожелания счастья, отдыха, успехов. Такие поздравления используются как до праздника, так и во время празднования, но у китайцев нет обычая, как в России, поздравлять друг друга после наступления праздника, например, с наступившим Новым годом.

Выше было отмечено, что китайский глагол 祝 переводится на русский язык глаголом *желать*. Но не всегда использование данного глагола будет нести коннотацию поздравления. Приведем несколько примеров:

1. 妈妈上班时, 对我吻别说: «祝你玩得开心». Когда мама пошла на работу, она поцеловала меня и сказала: «*Желаю* тебе хорошенько отдохнуть».

2. 你知道吗? 以前我爱过你, 直到现在还没忘记你. • 让我们永远做好朋友吧. 祝你幸福. • «Ты знаешь, раньше я любил тебя, даже до сих пор не могу забыть» • «Давай останемся друзьями. *Желаю* тебе счастья.»

Здесь очевиден тот факт, что речь не идет о празднике, а пожелания счастья, успехов, хорошего отдыха относятся к другому событию-поводу.

Пожелания, которые следуют за прощанием и поздравлением, в разговорной речи китайцев ограничиваются стандартными фразами типа: желаю успеха, успешной работы, здоровья, радости. Обращаясь к старшим,

обычно выражают пожелания безмятежности, спокойствия и благополучия. Младшим желают напряженной учёбы, счастья, радости и здоровья. И поздравление, и пожелание будут выражаться глаголами 祝 или 祝贺, но будут иметь характер истинного поздравления. Например:

今天是你的生日, 我向你表示祝贺! 十分感谢。У тебя сегодня День рождения. Поздравляю тебя! Премного благодарен.

Следующие выражения пожеланий можно отнести и к поздравлению, и к другому событию-поводу, поскольку они вырваны из контекста, и мы не можем четко определить, являются ли эти пожелания поздравлениями: 祝你一路平安, 旅途愉快! Желаю тебе благополучия и радостной жизни; 祝你成功, 工作顺利! Желаю тебе успехов и благополучия в работе; 祝你身体健康, 生活幸福。Желаю тебе здоровья и счастливой жизни.

Из приведенных выше примеров видно, что в них представлены пожелания хорошей работы, здоровья, каких-либо успехов, счастья, определенные формы которых распространены в устной речи при поздравлениях и просто пожеланиях. Глагол «желать», по сравнению с приведенными выше примерами, несет в себе коннотацию поздравления, поэтому можно говорить о том, что «желать» и будет выражением поздравления.

В формуле поздравления возможны степенные определители, придающие поздравлению повышенный эмоционально-экспрессивный тон:

- От всей души поздравляю 极热诚地祝贺; 哀心地祝贺.

- От всего сердца поздравляю 全心全意地祝贺; 诚心诚意地祝贺.

- Горячо поздравляю! 热烈祝你们!

Такого рода поздравления используются чаще всего в письменной речи и редко употребляются в устной. Стилистическая возвышенность, официальность заключены во фразах со словами *разрешите, позвольте*. Например: *Разрешите поздравить* вас с праздником. *Позвольте поздравить* вас с праздником. Данные поздравления по-китайски будут выражаться следующей фразой: 请允许我们向你们致以节日的祝贺.

Употребление фраз и выражений такого рода – одно из форм проявления этикета в деловой переписке с характерной «нагроможден-

ной» официальностью. Тексты поздравлений деловой корреспонденции были взяты из работ О.М. Готлиба [Готлиб, 2003]. Рассмотрим следующие примеры:

1. 康达公司:

值此贵公司创设之际, 谨向总理及全体职员以热烈的祝贺。

我代表本公司预祝贺公司无旁发展和日趋繁荣。

顺通工司总理 李
显付

1 9 9 3 . 1 0 . 2 8

«Компании Кун Да.

В момент создания вашей компании имеем честь *горячо поздравить* директора и весь персонал. От имени нашей компании я *желаю* вашей компании бесконечного развития и скорейшего процветания.

Директор компании
Шуньтун Ли Сянфу
28.10.1993».

Это официально-деловое письмо, в котором с целью поздравления используется строго штампованная лексика: «ваша компания, имеем честь, от имени»: 贵, 谨, 代表.

Или: «Уважаемый Илья Викторович!

По случаю вашего юбилея *примите наши сердечные поздравления и самые искренние пожелания* доброго здоровья, большого личного счастья и новых творческих свершений.

В вашем лице мы приветствуем ветерана Великой Отечественной войны, неумолимого труженика, талантливого изыскателя, самоотверженного общественного деятеля.

С уважением,
коллектив института».

Если бы мы переводили на китайский язык, то это выглядело бы следующим образом:

尊敬的伊利亚 维克多罗维奇:

欣逢您寿庆之喜, 谨向您表示热烈的祝贺。最哀心地祝愿您身体健康, 生活幸福, 不断取得创造性成就。

您是一位卫国战争的老战士, 孜孜的学者, 天才探索者和忘我奋斗的社会活动家, 我们向您致以崇高的敬意。

此致

敬礼!

学院全体师生员工

1988年12月1日

Проведем сравнение китайско- и русскоязычных деловых поздравлений. Сходство китайско- и русскоязычных поздравлений наблюдается в одинаковых пожеланиях. Темы поздравлений могут быть различны, но клишированные слова одни и те же: «Примите искренние пожелания здоровья, процветания, развития». Существуют и другие маркеры поздравлений официально-делового стиля. Нередко в официальных поздравлениях указывается от чьего имени, по чьему поручению осуществляется поздравление. Например:

1. «От имени (кого/чего) поздравляю с ...»

我以。。。的名义向你们祝贺节日。 Или: «От имени... «以。。。的名义

Например: 在我们两国家建交十周年之际, 我谨代表我国政府和人民, 并以我个人的名义, 向您, 并通过您向贵国政府热烈的祝贺。 («Во время десятидневного установления дипломатических отношений между нашими двумя странами я от имени правительства и народа нашей страны, а также лично от моего имени имею честь горячо поздравить вас и правительство вашей страны»).

2. «А также пожелать...» 并预祝。。。 (未来)

祝贺你在此次考试中取的好成绩, 并预祝你在未来的学习中, 取得更优异的成绩。 («Желаю тебе во время сдачи этих экзаменов достичь хороших результатов, а также желаю тебе по окончании учёбы достичь выдающихся успехов»).

Оба примера принадлежат официально-деловому стилю, о чем свидетельствует специально маркированная лексика, но в такого рода строгом поздравлении адресат использует выражения повышенной экспрессивности: «горячо поздравляю», «выдающихся успехов».

Различия между устным и письменным поздравлениями незначительны:

我们诚挚地祝愿同志们对我国的访问圆满成功。 («Товарищи, мы от всей души желаем, чтобы ваш визит в нашу страну увенчался полным успехом». (Запись устной речи, 02.04.05)

Или: 在新春佳节到来之际, 我谨代表公司领导向大家表示节日的问候! («Я как представитель компании в честь наступивше-

го праздника с почтением передаю праздничный привет!»).

Поздравления в китайском языке в деловой письменной речи реализуются посредством *имеем честь, примите искренние поздравления, от имени, горячо поздравляю, здоровья, процветания, развития*. В устной разговорной речи поздравления выражаются конструкциями: *благополучия и радостной жизни, желаю хороших результатов, успехов* или просто поздравлением *С Новым годом! Желаю счастья в Новом году!* Речевые действия *поздравить* и *пожелать* выражены китайскими глаголами 祝 или 祝贺. Русскоязычные деловые поздравления незначительно отличаются от китайских, о чем свидетельствует наличие таких штампов, как *здоровья, успехов в работе, примите наши сердечные поздравления и самые искренние пожелания* и т.д.

Итак, специфика китайских поздравлений заключается в стандартном наборе пожеланий как в устной, так и в письменной форме (пожелания здоровья, успехов, благополучия, процветания). В деловой русско- и китайскоязычной переписке используется клишированная лексика. Отличительной особенностью китайских пожеланий является использование выражений повышенной экспрессивности в поздравлениях делового стиля. Китайский глагол 祝贺, который на русский язык переводится как «поздравить» и «пожелать», может использоваться как в контексте поздравления, так и в контексте пожелания удачи, успехов, хороших результатов. В русском же языке глагол «поздравить» относится только к ситуации поздравления.

В целом, поздравления с праздником связаны с оказанием внимания в виде поздравления в устной или письменной форме с пожеланиями здоровья, счастья или просто успехов в работе.

Библиографический список

1. Арнольдов, А.И. Введение в культурологию [Текст] / А.И. Арнольдов. – М. : «Народная академия культуры и общечеловеческих ценностей», 1993.
2. Бао Хун. Фразеология в контексте культуры [Текст] / Бао Хун // Национально-культурная специфика фразеологизмов в русском и китайском языках. – М. : «Языки русской культуры», 1999. – С.305–310.
3. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров (1952) [Текст] / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М. : [б.и.], 1979. – С. 237–281.

4. *Горбачев, Б.Н.* Речевой этикет (Русско-китайский разговорник) [Текст] / Б.Н. Горбачев. – М. : Рус. яз., 1994.
5. *Готлиб, О.М.* Коммерческое письмо. Русско-китайские соответствия [Текст] / О.М. Готлиб. – М. : Муравей, 2003.
6. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл [Текст]. – М. : Наука, 1989.
7. Советский энциклопедический словарь [Текст]. – М. : Просвещение, 1988.
8. *Тарасенко, Т.В.* Этикетные жанры в русской речи: благодарность, извинение, поздравление, соболезнование [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.В. Тарасенко. – Красноярск, 1999.
9. *Телия, В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В.Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996.
10. *Телия, В.Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры [Текст] / В.Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С.13–24.
11. *Чебоксаров, Н.Н.* Народы, расы, культуры [Текст] / Н.Н. Чебоксаров, И.А. Чебоксарова. – М. : Наука, 1971.
12. *Шмелёва, Т.В.* Повседневная речь как лингвистический объект [Текст] / Т.В. Шмелева // Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика. – М. : Наука, 1992. – С.5–15.
13. *Шмелёва, Т.В.* Праздник по-польски и по-русски [Текст] / Т.В. Шмелева // *Polacy w oczach Rosjan – Rosjan w oczach Polaków*. – SOW, Warszawa, 2000. – Варшава, 2000. – С. 29–48.

УДК 81.711
ББК 83.07

Я.В. Соколовский, Ян Минбо

К ВОПРОСУ О СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВАХ КИТАЙСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

В статье анализируются особенности стилистических средств китайского языка при переводе на русский язык на материале повести Цянь Чжуншу «Осажденная крепость».

Ключевые слова: китайский язык; художественный текст; стилистические средства перевода.

Y. Sokolovsky, Y. Minbo

ON STYLISTIC MEANS IN CHINESE LITERARY TEXTS

The authors attempt to analyze some stylistic means used in the translation of Chinese literary texts into the Russian language. Main challenges to the translator have been considered.

Key words: Chinese language; literary text.

Известно, что художественный стиль речи являет собой вид функциональной разновидности языка, т.е. является особым характерологическим свойством языка-речи, обусловленным задачами общения и призванным наилучшим способом реализовывать эти задачи. Каждому функциональному стилю, в том числе и художественному, присущи определённые стилеобразующие черты [Кожина, 1966 : 34]. Представляется возможным разделить лингвистические стилеобразующие черты художественных текстов в русском и китайском языках на две группы: *универсальные* (свойственные художественным текстам вне зависимости от типологической отнесённости языка) и *специфические* (формально-лингвистические, свойственные определённым типам языков). В данной статье предпринята попытка проиллюстрировать специфические черты художественной речи в китайском языке главным образом на примере перевода повести «Осаждённая крепость» (围城), написанной Цянь Чжуншу (钱钟书) в 40-е годы XX в.

Обратимся к оригинальному тексту рассматриваемого произведения (钱 2007). Главного героя зовут Фан Хунцзянь (方鸿渐). Автор прибегает к приёму «говорящего имени». Первый иероглиф (фамилия) означает «квадрат, сторона, место», но применительно к человеку часто может иметь значение «пример, образец, специалист», что раскрывается

через такие сочетания, как «方心» – искренность, честность (≈ образцовое сердце); «方家» – знаток, специалист [Большой китайско-русский словарь, 1983–1984, Т. 3 : 416]. Имя героя традиционно состоит из двух знаков: «鸿» и «渐». Значение первого: «огромный, великий, величественный», например «鸿经» – классическая (каноническая) книга, «鸿基» – основа большого дела, великий почин [Большой китайско-русский словарь, 1983–1984, Т. 3 : 509]. Значение второго: «постепенно, мало-помалу; совершенствоваться, прогрессировать» [Большой китайско-русский словарь, 1983–1984, Т. 2 : 730]. Закономерным выводом семантического анализа морфем, составляющих имя и фамилию главного героя, будет мысль о том, что герой, безусловно, положительный, великий, прогрессирующий, призванный служить образцом. Между тем, читая данную повесть, мы убеждаемся, что такой смысл имени идёт вразрез с действиями и стилем жизни главного героя, который не пожелал получить достойное образование, а деньги, отправленные ему родителями для этого, потратил на иные цели, а затем купил фальшивый диплом. Фан Хунцзянь разбивает не одно женское сердце и всячески избегает серьёзных отношений с противоположным полом, не являясь, таким образом, «образцом» мужественности. Языковая структура данного художественного образа предопределяется имманентными значени-

ями языковых единиц, преломляемых неожиданным контекстом (эффект обманутого ожидания). В этой связи академик В.М. Алексеев писал: «Трудность китайского языка совсем не в иероглифическом оформлении, а именно в *ли хэнь шэнь* – “глубине китайской мысли”, в литературном намёке и в последовательности логической, заложенной до неузнаваемости образностью» [Алексеев, 2003, Т. 2 : 147]. Предложенный пример наглядно иллюстрирует справедливость второй части данного высказывания (о «намёке» и «последовательности»), однако иероглифический характер китайской письменности всё же создаёт огромные сложности для переводчиков-синологов, о чём мы скажем далее.

Литературный намёк, отмеченный В.М. Алексеевым, в китайских художественных текстах часто проявляет себя в виде отсылок к классическим произведениям. Например, образованный читатель-носитель языка не может не заметить, что на страницах «Осаждённой крепости» часто используются цитаты из текстов китайской литературы, философии, религии, военного искусства, медицины и биологии. Так, рассмотренное выше имя главного героя было взято из древней китайской книги перемен И Цзин (易经) [鸿渐与易经: 网站]: «Имя Хунцзянь упоминается в И Цзине: “Хунцзянь обитает на суше, на скалах, на материках, на деревьях, на холмах и курганах”», это жёлтая казарка, которая всегда между чем-то. Это водная птица, которая летает туда-сюда не приземляясь, постоянно находясь в неопределённом поиске чего-то»¹. Таким образом, птица, описанная в классическом тексте несколько веков назад, стала прототипом мечущейся натуры главного героя романа XX в. Зная историю возникновения имени в художественном тексте, читатель может предположить наличие (отсутствие) определённых черт, свойственных имени-прототипу. Данная черта китайских художественных текстов, конечно, затрудняет перевод и восприятие данных текстов не носителями языка.

Типологическая специфика языка и специфика культуры во многом предопределили разницу канонов оформления художественной информации в литературе. На это обстоятельство справедливо указывал ещё академик В.М. Алексеев: «Китайские *ши* – не стих

“Евгения Онегина”, и взнь – не литературный язык общего типа. Непонятное русскому в китайской литературе, в свою очередь, имеет взаимный эквивалент непонятного для китайца в русской. Даже “Онегин” для него экзотика: перечень того, что увидела Татьяна в кабинете Онегина, китайцу – *гэмо*² (стена, преграда). “Сон Татьяны” ни один китаец не признает литературным произведением вообще. Украшения пушкинского стиха – его поэтические намёки, цитаты, ассоциации – никому из китайцев-переводчиков до сих пор пока не удавались» [Алексеев, 2003, Т. 2 : 149]. Различия, отмеченные В.М. Алексеевым, исследует сопоставительная стилистика, фокусирующая своё внимание на характерологических, национальных чертах сравниваемых языков [Кожина, 1993 : 23].

Сопоставляя китайский текст с русским текстом, во-первых, необходимо обратить внимание на иероглифический характер письма первого. Иероглифическая письменность играет свою роль в восприятии текста. В.М. Алексеев в этой связи писал: «...сами иероглифы (зрительные символы) в китайской художественной литературе служат средством создания поэтических образов» [Алексеев, 2003, Т. 2 : 140]. О.М. Городецкая отмечает, что в иероглифической культуре зримость поэзии задана изначально образительностью самих иероглифов. В определённом смысле слова китайские стихи – это шифр, лаконичная схема многомерного мира. При этом схема, воспринимаемая не только и не столько на слух, но и зрительно. Дополнительный смысл способны создавать как сами иероглифы, так и те элементы, из которых они состоят, поэтому часто бывает необходимо ещё глубже структурировать текст, обращая внимание и на согласование иероглифов, и на согласование, параллелизм их ключей, создающий то братские, то враждебные пары. Как указывает исследователь, определённую роль в «поэтическом текстовом коде» может играть не только ключевой, но и любой дополнительный элемент, и фонетика. В качестве примера она приводит маленький эпизод из «Оды Западнему престолу» Чжан Хэна, в которой упомянут история приближённого императора У-ди (140–87 до н.э.) канцлера (чэн-сян) Гун-сунь Хэ, его сына конюшего (тайпу) Гунь-сунь

1. Перевод наш. – Я.С. и Я.М.

2. 隔膜

Цзин-шэна, присвоившего армейскую казну, принцессы Ян-ши гун-чжу, тайной любовницы конюшего, и раскрывшего все их козни злодейства ханьского благородного разбойника, борца за правду и рыцаря Чжу Ань-ши. В тексте оды сказано: *Вельможи наказаны — сын и отец* (курсив наш — Я.С. и Я.М.).

О.М. Городецкая подчёркивает при этом, что иероглиф 誅 (чжу), означающий «наказание», выбран явно не случайно, ибо он включает в себя в качестве фонетика фамилию поспособствовавшего их наказанию Чжу Ань-ши. В связи с этим, в переводе в скобках переводчик добавила следующую строку: *от Чжу им в темнице бесславный конец* (курсив наш — Я.С. и Я.М.) [Городецкая, электронный ресурс].

Ещё одной особенностью оформления эстетической информации в китайском художественном тексте является особая мелодика языка. Текст произведения, как указывает Н.А. Спешнев, прежде всего, должен радовать слух, иначе — быть благозвучным. Несмотря на то, что в прозе отсутствуют строгие формальные правила ритмической организации речи, тем не менее в ней присутствуют чередования ровных и косых тонов. Например, 风平波静 (буквально: ветер утих, успокоились волны ≈ тишина покой; тишь да гладь), где первые два слога произносятся в ровном тоне, а два последних — в косом [Спешнев, 2006 : 20]. Основываясь на данном примере, приведём иллюстрацию из анализируемого произведения: 破镜重圆 (буквально: разбить зеркало и снова воссоединиться ≈ помириться, снова быть вместе) (钱, 2002, 99), где первые два слога произносятся в косом тоне, а последующие два в ровном.

Следующей стилиобразующей чертой китайских художественных текстов является стремление довести лексическую единицу до двусложного состава [Спешнев, 2006 : 18]. Необходимо отметить, что в китайском языке автор текста волен придумывать свои собственные двусложные и четырёхсложные сочетания, являясь, таким образом, и творцом языка. Цянь Чжуншу также пользовался этой особенностью художественного стиля китайского языка (часто используется в определениях): 夏天早晨花瓣上的露水 — «утренняя роса на лепестках цветов летом» (钱, 2002, 99), 暗而不黑的颜色 — «тёмный, но не чёрный цвет»

(钱, 2002, 14), 他眼睛里的光亮 — «свет в его глазах» (钱, 2002, 114).

Следующей характерной лингвистической чертой китайского художественного текста может быть определён плеоназм (избыточность), о котором также пишет Н.А. Спешнев. Он отмечает [Спешнев, 2006 : 31], что китайский художественный (а иногда и не художественный текст) с точки зрения носителя европейских языков несёт в себе определённую долю избыточности. Например, если кто-то из персонажей произведения держит что-либо в руке, то в китайском тексте обязательно будет указано, в какой именно: в левой или правой, ибо если такого указания не будет, то в китайском тексте это будет обозначать «в руках». Кроме этого, учёт функциональной значимости тех или иных элементов исходного текста важен не только для выбора соответствующего варианта в языке перевода, но и для решения принципиального вопроса — подлежит ли данный элемент переводу вообще. Так, словосочетание «笑道» («сказать улыбаясь») более 100 раз встречается в оригинальном китайском тексте рассматриваемого нами романа (钱), однако во многих случаях данное словосочетание переведено на русский язык просто как «сказал»/ «сказала» [Цянь, 1989]. Данное расхождение объясняется тем, что улыбка в китайской культуре — это маркер дружелюбного отношения к человеку, и во многих случаях упоминание о ней в тексте не несёт никакой специфической смысловой нагрузки. В русском переводе неоднократное упоминание немотивированный улыбки может вызвать неадекватную реакцию русского читателя.

Русскоязычным художественным текстам также присущи определённые формально-лингвистические характерологические черты. К таковым относятся [Кожина, 1993 : 208–210]: формы глаголов прошедшего времени в связи с повествовательной манерой изложения; формы совершенного вида как более конкретного сравнительно с несовершенным, малое количество существительных среднего рода с отвлечённым значением (чаще используются слова с конкретным значением: *лицо, солнце, дерево, плечо, сердце* и т.п.); формы числа существительных с конкретными значениями: в единственном — указание на отдельные конкретные считающиеся предметы, во множественном — на совокупность, множество от-

дельных считаемых предметов; краткие прилагательные, придающие художественной речи динамизм.

Представляется очевидным, что отмеченные выше стилистические особенности художественной речи китайского языка создают трудности для перевода на русский язык. Русское алфавитное письмо не имеет такого «изобразительного» эстетического ресурса, которым располагает китайский язык. В свою очередь, китайский язык лишён обилия морфологических показателей существительных, прилагательных и глаголов, использование которых является характерологической чертой русского языка. Все эти условия приводят к выводу о том, что любая стилистическая черта формально-лингвистического характера в китайском языке может быть соотнесена с неким коррелятом в русском языке, поскольку в функционально-структурном отношении «система любого языка может быть представлена как совокупность языковых универсалий» [Звегинцев, 1965].

Библиографический список

1. *Алексеев, В.М.* Труды по китайской литературе [Текст]: в 2 т. / В.М. Алексеев. – М.: Вост. лит. РАН, 2003.
2. Большой китайско-русский словарь [Текст]: в 4 т. / отв. ред. И.М. Ошанин. – М.: Наука, 1983–1984.
3. *Городецкая, О.М.* Поэтика иероглифа (Размышления переводчика) [Электронный ресурс] / О.М. Городецкая. – Режим доступа: <http://baruchim.narod.ru/Gorodetskaya.html> (9.05.2008).
4. *Звегинцев, В.А.* Лингвистика универсалий (универсализм) [Текст] / В.А. Звегинцев // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях / сост. и коммент. В.А. Звегинцева. – М.: Просвещение, 1965. – С. 378–383.
5. *Кожина, М.Н.* О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики [Текст] / М.Н. Кожина – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1966.
6. *Кожина, М.Н.* Стилистика русского языка [Текст] / М.Н. Кожина – М.: Просвещение, 1993.
7. *Спешнев, Н.А.* О некоторых стилистических особенностях китайского художественного текста [Текст] / Н.А. Спешнев // Цицай Фэн. Чудаки: книга для чтения на китайском языке с переводом и вступительной статьёй Н.А. Спешнева – СПб.: КАРО, 2006. – С. 13–33.
8. 鸿渐与《易经》 // 京报网 [网站]. – Режим доступа: http://www.ben.com.cn/gdjc/200707/t20070716_311450.htm (01.05.2009).

Список источников примеров

1. *Цянь, Чжуншу.* Осаждённая крепость [Текст] / Чжуншу Цянь: роман, рассказы / пер. с кит. В.Сорокина; редкол.: Г.Гоц, Л.Делюсин, Д.Мамлеев и др.; вступ. статья В.Сорокина. – М.: Худож. лит., 1989.
2. 钱, 钟书. 围城 [正文] / 钱钟书. – 北京: 生活, 读书, 新知三联书店, 2007. – 403 页.

С.В. Стефановская

ЗВУКОВАЯ КАРТИНА МИРА

В статье в рамках антропоцентрической парадигмы рассматриваются особенности восприятия человеком окружающего его мира и один из объектов его восприятия — звук как физическое и физиологическое явление. Предпринимается попытка построения звуковой картины мира как фрагмента общей картины мира.

Ключевые слова: антропоцентрическая парадигма; языковая картина мира; звук; звуковая картина мира.

S.V. Stefanovskaya

SOUND WORLD MAPPING

Dealing with anthropocentric paradigm the article considers the peculiarity of the human being's perception of the environment and the sound as the object of perception in particular, where the sound is viewed as both a physical and physiological phenomenon. The author attempts to map the sound world as a fragment of the worldview.

Key words: anthropocentric paradigm; language world mapping; sound; sound world mapping.

Изучение картины мира на сегодняшний день является одним из наиболее актуальных и перспективных направлений научных исследований не только в области лингвистики, но и в области всего гуманитарного знания. Это связано со становлением антропоцентрической парадигмы, согласно которой любое явление, любой факт окружающей действительности должен изучаться через призму его восприятия и отображения человеком, т.е. в исследовании любого как языкового, так и неязыкового явления необходимо включить человеческий фактор.

Антропоцентрическая парадигма возвращает человеку статус «меры всех вещей» и ставит его в центр мироздания. Именно акцентирование «человеческого фактора» привело к появлению в разных науках ряда понятий, которые представляют психические, лингвистические, логические, философские модели объективного мира: концептуальная картина мира, картина мира, образ мира, модель мира, концептуальная система, индивидуальная когнитивная система, языковая картина мира и др.

Понятие картины мира относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире. В своей рабо-

те мы ограничимся рассмотрением тех вопросов, которые имеют непосредственное отношение к проблематике нашей работы.

В.И.Постовалова определяет картину мира как глобальный образ объективной действительности, лежащий в основе мировоззрения человека, т.е. выражающий существенные свойства мира в понимании человека в результате его духовной деятельности [Постовалова, 1988 : 21].

В картинах мира речь может идти о мире в целом или о фрагменте, об определенном срезе или его аспекте. Существует столько картин окружающей действительности, сколько имеется «призм» мировидения. При этом человек смотрит на мир не только сквозь призму своего индивидуального опыта, но прежде всего через призму общественного опыта [Серебренников, 1988 : 32]. Картина мира человека находится в постоянной динамике и может меняться в течение жизни.

Проблема изучения языковой картины мира (образа мира, модели мира), зафиксированной в языке и специфической для данного языкового коллектива схемы восприятия действительности, имеет давнюю историю (см. обзоры по этому вопросу в работах: [Апресян, 1988, Постоваловой, 1988, Красных, 2001, Цивьян, 2006]). В настоящее время можно говорить о целых направлениях в рамках этой общей темы. Во всем многообразии работ, по-

священных языковой картине мира, доминирующим можно считать противопоставление двух систем понятий — научных (используемых в физике, геометрии, логике, психологии, и пр.), в совокупности образующих научную картину мира, и «наивных» (наивная физика, геометрия, логика), используемых человеком независимо от его знаний тех или других научных дисциплин и владения научной картиной мира.

Языковая картина мира, играющая главную роль в познавательной деятельности человека, представляет собой объемное и многоярусное понятие, имеющее множество параметров, многократно пересекающихся в различных языковых единицах, которые относятся к разным уровням языка. По мнению Е.В. Рахилиной, языковая картина мира отличается от мира действительности специфическими особенностями человеческого организма (напр., человек видит свет и цвет, и они зафиксированы в языковой картине мира, но не видит рентгеновские лучи, следовательно, они специально не отражены в языке). К тому же одну и ту же ситуацию носитель языка может описывать по-разному в силу специфики конкретных культур, стоящих за каждым языком [Рахилина, 2000 : 348].

Познавательная деятельность первичного уровня, содержательную сторону которой составляют знания, извлеченные в результате прямого чувственного опыта, своей отправной точкой имеет непосредственно фигуру познающего реальный мир человеческого индивида. Знания порождаются на уровне индивидуального взаимодействия человека с окружающим миром. Это взаимодействие всегда протекает в системе некоторых пространственных координат, точкой отсчета которых является человек — субъект восприятия, сознания, действия и познания. Таким образом, восприятие есть тот фундамент познавательной деятельности человека, на котором строятся все существующие системы знаний. И языковая картина мира, и как составляющие ее зрительная и слуховая картины мира, отображая действительность, искажают ее по одним и тем же правилам: выделяют только «безусловно значимые» или «салиентные» свойства воспринимаемых зрением или слухом объекты [Кубрякова, 1994 : 35]. В этом проявляется антропоцентричность, которая, по мнению А.Вежбицкой, должна быть главной доминантой: в языковой карти-

не мира нельзя «упустить» информацию, которая значима для человека [Вежбицкая, 1996 : 42].

Считается, что зрительное восприятие для человека — это главный канал поступления информации о мире. Ведущая роль зрительной системы определяется тем, что она выполняет связь между всеми анализаторными системами и является функциональным органом — преобразователем сигналов. В процессе физического восприятия большинство информации человек получает благодаря именно зрению, а не слуху. Глаголы, описывающие зрительное восприятие, могут быть как статальными, так и динамичными в зависимости от того, какой объект описывается — движущийся или находящийся в состоянии покоя, т.к. зрение фиксирует как предметы, находящиеся в движении, так и предметы, находящиеся в состоянии абсолютного покоя.

Однако дальнейшие исследования показывают, что в познании окружающего мира не менее важную роль выполняет слуховое восприятие, и только в совокупности зрительного и слухового восприятия человек получает основную долю знаний о мире.

Объектом слухового восприятия является звук. Развитие слухового образа связано в первую очередь с непрерывной дифференциацией «звуковых» и «незвуковых» предметов.

Являясь объектом слухового восприятия, звук наименее материален и в меньшей степени связан с объектом в сравнении с основным объектом зрительного восприятия — зрительным образом. При восприятии звука субъект в большей степени пассивен, активность не выражается определенными телодвижениями, движениями органами слуха — никаких внешних проявлений, а выражается лишь в абстрактном движении — слушать — «направлять слух на какие-либо звуки».

Общей теорией звука занимается раздел физики — акустика, с точки зрения которой звук — это результат колебательных движений какого-либо тела в какой-либо среде, осуществляемый действием какой-либо силы и доступный для слухового восприятия. Тело может быть любого вида: твердое, жидкое, газообразное. Среда должна быть проводником звука до органа восприятия, так как в безвоздушном пространстве звук образовываться не может.

Исходя из определения звука можно сделать вывод, что статичные предметы не звучат. Для того чтобы они зазвучали, требуется действие, движение: предмет должен удариться о другой либо должно произойти колебание предмета, человек должен начать говорить и т.п. Слух фиксирует только объекты, находящиеся в движении, т.е. звуки сопутствуют какому-либо действию (процессу).

Слышимый звук представляет собой упругие волны с частотой в пределах от 16 до 20'000 Гц, субъективно воспринимаемые человеком на психофизиологическом уровне. Его важными характеристиками являются: высота, громкость, интенсивность и тембр.

По природе источника звуки, как объекты слухового восприятия, подразделяются на натуральные и искусственные, а по информационному содержанию — на коммуникативные и характеризующие среду.

Звук по своей природе двойственен: природные звуки благотворно воздействуют на живые организмы, в то время как шумы, равно как и абсолютная тишина, наносят вред. Звук, как и человечество, претерпел свою эволюцию: развитие цивилизации привело к появлению искусственных звуков, не имеющих аналогов в естественной среде обитания человека, и значительно уменьшило роль природных звуков в его жизни.

Звуком мы называем и физическое явление (распространение колебаний в воздухе), и ощущение слушателя. Первое, по существу, является причиной, второе — следствием; первое определение понятия «звук» — объективное, второе — субъективное.

Однако, как бы мы не рассматривали звук — объективно или субъективно, с физической или с физиологической точек зрения, он обладает энергией. В первом случае звук представляет собой поток энергии, текущий подобно речному потоку. Такой звук может изменять среду, через которую он проходит, и сам изменяться ею. Во втором случае под звуком мы понимаем те ощущения, которые возникают у слушателя в результате воздействия звуковой волны (через слуховой аппарат на мозг). Этому звуку присущи разнообразные формы энергии, благодаря чему мы познаем совершенно новые, не воспринимаемые глазом свойства окружающей нас среды. Слыша звук, человек может испытывать радость или

страх, например, в зависимости от того, был ли это смех ребенка или вой волка. Самые разнообразные эмоции вызывает у человека тот комплекс звуков, который называется музыкой. Важно отметить, что звуки составляют основу речи, которая служит главным средством общения в человеческом обществе.

Чтобы понять природу звуков, выявить наиболее характерные аспекты и признаки объекта слухового восприятия, вполне естественно определить все звуки по природе источника. Имея представление о том, какие звуки и зрительные образы воспринимает человек в окружающем мире, можно воссоздать определенный срез или фрагмент картины мира; получить информацию об окружающем человека мире звуков.

Вычлняя отдельные звуки из звукового хаоса, то есть производя отбор и содержательную интерпретацию звуков, прежде всего природных, человек, по сути, выступает в роли классификатора, определяющего кто/что, где, когда и как производит звук. Пытаясь найти ответ на вопрос о том, какие звуки человек, прежде всего, мог вычлнить из всего хаоса звуков, окружающих его, мы пришли к следующей гипотезе.

Звучащий мир (т.е. все, что может издавать звуки или звучать под каким-либо физическим воздействием), на наш взгляд, может быть представлен в виде двух классов, которые мы обозначили как «Живой звучащий мир» и «Неживой звучащий мир». «Живой звучащий мир», в свою очередь, может быть поделен на два подкласса: «Человек» и «Не человек», последний включает в себя как флору, так и фауну.

Из определения звука следует, что он, прежде всего, коррелирует с движением. Самостоятельно двигаться способны живые существа, вершиной которых является человек. Процесс жизнедеятельности человека порождает различные звуки, которые в нашей работе мы дифференцировали следующим образом:

1) звуки человека как биологического существа, которые, в свою очередь, могут быть представлены нижеследующими группами звуков:

а) физиологические звуки человека, сопровождающие различные физические состояния и некоторые действия. Это такие звуки, как

скрип зубов, чмоканье губ, щелканье языком, сопение и фырканье носом и т.д.;

б) звуки, сопровождающие различные движения человека. К данной группе можно отнести звуки, возникающие в результате движения: пальцами (разного рода щелчки пальцами), руками (хлопанье в ладоши), ногами (топот, шарканье ног) и т.д.;

2) звуки человека как чувствующего и говорящего существа:

а) звуки, передающие различные чувства и эмоциональные состояния, такие, как плач (звук *рыдания, стоны, воя*), смех (звук *хохота*), крик (звук *вопля*), звуки (шум) голосов (*гам*) и т.д.;

б) звуки, отражающие фонационные особенности звучащей речи (произношение) и манеру говорения (звуки *громкого разговора, баса, быстрой нечленораздельной речи и т.п.*);

3) звуки работающего человека, возникающие в связи с использованием человеком различных орудий труда (стук топора, визг пилы, шипение утюга и т.п.);

4) звуки человека творческого:

а) звуки пения;

б) звуки, издаваемые музыкальными инструментами.

В подкласс «Не человек» мы поместили звуки, имеющие отношение к представителям живого звучащего мира, а конкретнее, звуки флоры и фауны. По нашему мнению, с точки зрения построения звуковой картины мира нет необходимости прибегать к научной классификации животного и растительного мира. В наиболее общем виде данные звуки могут быть обозначены как:

1) звуки животного мира,

2) звуки растительного мира.

При более детальном подходе звуки животного мира можно дифференцировать на: первичные звуки, т.е. те звуки, которые животные издают при помощи «рта» (пасти, клюва и т.п.) – лай собаки, блеянье овцы, курлыканье журавля и т.п., и вторичные звуки животных, связанные с их активностью, такие, как топот копыт, хлопанье крыльев и т.п. Представляется возможным разделить животный мир (не претендуя на полноту научной классификации) на: четвероногих (просто животных), птиц, рыб и насекомых. Деление животных и птиц на домашних и диких в нашем подходе,

т.е. с точки зрения порождения ими различных звуков, не является значимым.

Звуки издают не только живые существа, они могут возникать и в процессе взаимодействия неодушевленных предметов, при наличии какой-либо движущей силы. В процессе создания звуковой картины мира звуки, производимые неодушевленными предметами, мы объединили в классе «Неживой звучащий мир». Данный класс, прежде всего, представлен «звуками неживой природы», такими, как шум ветра, грохот грома, журчание воды, треск огня, стук камней, шелест травы и т.п.

Второй подкласс звуков, входящих в класс «Неживой звучащий мир», определить достаточно сложно, так как данный подкласс, по нашему мнению, включает в себя всевозможные звуки, такие, как скрип, стук, звон, треск, свист, грохот и т.п., установить источник происхождения которых не представляется возможным. К данному подклассу следует отнести и *мистические звуки*, возникновение которых необъяснимо с позиции логики современного человека.

Как уже говорилось ранее, в глубокой древности звук казался людям удивительным и таинственным порождением сверхъестественных сил, окружавших повсюду древнего человека. Это утверждение объясняет появление в картине мира звуков *мистических звуков*.

В рамках нашей классификации такого рода звуки обозначим как «иные звуки окружающего мира».

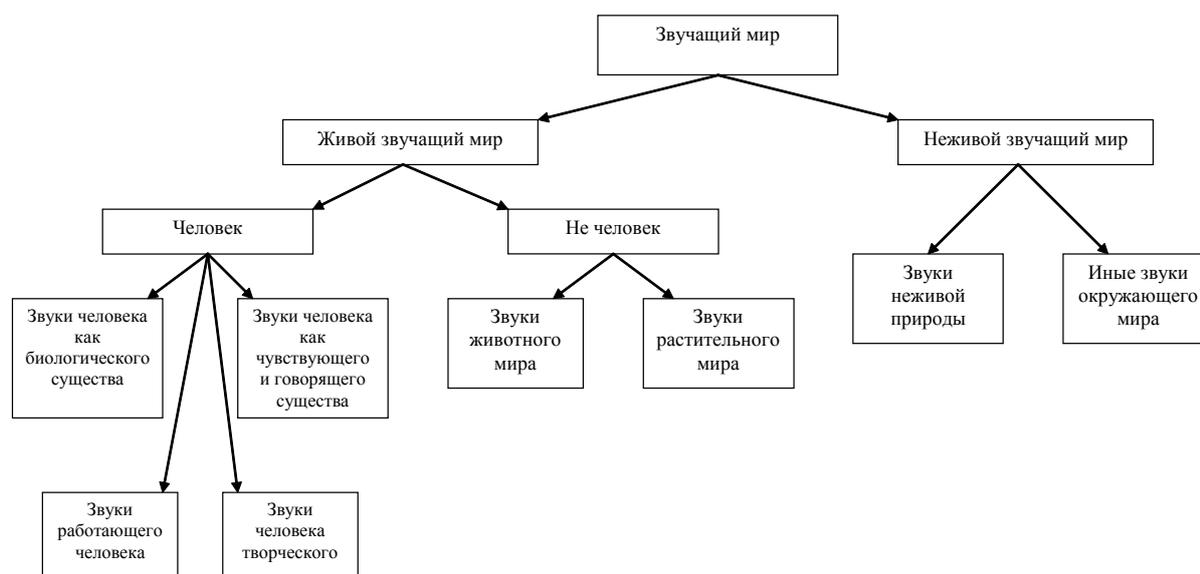
Таким образом, класс «Неживой звучащий мир» представлен двумя подклассами:

1) звуки неживой природы,

2) *иные звуки* окружающего мира.

Следует отметить, что в зависимости от цели классификации каждый подкласс звуков, в свою очередь, может быть подвергнут более четкой дифференциации.

Основываясь на изложенных выше предположениях, мы выстроили следующую схему, которая, на наш взгляд, отражает наиболее общую картину звучащего мира (схема).

Схема

Библиографический список

1. *Апресян, Ю.Д.* Личная сфера говорящего и наивная модель мира [Текст] / Ю.Д. Апресян // Мышление, когнитивные науки, искусственный интеллект. – М. : Наука, 1988.
2. *Вежбицкая, А.* Семантические универсалии и описание языков [Текст] / А. Вежбицкая. — М. : Языки русской культуры, 1999.
3. *Красных, В.В.* Коды и эталоны культуры. Приглашение к разговору [Текст] / В.В. Красных // Язык, сознание, коммуникация. – М., 2001. – Вып. 19. – С. 5–19.
4. *Кубрякова, Е.С.* Начальные этапы становления когнитивизма [Текст] / Е.С. Кубрякова // Лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания, 1994. – №4. – С. 34–37.
5. *Постовалова, В.И.* Картина мира в жизнедеятельности человека. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира [Текст] / В.И. Постовалова. – М. : Наука, 1988.
6. *Рахилина, Е.В.* Когнитивный анализ предметных имен: Семантика и сочетаемость [Текст] / Е.В. Рахилина. – М. : Русские словари, 2000.
7. *Серебренников, Б.А.* Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление [Текст] / Б.А. Серебренников. – М. : Наука, 1988.
8. *Цивьян, Т.В.* Модель мира и ее лингвистические основы [Текст] / Т.В. Цивьян. – М. : КомКнига, 2006.

А.Ю. Сулова

ИДЕОЛОГИЗАЦИЯ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК КАК СПОСОБ МОДЕЛИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА

Проблема идеологизации различных дискурсивных практик является довольно сложным явлением на уровне рассмотрения ее в рамках лингво-когнитивных и социальных процессов общества. Сегодня недостаточно хорошо изучен процесс влияния идеологии на моделирование и продвижение ценностных смыслов в современном обществе. Остается нерешенным вопрос, каким образом создатель (конструктор) дискурса оказывает идеологическое влияние на интерпретаторов соответствующего типа дискурса. В статье рассматриваются как теоретические посылки для решения данной проблемы, так и некоторые особенности взаимодействия идеологии и дискурсивной практики в рамках педагогического дискурса, роль преподавателя в продвижении идеологически значимых ценностных смыслов через языковые, дискурсивно/текстовые образования.

Ключевые слова: *ценностные смыслы; 'идеология'; ценностные ориентации; вектор.*

A. Y. Suslova

DISCOURSE PRACTICE IDEOLOGY AS A MEANS OF MODELING NATIONAL COMMUNICATIVE SPACE

Ideological analysis of language and discourse is a widely disputable notion in modern linguistics. The process that relates discourse and ideologies is far from explicit and requires detailed consideration. To achieve the result of students' social maturity teachers of English bring to the task some ideological stimuli by means of modern linguistic technologies, which make the students take these stimuli for granted. That is the way how the operation of ideology is performed in pedagogical discourse.

Key words: *values; 'ideology'; value perception; vector.*

В стране, где есть порядок, будь смел в действиях, и в речах.

В стране, где нет порядка, будь смел в действиях, но осмотрителен в речах.

Конфуций (Кун Фу-цзы, учитель Кун)

Идеология (от греч. *ἰδεολογία* – система взглядов и идей) является достаточно сложным и проблематичным понятием во многих отраслях научных знаний. Содержание данного понятия интерпретируется многими исследователями по-разному: *fixed, unreasoning dogma that foments conflicts [Shils, 1958]*. Такая трактовка содержания понятия, как *догма, разжигающая конфликты*, является наиболее распространенной среди политологов и отдельных философов. Однако известный французский философ и экономист Дестют де Тра-

си [ФЭС, 1989], в попытке найти в явлениях сознания основы этики, морали, политики и дать им логическое объяснение, объединяет их под одним понятием «идеология», единство наук как метод познания. Само понятие «идеология», в его обобщенном виде, было известно еще в древнем Китае. Термин «жу» с самого возникновения китайской философии обозначал не только и даже не столько одну из ее школ, сколько философию как науку, сочетающую в себе признаки философии, науки, искусства и религии. Конфуций и первые философы – жу – видели свою основную задачу в теоретическом осмыслении жизни общества и личной судьбы человека. Как носители и распространители культуры, они были тесно связаны с социальными институтами, ответственными за хранение и воспроизводство письменных исторических и литературных документов

[ОЭ Кругосвет]. При этом акт передачи древней мудрости (определенной идеологии) грядущим поколениям имел культуросозидательный и творческий характер.

Сегодня существует достаточно большое количество определений понятию «идеология», многие из которых ограничены строго политическими рамками, трактующих идеологию как негативное социально-политическое явление. Углубляя понимание идеологии, следует подчеркнуть, что понятие «идеология», в общем философском смысле, – это, прежде всего, система взглядов и идей, дающая целостную трактовку общественной жизни, ее смысла, направленности, перспектив, предписывающая определенные способы решения общественных проблем [<http://mirslouvrei.com>]. Иными словами, каждая идеология претендует на то, что именно она даёт верное знание о мире, свои оценки прошлого и настоящего и своё представление о будущем. Более того, идеология формируется из ценностей и ориентиров, позволяющих вырабатывать «те или иные позиции отдельных личностей и социальных групп, их отношение к различным факторам жизни, деятельности и поведения» [Белозерцев, 1995 : 3].

Из философии термин «идеология» был заимствован представителями лингвистической школы критического дискурсивного анализа, которые стали применять его для описания способов оформления того, что мы говорим и думаем, и как это соотносится с обществом, его верованиями и системой ценностей. В частности, Фэрклоф писал: «*The operation of ideology can be seen in terms of ways of constructing texts which constantly and cumulatively 'impose assumptions' upon text interpreters and text producers, typically without being aware of it*» [Fairclough, 1994 : 83].

«Механизм влияния (функционирования) идеологии можно проследить на примерах конструирования текстов, которые методично и очень незаметно навязывают всеми возможными способами свои установки как интерпретаторам, так и создателям текста» (перевод наш – А.С.).

Н. Фэрклоф, далее рассуждая по этому поводу и разбирая проблему взаимодействия здравого смысла и идеологии, отмечает, что здравый смысл, в рамках определенной идеологии, находится на службе установления определен-

ных отношений между партнерами в процессе коммуникации. Так, например, неравные отношения устанавливаются между представителями власти и другими «*commonsense in the service of sustaining unequal relations of power*», с одной стороны, и отношения консолидации внутри определенных социальных групп, с другой «*establishing and consolidating solidarity relations among members of a particular social groupings*» [Fairclough, 1994 : 85].

Язык, являясь составной частью социальной деятельности человека, будет неразрывно связан с определенным социополитическим контекстом, поскольку функционировать в вакууме он не может. И тогда становится очевидным, что каждая социальная группа, обладающая влиянием, – будь то политики, педагоги, представители средств массовой информации – будет продвигать свою систему идей и взглядов (идеологию) в обществе.

Таким образом, язык не только отражает определенную идеологию, он ее еще и конструирует в процессе дискурсивной практики. В связи с этим может возникнуть закономерный вопрос, являются ли все дискурсы идеологичными.

По мнению того же Н. Фэрклофа, например, следует различать два типа дискурсов: идеологический и неидеологический [Fairclough, 1994].

Данное суждение вызывает у нас некоторое возражение, в части того, что в чистом виде такую оппозицию трудно представить, скорее, можно рассматривать различную степень идеологизации того или иного дискурса, но не ее полное отсутствие или абсолютное присутствие. В каждом типе дискурса присутствует система взглядов и убеждений, которая имеет более или менее выраженный характер определенными вербальными средствами. Другое дело, что институциональный дискурс, на наш взгляд, всегда более идеологичен, чем персональный. И это понятно, ведь, как правило, идеологический характер дискурса, будь то педагогический, политический или религиозный, формируется сознательно с помощью специальных языковых, дискурсивно/текстовых образований. По сути, в таких типах дискурса передается не только фактуальная информация, но и оформляется определенный ценностный ряд с точки зрения эксперта определенного дискурсивного сообщества, его зна-

ния и мнения, его понимания мира в соответствии с определенным временем и местом.

Например, в педагогическом дискурсе – мнение педагогов, в политическом – ведущих экспертов сообщества доминирующей власти.

Цель идеологизации любого из вышеназванных дискурсов – сохранение определенных социально-сложившихся правил и норм.

Добиться своих педагогических, религиозных или политических целей можно путем создания и употребления определенных дискурсивных средств.

Поэтому предпринимаемый анализ дискурса в рамках проникновения в социальный контекст речемыслительной деятельности субъектов общения позволяет выделить наиболее существенные оценочные параметры контекста социального взаимодействия, такие, как межличностный, структурный, модальный, прагматический и идеологический [Серебренникова, 2008 : 24].

Рассмотрим более детально влияние идеологических посылок на взаимоотношения языка и общества в педагогическом дискурсе. В педагогическом дискурсе идеологизация дискурса достигается несколькими способами.

Во-первых, коммуникативной целью такого дискурса должно быть убеждение, а не только передача познавательной информации. Как правило, мнение педагога столь авторитетно, что идеологические установки принимаются учащимися на веру.

Во-вторых, очень важна стратегия организации передачи информации. В американской педагогической культуре, например, доминирует игровая система организации коммуникативного взаимодействия педагога и учащегося, что гарантирует их успешное взаимодействие, результатом которого является эффективное познавательное общение в нужном идеологическом формате. Это – одна из эффективных дискурсивных технологий педагогического дискурса.

Под дискурсивной технологией в педагогическом дискурсе мы понимаем систему способов организации вербального взаимодействия педагога и учащихся в определенно заданной форме учебной деятельности, направленной на формирование социально-значимых ценностей в сознании учащихся. Именно педагоги обеспечивают интеграцию общества, помогая учащимся «осуществлять социально-одобряемый

выбор поведения в жизненно значимых ситуациях» [Серебренникова, 2008 : 32].

Одной из таких форм является игра, в результате которой учащиеся переживают реальную ситуацию со всеми соответствующими идеологическими установками.

Для подтверждения наших рассуждений, рассмотрим пример, взятый из видеопособия *Shaping the Way We Teach English: Successful Practices Around the World* для преподавателей английского языка, подготовленного американскими преподавателями Орегонского университета (Leslie Opp-Beckman, 2006).

В классе разыгрывается ситуация – прибытие первых поселенцев на корабле *Mayflower* на американский континент. Учащиеся младших классов, большинство из которых дети иммигрантов, зачитывают тексты о вышеобозначенных событиях, которые для американцев являются исключительно социально значимыми. «Пересечение Атлантики – акт перекрещения, инициации в Америку и забвения прежней жизни» [Гачев, 1998 : 187]. В классе три педагога и группа детей младших классов 7-9 лет. Дети эмоционально переживают выше обозначенные события: учителя словом поддерживают их состояние: «all are shivering» (все трясемся от страха и холода), а затем призывают выразить радость прибытия на американский континент «a new home» (наш новый дом). Дети громко кричат *la-la-la*, переживая прибытие, но уже не пилигримов, а свое собственное, так как преподаватель умело переключает их на обсуждение собственного опыта прибытия в Америку. Следует **вопрос** учителя: «Have you ever happened to leave your home or country?» Мальчик лет 7 отвечает: «I went from Euphiopia to America». Следующий вопрос учителя: «What did you feel?», а затем «What were your reasons for leaving?» Ответы вполне запрограммированы, они лежат в предыдущем тексте о первых американских поселенцах, отрывки которого зачитывали ученики в ходе презентации игры. Дети с готовностью отвечают: «to have freedom», «to start a new life», преподаватель поощрительно повторяет «to have freedom», «to start a new life» и **обобщает «very good»**. Именно таким образом экспертное педагогическое сообщество оказывает идеологическое воздействие на эмоционально-когнитивное состояние детей, формируя необходимый ценностный ряд юного американско-

го гражданина, а именно, «свободу» и веру в «американскую мечту о новой жизни в Америке». Дети заслужили похвалу учителя, они правильно отвечали на поставленные вопросы, идеологические установки, введенные с помощью четко выстроенного сценария – убеждения, приняты учащимися на веру. Данный конкретный пример звучит в унисон с мнением И.А. Мальковской, которая, в частности, цитируя С.В. Лещева, отмечает «...общество киборгов – не социальная фантастика, но идеологически программируемая мечта любого политического режима, ибо и демократия мечтает о том, чтобы быть стабильной» [Мальковская, 2004 : 20]. Именно демократические ценности, их сохранение и распространение в американском обществе являются основой официальной идеологии педагогического дискурсивного сообщества. С ранних лет у учащихся формируется национальный образ мира с его этнокультурными доминантами, образующими определенную национальную концептосферу со всем набором основных ценностей.

Идея идеологизации педагогического дискурса не нова, еще в древнем Китае конфуцианство (признанная официальная идеология Китая) создали выходцы из ведомства просвещения, «помогавшие правителям следовать силам инь-ян и разъяснявшие, как осуществлять воспитующее влияние», опираясь на «письменную культуру» (вэнь) канонических текстов [ОЭ Кругосвет].

Американское общество, имея свою шкалу демократических ценностей, с помощью различных дискурсивных технологий идеологизации соответствующих дискурсивных практик не только сохраняет ее в первозданном историческом виде, но и развивает в соответствии с современными социально-политическими требованиями общества. Это как две стрелки жизненного мира – ретроспективность и проспективность – на одном остоле оценочной деятельности человека [Серебренникова, 2008 : 10], а это соответствует выводу о том, что «...дискурсивная практика является социальной практикой, формирующей социальный мир» [Филипс, Йоргенсен, 2004 : 39].

Идеологизация дискурса в современном обществе является осознанным высокотехнологичным дискурсивным процессом. Использование игровых технологий в педагогическом дискурсе, например, решает главную социаль-

ную задачу американского общества – воспитание американского гражданина, патриота с тем набором социально-значимых ценностей, которые востребованы сегодня американским обществом.

В связи с этим комплексное изучение дискурсивных аспектов идеологизации современного общества является актуальным как с точки зрения социального и культурологического аспекта состояния общества, так и с точки зрения диагностики соотношения языка и общества в эволюционном процессе национального коммуникативного пространства.

Библиографический список

1. *Белозерцев, В.Н.* Природа и роль «идеологического» в духовно-практической жизни человека и общества: проблемы и рассуждения [Текст] / В.Н. Белозерцев // Идеология как феномен духовной жизни человека и общества. – Ульяновск, 1995. – С. 3–19.
2. *Гачев, Г.Д.* Национальные образы мира: курс лекций [Текст] / Г.Д. Гачев. – М. : Издат. центр «Академия», 1998.
3. *Мальковская, И. А.* Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы [Текст] / И.А. Мальковская. – М. : Едиториал УРСС, 2004.
3. *Серебренникова, Е.Ф.* Этносемиотрия как способ лингвистического аксиологического анализа [Текст] / Е.Ф. Серебренникова // Этносемиотрия ценностных смыслов: кол. монография. – Иркутск : ИГЛУ, 2008.
4. *Филипс, Л.Дж.* Дискурс-анализ. Теория и метод [Текст] / Л.Дж. Филипс, М.В. Йоргенс. – Х. : Изд-во Гуманитарный Центр, 2004.
5. *Fairclough, N.* Language and Power [Text] / N. Fairclough. – London; New York : Longman, 1998.
6. *Shils, E.* Ideology and civility: On the politics of the intellectual [Text] / E. Shils. – Sewanee Review 66, 1958. – P. 450 – 480.

Список словарей

1. ОЭ – Он лайн энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/filosofiya.htm.
2. МС – Мир Словарей [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://mirslovarei.com/content_pol/IDEOLOGIJA-4376.html.
3. ФЭС – Философский энциклопедический словарь [Текст] / ред. С.С.Аверьянцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. – 2-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1989.

Список источников примеров

1. *Opp-Beckman, L.* Shaping the Way We Teach English: Successful Practices Around the World [Video Introduction on DVD] / L. Opp-Beckman and S. Klinghammer. – Washington DC: Office of English Language Programs United States Department of State, 2006.

Т.В. Тарасенко

**АНЕКДОТ И ПЕРЕВОД
(НА ПРИМЕРЕ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ)**

В статье рассматривается языковая игра в турецких анекдотах, комический эффект которых построен на обыгрывании произносительных норм речи; омонимии, синонимии, ономапии и грамматики. Предложен анализ перевода анекдотов с турецкого языка на русский, рассмотрены трудности, которые возникают при переводе анекдотов.

Ключевые слова: анекдот; языковая игра; перевод анекдотов с языковой игрой.

Т.В. Tarasenko

TRANSLATING A JOKE AS LANGUAGE PLAY

The paper deals with the language play in Turkish jokes, comical effect of which is based on playing up the articulator standard of speech, homonymy, synonymy, onomatopoeia and grammar. The paper also touches upon analysis of translating Turkish anecdotes into Russian and alerts to challenges of anecdote translation.

Key words: joke; language play; aspect of translation.

Анекдот входит в группу юмористических речевых жанров. Понимание всякого анекдота требует, по мысли В.З. Санникова, знаний лингвистического, металингвистического и психолингвистического характера [Санников, 2002]. Ниже рассматривается проблема перевода турецких анекдотов на русский язык и трудности, сопровождающие такого рода текстовые трансформации. Для примера взяты анекдоты, комический эффект которых построен на обыгрывании произносительных норм речи, а также на эффектах омонимии (омофоны и омографы), синонимии, ономапии и эффектах, извлекаемых из морфологических характеристик слов.

Начнем с анализа анекдотов, построенных на звуковой имитации и звуковом совпадении лексем, как правило, каламбуре. Игра слов представляет особую сложность при переводе с языка оригинала: носитель культуры, заимствующий текст, понимает, что, скорее всего, в языке перевода совпадение омонимичных единиц в анекдотическом контексте может оказаться смешным, но почувствовать этого не может. Разъяснение же формы и значения слов, предпринятое переводчиком с целью преодоления данной проблемы, фактически устраняет неожиданность смыслового столкновения, лежащего в основе юмора.

Таким образом, перевод анекдотов приводит к возникновению лингвистических (семантических) лакун, которые являются следствием объективного различия в строении сопоставляемых языков.

Компенсация лакун, как правило, осуществляется путём введения в текст перевода сем, принадлежащих культуре реципиента текста на переводном языке. Появившиеся в тексте перевода новые семы обеспечивают, по крайней мере, частично, адекватное понимание содержания высказывания читателем. Однако компенсация лакуны сопровождается, в свою очередь, утратой национального своеобразия фрагмента оригинала. Сохранение текстовых лакун является, с одной стороны, средством передачи национального своеобразия оригинала, а с другой – источником непонимания или неадекватного понимания текста. Например:

Bayramdan bayrama
Bektaşiyе sormuşlar : –
Rakı içer misin?
– Akşamdaaaan
akşaaaama...
– Namaz kılar mısın?
– Bayramdan bayrama,
bayramdan bayrama...

От праздника к празднику
Бекташи спрашивают:
– Ты раки пьёшь?
– От вееечера к вееечеру...
– А намаз совершаешь?
– От праздника к празднику, от праздника к празднику...

Одним из приемов создания комического в анекдоте является, кроме того, оноματοпея – звукоподражание.

Междометия и звукоподражания – особый тип языковых знаков, исходно базирующихся на прямом отражении звуков окружающего мира (в первом случае – любого окружающего мира, во втором – звуков, производимых только человеком). Эти языковые знаки отражают звуки с помощью фонематических средств языка и связаны со слуховым восприятием человека.

На первый взгляд, может показаться, что переводческих проблем при передаче звукоподражаний не должно быть. Люди, говорящие на разных языках, должны быть едины в восприятии и в фонематической передаче, по крайней мере, звуков природы. Но при глубоком взгляде на проблему становится понятно, что передача звуков подчиняется разным языковым традициям и, соответственно, имеет различные лексические эффекты.

При устном переводе проблема передачи звукоподражаний возникает редко. В письменных же текстах, преимущественно художественных и публицистических, встречаются два основных вида звукоподражаний: а) лексикализованные, известные всем носителям языка, б) индивидуальные – переданные так, как их слышит автор [Алексеева, 2004: 119].

Лексикализованные звукоподражания имеют устойчивые эквиваленты, иногда весьма далекие по звучанию. Ниже дан турецкий анекдот и его перевод на русский язык.

Miyav dedikya

İki deli, akılhastahanesinde kaçmaya karar vermişler. Gece vakti hızlı bir şekilde duvardan atlayarak boşluktaki tarlaya çıkmışlar. Tellerin arasından sürünerek ilerlerken bir bekçi bunların hışırtısını duymuş. Hemen bağırarak: "Kim var orada?" Delilerden biri hemen: "Miyaw, miyaww" diye seslenmiş. Hışırtıyı kedinin çıkardığını zanneden bekçi tam geri dönecekken deliler yine sürünmeye başlamışlar ve yine bir hışırtılar başlamış. Bekçi hemen dönmüş ve bağırarak: "Kim var orada?" İyice sinirlenen deli: "Miyaw dedik ya len" demiş

При переводе анекдотов с элементами оноματοпеи используются имеющиеся в русском языке эквиваленты для передачи определенного звука, тем самым преодолевается структурная асимметрия формы, имитирующей звуки. Для перевода эти формы не представляют сложности, так как они отражены в словарях и их передача имеет устоявшуюся традицию.

Звуковая имитация является одним из явлений языковой игры, в фокусе внимания в анекдотах, как правило, человек – с дефектом речи, носитель диалекта, иностранец или говорящий с акцентом:

<p>Kekete okulu <i>Kekemenin biri birgün Beşiktaş'ta kekeme okulunu ararken okulun yerini bulamamış, en yakınındaki bir bakkala girip: - Kakakakarrdeşşşşş, larrrrdaddadadadbi kekete tete tete okukukukuluu vartış , nenenerededede nibibiliyomusususun? diye sormuş. Bakkalda: - Okulun yerini bilmiyorum ama ağbiy, senin okula hiç ihtiyacın yok bence gayet iyi kekeliyorsun...</i></p>	<p>Школа для заик Один заика хотел пойти в школу для за- ик, но никак не мог её найти. Зайдя в бли- жайшую лавку, спра- шивает: «Нне по- по-подскажите, э-э- здесь е-е-есть по-по- поблизости ш-ш-кола для за-заик?». Прода- вец: «Вообще-то я не знаю, но, по-моему, тебе и не нужно хо- дить в эту школу – ты и так отлично заикаешься».</p>
--	---

Мы же сказали «Мяу»

Двое сумасшедших решили сбежать из психушки. Ночью, перебравшись через стену, они поползли под колючей проволокой, их шуршание услышал сторож: «Кто здесь?». Один из сумасшедших промяукал: «Мяу, мя-я-у». «Наверно, мне показалось», - подумал часовой, возвращаясь обратно. Психи опять поползли, снова послышалось шуршание, сторож тут же обернулся и опять закричал: «Кто здесь?». Один псих, разозлившись, крикнул: «Эй, мужик, мы же тебе сказали «Мяу»».

Или:
Temel birgün bara gidip biraz demlenmek istemiş. Barmene: «ba ba ba baana, bi bi biii biiii ra ve ve eer ir r m u s ı s ı suunız» diye kekelemiştir. Barmen de ona: «ta ta ta aa bi biii be be beeeey eee fe fen diii» deyip biray ı sunmuştur. Biraz sonra bara başka bir müşteri girmiş ve barmene: «Bana votka kola verir misiniz?» demiştir. Barmen de ona: «tabi efendim buyrun!» diye düzgün bir türkçe ile karşılık vermiştir. Temel barmenin az önce kendisiyle dalga geçtiğini anlamış ve çok kızarak ona: «u u u laaaan, s s seen b b b bee niim beniimle d d daaal ga aa m i ge ge geçiyorsuun?» demiştir. Barmen: «h h h haaa uun, o o ooo niuun otuunla d d daaalga g g geçiyoruun» demiştir.

Повторное произнесение одного и того же слога указывает на то, что нормальная коммуникация затруднена в передаваемой ситуации заиканием ее участников. Юмористический эффект создается благодаря «переворачиванию» стереотипа: нездоровый человек передразнивает заику, а заика имитирует нормальную речь.

Основная проблема для переводчика возникает при передаче первичных междометий – авторских неологизмов, лексикализованных или индивидуальных. Среди лексикализованных выделяют: 1) эмоциональные междометия: русское – *Ой!*, немецкое – *Au!*, испанское – *Ay-ay-ay!*, французское – *Ай-ай!*; 2) вокативные и императивные: русское – *цып-цып!*, немецкое – *put-put!*, русское – *но!*, немецкое – *hu!* и т. п. Такие междометия передаются с по-

мощью эквивалентных соответствий, выбор которых осложняется омонимией междометий, которая встречается, прежде всего, среди эмоциональных междометий, например: немецкое *Ach!* и русское *О! ах! о! о да! ах! ох! ой! эх! о! увы!* Следовательно, при переводе каждый раз необходимо учитывать контекст.

Не все турецкие междометия имеют прямые соответствия в русском языке, например: *canım* (душа моя), *taşallah* (выражает восторг, удивление – *Вот так!, Вот это да!, Сохрани господь от дурного глаза*), *inşallah* (если будет угодно Аллаху), *yo, efendi* (это можно перевести как: 1) ‘господин, сударь’; 2) ‘хозяин, владелец’; 3) нейтральный отклик на обращение). В таких случаях эквивалентность при переводе оказывается не всегда возможной. В турецкой письменной и устной речи частотность употребления приведенных междометий очень высока, для русской традиции не столь характерно.

Iskoç'un tarağı

Sokakta gezen bir Iskoçyalı:

- *Öf öf, ben şimdi ne yapayım? Diye söylenirken, diğeri yanına sokuldu mu sordu:*
- *Üzgün görünüyorsun, neyin var?*
- *Sorma! Canım çok sıkılıyor.*
- *Neden? Diye sordu.*
- *Tarağımın bir dişi kırıldı.*
- *Tarağın bir dişi kırıldı diye, insane bu kadar üzülür mü?*
- *Kırılan tarağın son dişiydi.*

Еврей и расчёска

İdēt по улице еврей и причитает:

- *Горе мне, горе! Что же мне теперь делать?*
- *Тут к нему подходит прохожий и спрашивает:*
- *Ты выглядишь расстроенным. Что-то случилось?*
- *И не спрашивай! Я очень расстроен.*
- *Что случилось?*
- *Зубчик расчески сломался.*
- *Да разве ж человек может так из-за какого-то зубчика расчески расстраиваться?*
- *Но он был последним.*

Öf – междометие, которое в турецком языке выражает в основном отрицательные эмоции – пресыщение, отвращение, брезгливость, гнев, досаду [Щека, 2002 : 294]. Как мы видим, диапазон функционирования данного

междометия весьма широк, и в русском языке трудно найти междометие, семантические доли которого совпадали бы полностью с семантическими долями турецкого междометия. Следовательно, для более точной передачи эмоциональности при переводе междометия происходит такое синтаксическое преобразование, как расширение. Комический эффект достигается через гротескное изображение печали персонажа из-за сломанной расчески. При переводе данного анекдота происходит замена не только междометия, но и главного персонажа: в турецком языке – это шотландец, весьма неожиданный персонаж для турецких анекдотов, которого при переводе сменяет еврей – персонаж русского анекдота, наделённый схожими характеристиками. Возможно, этот анекдот был заимствован или переведен из английского языка; известно, что британское языковое сознание осмысливает шотландцев как скупых и недалеких людей [Карасик, 2004 : 191].

Еще одно междометие *Efendi – efendim* не имеет эквивалента в русском языке, и поэтому, в зависимости от контекста, может переводиться как *Я вас слушаю* (отклик на отзыв); *Что? Что вы сказали? Простите, не слышал!* (вежливая форма повторить сказанное). В художественных переводах, как правило, с целью передачи национального колорита используется транскрибирование данного междометия: «*Эфендим, что за страна, что за страна!*» [Гюнтекин, 1992 : 182]. При переводе следующего анекдота использована лексико-семантическая трансформация сужения: через междометие *Efendim* продавец показывает готовность обслужить клиента, и его нарочитая услужливость создаёт комический эффект, поскольку продавец неверно истолковал наполненность роли бенефицианта. В данном случае используется прием «нулевой перевод» лексемы, поскольку традиции экспликации данного элемента в исходном и переводном языках не совпадают в рамках контекста.

Nesi var?

*Eczacı Temel,
böcek ilacı isteyen müşteriye
«Böceğinizin nesi var. Efendim»
 demiş.*

Что у вас?

*В аптеке. Темель:
– Я Вас слушаю.
– У вас есть лекарство
для насекомых?
– А чем они у Вас болят?*

При переводе междометия *Efendim* в анекдоте ниже использован уже функциональный аналог данного междометия в русском языке – *Да* с целью облегчить читателю перевода понимание смыслов оригинального произведения и нивелировать межкультурные различия:

Büyüyünce ne olacaksın?

*Teyzesi Elif'e:
– Elif kızım bakar mısın?
– Efendim Teyze.
– Büyüyünce ne olacaksın kızım?
– Babam için mimar, annem için doctor, dedem için öğretmen, kendim için de yazar olacağım teyze.*

Когда вырастишь, кем будешь?

*Тётя обращается к Элиф:
– Элиф, дочь моя, можно тебя?
– Да, тётушка. (Эфендим, тётя. – дословный перевод).
– Ты, когда вырастишь, кем будешь?
– Для папы – архитектором, для мамы – врачом, для бабушки – учителем, а хочу – писателем, тетя.*

Определённую трудность при переводе турецких анекдотов представляет собой игра слов, при которой обыгрывается одно из значений слова путём его актуализации.

Редкое исключение в границах данной проблемы составляют случаи, когда семантика и сочетаемость слов совпадают и в исходном языке, и в языке перевода, как в примере ниже: полисемия глагола *dilemek* – ‘пожелать, попросить, умолять’ и его устойчивое употребление в словосочетании *özür dilemek* – ‘просить прощения’ имеет абсолютный эквивалент в русском языке.

Özür dilerim

Temel bir gün yolda giderken boş bir şişeye tekme atar, şişenin içinden cin çıkar ve Temel'e: «dile benden ne diler» der. Temel de cine cevap verir: «ÖZÜR DILERUM».

Прошу прощения

Идёт как-то Темель по дороге, видит бутылку, пнул ее, а из неё джин и говорит: «Проси всё, что хочешь». А Темель ему и отвечает: «Прошу прощения».

Рассмотрим следующий пример: *En şişman kız kimdir? FATma*

Дословно: *Кто самая толстая девочка? FATma (от англ. «Fat» – жир).*

В примере обыгрывается турецкое женское имя *Fatma (Фатима)* путём выделения морфемы «fat», которое с английского языка переводится как «жир». Для русских читателей данное имя является немотивированным, поскольку немногие из них знают семантику слова «fat». Следовательно, при переводе данного анекдота использование трансформаций неизбежно. Это подтверждают данные эксперимента В.Ю. Шишкиной, в котором студентам старших курсов, изучающим турецкий язык, было предложено перевести данный анекдот на русский язык: *Senin bu söylediklerine kim inanır? – Kadir inanır...* Дословно: *Да кто тебе поверит?! – Кадир Инаныр.* В анекдоте обыгрывается фамилия знаменитого в Турции актёра «Инаныр», которая омонимична турецкому глаголу настоящего времени *inanmak* (‘верить’), таким образом, человек с такой фамилией, по мысли носителей турецкого языка, обязательно должен верить всему сказанному. Большинству студентов не удалось перевести этот анекдот из-за незнания культурной реалии [Шишкина, 2006].

С нашей точки зрения, в подобных случаях перевод должен предполагать замену словесной основы, что позволит сохранить принцип языковой игры, построенной на понимании прямого смысла имени собственного, к примеру: – *Да кто тебя приютит-то?! – Ванька Бездомный.*

Итак, исходный текст, как любое речевое произведение, имеет некий поверхностный уровень, зафиксированный знаками конкретного языка, размещёнными в определённой последовательности. Эта последовательность знаков предполагает расшифровку глубинного уровня как некой системы смыслов. Переводчик через формы исходного текста проникает на глубинный уровень и строит собственный виртуальный объект, собственное представление о тексте как об определённой системе смыслов. Именно этот виртуальный объект и подвергается преобразованию в переводе. Истинным предметом трансформации является система смыслов, заключённая в формах исходного текста и осознанная переводчиком.

В данной статье рассмотрены анекдоты, процесс перевода которых осложнен неизбежной трансформацией в силу наличия в них элементов языковой или культурной непереводаемости. При переводе анекдотов изменяется система смыслов, заключённая в исходном речевом произведении, перегруппировываются одни и добавляются другие смысловые элементы. Это обусловлено как межязыковой, так и межкультурной асимметрией языков. В данном случае адаптация оказывается необходимой именно для того, чтобы сохранить целостную систему смыслов исходного речевого произведения и добиться в языке вторичного текста смыслового эффекта, аналогичного языку оригинала.

В зависимости от конкретного случая, переводчик выбирает различные методы передачи комического. Основными способами перевода данного типа анекдотов являются: 1) замена оригинального культурного контекста на контекст культуры переводного языка; 2) замена культурной реалии исходного языка на культурную реалию переводного языка; 3) метатекстовый ввод, указывающий на инокультурное происхождение анекдота; 4) переводческий комментарий; 5) переводческая пара, которая создаётся с учётом национально-культурной специфики той или иной лингвокультурной общности; 6) замена словесно-образной основы.

Библиографический список

1. *Алексеева, И.С.* Профессиональный тренинг переводчика [Текст] / И.С. Алексеева. – СПб. : Союз, 2004.
2. *Гюнтекин, Р.Н.* Птичка певчая [Текст] / Р.Н. Гюнтекин. – М. : Советский писатель, 1992.
3. *Карасик, В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004.
4. *Санников, В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры [Текст] / В.З. Санников. – М. : «Языки славянской культуры», 2002.
5. *Шишкина, В.Ю.* Специфика перевода юмора (на примере турецких анекдотов) [Текст] / В.Ю. Шишкина : дипломная работа. Рукопись. Архив кафедры прикладной лингвистики СФУ. – Красноярск, 2007.
6. *Щека, Ю.В.* Турецко-русский словарь. Türkçe-Rusça Sözlük / Ю.В. Щека. – М. : Цитадель, 2002.

УДК811.521

ББК 81.001.2 + 81.754.42-3

*Н.Ю. Тразанова***«БУСИДО» КАК КОМПОНЕНТ НАЦИОНАЛЬНОГО ЦЕННОСТНОГО КОДА ЯПОНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ**

Целью статьи является рассмотрение «бусидо» («самурайского кодекса») в качестве компонента национального ценностного кода японской лингвокультуры. В связи с этим устанавливаются основные ключевые идеи «бусидо», такие, как «долг», «верность», «самопожертвование», «вежливость», «самосовершенствование», на материале цитат «Хагакурэ», а также пословиц и устойчивых выражений японского языка.

Ключевые слова: национальный ценностный код; бусидо; «Хагакурэ»; логоэпистемы.

*N. Yu. Trazanova***«BUSHIDO» AS A COMPONENT OF A NATIONAL AXIOLOGICAL CODE OF JAPANESE LANGUAGE CULTURE**

The purpose of this article is to consider «bushido» as a component of a national axiological code of Japanese language culture. In this connection the main key ideas of «bushido», such as «duty», «faithfulness», «self-sacrifice», «politeness», «self-development», are established on the material of «Hagakure» quotations, Japanese proverbs and idioms.

Key words: national axiological code; bushido; «Hagakure»; logoepistemas.

Исследование культурных концептов, ценностных доминант и ключевых слов позволяет постулировать существование кода лингвокультуры, который представляет собой особую совокупность знаков языка и культуры. Национальный ценностный код понимается как система знаковых образований, которые, комбинируясь между собой, образуют инвариантные, обобщённые значимые смыслы, отражающие нормы, правила и ориентиры человека/народа, принадлежащего к данной лингвокультуре. Такой код предоставляет доступ к ценностным параметрам лингвокультурного сообщества.

Понятие «кода», имплицитно значения «системы» и «структуры», обуславливает необходимость определить единицу структуры предполагаемого кода лингвокультуры. Среди возможных вариантов для названия «единиц» лингвокультурного кода, представленных терминами «культурные доминанты» [Карасик, 2004 : 142], «ключевые слова» [Шмелёв, 2005 : 17], «константы культуры» [Степанов, 1997], «лингвокультуремы» [Воробьёв, 1997 : 44], «логоэпистемы» [Костомаров, 2005 : 56], совмещающих в себе компоненты языка, и культуры, наиболее целесообразным в рамках

нашего исследования следует считать терминопонятие «логоэпистема». Логоэпистема как интегральный знак языка и культуры является отражением «исторической памяти» народа [Костомаров, 2005 : 57], т.е. аккумулирует вековой опыт категоризации знания («логос» – греч. «слово», «мысль»; «эпистема» – греч. «знание»), и поэтому содержит в себе аксиологический аспект, включающий процессы оценивания. Таким образом, под логоэпистемой понимаются разноуровневые единицы-знаки языка и культуры, логико-оценочный смысл которых может выражаться на уровне одного слова либо на уровне выражения и цельного текста, имеющих прецедентный характер для данной культуры. Через материальную форму логоэпистем передаются особенности национального характера, менталитета, традиции, ценностные представления этноса [Серебряева, <http://www.mapryal.org/vestnik/vestnik38/teaching.htm>].

Материалом исследования являются цитаты, отобранные из книги «Хагакурэ», являющейся квинтэссенцией «бусидо». Данные выражения могут рассматриваться в качестве логоэпистем, составляющих фрагмент нацио-

нального ценностного кода японской лингвокультуры.

Японская культура представляется достаточно «кодифицированной», поскольку в ней выделяются некоторые «признанные» коды в виде кода вежливости, религиозно-спиритуального кода (сосуществование в японском обществе норм и принципов синтоизма, буддизма и конфуцианства), а также «самурайского кодекса» («бусидо» 武士道 – букв. «путь воина»).

Одной из важнейших составляющих национального кода японской лингвокультуры следует считать «бусидо», представляющий собой «... с одной стороны, моральный кодекс самураев, а с другой – изначальный дух японской нации, превратившийся со временем в традицию» [Пронников, Ладанов, 1996 : 159]. Возникает ряд вопросов о том, насколько актуален «бусидо» в качестве компонента национального ценностного кода японской лингвокультуры, в каком виде он существует на настоящий момент, какие языковые средства используются для установления норм и принципов «бусидо», каково отношение японцев к таким нормам сегодня.

Итак, задачей данного исследования является рассмотрение «бусидо» в качестве фрагмента национального ценностного кода японской лингвокультуры, а также анализ функционирования принципов «бусидо» в качестве регулятивов в настоящее время в японском обществе.

Уточним общее понятие «бусидо», обратившись к словарям:

- 武士道 わが国の武士階層に発達した道徳。鎌倉時代から発達し、江戸時代に儒教思想に裏づけられて大成、封建支配体制の観念的支柱をなした。忠誠 犠牲 信義 廉恥 礼儀 潔白 質素 儉約 尚武 名誉 愛情などを重んずる。[広辞苑, 1998 : 2328]. «Бусидо – система моральных ценностей, развитая ... сословием самураев. Начав своё развитие с эпохи Камакура, получила широкое распространение; подкреплённая идеями конфуцианства, служила опорой умозрительной системы в эпоху феодализма. Высоко оценивались верность, самопожертвование, честность, честь, вежливость, чистота, скромность, бережливость, предпочтение военного дела, хорошая репутация,

любовь (сострадание)». [Толковый словарь японского языка, 1998 : 2328].

- 武士道 武士階級に成立した道徳律。武家の成立とともに発生し、江戸時代に儒教思想により大成。名を重んじ、主君への忠誠を基本とする精神主義が特徴 [日本語大辞典, 1995 : 1891] «Бусидо – нравственные правила, установленные сословием самураев. Появившись вместе с возникновением военного сословия, широко распространились под влиянием принципов конфуцианства. Отличительной чертой является высокая оценка духовных принципов, основой которых признаётся преданность господину, а также хорошая репутация» [Большой энциклопедический словарь японского языка, 1995 : 1891].
- Бусидо – («путь воина») – феодальный кодекс поведения японских самураев. Требовал верности сюзерену, признания военного дела единственным занятием, достойным самурая [Большой энциклопедический словарь, <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/9742>].
- Бусидо («путь воина») кодекс поведения японского сословия самураев. Бусидо требовал бесконечной преданности и верности своему господину, доблести, самосовершенствования (закаливания духа и воли), самоотвержения (человек без собственного Я) и самообладания, признания единственным занятием военного дела, предпочтения самоубийства (сэппуку, вспарывание живота) бесчестию и позору (другое название харакири означает смерть вслед за смертью своего господина). У самураев смерть в бою или на циновке, где совершалось сэппуку, расценивалась как геройство. Бусидо это изначальный дух японской нации, ставший традицией [Исторический словарь, <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/9742>].
- Бусидо – кодекс чести японских воинов-самураев. Состоит из «гиси» (верности) и «гири» (справедливости) и требует от человека мужества и правдивости. Много в нем заимствовано из этики конфуцианства. Моральным кодексом для всех японцев бусидо стал в конце XIX в. После русско-японской войны 1904–1905 бусидо стали ассоциировать с боевым духом

японской армии [Энциклопедия Кольера, <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/9742>].

Итак, в соответствии с определениями, данными в русских словарях и энциклопедиях, складывается образ «бусидо» как кодекса поведения японского сословия самураев, требующего преданности и верности своему господину, доблести, самосовершенствования, самоотвержения и самообладания, признания единственным занятием военного дела, предпочтения самоубийства бесчестию и позору. В японских словарях подчёркивается духовная основа «бусидо», распространение которого связывается, прежде всего, с принципами конфуцианства. В этой связи высокую оценку получают также такие человеческие качества, как сострадание к ближнему, вежливость, духовная чистота. Если рассматривать «бусидо» более подробно, можно убедиться, что его содержание диктует морально-этические нормы поведения, религиозные истины, предпочтение общечеловеческих, устоявшихся за века, принципов поведения, отражённых в цитируемых по ходу текста пословицах и поговорках.

Многие исследователи считают, что, хотя «бусидо» никогда не был систематизирован в качестве свода законов или правил, его влияние не уменьшилось, так как оно прочно укоренилось в сердцах японцев [Пронников, Ладанов, 1996 : 159], т.е. признаётся актуальность функционирования принципов «бусидо» в настоящее время.

Основные идеи «бусидо» существовали в народе ещё задолго до времён самураев. Они отражены в книге «Хагакурэ» 葉隠れ, что в переводе означает «Скрытый под листьями». Под таким названием понималось откровение, доступное только тем, кто может понять тайный смысл учения [Пронников, Ладанов, 1996 : 159]. Книга «Хагакурэ» также известна под названием «Сборник Набэсима», так как представляет собой собрание комментариев самурая Ямамото Цунэтомо, вассала Набэсима Мицусигэ, третьего правителя земель Хидзэн (в наши дни это часть префектур Сага и Нагасаки в Японии).

«Бусидо» основывается на принципах конфуцианства, буддизма и синтоизма. Конфуцианство является морально-этической основой «бусидо», буддизм привносит равнодушные к смерти, синтоистский культ природы

и предков поддерживает особое чувство принадлежности к японской нации [Пронников, Ладанов, 1996 : 162].

Рассмотрим доминантные принципы «бусидо», прописанные в книге «Хагакурэ».

Прежде всего, если разбить сочетание иероглифов логоэпистемы «бусидо» 武士道 на составляющие, то его элементы будут представлять собой два полноценных слова 武士 bushi – «воин» и 道 do (michi) – «путь», под которым понимается способ поиска, понимания и мотивирующего поведения в философском и духовном смысле, или «доктрина», т.е. принципы, которые изучают и принимают последователи философского или духовного течения [Рати, Уэстбрук, 2007 : 607].

Ключевой идеей «бусидо» является понятие о неизбежности смерти, готовности в любой момент пожертвовать своей жизнью ради великой цели, а также, в связи с этим, о бренности, иллюзорности, мимолётности и быстротечности бытия, что неоднократно подчёркивается практически в каждом разделе «Хагакурэ»: 「武士道の根本は、死ぬことにつきると会得した。死ぬか生きるか、二つに一つという場合に、死をえらぶというだけのことである – «Суть Бусидо – есть понимание того, что смерть неизбежна. Если есть выбор жить или умереть, выбирать следует смерть»; 「武士道は死狂いなり – «Путь воина – это жажда смерти» [www.great-saying.com/w-hagakure01.html]; «Если все в мире не более чем притворство, искренна одна лишь смерть»; «Нет ничего за пределами текущего мгновения» [<http://www.fka.raid.ru/resource/texts/hagakure.htm>].

В качестве пословицы в японском языке закреплено изречение: 「花は桜木、人は武士」 – «Из деревьев – сакура, из людей – самурай». Эстетический образ опадающей сакуры символизирует кратковременную жизнь самурая, который уходит, не поступаясь своей честью [Овчинников, 2006 : 79].

В настоящее время, так же как и во времена самураев, если японцу грозит позор, самоубийство в качестве решения такой проблемы не осуждается. Япония по-прежнему занимает одно из первых мест в мире по количеству самоубийств.

Особой ценностью в «бусидо» обладают долг (義理 – giri) и преданность (忠誠 – chu: sei): «Те, у кого нет чувства долга, не дорожат

своей честью» (японская пословица). Считается, что исполнение сыновнего долга является верным признаком преданности: 「親に孝行つかまつるべきこと、孝は忠につく」 – «Исполнение сыновнего долга по отношению к родителям приведёт и к верности» [Ямамото Цунэтомо, 1980 : 50]. Преданность, верность своему господину оценивается даже выше, чем мудрость и талант: 「武士は、ひたすら、主人を大切に思うだけでしよう。知恵、芸能だけで仕えるような者は、一段、落ちるものだ」 – «Хороший воин — это тот, кто безоговорочно подчиняется своему господину. Однако грош цена человеку, если его достоинства ограничиваются только мудростью и талантами» [Ямамото Цунэтомо, 1980 : 39]; 「鍋島侍には気力も才能もいらぬ。一口にいつて、お家を一人で背負って立つ 覚悟をつくれればよいのである」 – «Для самурая клана Набэсима не требуется ни силы духа, ни талантов. Одним словом, взяв на себя ответственность, следует проявлять решимость» [Ямамото Цунэтомо, 1980 : 42]; «Выполнение долга должно стать безукоризненным, а твоё имя незапятнанным» [<http://www.fka.raid.ru/resource/texts/hagakure.htm>].

Само слово «самурай» 侍 является ярким примером того, что основной целью его жизни была преданность, служение своему господину. «Самурай» происходит от глагола «сабурау» 侍う – «охранять, служить», и первоначально имело значение «личный слуга». Впоследствии его смысл сузился до понятия «вооруженный слуга» [<http://ru.wikipedia.org>].

В настоящее время японцы по-прежнему руководствуются в своём поведении нормами «гири» 義理 (относится к безэквивалентной лексике японского языка; передаёт значение «чувство долга», «обязательство», «взаимность»), которые охватывают и культуру подношения подарков, и этикет приёма гостей, например, выбор «ответного блюда» в ресторане такого же уровня, в каком ранее угощали вас [Норбури, 2007 : 42]. В японских пословицах понятие о «долге» нередко упоминается наряду со «стыдом, совестью» «Кто чувствует стыд, тот чувствует и долг», «Где нет чувства долга и людского глаза, там всё возможно».

Значимым и необходимым в жизни самурая было постоянное самосовершенствование, которое не знает пределов и требует определённого самоконтроля: 「今日は昨日よりは上手になり、明日は今日より上手になるといようにして、一生、日々、仕上げるのが道であり、果てもない世界である」. – «Каждый день становись более искусным, чем ты был за день до этого, а на следующий день – более искусным, чем сегодня. Всю жизнь изо дня в день отшлифовывать своё мастерство – это и есть Путь. Совершенствование не имеет конца»; 「人に勝つ道は知らず、われに勝つ道を知る」. – «Я не знаю, как побеждать других; я знаю, как побеждать себя» [Ямамото Цунэтомо, 1980: 66]; «Если ты уразумеешь одно дело, тебе откроются также восемь других» [<http://www.fka.raid.ru/resource/texts/hagakure.htm>].

Для самурая считалось недопустимым обнаруживать свои личные переживания. Искусство самообладания, контроля над собственными чувствами, и по сей день высоко оценивается японцами, что закреплено в японском языке такими понятиями, как *ほんね* (*honne*) и *たてまえ* (*tatemaе*). Первое означает «истинное, настоящее лицо» (личные мысли, чувства и переживания – всё то, что не принято выносить «на люди»), а второе – «фасад, официальная маска» (улыбка, учтивость и внимательность по отношению к собеседнику). Традиционный японский этикет предписывает вести себя так же, как другие, не выделяться из общей массы: «Когда смеются другие, смейся и ты», «Если плачут другие, плачь и ты», 出る釘は打たれる – «Выступающий гвоздь забивают», 財布の底と心の底は人に見せるな – «Не показывай другим содержимое своего кошелька и то, что на сердце».

В «бусидо» чётко прописаны морально-этические нормы, так как поведение самурая должно было быть безупречным. Однако, думается, что следующие принципы касались не только воинов, но и в целом всех людей, ориентированных на подобающее в обществе поведение: 「人中であくびをすることなど、不作法の限りだ」 – «Зевать в присутствии других людей – признак плохого тона» [Ямамото Цунэтомо, 1980 : 48]; 「お辞儀ははじめだけでよい。」 «Вежливое приветствие следует произносить один раз, в на-

чале беседы, и больше не повторять»; 「つくり笑いするものは、男なら卑劣漢、女なら淫乱」 – «Притворный смех выдает у мужчины недостаток уважения к себе, а у женщины похотливость» [Ямамото Цунэтомо, 1980 : 77]; 「武士は食ねど空楊枝」 – «Самурай ковыряет в зубах зубочисткой, даже если он ничего не ел» [Ямамото Цунэтомо, 1980 : 78]; «Самурая уважают за его хорошие манеры» [<http://www.fka.raid.ru/resource/texts/hagakure.htm>].

Самурая следовало проявлять сострадание к другим людям: 「相手の長所をほめて、気分を引き立てるように工夫して、のどが渇いたとき水を飲むように受け入れさせて欠点を直すのが意見というものだ」 – «Похвалив хорошие качества человека и, используя своё мастерство, чтобы расположить его к себе, позаботься о том, чтобы он получил твой совет, как получает воду тот, кто изнывает от жажды и тогда твоё наставление поможет ему исправить ошибки» [Ямамото Цунэтомо, 1980 : 46].

С течением времени некоторые нормы поведения изменились. Например, в настоящее время в японском обществе считается неприличным смотреть в глаза своему собеседнику [Тумаркин, 2003 : 9]. В принципах «бусидо», наоборот, прописано: 「口上、話のときは、相手の目を見合わせよ。うつむいてしゃべるのは不要心」 – «Как бы ты ни говорил, формально или неформально, всегда смотри в глаза слушающему. Говорить, потупив взгляд, неучтиво» [<http://www.fka.raid.ru/resource/texts/hagakure.htm>].

В этой связи следует отметить особую значимость норм вежливости в «бусидо». В соответствии с конфуцианскими принципами, следовало оказывать почтение родителям, а также старшим по возрасту, мудрым, опытным людям. 多くの知恵を集めた判断は、たとえば、たくさんの根を張った大木のようなものだ。一人の知恵の判断は地面に突きさしたばかりの棒のようなものだ – «Человека, собирающего по крупницам мудрость, можно уподобить дереву со многими корнями. Разум одного человека напоминает воткнутую в землю палку» [Ямамото Цунэтомо, 1980 : 40]. Японские пословицы также подтверждают значимость оказания уважения старшим: «Из добродетелей самая высокая – сыновний долг»; 親しき仲にも礼儀あり – «И со сво-

ими этикет соблюдай», はとの三枝の礼あり «И голубь садится на три ветки ниже родителей»; 岡目八目 – «Тот, кто видит со стороны, смотрит восемью глазами» [Ямамото Цунэтомо, 1980 : 65].

С этой точки зрения, интересно рассмотреть слово 先生 (せんせい – sensei), с наиболее распространённым для нас значением «учитель». Анализируя значения отдельных иероглифов 先 – «раньше, прежде» и 生 – «рождаться», их сочетание 先生 (sensei) можно перевести как «рождённый прежде (раньше)», то есть тот, у кого есть жизненный опыт, мудрость. В Японии это обращение используется не только по отношению к учителю, но и к любому уважаемому человеку (врачу, профессору, учителю и т.д.) как носителю знания и мудрости.

В настоящее время нормы вежливости существуют, прежде всего, в виде трёх стилей вежливой речи. В первом случае с помощью таких языковых средств, как особые формы глагола, префиксы вежливости, говорящий «принижает» себя по отношению к собеседнику, во втором – «превозносит» собеседника, в третьем – соблюдается некий «нейтралитет» (этот стиль называется нейтрально-вежливым). Знание трёх стилей вежливой речи необходимо при работе в качестве обслуживающего персонала, служащих фирм, а также в рамках конференций, встреч на высшем уровне и т.п.

В рамках «бусидо» формируется понятие принадлежности к своей группе как на уровне рода, самурайского клана, так и на уровне страны. В соответствии с принципами «бусидо»: 「組にも入らず、馬も持たない侍は、侍ではない」 – «Самурай, который не принадлежит ни к какой группе и не имеет коня, это не самурай» [Ямамото Цунэтомо, 1980 : 77].

Сегодня единство со своей группой, приоритеты коллективных интересов, по сравнению с личными, также обладают бесспорной значимостью, ценностью для японского общества, что закреплено в языке противопоставлением понятий «внутри», 内 (うち – uchi) и «снаружи», 外 (soto) (которые сопоставимы с оппозицией «свой» – «чужой» в русском языке). Японцы употребляют в речи следующие словосочетания со знаком 内 (uchi): 内の会社 (uchi no kaisha), 内の親分 (uchi no

ouabun), которые могут быть переведены на русский язык как «наша фирма», «мои родители» и означать принадлежность к своей фирме, семья, осознание себя как части одного целого. С другой стороны, слово «иностранец» на японском языке – 外国人 (gaikokujin), 外人 (gaijin) включает в себя иероглиф 外 – «снаружи». К «чужим», в особенности к иностранцам, японцы относятся с особой осторожностью. В некоторых случаях, имеет место склонность к негативному восприятию иностранцев. В языке это закреплено конкретным иероглифическим сочетанием 外人嫌い «нелюбовь к иностранцам».

В целом, «бусидо» рассматривается как некий духовный Путь, ведущий самурая по жизни к единственной цели – достойной смерти. Но в «кодексе чести» также отмечается, что для достижения подобной цели следует проживать каждое мгновение жизни достойно, ибо никому не дано знать, в какой момент придется пожертвовать ею. В «Хагакурэ» говорится: 「ただいまがその時」「その時がただいま」、つまり、いざという時と平常とは同じことである」 – «Сейчас – то самое время, то самое время – сейчас, иначе говоря, критический момент ничем не отличается от обычного дня»; 「一呼吸の中に、邪念を抱かぬということが、道である – «В пределах одного вдоха нет места дурным мыслям, а есть только Путь» [Ямамото Цунэтомо, 1980 : 61]; «Человек постигает бесконечность совершенствования на Пути и никогда не считает, что прибыл»; «Путь – это нечто более возвышенное, чем праведность» [http://www.fka.raid.ru/resource/texts/hagakure.htm]. В японском языке существует пословица, в которой значение Пути можно истолковать как некое просветление, осознание смысла бытия: «Если узнаешь о Пути утром, можешь умереть вечером».

Итак, проанализировав цитаты из «Хагакурэ», следует признать, что «бусидо» действительно является неотъемлемым компонентом национального ценностного кода японской лингвокультуры. Ценностные ориентиры, установленные в рамках «бусидо», актуальны на настоящий момент, а также закреплены в языке воспроизводимыми в речи современных японцев афоризмами «Хагакурэ», пословицами и поговорками японского народа. Основными

фундаментальными положениями «бусидо» в настоящее время следует считать:

1. Отношение к смерти как к достойному способу избежать позора, «потерять своё лицо».
2. Чувство принадлежности, единства со своей группой, нацией, выраженное в языке оппозицией 内 uchi – 外 soto («внутри» – «снаружи»).
3. Более высокая оценка душевных качеств, а также духовного мира человека (преданность, верность, самосовершенствование в духовном плане способность к самоконтролю), по сравнению с умственными способностями, талантами.
4. Выделение категорий вежливости как особой ценности японской культуры, что проявляется в языке существованием 3 стилей вежливости.
5. Поощрение обращения к признанным авторитетам, как правило, старшим по возрасту людям, имеющим жизненный опыт, а также продвинувшимся на духовном Пути.

Библиографический список

1. Афоризмы из «Хагакурэ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : – www.great-saying.com/w-hagakure01.html.
2. Воробьев, В. В. Лингвокультурология (теория и методы) [Текст] / В.В. Воробьев. – М. : Изд-во РУДН, 1997.
3. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004.
4. Костомаров, В.Г. Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики [Текст] / В.Г. Костомаров. – М.: Гардарики, 2005. – С. 56–57.
5. Норбури, Пол Япония [Текст] / Пол Норбури. – М. : АСТ Астрель, 2007.
6. Овчинников, В.В. Калейдоскоп жизни [Текст] / В. В. Овчинников. – М. : АСТ Восток – Запад, 2006.
7. Пронников В.А. Японцы (этнопсихологические очерки) [Текст] / В.А. Пронников, И.Д. Ладанов. – М. : «ВиМ», 1996.
8. Рати, О. Тайны древних цивилизаций. Самурай [Текст] / О. Рати, А. Уэстбрук. – М. : Изд-во Эксмо, 2007. – С.606–614.
9. Сергеева, Т.Г. К вопросу определения основных единиц в лингвокультурологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.mapryal.org/vestnik/vestnik38/teaching.htm>.
10. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования [Текст] / Ю.С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997.

-
11. Тумаркин, П.С. Жесты и мимика в общении японцев: лингвострановедческий словарь-справочник. – М.: Русский язык, 2003.
 12. Шмелёв, А.Д. Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка? [Текст] / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелёв // Ключевые идеи русской языковой картины мира: сборник статей. – М. : Языки славянской культуры, 2005.
 13. Ямамото Цунэтомо «Хагакурэ» (из книги первой) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fka.raid.ru/resource/texts/hagakure.htm>.
 14. 広辞苑 [テキスト] –東京: 岩波書店、1998 –241, 1573ページ.
 15. 日本語大辞典 [テキスト] –東京: 講談社、1995: 1891ページ.
 16. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/9742>.
 17. Исторический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/9742>.
 18. Энциклопедия Кольера [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/9742>.

日本語における音律構造とアクセント型の関係

*Г.Ю. Тростянская***СВЯЗЬ МЕЛОДИКИ И ТИПОВ УДАРЕНИЯ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА**

В статье дается обзор главных теорий акцентуации современной японской лингвистики, что обуславливает актуальность данной работы и ее практическую ценность.

*G. Yu. Trostyanskaya***THE JAPANESE MELODY AND STRESS AT JUNCTION**

The article focuses on the mainstream theories on modern Japanese scholars who put under scrutiny the interactions of word stress and phrase melody. I attempt to formulate dominating viewpoints here to.

日本語の高低アクセントや韻律的構造に関する詳細な研究は多いといえよう。

本稿の目的は日本語のアクセント法則に関する体系的な著作を紹介することである。いかなる高低アクセントが変化しているか、さらに、いかなる法則を持っているかという課題を立て、簡単に要約を試みる。

金田一晴彦は高低アクセントの本質を探り、方言の特徴及び時代変化を考察している。

窪園晴夫はアクセントの法則を明らかにし、名詞の平板式及び起伏式の存在の原因の一つを挙げている。要するに、日本語におけるアクセント型は韻律構造とかがわつていと述べている。

1. 金田一春彦による日本語のアクセントの変化

金田一春彦は現代の日本語のあらゆる方言のアクセント体系、さらに、古代の日本語、特に、平安朝の京都大坂方言のアクセント体系を考察して、アクセントの現代までの変化、さらに、そのこれからの発達について仮説を立てている。

現代日本語のアクセントは、大部分は東京式、または、京都大坂式、いずれかである。しかし、そのうちのどちらかにも似ているといえない少数のアクセント式もある。その中には2種類のものがあり、ひとつは東京式 京都大坂式の間

式である。もうひとつはいずれにも似ていなく特殊なものである。

京都府宮津市のアクセント、石川県能美郡白峰村のアクセント、三重県尾鷲市のアクセントなども、中間的な色彩をもつ。興味のあるものは石川県羽咋町のアクセントの体系である。このアクセントの体系は京都大坂式アクセントから、東京式アクセントへ移っていく過渡期のアクセントであることが知られる。つまり、現代の東京のアクセントは羽咋町のようなアクセントを経て、京都大坂アクセントから変化して出来たのにちがいない。

京都大坂式から見ると、京都大坂式→(羽咋式)→東京式→鹿児島式という3段の変化が推定される。

日本語のアクセントは、古代→近代の間に<<弁別的の体系から統一的の体系へ>>という脱皮をとげつつあるといえることができる。

つまり、現代の日本語のアクセントは強弱アクセントに見られる性格がある。ただし、強弱アクセントではないが、日本語のアクセントではあるものは平板型である。

日本語のアクセントは、やがてこのような平板型を失って、はつきりした統一的アクセントになり、強弱アクセントに変身していくという予想を金田一春彦はしている。

2. 窪菌晴夫による日本語のアクセント法則

窪菌晴夫は日本語におけるアクセントの法則を探検してきた。標準語、大阪弁、鹿児島県方言の名詞、形容詞、動詞を含めた数の多い単語のアクセント型を考察した。このような考察の目的は次のようである。要するに、子供はどのようにして単語のアクセント型を獲得するか、どのような法則に従って自然に日本語の複雑なアクセントの規則を学習するかという問題を解決してみた。つまり、日本語の全ての方言には共通のアクセントの体系の法則があり、子供は単語ごとのアクセント型を覚えるべきではなく、その法則を身につけて、適用なアクセント型を使用するということである。

窪菌晴夫の研究の結果によると、日本語のアクセントの法則は古ギリシア語、ラテン語と同様であり、-3という法則である。すなわち、起伏式アクセント規則は語末から数えて三つ目のモーラを含む音節にアクセントが置かれる。

しかし、日本語ではアクセント核があるという起伏式アクセントと平板式アクセントがある。平板式アクセントは日本語に特殊なアクセント型と言われている。窪菌はいかなる単語が起伏式（つまり-3のアクセント型）となり、また、いかなる単語が平板式となるかは、日本語アクセント研究でも一番の難問であるというが、単語の構造によってある程度予想ができると述べている。

単語の種類（和語、漢語、外来語）、単語の音節構造や単語の長さ（モーラの数）を考慮し、次のような結論が出てきた。和語の3モーラの名詞は平板式アクセントをもつ単語の7割である。漢語は平板式と起伏式が五分五分であり、外来語の平板式アクセントは一割も満たない。単語の長さを見れば、和語、漢語、外来語はそれぞれ4モーラという長さで一番平板率が高い。音節構造を考察してみれば、語末から軽音節の連続であれば、平板式アクセントになるという法則が明らかとなった。和語の名詞は3モーラであれば、4モーラであれば、軽音節の連続という特徴がある。

なお、外来語も和語のように軽音節の連続であれば、平板式アクセントとなりやすい：

歴史的な理由から和語には重音節が生じることは稀であり、とりわけ語末に生じる

ことはほとんどない。つまり、4モーラの和語のほとんどはLLLLもしくはHLLという構造を持っている。そして、このような音節構造を持つ4モーラの和語の大半が平板というアクセント型を持っている。外来語の場合も、この和語特有の音節構造になると、和語特有のアクセント型をとるのである。つまり、外来語も音韻構造が和語的であれば、アクセントも和語的となる。

上に述べたことを非常に簡単にまとめてみると、日本語の名詞において音節構造によってアクセント型が決まる。すなわち、日本語の特殊な平板式アクセントがあり、（標準語の名詞）平板式アクセントをとるのは和語及び軽音節からできた漢語と外来語である。重音節と軽音節を持っている単語は、語末から数えて三つ目のモーラを含む音節にアクセント核が置かれる。

重音節が出てくると、平板になりがたくなる。その原因は「重さの原理」と関係するようである。日本語と限らない、言語一般に、重音節が軽音節よりアクセントをひきつけやすい傾向が観察されている。

しかし、日本語は形容詞、動詞はほとんど起伏式アクセントである、すなわち、アクセント核を持っている品詞である。どうして、意味（品詞）とアクセント型の間に相関関係があるのか。さらに、アクセントの法則が把握できても、その法則を作り出している原理はいまだ謎である。

参考文献

1. 金田一春彦『日本語音韻の研究』（昭和42年）東京堂出版
2. 窪菌春夫『アクセントの法則』（2006）岩波書店
3. Kubozono, H. Where does loanword prosody come from? A case study of Japanese loanword accent [Text] / H. Kubozono // *Lingua* 116. – 2006, P. 1140–1170.

УДК 81
ББК 81.754.41-923
Т 76

О.А. Трофименко

ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Целью статьи является обзор грамматических средств корейского языка, используемых для выражения различных типов эвиденциальных значений. В работе рассмотрено понятие эвиденциальности как семантической категории, прослеживается ее связь с различными категориями, выделяются типы эвиденциальности и средства их выражения в современном корейском языке.

Ключевые слова: эвиденциальность; наклонение; эпистемическая модальность; источники информации; инферентив; цитатив; корейский язык.

О.А. Trofimenko

EVIDENTIALITY IN KOREAN

This paper analyzes grammatical markers of evidentiality in Korean. I concentrate on observation of eviventiality as a semantic category, its meaning and connections with other grammar categories. Also I mark out the types of evidentiality.

Key words: evidentiality; mood; epistemic modality; sources of information; inference; quotation; Korean language.

Одной из важнейших функций языка является обмен информацией в обществе. Передавая ту или иную информацию, говорящий может указывать на источник ее получения. Для этой цели во многих языках есть специальные средства выражения: грамматические, лексические, синтаксические. Анализ этих средств позволяет сделать вывод о том, что в языке определенным образом отражаются и классифицируются источники получаемой информации [Храковский, 2007 : 602].

Категория эвиденциальности выделяется не во всех языках и не всегда является самостоятельной и маркированной. В грамматике современного корейского языка данный вопрос не освещен, не изучены типы эвиденциальности, средства их выражения. Поэтому в нашем исследовании мы предпримем попытку выделить и проанализировать эвиденциальные формы в корейском языке, опираясь на исследования, проведенные в других языках.

Понятие эвиденциальности

Термин «эвиденциальность» в современном его понимании впервые был употреблен Франсом Боасом в 1947 году, хотя семантическая сфера эвиденциальности, которая так

или иначе связывалась с разновидностями источников информации о пропозиции, обсуждалась в лингвистике задолго до того, как данный термин стал общепризнанным. Еще в 1911 году Ф. Боас обратил внимание на важность для некоторых индейских языков указания на источник знания, а через десять лет Э. Сепир также касался этой проблематики. После известной работы Романа Якобсона этот термин получил дальнейшее распространение [Якобсон, 2004]. Подход Ф. Боаса и Р.О. Якобсона получил продолжение во многих исследованиях языков мира (см. [Гусев, 2007]).

Категория эвиденциальности связана с одним из семантических параметров высказывания, отражающих отношение говорящего к содержанию своего сообщения, а именно – к источнику информации [Козинцева, 2007 : 13].

Таким источником могут быть [Козинцева, 1994 : 92; Храковский, 2005 : 168; Oswalt, 1986; Willett, 1988]:

- а) собственные наблюдения говорящего;
- б) информация, получаемая с помощью слуха;
- в) информация, получаемая говорящим на основе анализа некоторых наблюдаемых фак-

тов, посредством собственных мыслительных операций;

г) информация, получаемая на основе анализа своих наличных знаний.

Р.О. Якобсон предложил понимать эвиденциальность как глагольную категорию, учитывающую следующие три факта [Якобсон, 2004]:

- сообщаемый факт;
- передаваемый факт сообщения;
- указываемый источник сведений о сообщаемом факте.

Таким образом, в основе категории эвиденциальности лежит личный опыт говорящего, личное свидетельствование описываемого события, цитирование услышанной информации.

Связь эвиденциальности с другими категориями

С точки зрения формальной морфологии эвиденциальность часто бывает взаимосвязана с такими категориями, как модальность, адмиратив, наклонение. Показатели категории эвиденциальности расположены в словоформе после показателей времени. Следовательно, эвиденциальность можно рассматривать как особый вид наклонения (Evidential Mood) [Cinque, 1999].

Категории наклонения характеризуются следующими особенностями:

- не связана непосредственно с речевым актом;
- пропозиция рассматривается с позиции говорящего;
- выражается отношение говорящего к сообщаемому без учета слушателя;
- не зависит от воли говорящего к речевому акту;
- может включать значения времени.

Категория эвиденциальности вполне соответствует предъявляемым требованиям.

А.И. Кузнецова считает, что с точки зрения семантики у эвиденциальности много точек пересечения с наклонением, таким образом, эвиденциальность можно считать наклонением, находящимся в оппозиции с изъявительным наклонением [Кузнецова, 2004 : 90].

Отношения модальности и эвиденциальности в языкознании представлены в виде трех основных точек зрения:

1) модальность и эвиденциальность состоят в отношении дизъюнкции (то есть суще-

ственно различаются между собой) – тогда говорят об эвиденциальности в узком смысле слова;

2) модальность и эвиденциальность состоят в отношении инклюзии (то есть в эвиденциальность включается и достоверность знания говорящего) – тогда говорят об эвиденциальности в широком смысле слова или наоборот – более часто эвиденциальность включается в состав эпистемической модальности;

3) модальность и эвиденциальность частично перекрываются друг другом (имеется в виду инференциальная эвиденциальность – инферентив) [Ницолова, 2007 : 109].

К понятию эвиденциальности В.А. Плунгян идёт следующим путём: модальность → эпистемическая модальность → оценочная модальность → эвиденциальность [Плунгян, 2004 : 322].

Эвиденциальность часто включается в состав эпистемической модальности, так как она близка к семантике достоверности. Однако отличие ее состоит в том, что само по себе указание на источник сведений говорящего не содержит какой-либо информации об уровне достоверности информации. Таким образом, эвиденциальность и эпистемическая модальность – это две независимые категории, так как один и тот же источник может оцениваться как достоверный или недостоверный разными говорящими и слушающими [Козинцева, 2007: 85].

Говорящий прибегает к эпистемической модальности, характеризуя ситуацию в отношении к актуальному и потенциальному мирам и поэтому этот тип модальности охватывает области возможности и необходимости [Козинцева, 2007 : 29]. Показатели инференциальности (говорящий делает вывод об описываемой ситуации на основе некоторых наблюдаемых фактов) наиболее приближены к эпистемическим значениям (говорящий считает описываемую ситуацию возможной). Таким образом, эти две категории независимы, но могут характеризовать близкие значения: эвиденциальность имеет дело с источником, а эпистемическая модальность – с достоверностью информации (см.: [Храковский, 2007; Chung, Timberlake 1985; Palmer 2001]).

Многие исследователи считают (ад)миратив граммемой категории эвиденциальности. Это обосновано тем, что адмиративное значе-

ние (то есть говорящий удивлен полученной информацией) связано с эвиденциальным, так как говорящий непосредственно воспринимает информацию. Однако в адмиративном значении основным является компонент неожиданности получаемой информации. Также известны случаи сочетания граммем категории адмиратива и эвиденциальности. При этом показатели адмиратива могут быть представлены в языке и при отсутствии категории эвиденциальности. Таким образом, следует разграничивать две отдельные категории – адмиратива и эвиденциальности.

Выражение эвиденциальных значений

О грамматическом статусе показателей эвиденциальности в языке можно говорить, если показателями эвиденциальности выступают маркеры, которые указывают на источник информации пропозиции, и если они соответствуют синтаксическим критериям:

- 1) показатели эвиденциальности не являются ядром (main part) предикации;
- 2) выражение эвиденциальности – основная функция показателя;
- 3) показатели эвиденциальности не могут находиться в сфере действия отрицания [Bybee, 1985 : 66].

Грамматический статус эвиденциальных форм также зависит от морфологической системы языка.

Эвиденциальность рассматривается как элемент внешней модальной рамки высказывания (модуса), но при этом она используется только в повествовательных и вопросительных типах целеустановки и не может сопровождать императивные или оптативные высказывания, к которым неприменимы ни критерии истинности, ни вероятностные оценки [Корди, 2007 : 256].

Эвиденциальные формы используются в повествовательных высказываниях, так как, передавая слушателю неизвестную информацию, говорящий указывает на свой источник этой информации. В вопросительных высказываниях говорящий не указывает на источник своей информации, а высказывает гипотезу о возможном источнике информации слушателя, от которого он ожидает получить истинный ответ на свой вопрос и в соответствии с этой гипотезой выбирает эвиденциальную форму [Ницолова, 2007 : 168–169].

Семантика высказываний, передающих указание на косвенный источник информации говорящего, может быть представлена как содержащая рамочную (EV) и пропозитивную части (P): Г сообщает, что [X видел / полагает / узнал, что] P (Г – говорящий, X – субъект модуса EV (хозяин информации)). Если $G = X$, то есть говорящий и есть хозяин информации, то высказывание передает прямое свидетельство. Если $G \neq X$, то есть говорящий не является хозяином информации, высказывание выражает косвенное свидетельство. В этом случае говорящий ставит своей целью информировать собеседника о том, что он не был очевидцем сообщаемого факта и что у него нет полной уверенности в достоверности сообщаемого. Тем самым говорящий снимает с себя ответственность за утверждение, дистанцируется от сообщаемой информации. К косвенной свидетельствованности также относятся случаи, когда высказывание основано на умозаключении (инференциальность), на сообщении другого лица (пересказывательность) [Козинцева, 2007 : 15–16].

Таким образом, под категорией эвиденциальности следует понимать такую категорию, граммемы которой указывают, каким образом говорящий узнал о факте [Мельчук, 1998 : 199].

Эвиденциальность как термин допускает разнообразные эпитеты (прямая, непрямая, косвенная, из вторых рук, из третьих рук, инференциальная и т.д.), что дает возможность построить шкалу подтипов данного значения.

Типы эвиденциальности

Типы эвиденциальности рассматривали многие исследователи [Якобсон, 1972 : 101; Козинцева, 1994 : 92; ; Влодавская, 2000; Плунгян, 2003 : 322; Сусов, 2006 и др.]. Анализируя их работы, можно выделить основные типы – прямую и косвенную эвиденциальности:

- 1) прямая непосредственная эвиденциальность (экспериментив) – говорящий сообщает, что лично был свидетелем описываемой ситуации;
- 2) косвенная непосредственная эвиденциальность – говорящий не был свидетелем сообщаемой ситуации, данный тип включает в себя различные выводы говорящего:

а) инферентив (или конклюдив) – знания о ситуации получены на основании логического вывода;

б) презумптив (конклюдив) – знания о ситуации получены на основании логических соображений общего характера, говорящий выдвигает гипотезу, основанную на личном знании мира;

3) косвенная опосредованная эвиденциальность – знания получены на основании вербального сообщения внешнего источника, так называемая «информация из вторых рук», пересказывательность (цитатив или ренарратив).

Эвиденциальные формы в корейском языке

Категория эвиденциальности не во всех языках является самостоятельной и маркированной. Мы считаем, что корейский язык относится к группе языков, где эвиденциальность грамматикализована и выражается с помощью специальных грамматических средств, которые можно разделить на: 1) синтетические («-то-»; «-та», «-(ы)ра», «-джа», «-ня»); 2) аналитические («-на пода», «-ль кос катха», «-ль тыссипта» и др.).

В корейском языке можно выделить следующие маркированные эвиденциальные значения:

1) говорящий присутствует и видит действие, о котором говорит (очное или эвиденциальное наклонение);

2) говорящий знает о действии со слов других людей (заочное или пересказывательное наклонение);

3) говорящий судит о действии с позиции предположения, основанного на логических соображениях общего характера (гипотетическое или предположительное наклонение);

4) говорящий делает вывод о действии на основе видимых результатов (наклонение видимого действия).

Перечисленные значения соотносятся с прямой и косвенной эвиденциальностью следующим образом.

1. Прямая непосредственная эвиденциальность

К данному типу относится очное или эвиденциальное наклонение. Говорящий может основывать свое сообщение на информации, полученной им самим с помощью собственных органов чувств (говорящий сам хозяин

информации). Прямое непосредственное свидетельствование конкретизируется только как зрительное восприятие, связанное с личным присутствием говорящего при описываемом факте.

В корейском языке показателем данного типа эвиденциальности является суффикс «-то-». Этот суффикс указывает на то, что говорящий информирует слушателя о событиях из своего личного опыта, лично им наблюдаемых фактах – засвидетельствовано подтверждает их. При употреблении в предложениях вопросительной целеустановки суффикс «-то-» выражает вопрос говорящего к слушателю с целью засвидетельствованного подтверждения фактов со стороны слушателя. По мнению А.А. Холодовича, в вопросительной целеустановке говорящий стремится узнать у собеседника, очный или заочный характер будет носить его высказывание [Холодович, 1954 : 125–126]. Например:

Кынын сэнгакпода чакхатóкуна.

Он-NOM мысль-PT добрый-EVID-ADM

А он добрее, чем я думала.

Употребление суффикса «-то-» указывает на тот факт, что говорящий лично убедился в доброте человека, о котором он сообщает информацию.

Оныль сóнсэнгними муóль карычитóня?

Сегодня- ADV учитель-NOM что-ACC преподавал-EVID-Q

Что сегодня преподавали?

В приведенном примере суффикс «-то-» используется говорящим (в данном случае старшим по возрасту и статусу – это объясняется употреблением авторитарного вопросительного окончания «-ня») с целью узнать у собеседника, лично ли он присутствовал на занятии.

Суффикс «-то-» появился еще в период средневекового корейского языка (XV–XVI вв.) и относился к группе модально-темпоральных форм. В тот период он был показателем ретроспективного наклонения (хвсангпоп) и прошедшего незавершенного времени. Под ретроспективным наклонением понималась грамматическая категория, которая описывала события из прошлого, свидетелем которых был говорящий.

Таким образом, суффикс «-то-» имел два временных значения: значение прошедшего времени (относительно момента говорения)

и значение настоящего времени (время личного свидетельствования является настоящим по отношению к моменту факта свидетельствования).

В современном языке суффикс «-то-» сохранил оба эти значения в разных грамматических формах: как показатель эвиденциальности он указывает на свидетельствование говорящего, а значение прошедшего незавершенного времени он сохранил в некоторых устойчивых формах, таких, как финитные окончания «-то́ра», «-то́раго(ё)» и т.д., в форме причастия «-то́н», в деепричастных формах «-то́ни» и др. Например:

Óдже маситон уюга йбги исста.

Вчера пить-PST PART молоко-NOM здесь находится-FIN

Молоко, которое я вчера пил (но не допил), здесь.

В рассмотренном примере форма «-то́н» указывает на незаконченный характер действия, совершенного в прошлом, или значение прерванного действия – *молоко не было выпито до конца*, то есть после того как говорящий осознает действие во время личного восприятия этого действия, наступает повторное осознание в момент говорения, таким образом, именно промежуток между двумя этими действиями и указывает на прерванный характер, который выражается суффиксом «-то-». Осознание факта прервалось до момента говорения, затем говорящий сообщает о нем, тем самым процесс осознания возобновляется.

Суффикс «-то-» способен сочетаться с глаголами действия, спрягаемыми прилагательными, и с именами (с помощью глагола-связки). Показатель прямой эвиденциальности «-то-» может употребляться с суффиксами прошедшего времени («-асс/óсс»), суффиксом прогностического наклонения («-кесс-»), показателем адмиратива («-кун»), формами заочного наклонения («-та/ра», «-джа», «-ня», «-(ы)ра»). Суффикс «-то-» входит в состав повествовательных и вопросительных финитных форм («-то́гун(ё)», «-то́нде», «-то́нга» и т.д.).

2. Косвенная непосредственная эвиденциальность

2.1. наклонение видимого действия (инферентив)

В случае, когда говорящий делает логический вывод о существовании описываемой

ситуации в актуальном мире на основе некоторых наблюдаемых фактов, можно говорить об инференциальном значении. Говорящий, наблюдая ситуацию, восстанавливает события, ей предшествовавшие или её вызвавшие, судит о ситуации по тому, что он считает её результатом. Говорящий использует для своего общения некоторые косвенные данные, на основании которых строит свое умозаключение. Инференциальные формы употребляются в той ситуации, когда говорящий воспринимает результат действия, не одновременный с самим действием, оставшийся после выполнения действия [Козинцева, 2007 : 37–38].

Выражение инференциального значения в корейском языке передается с помощью аналитических форм: «-на (н/нын га пода)», «-ль (н/нын) моянгида», «-ль (н/нын) тыхсада». Их значения синонимичны, и в большинстве случаев они могут заменять друг друга. При переводе данных конструкций на русский язык могут быть использованы такие наречия, как *наверное, возможно, видимо, очевидно* и т.п. Таким образом, говорящий выражает предположение относительно пропозиции, основанное на объективных причинах, и подчеркивает, что не являлся свидетелем описываемой ситуации.

Конструкции «-на пода» и «-н/нын га пода» формируются из вопросительного окончания «-на» (выражает сомнение, неуверенность) или вопросительного окончания «-н/нын га» (выражает простой вопрос) и служебного прилагательного «пода» (со значением подверженности восприятию). Формы «-на пода» и «-н/нын га пода» способны сочетаться с глаголами действия, употребляться с суффиксом прошедшего времени («-óсс»). Например:

Чольсунын тхенисырьль чаль чина поаё.

Чольсу-NOMтеннис-ACCхорошоиграет-Q видимо-AUX-PR-FIN

Чольсу, видимо, хорошо играет в теннис.

В данном случае говорящий делает предположение не на основании увиденной игры Чольсу, а судя по его наградам или по тому, что он о нем слышал от других лиц, то есть говорящий не может с уверенностью говорить о том, имело ли событие место, и делает вывод только по наличным результатам.

Форма «-ль (н/нын) моянгида» образуется в результате присоединения служебного существительного «моянг» и глагола-связки

«ида» к причастной форме глагола действия (окончания «-ль (н/нын)») указывают на временную форму причастия). Со спрягаемыми прилагательными употребляется только форма «-ль (н) моянгида». Например:

Пига оль моянгиеё.

Дождь-NOM идти-FUT PART наверное-COP-FIN

Наверное, пойдет дождь.

Говорящий приходит к данному выводу на основе, например, большого количества облаков на небе или по какой-либо другой причине. Таким образом, говорящий выражает предположение относительно пропозиции, основанное на собственном впечатлении.

Конструкция «-ль (н/нын) тысхада» формируется в результате присоединения вспомогательного прилагательного «тысхада» к причастной форме глагола действия (окончания «-ль (н/нын)») указывают на временную форму причастия). Со спрягаемыми прилагательными употребляется только форма «-ль (н) тысхада». Например:

Чигым чибе амудо обсылъ тысхамнида.

Сейчас дом-DAT никто нет- FUT PART наверное-FIN

Вероятно, сейчас дома никого нет.

Специфика семантики инференциальности, по мнению Н.А. Козинцевой, состоит в том, что говорящий наблюдает определенные явления в конкретной ситуации, которые он, исходя из общих соображений, возводит к их причине, которая и оказывается сообщаемым фактом. При этом подчеркивается предположительный характер этого факта. Восстановление ситуации происходит в результате логического вывода, основанного на собственном восприятии говорящим данной ситуации. В результате хозяином информации (логического вывода), заключенной в сообщении, является сам говорящий, полностью или частично, и при этом информация заведомо неполна. Говорящий сам не являлся свидетелем описываемой ситуации. В полном смысле слова хозяина информации вообще нет. Инференция предполагает мыслительное усилие, устанавливающее причинно-следственные связи [Козинцева 2007 : 87].

2.2. Гипотетическое или предположительное наклонение

Основным значением форм данного типа является не источник информации, а выраже-

ние предположительной оценки говорящего. Говорящий выражает свое субъективное мнение о вероятности события в прошлом, настоящем или будущем. Так как прямых данных о реальном положении вещей у говорящего нет, семантика включает компонент неуверенности в утверждаемом. Говорящий может прогнозировать вероятность некоторой ситуации, о наличии которой у него (в настоящем, прошлом или будущем) нет достоверных сведений.

Говорящий высказывает свое мнение-полагание, что указывает на связь суждения с его автором. Оно выражается тогда, когда говорящий делится собственным ощущением ситуации, которое может быть неверным, но, как правило, имеет под собой некоторые основания.

В корейском языке данное значение выражается с помощью формы «-ль (н/нын) кос катха», которая образуется в результате присоединения служебного существительного «кос» и служебного прилагательного «катха» к причастной форме глагола действия (окончания «-ль (н/нын)»), указывают на временную форму причастия. Со спрягаемыми прилагательными употребляется только форма «-ль (н) кос катха». Например:

Нальссига чуун кос катхаё.

Погода-NOM холодная-ATR кажется-AUX-FIN

Погода, кажется, холодная.

Вероятно, глядя за окно, говорящий видит тепло одетых людей. По своему опыту он знает, что такое холодная погода. Отсюда он предполагает, что, вероятнее всего, погода холодная.

3. Косвенная опосредованная эвиденциальность – заочное или пересказывательное наклонение (цитатив)

Пересказывательное значение выделяется в тех случаях, когда интересующая нас форма выражает, что сообщение говорящего основано на информации, переданной другим лицом – хозяином информации, то есть имел место промежуточный акт коммуникации [Козинцева, 2007 : 19].

В рамках эвиденциальности цитатив выражает чужую пересказанную информацию. Вследствие этого, по мнению Р. Ницоловой, цитатив выражает дистанцированность, связанную с отсутствием оценки истинности

пропозиции со стороны говорящего, так как передается оценка истинности пропозиции другим лицом. В грамматическое значение цитатива не входит выражение сомнения относительно истинности пропозиции [Ницолова, 2007 : 154].

Цитатив, как правило, используется в повествовательных предложениях, но встречаются случаи его употребления и в вопросительных предложениях: если говорящий задает вопрос по поручению другого человека (то есть «пересказывается» иллюкутивная сила высказывания) или если говорящий предполагает, что собеседник сам знает ответ с чужих слов [Гусев, 2007 : 437–438].

В корейском языке пересказывательность может быть прямой (прямое цитирование слов чужой речи) и косвенной (пересказывание слов чужой речи). Для оформления прямой пересказывательности в корейском языке используется аналитическая форма «-та(ра)го глагол речи», которая следует после самой цитаты (прямой или косвенной), образуя сложноподчиненное предложение. Данная форма состоит из окончания повествовательной целеустановки «-та(ра)», цитативной частицы «-ко» и глагола речи (*говорить, спрашивать, приказывать, думать* и т.п., чаще всего глагол речи заменяет служебный глагол «хада»). Эта форма входит в модальную рамку высказывания. Например:

Омонинын аиеге «палли кара»раго мальхесста.

Мама-NOM ребенок-DAT «быстро иди-ИМП»QUOT-QPT- говорить-PRT-FIN

Мама сказала ребенку: «Иди быстро».

Для оформления косвенной пересказывательности в корейском языке используются цитативные показатели, которые дифференцируются в зависимости от цели высказывания, выраженного в цитируемой речи. Говорящий передает смысл высказывания другого лица, которое может быть повествовательным, повелительным, пригласительным или вопросительным.

Для передачи повествовательных высказываний используются цитативные показатели, которые восходят к показателям целеустановки, а именно: «-та» и «-ра», в вопросительных – «-ня», в повелительных – «-(ы)ра», в пригласительных – «-джа». Эти показатели используются в конструкции форм косвенной речи

(«-та (ра, джа, ня)го» глагол речи») или в составе финитных форм («-татогун», «-рамнида», «-тогаго» и др.). Например:

Омонинын аиеге палли караго мальхесста. Мама-NOM ребенок-DAT быстро идиQUOT-QPT – говорить-PRT-FIN

Мама сказала ребенку иди быстрее.

Одига апхыней.

Где-NOM больной-QUOT-FIN

Спрашивает, что(досл. где) болит.

Показатели цитатива «-та», «-ра» и «-ня» могут присоединяться к глаголам действия, спрягаемым прилагательным и глаголу-связке. Перед ними могут употребляться временные суффиксы, суффикс прогностического наклонения («-кесс-»), суффикс заочного (эвиденциального) наклонения («-то-»). Показатели «-(ы)ра» и «-джа» употребляются только с глаголами действия, присоединяясь непосредственно к основе.

Говорящий может указать на автора сообщения, однако в корейском языке, как правило, слова, принадлежащие другому лицу, могут быть переданы без специальной ссылки на автора (источник). Выбор цитативных форм сам по себе указывает на тот факт, что говорящий передает сведения, полученные из других рук. В некоторых случаях говорящий может цитировать и собственную речь.

Характерной межъязыковой особенностью грамматических показателей косвенной эвиденциальности является ограничение на сочетаемость с 1-м лицом. Н.А. Козинцева этот факт объясняет тем, что показатели косвенной эвиденциальности сигнализируют, что говорящий не является свидетелем описываемой ситуации в предложениях с 1-м лицом, это может означать, что говорящий имеет лишь опосредованную информацию о ситуации, участником которой он являлся [Козинцева, 1994 : 100].

Материал исследования сделать вывод о существовании в корейском языке категории эвиденциальности, грамматикализованной и маркированной четырехчленной системой, значения которой выражаются через формы очного или эвиденциального, заочного или пересказывательного, гипотетического или предположительного наклонений, наклонения видимого действия. Эвиденциальность представлена во всех временах, в двух типах целеустановки.

Условные обозначения

- ACC – винительный падеж
 ADM – адмиратив
 ADV – наречие
 ATR – атрибутивная форма
 AUX – вспомогательный глагол
 COP – связка
 DAT – дательный падеж
 EVID – эвиденциальность
 FIN – финитное окончание
 FUT – будущее время
 NOM – именительный падеж
 PART – причастие
 PR – настоящее время
 PST – прошедшее время
 PT – частица
 Q – цитативное окончание
 QPT – цитативная частица
 QUOT – цитация

Библиографический список

1. *Влодавская, Н.В.* Ирония и эвиденциальность [Электронный ресурс] / Н.В. Влодавская. – Режим доступа : www.dialog-21.ru.
2. *Гусев, В.Ю.* Эвиденциальность в нганасанском языке [Текст] / В.Ю. Гусев // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сб. ст. – СПб. : Наука, 2007. – С. 415 – 444.
3. *Козинцева, Н.А.* Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) [Текст] / Н.А. Козинцева // Вопросы языкознания. – 1994. – № 3. – С. 92–104.
4. *Козинцева, Н.А.* Типология категории засвидетельствованности [Текст] / Н.А. Козинцева // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сб. ст. – СПб.: Наука, 2007. – С. 6–36.
5. *Козинцева, Н.А.* Связи засвидетельствованности с другими семантическими категориями [Текст] / Н.А. Козинцева // Эвиденциальность в языках Европы и Азии : сб. ст. – СПб.: Наука, 2007. – С. 37–46.
6. *Козинцева, Н.А.* Косвенный источник информации в высказывании [Текст] / Н.А. Козинцева // Эвиденциальность в языках Европы и Азии : сб. ст. – СПб.: Наука, 2007. – С. 85–103.
7. *Корди, Е.Е.* Категория эвиденциальности во французском языке [Текст] / Е.Е. Корди // Эвиденциальность в языках Европы и Азии : сб. ст. – СПб. : Наука, 2007. – С. 253–291.
8. *Кузнецова, А.И.* Каким может быть статус эвиденциальности и ирреалиса? [Текст] / А.И. Кузнецова // Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. – М. : Гнозис, 2004. – С. 88–107.
9. *Мельчук, И.А.* Курс общей морфологии [Текст] / И.А. Мельчук. – Москва-Вена : Языки славянской культуры : Венский славистический альманах, 1998. – Т. 2.
10. *Ницолова, Р.* Модализованная эвиденциальная система болгарского языка [Текст] / Р. Ницолова // Эвиденциальность в языках Европы и Азии : сб. ст. – СПб. : Наука, 2007. – С. 107–196.
11. *Плунгян, В.А.* Общая морфология: Введение в проблематику [Текст] / В.А. Плунгян. – Изд. 2-е, испр. – М. : Едиториал УРСС, 2003.
12. *Сусов, А.А.* Многоуровневый анализ риторической структуры [Текст] / А.А. Сусов // Тверской лингвистический меридиан. Вып. 6. – 2006. – С. 23–54.
13. *Холодович, А.А.* Грамматика корейского языка [Текст] / А.А. Холодович. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1954.
14. *Храковский, В.С.* О соотношении эвиденциальности и эпистемической модальности [Текст] / В.С. Храковский // Материалы Второй конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (Санкт-Петербург, 3–5 ноября 2005г.). – СПб. : Наука, 2005. – С. 163–183.
15. *Храковский, В.С.* Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность [Текст] / В.С. Храковский // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сб. ст. – СПб. : Наука, 2007. – С. 600–632.
16. *Якобсон, Р.* О структуре русского глагола [Текст] / Р.О. Якобсон // Лингвистика XX века: система и структура языков: хрестоматия. – М. : Изд-во РУДН, 2004. – Ч. II. – С. 112–125.
17. *Bybee, J.L.* Morphology: a Study of the relation between meaning and form [Text] / J.L. Bybee. – John Benjamins Publishing Company, 1985.
18. *Chung, S.* Tense, aspect and mood [Text] / S. Chung, A. Timberlake // Grammatical Categories and The Lexicon. – Cambridge, 1985.
19. *Cinque, G.* Adverbs and functional heads: a cross-linguistic perspective [Text] / G. Cinque. – New York: Oxford University Press, 1999.
20. *Palmer, F.R.* Mood and Modality [Text] / F.R. Palmer. – Cambridge University Press, 2001.
21. *Oswalt, R. L.* The Evidential System of Kashaya. Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology [Text] / R.L. Oswalt. – Norwood, NJ, Ablex Publishing Corp., 1986.
22. *Willett, T.* A Cross-Linguistic Survey of the Grammaticization of Evidentiality [Text] / T. Willett // Studies in Language. – 12. – 1988. – P. 51–97.

*Е. А. Хамаева***О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
В КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВИСТИКАХ**

В статье рассматриваются проблемы современной ономастической терминологии в русской и китайской лингвистиках. Предпринята попытка провести сравнительный анализ, позволяющий выявить явления разночтения в истолковании некоторых терминов.

Ключевые слова: терминологическая система; терминообразование; имя нарицательное; имя собственное; ономастика; ономатология; антропонимика; имянаречение.

*Е.А. Khamaeva***ON CURRENT CONDITION OF ONOMASTIC TERMINOLOGY IN CHINESE
AND RUSSIAN LINGUISTICS**

The article reviews the problems of modern onomastic terminology in Russian and Chinese linguistics. There have been prior attempts to make a comparative analysis between both languages' onomastic terminology. As a result it turned out that the terminology in Russian and Chinese languages fails to meet the conditions of being monosemantic and systematic.

Key words: term system; term formation; common name; proper name; onomastics; onomatology; anthroponymics; naming.

Общеизвестно, что развитие любой науки всегда сопровождается формированием и совершенствованием терминологической системы, а становление новой науки может породить настоящий терминологический взрыв. Ономастика не является исключением в этом ряду. Как считает А. К. Матвеев, она отнюдь не новая наука, но имеет своеобразное положение среди гуманитарных знаний, не раз вызывавшее длительные дискуссии. Специфичность статуса собственных имен в языке и их многообразие повлияли на судьбы ономастической терминологии.

Отсутствие строго принятой и определенной системы в использовании терминов в научных трудах по ономастике характерно для большинства исследований. Существует немало работ, в которых дискутируется правомерность тех или иных терминов в ономастике английского, французского, немецкого, польского, русского и т.д. языков. Но, как ни странно, в этих спорах практически не участвуют лингвисты, представляющие страны восточных языков, таких, как японский, китайский, корейский и т.д. Информации об ономастике восточных языков настолько мало, что может возникнуть вопрос – возможно

ли вообще познакомиться с работами данного направления, не зная восточных языков. Как правильно подчеркнула А. В. Суперанская, «при глобализации научных знаний большим тормозом оказываются языковые барьеры и несогласованность используемых терминов» [Суперанская, 2009 : 59].

Между тем, китайский язык является одним из распространенных и древних на земле, и было бы интересно узнать, что представляет собой, например, китайская ономастическая наука на современном этапе, какие термины она использует, в чем их отличия и сходства с европейскими.

В связи с этим представляется актуальным осуществить сравнительный анализ отечественной и китайской ономастической терминологии. Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи: выявить современное состояние китайской ономастической лексики, осуществить ее анализ и сопоставление с отечественной терминологией.

Как показал предварительный анализ, терминологические дискуссии в ономастике часто посвящены «всего двум основным терминам – общему названию собственных имен и наименованию науки, которая их изучает»

[Матвеев, 2005 : 6]. В связи с этим представляется логичным начать рассмотрение именно с этих вопросов.

Описал существующую ситуацию в терминологии А. К. Матвеев в своей статье «Ономастика и ономатология». Автор призывает уточнить дефиниции термина ономастика, т.к. проведенный им анализ показал, что термин *ономастика* употребляется как в значении «раздел языкознания (раздел лексикологии), изучающий собственные имена», так и в значении «совокупность собственных имен». Кроме того, ученый обращает внимание на «употребление термина *ономастика* в значении *антропонимия* “совокупность антропонимов” и *антропонимика* “наука об антропонимах”» [Матвеев, 2005 : 7]. Исследователь считает, что термин *ономатология* является более подходящим для обозначения науки о собственных именах, нежели термин *ономастика*, которым предлагается называть совокупность собственных имен.

Исследователь в области ономастики М. Гарвалик разъясняет, что «... основные трудности, с которыми мы встречаемся при сопоставлении отдельных ономастических терминологий, связаны с использованием нескольких разных терминов для обозначения одного и того же явления или типа имен, с разным пониманием (содержанием) одного и того же термина в разных ономастических школах, а также с конкуренцией международных и отечественных терминов» [Гарвалик, 2007 : 6].

Неоднозначным лингвисты также считают термин *имя собственное*.

А. В. Суперанская полагает, «что истоки терминологической неясности восходят к неточному переводу в Западной Европе латинского термина **nomen proprium** и греческого **ὄνομα κέριον** (англ. proper name, фр. nom propre). У Аристотеля это означает “употребленный в основном, прямом, не переносном значении”, у Плутарха – “прилагаемый лишь к одному предмету”, т.е. так, как понимаем имя собственное мы. Латинское слово **proprium** имеет значения: 1. Собственный, свойственный; 2. Особенный; 3. Неотъемлемый, верный, надёжный. Для определения сути имени собственного важно второе значение, на языке Европы было переведено первое, т.е. “особо присущее индивиду, аутентичное, истинно названное”. Это не способствовало выявле-

нию таких важных свойств имени собственного, как **особое положение его в языке**, связь его с особым индивидуальным объектом, единичность ассоциации <имя – вещь>» [Суперанская, 2007 : 45–46].

По мнению А. К. Матвеева, «вполне очевидно, что термин *имя собственное* (*nomen proprium*), восходящий к античной традиции и противопоставляемый имени нарицательному (*nomen appellativum*), затрудняет определение места собственных имен в языке, поскольку ограничивает их мир пределами слова и, более того, существительных, что легко объяснить: для античных ученых языковая действительность замыкалась в рамках греческого и латинского – классических индоевропейских языков. Фактически же она несравнимо богаче...» [Матвеев, 2004 : 8].

«Даже “Словарь славянской лингвистической терминологии” (Прага, 1977, I : 237) представляет **имя собственное** как имя существительное, противопоставленное имени существительному нарицательному, игнорируя огромные массивы собственных имён, имеющих форму прилагательных и причастий, а также имена-фразы» [Суперанская, 2009 : 50].

Таким образом, «неустойчивость греческой терминологии и понятий, закрепленных за перечисленными терминами, проникла и в позднейшие европейские грамматики, затемняя суть явлений, обозначаемых указанными терминами [Суперанская, 1973 : 46].

Дискуссионность терминов *ономастика*, *имя собственное*, а также *антропонимика* в европейской лингвистике представляется очевидной. Интересной, на наш взгляд, может оказаться попытка рассмотрения ономастической терминологии в китайской лингвистике.

Ведь, по мнению А. В. Суперанской, необходима серьёзная целенаправленная терминологическая работа с привлечением ономастов разных стран для взаимного согласования иерархии понятий и их систем, чтобы работы учёных Востока стали понятными на Западе и чтобы идеи западных ономастов адекватно воспринимались на Востоке.

Анализ литературы показал, что специальных исследований в области китайской ономастики в российской лингвистике не производилось. Исключением можно считать не-

сколько работ, посвященных общему описанию антропонимической системы в китайском языке (М.В. Крюков), а также работу, описывающую вопросы функционирования и записи китайских имен в русскоязычном тексте (Л. Р. Концевич).

Анализ литературы на китайском языке свидетельствует о том, что на данный момент и в китайской лингвистике вопрос собственных имен является актуальным и дискуссионным. К такому выводу мы пришли, обнаружив значительные разночтения в толковании и использовании терминологии в трудах по китайской ономастике. Например, слова *антропонимика*, *ономастика*, *имянаречение* различные издания трактуют по-разному, в обиходе существует их несколько вариантов.

Термин *ономастика* в китайском языке представлен несколькими вариантами: *专名学 наука об именах собственных*, *ономастика*, *专有名词学 наука об именах собственных*, *ономастика*, *命名学 наука об именовании*, *ономастика* и даже *人名地名研究*, что означает *исследования в области именовании людей (антропонимов) и местностей (топонимов)*. На наш взгляд, варианты *专名学 наука об именах собственных*, *ономастика*, *专有名词学 наука об именах собственных*, *ономастика* являются наиболее удачными для обозначения науки, в ведении которой, как известно, находятся все имена собственные, а не только антропонимы и топонимы.

Рассмотрим их подробнее.

Первый термин *ономастика* (*专名学*) состоит из элементов *专名 имя собственное* и полусуффикса *学 наука*, образующего различные названия наук. Второй (*专有名词学*) составлен из трех элементов: *专有 монополюно владеть, иметь в монополюном владении; присваивать; монополюное обладание, исключительная собственность; исключительный, монополюный; собственный*, *名词 имя существительное* и *学 наука*.

Интересно, что термин *专名 имя собственное* также разложим на значащие элементы *专 специальный, отдельный, особый; особого назначения; в специальных целях* и *名 имя; название; наименование, слово*. Стоит отметить, что слово *名 имя; название; наименование, слово* в данном случае скорее означает *имя существительное, субстантивный, именной*. В итоге, китайский термин *专名 имя собствен-*

ное можно дословно перевести как *специальное, особое существительное*. А вариант *专有名词* как *монополюно присваиваемое собственное существительное*, т.к. *专有* означает *монополюно владеть; присваивать; исключительная собственность; исключительный, монополюный; собственный*. Это как раз к вопросу о неточном переводе латинского **nomēn propriūm** в европейские языки, когда в основу термина легло значение *собственный* вместо *особенный*.

Но, на наш взгляд, несмотря на некоторые несовпадения значений элементов, входящих в состав *专名学* и *专有名词学*, это один и тот же термин, представленный в полном и сокращенном виде.

Термин *命名学 наука об именовании, ономастика* состоит из элементов *命名 давать название (имя); называть, нарекать; именовать* и полусуффикса *学 наука*. Данный термин, на наш взгляд, более соотносится с термином *ономастиология* – *наука об обозначении, назывании, номинации* [Ахманова, 1966 : 288], *теория номинации* [ЛЭС, 1990 : 345] [Матвеев, 2005 : 9]. Данный факт можно подтвердить объектом исследования *命名学*, который представляет собой не имена собственные, а особенности процессов обозначения, называния, номинации.

Термин *антропонимика* в китайском языке обозначается словом *人名学*, который состоит из элементов *人名 собственное имя [человека]* и полусуффикса *学 наука*. Таким образом, вариант *人名学* на русский язык можно перевести как *наука об именах людей, антропонимика*. Однако наряду с этим термином в китайской научной литературе часто используют слово *姓名学*, которое означает *наука об именах и фамилиях*, *姓氏学 наука о фамилиях*, *命名学 наука об именовании, ономастика*, *取名学 наука об именовании*, *起名学 наука об именовании*.

Термин *人名学 наука об именах людей*, безусловно, лучше отражает сущность такой науки, как антропонимика, которая «изучает собственные именованья людей: имена личные, патронимы (отчества и иные именованья по отцу), фамилии, родовые имена, прозвища и псевдонимы (индивидуальные и групповые), криптонимы (скрывааемые имена)» [ЛЭС, 1990 : 36], а не только имена и фамилии.

Появление терминов *姓名学 наука об именах и фамилиях*, *姓氏学 наука о фамилиях* объективно можно объяснить тем фактом, что «антропонимическая модель китайцев включает два элемента: стоящую на первом месте фамилию, или наследственное имя (姓 *xìng*), и следующее за ним индивидуальное имя (名 *míng*)» [Крюков, 1986 : 164].

Интересно заметить, что в качестве термина *антропонимика* используются следующие три сходных между собой варианта: *命名学 наука об именовании*, *ономастика*, *取名学 наука об именовании*, *起名学 наука об именовании*.

Если с термином *命名学 наука об именовании*, *ономастика* мы более или менее разобрались, решив, что подходящим переводом на русский язык для него будет не *ономастика*, а *ономастиология* как *наука об обозначении, назывании, номинации* [Ахманова, 1966 : 288], то с различием терминов *取名学 наука об именовании*, *起名学 наука об именовании* все гораздо сложнее. Как видно, в состав терминов входят схожие по значению глаголы *取名 принимать имя; именоваться, называться; наименовать, назвать* и *起名 дать имя, наименовать*. Оба варианта близки друг другу и имеют широкий спектр применения, в частности, при наименовании людей и объектов (магазинов, торговых марок и т.д.), в отличие от глагола *命名 «давать название (имя); называть, нарекать; именовать»*, который часто соотносится с неодушевленными объектами.

Глагол *取*, входящий в состав термина *取名学*, имеет значение *взять, брать, получать, хватать*, объединяясь со словом *名 имя*, может переводиться как *взять себе имя, выбрать себе имя*. Получается, что в значение этого слова включена сема самостоятельного выполнения действия. Свидетельством этого можно считать употребление глагола *取* *взять, брать* с такими словами, как *笔名 псевдоним, 号 «кличка, прозвище»* и т.п. Дело в том, что в древнем Китае прозвища, псевдонимы могли выбираться самим носителем, в отличие от имени, которое определялось родственниками.

Глагол *起* в составе термина *起名学 наука об именовании* имеет значения *начинать; появиться на свет; основывать; родиться*. Возможно, что этот глагол, объединившись со

словом *名 имя*, понимается, как *начинать называть именем что-то новое, дать имя чему-то новому*.

Как бы то ни было, остается странным тот факт, что эти два термина, которые дословно можно перевести как *наука об именовании* используются по отношению к китайской антропонимике, а не, допустим, к ономастике.

Действительно, если мы в китайской литературе посмотрим то, что китайские авторы имеют в виду под значением слова *антропонимика*, возможно, станет ясна мотивировка этих терминов.

Анализ показал, что многие китайские авторы [Чжан Цзялин 张家林, 2002; Хуи Юань, 慧缘, 2002 и др.] под антропонимикой понимают некую науку о правильном именовании людей. В своих книгах под названием *起名学, 取名学* они указывают, например, на методы, по которым можно выбрать личные имена, интерпретируют их семантику. Получается, что объектом исследования данной науки являются не антропонимы, а особенности номинации, называния людей. И именно поэтому, возможно, появились такие термины с одинаковым переводом, как *起名学* и *取名学 наука об именовании (людей)*.

Кроме того, дискуссионным является различие и определение термина *имя собственное* и отнесение его к определенной части речи. Так, проведенный анализ явно показал, что и в китайской лингвистике так же, как и в европейской, имя собственное относится к разряду существительных, в ней «имя собственное как имя существительное противопоставлено имени существительному нарицательному» [Суперанская, 2009 : 50]. Так, если имя собственное по-китайски *专名 особое, специальное существительное*, то имя нарицательное – *普通名词*, что дословно означает *обыкновенное, обычное; простое имя существительное*. И это несмотря на то, что большинство китайских личных имен могут состоять из прилагательных, глаголов, местоимений, числительных и т.д., многие из них образуют имена-фразы.

Объяснение подобных явлений можно найти в обнаруженной А. В. Суперанской закономерности, присущей не только европейским языкам, а именно, «... любой языковой материал, вплоть до глагольного, включаясь в состав собственных имён, подвергается суб-

стантивации, а имя собственное, из скольких бы элементов оно ни состояло, занимает в предложении место существительного» [Суперанская, 2009 : 50]. Но в различных ономастических трудах эти проблемы не ставятся и не обсуждаются, хотя в них содержатся дискуссионные моменты, требующие прояснений и уточнений.

Итак, краткий экскурс в проблему, ограниченный пределами одной статьи, позволяет нам сделать следующие выводы.

Во-первых, существует корпус терминов в европейской и китайской ономастике, в которых со всей очевидностью обнаруживается их непроясненность, разночтения и произвольные толкования.

Во-вторых, сравнительный анализ китайской и отечественной ономастической терминологии показал, что основные ономастические понятия европейской лингвистики используются в китайском языке, но не осуществлены их систематизация, описание и уточнение. Как нам представляется, в китайской ономастике преимущественное развитие получили прикладные аспекты ономастики в виде рекомендаций по выбору, составлению имен. Теоретический же аспект ономастики, его исследовательское направление недостаточно представлены и требуют дальнейшей проработки.

В-третьих, обнаруживается некоторая закономерность, проявляющаяся в том, что, несмотря на вариативность используемой в российской и китайской ономастике терминологии, в качестве основного выбирается такой, который в наибольшей степени соответствует общему пониманию, принятому в лингвистиках многих стран, и таким образом проявляется тенденция к некоторой стандартизации терминов независимо от родного языка исследователя.

Несмотря на онтологические различия европейских и восточных языков, многие термины ономастической системы коррелируют между собой. Это можно объяснить, вероятно, трудностью перевода научных трудов по ономастике на китайский, язык с его древнейшей уникальной ономастической традицией уникальна. Но в то же время нужно признать, что существующий терминологический инструментарий – есть, в основном, результат в

китайском языкознании положения терминологической парадигмы европейских языков.

Библиографический список

1. *Ахманова, О.С.* Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова. – М.: [б.и.], 1966.
2. *Гарвалик, М.* К вопросу о современной ономастической терминологии [Текст] / М. Гарвалик // Вопросы ономастики. – 2007. – №4. – С. 5–13.
3. *Крюков, М. В.* Китайцы. Системы личных имен у народов мира [Текст] / М. В. Крюков. – М.: Наука, 1986.
4. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцева и др. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
5. *Матвеев, А. К.* Апология имени [Текст] / А. К. Матвеев // Вопросы ономастики. – 2004. – №1. – С. 7–13
6. *Матвеев, А. К.* Ономастика и ономатология: терминологический этюд [Текст] / А. К. Матвеев // Вопросы ономастики. – 2005. – №2. – С. 5–10.
7. *Суперанская, А.В.* Теория и методика ономастических исследований [Текст] / А. В. Суперанская, В. Э. Сталтмане, Н. В. Подольская, А. Х. Султанов. – М.: Наука, 1986.
8. *Суперанская, А.В.* Общая теория имени собственного [Текст] / А. В. Суперанская. – 2-е изд. – М.: Наука; ЛКИ, 2007.
9. *Суперанская, А.В.* Ономастика начала XXI века [Текст] / А. В. Суперанская. – М.: Советский писатель», 2009.
10. *慧缘.* 慧缘姓名学. 百花洲文艺出版社 (南昌市), 2002.
11. *张家林.* 起名学. 呼和浩特内蒙古人民出版社, 2002.

УДК 81.711
ББК 83.07

А.Н. Хохлов

О РАБОТЕ В.Н. РОГОВА НАД СОЗДАНИЕМ РУССКО-КИТАЙСКОГО СЛОВАРЯ В 50-х гг. XX в.

В статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с подготовкой русско-китайского словаря, его рецензированием и изданием.

Ключевые слова: китайско-русский словарь; В.Н. Рогов.

A. Khokhlov

V.ROGOV'S PREPARATION FOR COMPILING THE RUSSIAN-CHINESE DICTIONARY IN 50-S OF XX CENTURY

The article considers some issues concerning the preparation of the Russian-Chinese dictionary, its reviews and publication.

Key words: chinese-russian dictionary; V.N. Rogov.

Еще в период японо-китайской войны 1937–1945 гг. в связи с оказанием помощи СССР китайскому народу против вооруженной агрессии Японии наметились первые шаги к политическому, экономическому и культурному сближению между народами Китая и Советской России. В духовной сфере этот процесс проявился наиболее зримо в переводах произведений русской классики и распространении русского языка среди студентов учебных заведений, переехавших в Чунцин и другие города Юго-Западного Китая вслед за центральным правительством Китайской Республики.

Изучение русского языка в юго-западной части страны носило довольно ограниченный характер из-за экономических трудностей войны с Японией, стремившейся к насаждению своих порядков, ущемляющих интересы коренного китайского населения.

После образования КНР в октябре 1947 г. в связи с ростом политических, экономических и культурных связей с Советским Союзом и появлением тогда же Общества китайско-советской дружбы процесс духовного сближения народов двух соседних стран, ступивших на путь тесного делового сотрудничества, пошел более активно и масштабно, отчасти за счет активизации пропаганды русского языка в различных слоях тогдашнего китайского общества, ставшего в Китае главным иностранным языком в деле технического перевооружения этой страны с помощью советских

специалистов. Верными помощниками этих специалистов стали переводчики, в том числе приехавшие из Советской России, принявшие призыв китайской интеллигенции относительно более широкой и целенаправленной организации массовой кампании по овладению русским языком в филологических, специальных вузах и языковых группах, организуемых центральными и местными организациями Общества китайско-советской дружбы. Среди приехавших в Китай было немало молодых талантливых Китаистов, однако не каждый мог заняться столь сложной и кропотливой работой, какая требовалась при составлении того или иного словаря. Лишь некоторые наиболее опытные лексикографы могли взяться за подготовку словаря, и среди них оказался известный Китаист-журналист Владимир Николаевич Рогов (1906–1988), выпускник Московского института востоковедения, получивший отличную языковую практику во время работы на КВЖД, а затем в период японо-китайской войны, когда ему довелось выполнять обязанности корреспондента ТАСС в Шанхае в годы японской оккупации (см.: [Хохлов, 2007]). После образования КНР ему пришла мысль составить словарь, столь необходимый для распространения русского языка для переводов произведений русской классики на китайский язык и переводов произведений известного китайского писателя Лу Синя на русский язык. О том, насколько тща-

тельно и скрупулезно велась работа по составлению указанного словаря, позволяет судить переписка В.Н. Рогова с членом редакции выходившего в Шанхае журнала «Шидай» русским эмигрантом Ю.А. Штраусом, активным участником работы по составлению русско-китайского словаря до и после отъезда советского журналиста на Родину в 1951 г.¹, приводимая ниже.

1. В.Н. Рогов — Ю.А. Штраусу (25 июля 1950 г., Пекин):

«Прежде всего, посылаю Вам выписку из постановления Правления издательства.

... Самое главное заключается в том, что и составление и издание нашего словаря ведется кустарным способом при очень небольшом аппарате работников и при довольно низкой полиграфической технике... Пожалуй, это единственный словарь, составляемый в наше время не по карточкам, как это теперь обычно делается, а старинным способом — при помощи рукописей [касающихся] отдельных букв. Может быть, В.И. Даль уже мучился от этой старомодной системы, и после 40 лет работы над “Толковым словарем живого великорусского языка” пришел к выводу, что словари должны составляться по карточкам.

И всё же мы не можем перепрыгнуть наши скудные возможности. Со всеми этими обстоя-

тельствами приходится мириться и работать методами прошлого столетия...

Время от времени я буду Вам пересылать напечатанные на отдельных листах термины и отдельные примеры, относящиеся к разным буквам. Вместе с тов. Гу Юн-чжуном Вы сразу вносите их в рукописи и в гранки уже набранных букв. Это новое мероприятие мы ввели потому, что критика, которой были встречены первые две буквы нашего словаря, главным образом сводится к тому, что у нас в словаре мало или недостаточно современной политической, юридической, исторической и философской терминологии...

Посылаю Вам копию одного из отзывов, который я получил в Пекине. Это письмо от профессора русского языка в Пекинском университете Лю Цзэ-жуна, который в настоящее время по поручению китайского правительства приступил к переводу на китайский язык всех четырех томов “Толкового словаря русского языка” Д.Н. Ушакова. Должен с радостью отметить, что вообще все отзывы, которые получил [я] на первые две буквы, очень положительные. Конечно, есть и указания на наши ошибки, но лучше получить их раньше, чем после того, как словарь будет издан. Одно общее мнение во всех отзывах, и оно очень кратко: “Кончайте Ваш словарь!”

Мы решили закончить составление и редактирование нашего словаря не позднее 1 января 1951 г. ... Теперь нужно подумать над тем, как нам нужно работать в оставшиеся пять месяцев» (РГАЛИ, ф. 2266, оп. 1, ед. хр. 15, л. 26–28).

2. Из письма профессора русского языка в Пекинском университете Лю Цзэ-жуна от 14 июля 1950 г., полученного В.Н. Роговым:

«Поздравляю Вас с близким завершением Вашего многолетнего труда по составлению словаря. По своему прошлому, неудачному, прерванному нашествием японцев, опыту вполне согласен с Вашим определением подобного труда, как “очень интересного, но очень мучительного”. Тем большее удовлетворение Вы должны испытывать теперь, когда доводите свою работу уже к завершению.

Я в эти дни очень занят — имею чрезвычайно мало свободного времени. Тем не менее я посвятил несколько часов беглому ознакомлению с любезно присланными Вашими гранками букв “А” и “Б” Вашего словаря.

1. Ближайшим помощником В.Н. Рогова в подготовке русско-китайского словаря был журналист Юрий Адольфович Штраус (1892–1963), работавший в течение более 40 лет в различных русских газетах России и Китая. Свою трудовую деятельность в периодической печати он начал в 1907 г. в газете «Голос Москвы». В 1908 г. он состоял корреспондентом петербургской газеты «Новое время» в Тегеране. В 1909–1915 гг. его литературным сотрудничеством отмечены публикации газеты «Раннее утро», «Русское слово», «Утро России». В 1918–1919 гг. он, находясь в Омске, был мобилизован правительством Колчака для работы в газете «Русская армия». В 1919–1921 гг. его корреспонденции появились в газетах «Новый путь» (Владивосток) и «Уссурийский гудок». В 1921 г. он переезжает в Харбин, где до 1937 г. активно работает в местных русских газетах и журналах. В последующие годы жизни его литературная работа проходит в Тяньцзине и Шанхае, важных центрах российской эмиграции. В 1914–1946 гг. он издает журнал «Сегодня», а с 1943 по 1955 г. работает в Шанхайском отделении издательства «Эпоха» (Шидай), после чего в 1955 г. уезжает в СССР. Как русский эмигрант он с 1918 по 1929 г. жил по паспорту П.В. Машукова, на основе которого ему выдавались разного рода служебные справки и удостоверения. После смерти его архив поступил в РГАЛИ от вдовы журналиста, занявшегося изучением деятельности издательства «Шидай» по совету В.Н. Рогова, о чем свидетельствуют его письма к своему бывшему руководителю и сослуживцу в Шанхае.

Впечатление очень хорошее. Видна очень большая работа, проделанная Вами. Насколько можно судить по данным гранкам, это будет словарь, я бы сказал, “среднего объёма”. В нем должно быть больше материала, чем в вышедшем в прошлом году словаре Го Цзиньтяня. Да и словарный материал разработан в Вашем словаре полнее. Ваш словарь должен удовлетворить запросам не только начинающих учиться русскому языку, но и переводчиков литературы неспециального характера. *Очень интересен данный Вами перевод многих пословиц и поговорок. Видно, что в этом направлении Вами была проведена специальная работа»* (РГАЛИ, ф. 2266, оп. 1, ед. хр. 15, л. 29).

3. В.Н. Рогов — Ю.А. Штраусу (6 июня 1950 г., Пекин):

«Новостей в Пекине нет. На этой неделе получили всю типографию из Тяньцзиня. С 1 июля откроем типографию “Эпохи” в Пекине с большим русским отделом. В Шанхае Русский отдел типографии будет [существовать] до тех пор, пока не кончим словарь...» (РГАЛИ, ф. 226, оп. 1, ед. хр. 15, л. 19).

4. В.Н. Рогов — Ю.А. Штраусу (28 июня 1950 г., Пекин):

«Мне нужно срочно сказать Вам следующее:

1) размер [нашего, русско-китайского] словаря [определен] как словарь академический Обнорского, т.е. такой же, как словарь Смирницкого. При наших узких гранках поле к ребру книги и наружные поля будут шире» (РГАЛИ, ф. 2266, оп. 1, ед. хр. 15, л. 20).

5. В.Н. Рогов — Ю.А. Штраусу (24 октября 1950 г., Пекин):

«Сообщаю Вам, что все рукописи, [касающиеся] букв “Б” и “В” мною после просмотра возвращены тов. Цзян Чунь-фану [редактору журнала “Шидай”].

Мне удалось окончательно согласовать с китайскими товарищами порядок работы над редактированием и изданием словаря, который я Вам посылаю на отдельном листе.

Вот пока всё перед тем, как я засяду за большое письмо к Вам.

С товарищеским приветом Вл. Рогов
[P.S.] Тов. Жилин и Блосфельд шлют Вам привет» (РГАЛИ, ф. 2266, оп. 1, ед. хр. 15, л. 35).

6. В.Н. Рогов — Ю.А. Штраусу (30 октября 1950 г., Пекин)

«Буквы “И” и “К” [следует] начинать набором после отливки бумажных матриц “А” и “Б”. Прошу Вас гранки набора делать на более широких листах, чтобы можно было уместить дополнения и поправки.

Да, конечно, [у нас] XIX век! Мы слабы технически, но еще более мы слабы грамотными людьми. Имейте в виду, что у нас больше всего работают китайцы. У них знание русского языка [чаще всего] книжное, [поэтому] живой русский язык они не чувствуют. [У Вас] тяжелая работа, но ее нужно довести до конца.

Прошу также выяснить, вставляются ли юридические термины на правах дополнений? И дополнения из моего письма? Всё это нужно вставить [в словарь]! Непременно. Мне можно не присылать гранки с этими дополнениями.

Пока всё. Жму руку. Вл. Рогов» (РГАЛИ, ф. 2266, оп. 1, ед. хр. 15, л. 36).

7. В.Н. Рогов — Ю.А. Штраусу (31 января 1951 г., Пекин):

«О Вашей работе по словарю я должен сказать, что она очень важная, совершенно необходимая и лично я её высоко ценю. Кроме того, Ваша работа значительно облегчает мою работу как редактора словаря. Прошу Вас, невзирая ни на что, продолжать Ваше дело и по-прежнему вгрызаться в каждую мелочь...

Относительно медленных темпов работы я также, как и прежде, считаю, что “сие от нас не зависит”, а зависит исключительно от китайских товарищей, прежде всего от тов. Цзян Чунь-фана, который очень перегружен [посторонней] работой.

Ваши опасения относительно того, что я уеду раньше, чем мы кончим составлять словарь, беспричинны. Лично я заинтересован [скорее] закончить составление словаря, а уже потом домой! Я на словарь затратил больше трех лет. Неужели придется бросать его незаконченным? Даже в мыслях представить себе такое страшно!

По вопросу о визе для [Вашего] отъезда на Родину могу сказать, что сейчас этот вопрос ставить несвоевременно. Пока не кончится война в Корее, вряд ли этот вопрос может решиться. Мне кажется, что вот как раз после окончания всех работ по словарю и придет такое время, когда начнут выдавать визы. Тог-

да можно будет пожелать Вам счастливого пути...

У нас в Пекине хорошо, тихо, [стоит] приятная погода. Готовимся праздновать [китайский] Новый год. После Нового года я собираюсь ехать в провинцию Хубэй и в Ханькоу. Пробуду там две недели...

Желаю Вам здоровья и успеха. Жму руку. Ваш Вл. Рогов» (РГАЛИ, ф. 2266, оп. 1, ед. хр. 15, л. 37).

8. В.Н. Рогов — Цзян Чунь-фану (10 марта 1951 г., Пекин):

«В заключение я хочу поставить вопрос о том, что пора уже приступить к составлению вводной статьи к словарю, в которой необходимо будет пояснить, во-первых, принципы, на которых наш словарь построен, и во-вторых, — как пользоваться словарем. Я думаю, что нужно одновременно поручить это дело гг. Гу Юн-чжуну и Штраусу, а потом сравнить, что они напишут, и составить окончательный текст. Какое Ваше мнение?

Гранки буквы “А” с окончательным моим утверждением, вышло в понедельник, 12 марта» (РГАЛИ, ф. 2266, оп. 1, ед. хр. 15, л. 41–42).

9. В.Н. Рогов — Ю.А. Штраусу (12 апреля 1951 г., Пекин):

«10 мая я, вероятно, на две-три недели уеду из Пекина на р. Хуайхэ посмотреть, как ведется там строительство огромных гидротехнических сооружений... Имея это в виду, я хотел бы получить от Вас для окончательного “о кей” сверстанные гранки букв “Б” и “В” с тем, чтобы нам поскорее иметь окончательные оттиски первых нескольких букв [словаря], причем чем скорее, тем лучше для отправки их в Москву. Так что присылайте гранки, задерживать и делать много новых дополнений не буду...

У нас в Пекинском отделении ТАСС перемен пока еще нет. Приехали два [новых] сотрудника зам. зав. Отделением В.С. Пименов и корреспондент ТАСС Н.И. Крынкин. Мне обещано, что я вскоре могу вернуться домой, но когда это будет, пока не решено...

Из пекинских новостей: Леонов [издававший английский бюллетень] уехал. На днях состоялась ... свадьба В.А. Жилина. Он теперь живет в особняке, в котором раньше жил Леонов. [Здесь] дуют неприятные песчаные ветра. Всё еще холодно, но кругом чувствует

весна...» (РГАЛИ, ф. 2266, оп. 1, ед. хр. 15, л. 44).

10. В.Н. Рогов — Ю.А. Штраусу (10 июня 1951 г., ст. Маньчжурия):

«Как видите, пишу я Вам со станции Маньчжурия. Завтра будем в СССР. Доехали мы вместе с Михаилом Федоровичем вполне благополучно. В самый день отъезда я получил Ваше письмо от 24 мая...

Хороший человек, преданный [любимому делу] работник даже и при отсутствии хорошей окружающей обстановки может хорошо работать. Дело в том, что, к сожалению, в каждом из нас всё еще сидит корявое “Я”. На всё мы смотрим через это корявое “Я”, и, если нам приходится туго, то тоже из-за него. [У нас] о человеке судят по работе, человеку многое прощают, если он хороший работник, человека возвеличивают, если он преданный [своей профессии] труженник, работает с любовью и достигает больших успехов...

Разговорился я. Это, видно, потому, что сейчас такой тихий вечер, и мне не нужно куда торопиться. *Теперь о делах. Опять нет пока необходимости разъяснять китайским товарищам значение Вашей работы.* Они это понимают... *Прошу Вас продолжайте эту важную работу с тем же вниманием и ответственностью, как и прежде.* Перед отъездом [из Пекина] я говорил с тов. Цзян Чунь-фаном о дальнейшей работе над словарем, а также о Вашей роли. В частности, Вам придется досоставить недостающие четыре буквы Ч, Ш, Э, Ю. Вы будете у нас главным корректором, а [когда] дело подойдет к изданию [словаря], так, может быть, и техническим редактором. В связи с этим Цзян Чунь-фан обещал увеличить Вам зарплату. Мы договорились, что ко мне в Москву Вы будете присылать два-три экземпляра гранок, сверстанных в листах. Я буду их показывать в Москве специалистам и после просмотра подписывать их к изготовлению матриц. Все материалы мне нужно пересылать через Пекин (через тов. В.А. Жилина), а из Пекина авиапочтой [в Москву]. Тот же порядок будет и для моей Вам корреспонденции. Нечего и говорить, что каждый раз нужно будет подтверждать получение ответственных материалов хотя бы коротко.

Ваша дальнейшая работа над словарем должна проходить под руководством тов. Цзя-

на. Он — изумительный человек, насколько молчалив, настолько же и отзывчивый.

Очень прошу Вас в [нашей] работе считаться с двумя обстоятельствами: первое — наши китайские товарищи исключительно перегружены [разной] работой и второе — вообще у китайских товарищей совершенно не такой темп и стиль работы, как у нас, у советских. Это Вам очень важно всё время иметь в виду и не нервничать попусту.

Вот и всё о делах.

Радости моей нет границ. Трудно себе представить, что через девять дней я буду в Москве... Между прочим, нашими первыми признаками приближения к Родине были харбинские бублики, совершенно такие же, какие мой дедушка привозил с базара, и на ст. Барим в первый раз за многие годы [я] увидел ландыш. Не шанхайский ландыш без запаха, а наш лесной ландыш с тонким ароматом подлинной нежности. Я не удержался и как девица купил у русского паренька большой букет...

Желаю Вам всего хорошего. Пишите и главное продолжайте Вашу важную работу над словарем.

Передайте привет нашему молчаливому певцу Валентину Павловичу [Жилину].

С товарищеским приветом, Вл. Рогов» (РГАЛИ, ф. 2266, оп. 1, ед. хр. 15, л. 47–48).

К сожалению, с отъездом В.Н. Рогова в 1951 г. в СССР на последующей подготовке данного важного пособия для овладения русским языком негативно сказались политические кампании в КНР, помешавшие окончанию работы над упомянутым словарем, столь необходимым для дальнейшего распространения русского языка среди китайского населения. По словам одного китайца, сотрудника издательства «Шидай» в Шанхае (переданным с большим опозданием В.Н. Рогову через Ю.А. Штрауса), частично подготовленный типографский набор для словаря был фактически уничтожен после общественного осуждения нового редактора, обвиненного в «коррупции» в период кампании борьбы «с пятью злоупотреблениями» — «У-фань». Помимо указанного факта в этой истории можно найти другие ее подробности в письмах Ю.А. Штрауса, пожелавшего оставить мемуары о своем пребывании в Шанхае. Об этом позволяет судить приводимое ниже его письмо от

10 сентября 1962 г., отправленное В.Н. Рогову из г. Александров: «Не получив ответа на свое письмо от 15 августа, я понял это как молчаливое одобрение своих рабочих планов. К сожалению, по возвращении домой был схвачен гриппом, продержавшим меня свыше недели в кровати. В дальнейшем приступил к поискам остатков следов имущества “Эпохи” [“Шидай”]. Результаты их при сем прилагаю.

Возможно, эти три странички не исчерпывают намеченной Вами темы, но это пока всё, чем я располагаю».

Более интересно своей конкретикой приводимое ниже другое письмо Ю.А. Штрауса от 17 сентября 1962 г., в котором сообщалось:

«Вчера получил Ваше письмо от 13 сентября. Благодарю за любезное доверие. При складывающихся условиях уверен, что воспоминания об издательстве “Эпоха” получатся. Даже несколько открытых данных о сроках Вашей работы... в издательстве делают предстоящую мне работу много яснее, не говоря уже о характере Ваших 8-ми вопросов... Считаю возможным сказать, что прошедшая у меня на глазах жизнь издательства после передачи его КНР, с первых дней до моего отъезда из Шанхая (15 апреля 1955 г.) может ярко подтвердить, какое большое значение имело для наших китайских товарищей незримо политическое воспитание [со стороны] советского руководства, а отсюда недалеко до одного из основных факторов советско-китайской дружбы.

В настоящий момент отвечу на Ваши 8 вопросов лишь в общих чертах, т.к. более основательное пояснение последует в дальнейшем, может быть, уже в виде фрагментов всей намечаемой мною работы.

1. И Дэн-шан появился в издательстве в марте 1953 г. Предстоит уточнить, откуда: из Пекина или Москвы. Вернее [всего] из Москвы, т.к. там он в свое время выпустил учебник русского языка совместно с товарищем... забыл его имя, но Вы, вероятно, знаете, о ком идет речь, поскольку таких учебников было немного...

Он представился как новый директор издательства. С ним был помощник, который вскоре остался в качестве руководителя Шанхайского отделения, а И Дэн-шан уехал в Пекин, где как будто возглавил Правление “Эпохи”. По крайней мере я имею его личное письмо

с приложением личной печати, рисунок которой прилагаю.

Внешне И Дэн-шан был человеком среднего роста, полным, но в меру. [У него] живое, умное лицо. Возраст (Вы знаете, как трудно определить возраст китайских товарищей) на вид между 30-ю и 45-ю, примерно 40 лет. Фото его помощника, данное мне при прощании... прилагаю. На обороте его имя. Рядом с ним стоит жена. Между прочим он был любопытный человек. У И Дэн-шана жена — русская. В Пекине она была старшей сестрой-хозяйкой в советском госпитале, который мы, кажется, и строили. Фото сохраните для меня.

2. Буртасовские, мать и дочь, были наборщицами в русской типографии, находившейся еще в помещении на “Лав лайн” (напротив были “приюты любви”), откуда перешли вместе со всеми на [улицу] Чэнду-род.

3. Бывший управляющий магазином на Нанкин-род тов. Ван после отъезда И Дэн-шана и его помощника в Пекин (последний позже вернулся) управлял всеми делами в Шанхае. Когда началась известная Вам кампания борьбы против “пяти зол” (У-фань)... Ван был уличен во множестве злоупотреблений. Процесс против Вана проходил в стенах “Эпохи”, в помещении типографии “Ваньли” и в помещении на Авеню Жоффр... Вана простили (он вернул все причиненные им убытки), но его весьма понизили [в должности]. При мне он работал в конторе на Авеню Жоффр в качестве мелкого клерка...

7. Как Вы работали в издательстве “Эпоха” после передачи ее китайским друзьям в июне 1955 г.? и

8. Какова судьба нашего словаря?... С горечью вспоминаю дни, когда до меня доходили сведения о намечаемом его уничтожении (в металлическом виде матриц с готовыми страницами). Гранки до буквы “С” включительно, возможно, сохранились у моего китайского ученика (в Шанхае), которому я подарил их при прощании... Между прочим у меня где-то в фотоархиве есть снимок: Вы с кем-то стоите возле памятника Пушкину в Шанхае. Надо поискать. Это и в самом деле яркая страничка прошлого...

Если это письмо застанет Вас в Москве, обязательно пришлите мне, если можете, адрес останков “Эпохи” в Пекине. Я хотел бы обменяться парой строк с сестрами Сьюй, и

может быть с Е Шоу-фу. И поймите в виду, что мой ученик в Шанхае, которому я помогаю в работе и сейчас в переводах с русского на китайский и поддерживаю дружескую переписку) охотно наведет для меня [и Вас] всякую справку в Шанхае. Он прилично владеет русским языком и хорошо английским (жена пишет ему по-английски).

Ну, пока всё. *Счастливым Вы человек, которому судьба сохранила крылья. У меня же они, по-видимому, основательно подрезаны. Счастливого пути и всего доброго»* (РГАЛИ, ф. 2266, оп. 1, ед. хр. 10, л. 1–5).

Библиографический список

1. Хохлов, А.Н. Журналист-китаист В.Н. Рогов в Китае в период антияпонской войны 1937–1945 гг. [Текст] / А.Н. Хохлов // «Восточный архив». – 16. – 2007.

УДК 821.512.31
 Ш 152
 ББК 83.3 (2 Рос.Бур)

А.Б. Шагдарова

**ВОЗМОЖНОСТИ ПЕРЕВОДА ВТОРИЧНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ С РУССКОГО
 ЯЗЫКА НА БУРЯТСКИЙ
 (НА ПРИМЕРЕ ОЧЕРКА М. ГОРЬКОГО «В.И. ЛЕНИН»)**

Несмотря на то, что в постсоветский период Ленин и Горький подвергаются критике, никто не отрицает того факта, что они оставили глубокий след в мировой культуре, и как их произведения, так и переводы их на многие языки планеты должны изучаться. В статье показаны способы передачи на бурятский язык вторичных значений слов в очерке Горького «В.И. Ленин».

Ключевые слова: перевод; переводчик; бурятский язык; вторичные значения; сверхфразовое единство; словарь; языковые средства.

A.B. Shagdarova

**SECONDARY NOMINATIONS' TRANSMISSION WAYS IN M. GORKY'S «V.I.
 LENIN» TRANSLATED IN BURYAT BY G. CHIMITOV**

Though Lenin and Gorky have been criticized in post soviet period, there are few observers who deny their significance in the world culture and the fact that their works and translations in many languages are worth to be studied. The article concerns the ways of transition of the secondary nominations in Buryat in Gorky's «V.I. Lenin» regarding them as parts of extra-phrasal units.

Key words: translation; interpreter; buryat language; secondary nominations extra-phrasal units; vocabulary; language tools.

В советский период очерк М. Горького «В.И. Ленин» считался одним из лучших произведений в лениниане. В постсоветский период как В. Ленин, так и М. Горький стали подвергаться критике, и этот очерк перестал включаться в учебные хрестоматии. Основное обвинение В. Ленину состоит в том, что он явился одним из основателей тоталитарного государства, появившегося в результате насильственного переворота, и что новая власть жестоко расправлялась с инакомыслящими.

Понимание морали у М. Горького и других писателей подчинилось «классовому принципу», разработанному В. Лениным. С точки зрения коммунистической морали нравственно, морально лишь то, что способствует уничтожению старого мира, эксплуатации и нищеты, что укрепляет новый, социалистический строй. «Неужели – возникает у нас теперь, в наши дни, вопрос – нет ничего в морали, что хоть как-то объединяло бы людей, пусть и классового, общества, не говоря уже о бесклассовом, ну хотя бы “Не убий”»? Оказывается (у этих авторов), нет и это-

го, и у Горького появляется его знаменитое “Если враг не сдается, его уничтожают!”. Совершенно очевидно что невозможно примирить это понимание морали с нравственным чувством современного русского человека и гражданина России вообще, а тем более навязать им это понимание. Оно должно быть отвергнуто» [Степанов, 2004 : 774].

Как бы ни оценивались ныне В. Ленин и М. Горький, никто не отрицает того факта, что они оставили глубокий след в мировой культуре. Их произведения переведены на многие языки планеты лучшими переводчиками. Одним из таковых является Г. Чилимов, заслуженный деятель культуры России и Бурятии, народный писатель, творчество которого приходится на 50-80-е годы прошлого столетия. Именно он перевел на бурятский язык очерк М. Горького В.И. Ленин.

С лингвистической точки зрения очерк М. Горького «В.И. Ленин» [Горький, 1971] представляет собой текст, который является наиболее крупной единицей анализа при изучении любо-

го языка. Текст – это целостное речевое произведение, в котором получил отражение определенный замысел его автора. Причем в лингвистике термин «текст» употребляется в узком и широком значениях. В первом значении под текстом имеется в виду группа предложений, объединенных в целое одной темой с помощью грамматических средств. Во втором значении под текстом понимаются такие произведения речетворчества, как роман, повесть, рассказ, очерк, газетная или журнальная статья, научная монография и т.д.

Основной единицей текста является сверхфразовое единство (СФЕ) – отрезок речи, объединяющий несколько предложений. В таком единстве смысл предложения в речи раскрывается наиболее полно в окружении других предложений, снимающих смысловую и синтаксическую неоднозначность, имеется возможность изучения языковых единиц, использованных во вторичных значениях. Связь между предложениями в СФЕ обеспечивается общностью заданной темы, повторной номинацией, местоимениями, разного рода параллелизмами.

Очерк М. Горького относится к публицистическому стилю, которому присущи употребление общественно-политической лексики, четкая авторская позиция, направленность содержания на ум и чувства читателя, стремление автора убедить его. Из типов речи в нем доминируют рассуждение и описание.

Как известно, многие слова в языке и речи имеют не одно, а два и более значений. При сравнении бурятского и русского языков обнаруживается, что слова в двух языках совпадают в своих прямых значениях, но разнятся в своих вторичных значениях, и это создает большие трудности для переводчиков.

В рамках данной статьи мы имеем возможность проанализировать СФЕ, в которых дается в основном внешняя характеристика автором героя своего очерка и в которых использованы некоторые слова во вторичных значениях.

М. Горький пишет: «Писать его портрет – трудно. Ленин, внешне, весь в словах, как рыба в чешуе. Был он прост и прям, как все, что говорилось им». В толковом словаре русского языка в слове «портрет» выделяются два значения: прямое – изображение человека на картине, фотографии, в скульптуре и переносное – художественное изображение, образ персонажа. Горький имеет в виду оба значения. РБС-54 в обоих случаях рекомендует заимствовать слово: 1) пи-

сать портрет с кого-либо *хэн нэгэнэй портрет зураха*; 2) яркий портрет главного героя романа *романай гол геройн тодо портрет* [РБС, 1954]. РБС-08, отвергая заимствования, дает только бурятский вариант *дүрэ, дүрэ зураг* (переводчик Н. Очиров) [РБС, 2008]. В бурятско-русских словарях дается лишь слово *портрет*, без бурятско-язычных синонимов и без примеров употребления. В то же время в РБС-54 для первого значения предусмотрены синонимы: *хүнэй зураг* (или *хүрэг*). Г. Чимитов решил воспользоваться этой возможностью и переводит указанное предложение так: *Тэрэнэй хүрэгые зураглаха гээшээ хүшэр хүндэ хэрэг*. В словаре К. Черемисова слово *хүрэг* переводится как «изображение»: *шулуун хүрэг, хүрэг шулуун* каменное изваяние [БРС, 1973]. В БРС-08 в качестве второго значения слова *хүрэг* дано «изваяние»: *шулуун хүрэг, хүрэг шулуун* каменное изваяние. А первым значением дано «изображение». При этом дается пояснение, в котором указано, что это слово имеет почтительный оттенок и им обозначались изображения буддийских иерархов, бодхисаттв: *далай ламын хүрэг бурхан соогоо хэжэ тахиha* изображение далай-ламы поместить в божнице и сделать предметом поклонения. Думается, что Г. Чимитов прав, остановившись для обозначения словосочетания «портрет Ленина» на слове *хүрэг*, а использованный им глагол *зураглаха* ‘обрисовывать, писать очерк’ дает возможность для переносного употребления. Из этого сочетания видно, что речь идет именно о словесном портрете, об описании наружности человека и его душевных качеств.

Сравнивая Ленина с рыбой в чешуе, как видно из перевода Г. Чимитова, М. Горький имел в виду, что простой и прямой Ленин весь проявляется в своих словах так же, как рыба сразу распознается по чешуе: *Загаһые хашарһаарнь танидагтал адли, Лениниие бүхыдэнь хэлэһэн үгөөрнь мэдэжэ абахаар* (досл. «Как рыбу узнают по чешуе, так и Ленин целиком распознается по его словам»). *Ленин, хэлэһэн хамаг бүхы үгэдөөл адли, тон юрын, эгээн сэхэ хүн юм*. Для естественности звучания переводчиком добавлены усилительные слова *тон, эгээн*, которые придают признакам высшую степень, не искажая основной мысли.

Ко вторичным значениям слова «простой» относятся «самый обыкновенный, не выделяющийся среди других, простой смертный, простые люди (трудовой народ)» и «добродушный,

простодушный, не церемонный, например, *He стесняйся его, он человек простой*». РБС-54 для этих значений предусматривает такие переводы: *простой* (*простодушный, нецеремонный*) *простой, хаар-һүүргүй, бааза, залан*; простой человек *простой хүн*; (обыкновенный, ничем не отличающийся) *юръезнэй, юрын, жишрэй*; простой смертный *юръезнэй хүн*. Из этих значений М. Горький, несомненно, имеет в виду первое из приведенных в РБС значений. Однако в переводе Г. Чимитова это слово употреблено во втором значении, что, на наш взгляд, искажает истинность оригинального текста. Предложенные РБС-54 переводы первого значения (*хаар-һүүргүй* и др.) являются сугубо разговорными (*бааза, залан, простой*) или устаревающими, редкоупотребительными (*хаар-һүүргүй*). Нам кажется, лучший вариант предложен в РБС-08 Н. Очировым: *харагүй, ёһорхуугүй; простой человек ёһорхуугүй хүн*. Таким образом, перевод в нашей редакции мог бы быть таким: *Ленинэй хүрэг дүрэ зураглаха гэшиэ хүшэр хүндэ хэрэг. Загаһые хашиарһаарнь танидагтал адли Лениниие бүхыдэнь хэлэһэн үгөөрнь мэдэхэр юм. Ленин хамаг бүхы хэлэһэн үгэдөөл адли ёһорхуугүй юрын, залан сэхэ хүн юм*. Поскольку в бурятском языке парные слова широко используются для приданию слову более общего значения, мы предложили использовать слово *хүрэг* в паре с *дүрэ*, слово *юрын* с *ёһорхуугүй*, слово *сэхэ* с *залан*.

М. Горький пишет о своем впечатлении от встречи с В. Лениным: «Я ожидал, что Ленин не таков. Мне чего-то не хватало в нем. Картавит и руку сунул куда-то под мышки, стоит фертом. И вообще, весь – как-то слишком прост, не чувствуется в нем ничего от “вождя”». Перевод Г. Чимитова: *Би Лениниие шимэ хүн гэжэ һанаагүй һэм. Нэгэ ондоохон лэ хүн байха гэжэ тухайлдаг байгаааб. Дуугархадаа шалишаран, хоер гараа һуга доогуураа хээд, ядагар юумэ байха юм. Юрэ хэлэхэдэ, тэрэ бүхыдөө нэгэ даншье һаа эгээлэй, «вождь» гэжэ һанахаар юумэ тэрээндэ огто үгы*. В целом, это, на наш взгляд, достаточно хороший, понятный перевод. Фразы звучат по-бурятски, буквализмов, портящих речь, нет. Связи между предложениями СФЕ не противоречат нормам бурятского языка. В порядке выдвигания своей версии мы предложили бы к некоторым словам и фразам варианты. Так, словосочетание *шимэ хүн гэжэ һанаагүй һэм* (букв. ‘я не думал, что он такой человек’) лучше передать

так: *Би Лениниие ондоо шэнгээр һанадаг байгаааб*, ибо в такой редакции исчезает некий негативный оттенок, ощущающийся в варианте перевода Г. Чимитова. «Мне чего-то не хватало в нем» переведено *нэгэ ондоохон лэ хүн байха гэжэ тухайлдаг байгаааб* (досл. ‘я предполагал его каким-то другим человеком’), что довольно сильно отходит от оригинала и не передает несколько переносного значения «не хватать» – ‘отсутствовать, не иметься (о нужном, необходимом или о недостаточном количестве чего-нибудь)’. Поэтому лучше эту фразу перевести более дословно: *Тэрээндэ нэгэ юунишеб дутуу шэнги байба*. Слово «картавит» переведено *дуугархадаа шалишаран*, между тем в бурятском языке *шалишаран*, по К. Черемисову, ‘шепелявый’, т.е. произносящий свистящие звуки (с, з) как шипящие (ш, ж). Слово же «картавит», по С. Ожегову, ‘с нечистым произношением некоторых звуков (например, «р», «л»)’. Именно это имеет в виду Горький. РБС-54 (переводчик Ц.Д. Цыбиков) рекомендует это слово перевести сочетаниями *татуу хэлэтэй, татуугаар дуугардаг*, однако К. Черемисов *татуу хэлэтэй* переводит как «косноязычный». Имеется еще слово *тальятаруу*, но оно в БРС-73 также переведено словом «шепелявый». Среди бурят не встречались люди с дефектом произношения звука «р», поэтому и соответствующего слова не было. В этой ситуации, нам кажется, лучше перевести его по смыслу в виде «р» *абья «г» шэнгээр үгүүлдэг*, т.е. произносит звук «р» наподобие «г».

Слово «ферт» отсутствует в русско-бурятских словарях. В словаре С. Ожегова и Н. Шведовой (1999) словосочетание «стоять фертом» квалифицируется как фразеологизм, означающий «стоять подбоченившись, так, что похоже на букву “ф”, развязно». Г. Чимитов перевел сочетание «стоит фертом» фразой *ядагар юумэ байха юм*. По К. Черемисову, *ядагар* – ‘стоящий торчмя, торчащий; точно аршин проглотил (о человеке)’, а в переносном значении ‘важный’: *ядагар юумэ һууха* ‘сидеть, важно выпрямившись’. Поскольку значение слова в данном случае полностью не выявляется, нам кажется, следует использовать образное слово *тэрхыхэ*, которое, по К. Черемисову, переносно означает ‘спесиво надуваться’. Соединяясь в одной фразе, слова *ядайха* ‘откидываться назад’ и *тэрхыхэ* могут более или менее адекватно передавать значение словоформы «фертом». В «Толковом словаре русского языка» [Ожегов, 1989] сказано: «ферт,

-а, м. 1. Старинное название буквы “Ф”. 2. Самодовольный и развязный человек, обычно франт (*прост.*).» Таким образом, содержащийся в данном слове негативный оттенок передается словом *тэрхыхэ*. Сохраняя в основе перевод Г. Чимитова, мы предложили бы такой вариант разбираемого СФЕ в нашей редакции: *Би Лениниие ондоо шэнгээр һанадаг байгааб. Харин мүнөө харахадам, тэрэндэ нэгэ юунишьеб дутуу шэнги байба. «Р» абяе «г» шэнгээр үгүүлнэ, хоёр гараа һуга доогуураа хээд, тэрхыжэ ядайшоод зогсоно. Юрэ хэлэхэдэ, тэрэ бүхыдөө нэгэ даншье һаа ёһорхуугүй юрын, «вождь» гэжэ һанахаар юумэ тэрэндэ огто үгы байба.*

После описания вычурного выступления Плеханова М. Горький описывает то, как выступает В. Ленин: «Но вот поспешно взошел на кафедру Владимир Ильич, картаво произнес “товарищи”. Мне показалось, что он плохо говорит, но уже через минуту я, как и все, был “поглощен” его речью. Первый раз слышал я, что о сложнейших вопросах политики можно говорить так просто». Перевод: *Одоо эндэ Владимир Ильич эндэр дээрэ яаралтайгаар гаража, «эрхим нүхэд» гэжэ шалшаранаар эхилбэ. Түрүүнишэгтээ Ленин үгэээ муугаар хэлэнэ гэжэ намда һанагдаа һэн. Байн би, мүн тэндэ һууһан бүхы хүнүүд мэтэ, тэрэнэй үгэдэ эзэлэгдэн, тон анхаралтайгаар шагнажа оробоб. Улас түрын байдалай орёо шухала асуудалнууд тушаа шимэ юрынхээр хүнэй хэлэхые би анха түрүүшынхией шагнабаб.*

Это синтаксическое целое в переводе построено по законам бурятского языка. Связи между предложениями естественны. Так, они связываются формами прошедшего времени изъявительного наклонения, к которым присоединены лично-предикативные частицы, указывающие на лицо субъекта. Однако наличествуют и небесспорные моменты. Так, вместо заимствованного слова «кафедра» употреблено слово *ендэр*, обозначающее трибуну. Впрочем, переводчика здесь можно понять, ибо он не хотел лишней раз употреблять второстепенное в данном контексте заимствование в случае, когда имеется бурятское слово, обозначающее близкий к данному заимствованному слову предмет. Сочетание *одоо эндэ* было бы уместно в случае, если речь шла о чем-то ожидаемом с нетерпением. Здесь такого оттенка нет. Автор лишь хотел обратить внимание на то, на чем должно быть сосредоточено внимание. С этой точки зрения, может быть, ближе к оригиналу было бы *тиин бай-*

тар. Вместо *яаралтайгаар* ‘спешно’, ‘срочно’ лучше бы употребить слово *бушуухан* со значением ‘быстро’, ‘проворно’, ибо такая сема наличествует в слове «поспешно»: *Тиин байтар Владимир Ильич эндэр дээрэ бушуухан гаража ерээд, «товарищи» гэжэ «р» абяе «г» шэнгээр үгүүлэн эхилбэ*. Переводчик употребил *эрхим нүхэдүүд* ‘глубокоуважаемые товарищи’, что не задано оригиналом. Предложение «Мне показалось, что он плохо говорит» переведено *Түрүүнишэгтээ Ленин үгэээ муугаар хэлэнэ гэжэ намда һанагдаа һэн*. Но в оригинале отсутствует слово «сначала». В литературном языке уже давно не употребляется устаревший составной термин *улас түрэ* в значении ‘политика’, слово «просто» употреблено со значением ‘легко, доступно пониманию’, что переводится *ойлгосотой тодоор*, а *юрынхээр*, употребленное Г. Чимитовым, означает ‘как обычно, обыденно, заурядно’. В целом мы могли бы предложить такую редакцию перевода данного СЦ (синтаксического целого): *Тиин байтар Владимир Ильич эндэр дээрэ бушуухан гаража, «товарищи» гэжэ, «р» абяе «г» шэнгээр үгүүлэн эхилбэ. Муугаар хэлэнэ гэжэ һанан алдатарая, тэрэ дары тэндэ һууһан бүхы хүнүүдтэл адли һанаа сэдьхэлни хэлэжэ байһан үгэдэнь дууһан эзэлэгдэшэбэ. Политикын айхабтар орёо асуудалнууд тушаа шимэ ойлгосотой тодоор хэлэжэ болохо юм гэжэ эндэ түрүүшынхээ харабаб.*

Далее дается описание того, как стоит В. Ленин на трибуне во время выступления, как он говорит: «Его рука, протянутая вперед и немного поднятая вверх, ладонь, которая как бы взвешивала каждое слово, отсеивая фразы противников, заменяя их вескими положениями, доказательствами права и долга рабочего класса идти своим путем, а не сзади и даже не рядом с либеральной буржуазией, – все это было необыкновенно и говорилось им, Лениным, как-то не от себя, а действительно по воле истории. Слитность, законченность, прямота и сила его речи, весь он на кафедре – точно произведение классического искусства: все есть, и ничего лишнего, никаких украшений, а если они были – их не видно, они так же естественно необходимы, как два глаза на лице, пять пальцев на руке». Перевод: *Урагшань сэхэ һунгажа, бага өөдэнь зааһан гарынь, эсэргүүсэгшэдэй хэлээн үгэнүүдтэ һөөргэдэн, тэдэнишень хүдэлмэришэн анги хадаа либеральна буржуазие дахахашье бэшиэ, мүн хажууданшье ябаха бэшиэ, харин өөрынгөө замаар дабша-*

ха эрхэ ба уялгыень гэршэлхэн арсашагүй няд гэмэ тодорхойлолтонуудаар нэлгэн, үгэ бүхэнише шэгнэжэ байһанишаг альганишинь, - эдэ бүгэдэ яаха аргагүй юрэ бусын шэнжэтэй нэн. Эдэ бүгэдые Ленин өөрөө хэлэжэ байһан шэнги бэшиэ, харин үнэхөөрөө түүхын жама ёһоной эрилтээр хэлэгдэжэ байһандал байгаа бэлэй. Тэрэнэй үгын нэгэн бүхэли шэнжэнь, дүүрэнэн удхань, залан сэхэ шанарынь, хүсэнинь, ендэр дээрэ бээрээ байһанишинь – бүхыдөө классическа искусствын зохёолдол тон адли нэн: хамаг юумэн эндэ хуу биш, нэгэшые үлүү юумэн, ямаршые гоёолто шэмэглэл байхагүй, хэрбээ тиимэ юумэн биш наа – оройдоо харагданагүй, тэдэ бүгэдэнь нюурта байһан хоёр нюдэн, гарай табан хурган шэнги зайлашагүй байха ёһотой зүйл болодог.

Это одно из лучших мест в очерке М. Горького. Сравнение В. Ленина на трибуне с произведением классического искусства много раз воспроизводилось в книгах, часто цитировалось. Перевод, несмотря на наличие некоторых длинот, достаточно адекватный. В настоящее время все буряты двуязычны, и подобного рода произведения они читают, конечно, в оригинале. Перевод же нужен тем, которые недостаточно или плохо владеют русским языком. Поэтому, нам кажется, необходимо переводить их, по возможности упрощая сложные синтаксические конструкции, трансформируя в соответствии с законами бурятского языка, пассивные в активные. Исходя из этого, мы предложили бы такой вариант перевода: *Гараа урагшань сэхэ нунгажа, бага зэргэ өөдөн үргэн, альгая дэлгэжэ, тэрэн дээрэ үгэ бүхэнөө шэгнэжэ үзэн мэтэ, эсэргүүсэгшэдэй үгэ хүүрнүүдые илган буруушаажа, орондонь няд гэмэ гол шухала бодолнуудые, үнэншэмэ баримтануудые тулган табигжа үгээ шэдэлүүнэ. Хүдэлмэришэн анги болбол либеральна буржуазиин хойнооо гү, али бүри тэрэнтэй зэргэлээдшые яаха бэшиэ, харин өөрынгөө замаар дабшаха эрхэтэйшые, уялгатайшые гэшиэ гэжэ тэрэ хэлэнэ. Ендэр дээрэнь үгэ хэлэхэ маяг түхэлынь, хэлэн бодолнуудын юрэ бусын гайхамшаг байжа, тэрэ үгэнүүдые Ленин өөрөө бэшиэ, харин түүхын эрилтээр хэлэжэ байһан мэтэ үзэгдөө бэлэй. Үгэнь нэгэн бүхэли, гүйсэд дүүрэнэн удхатай, сэхэ залан, түгэс хүсэтэ шэнжэтэй нэн. Тэрэ ендэр дээрэ үгэ хэлэн байхадаа, классическа искусствын найхан бүтээлдэ адляар харагдана. Тэрэндэ бүхы хэрэгтэй зүйлнүүдын биш, нэгэшые үлүү юумэн үгы, гоёолто шэмэглэлэй зүйлнүүд байбашые, оройдоо мэдэгдэхгүй,*

нюурта байһан хоёр нюдэн, гарай табан хурган мэтэ, зайлашагүй байха зүйлнүүд шэнги бэлэй.

Слово «протянуть» на бурятский язык переводится словом *нарбайха*, но последнее имеет бытовой, несколько сниженный оттенок и не совсем подходит к данному контексту: «его рука, протянутая вперед». Нам кажется, Г. Чимитов нашел довольно удачный эквивалент в виде книжного, но стилистически приподнятого слова *нунгаха*, которое имеет требуемое значение ‘вытягивать, выставляя вперед’. Глагол «взвесить» имеет переносное значение ‘предварительно обдумать, оценить’, что, согласно РБС-54 (автор буквы Ц. Цыбиков), переводится словами «*шүүжэ*» (или *тэнсүүлжэ*) *үзэхэ, бодожо үзэхэ; взвесить все доводы бүхы баримтануудые шүүжэ үзэхэ*. Г. Чимитов в переводимом контексте решил сохранить слово *шэгнэхэ*, в дословном значении соответствующее слову «взвесить». В рассматриваемом контексте «ладонь, которая как бы взвешивала каждое слово» слово «взвешивала» в составе сравнительного оборота не полностью теряет свое буквальное значение, но в то же время контекстуально переосмысливается. То же происходит и с его бурятским эквивалентом *шэгнэхэ: үгэ бүхэнише шэгнэжэ байһанишаг альганишинь* (перевод Г. Чимитова), *альгая дэлгэжэ, тэрэн дээрэ үгэ бүхэнөө шэгнэжэ үзэн мэтэ* (предлагаемый нами вариант).

Глагол «отсеять» имеет переносное значение ‘производя отбор, удалить из состава чего-н.’; по РБС-54: (*отобрать*) илгажа хаяха, илгаха; по РБС-08: (*удалить из состава*) гаргаха, (илган) зайсуулха. Г. Чимитов выражение «отсеивая фразы противников» переводит *эсэргүүсэгшэдэй хэлэн үгэнүүдтэ һөөргэдэн*, в котором слово *һөөргэдэхэ* имеет значение, по К. Черемисову: ‘1) поступать наперекор; 2) огрызаться; 3) *перен.* мстить’. Нам кажется, слово *һөөргэдэхэ* несколько далековато отходит от значения слова ‘отсеивать’. Под этим словом М. Горький подразумевает то, что В. Ленин, показывая несостоятельность смысла фраз противников и отстраняя их как неверные, противопоставляет им свои фразы, несущие адекватный положению вещей смысл. Поэтому в нашем варианте мы предпочли вариант: *эсэргүүсэгшэдэй үгэ хүүрнүүдые илган буруушаажа*. Выражение «заменяя их вескими положениями, доказательствами» Г. Чимитов переводит: *тэдэнишень... арсашагүй няд гэмэ тодорхойлолтонуудаар нэлгэн*; наш вариант: *орон-*

донь няд гэмэ гол шухала бодолнуудые, үнэниэмэ баримтануудые тулган табижа.

Как видно из приведенных СФЕ, типичным способом передачи вторичных значений слов и их сочетаний в очерке М. Горького «В.И. Ленин» является использование прежде всего прямых значений слов, которым благодаря контекстуальным средствам придаются вторичные значения или осуществляются подвижки в их семантике. Приведем еще несколько примеров.

«Злой, горячий ветер раздражения, иронии, ненависти гулял по залу, сотни глаз разнообразно освещали фигуру Владимира Ильича». – *Уур сухалай, ёгтолон дайралгын, үзэн ядалгын хорото халуун нэбишээн заал соогуур нэрьенэ. Хэдэн зуугаад нюдэн Владимир Ильиче янза бүрээр гэрэлтүүлжэ байгаа бэлэй.* Здесь для слов, употребленных в переносных значениях, использованы их бурятские эквиваленты, соответствующие им в своих прямых значениях: «злой, горячий ветер» – *хорото халуун нэбишээн* (это слово более поддается переосмыслению, чем его гипероним «ветер»); «ветер раздражения, иронии, ненависти» – *уур сухалай, ёгтолон дайралгын, хээн ядалгын ... нэбишээн*: слова с отвлеченным значением переданы посредством парного слова, а также составного существительного, образованного отглагольным существительным в сочетании со слитным деепричастием. Для глагола «гулял» с переносным значением «перемещался в разных направлениях» очень уместно найден глагол *нэрьехэ*, обозначающий распространяющуюся струю воздуха.

В рассматриваемом контексте слово «фигура» обозначает как внешние очертания Ленина, так и его как носителя определенных свойств. Поскольку эквивалентного слова нет, переводчик решил употребить в его функции имя и отчество героя очерка, что представляется достаточно обоснованным. В другом контексте, когда семантика слова переключена на характеристики личностных свойств персонажа, уже выбирается иной эквивалент: – «Немецкая буржуазная газета “Prager Tageblatt”, напечатав о Ленине статью, полную почтительного удивления пред его колоссальной фигурой, закончила эту статью словами»... – *«Prager Tageblatt» гэдэг немецкэ буржуазна газетэ Ленинэй асару ехэ ухаан бодолой үмэнэ нүгэдэжэ, хүндэлэн удхатай статья тунхаглахадаа, шимэ үгэнүүдээр тус статьяга түгэсхэнэ.* Все же, нам кажется, переводчик останавливается на полпути, акцентиро-

вав внимание лишь на интеллектуальной мощи Ленина. Мы предлагаем вариант перевода, в котором охватываются и другие стороны его личности: «...*Ленин гээшэ асару ехэ хүн байгаа гээжэ ехэтэ хүндэлэнише, гайхаанише удхатай статья тунхаглахадаа*» и далее по тексту.

Говоря о внешности и поведении В. Ленина, М. Горький несколько раз употребляет слова «живой», «живость», которые переводятся Г. Чимитовым каждый раз по-разному: «ласково поблескивая удивительно живыми глазами» – *гайхалтай түргэн нюдөөрөө намайе уриханаар шэртэжэ*; «Был на Капри другой Ленин – прекрасный товарищ, веселый человек, с живым и неутомимым интересом ко всему в мире». – *Каприда би ондоо Ленинише – эрхим һайн нүхэрье, дэлхэй дээрэ боложо байһан бүхы юумээр эсэшэ сусашаггүйгөөр һонирхдог...*; «Не могу представить себе другого человека, который, стоя так высоко над людьми, умел бы сохранить себя от соблазна честолюбия и не утратил бы живого интереса к “простым людям”» – *Алдар суугаараа хүн зоной зулайда гараһан аад, биб гээжэ ехэ-эрхэхэ һанаанһаа бэээ барижа шадаһан, «юрын хүнүүд» тээшэ үнэн сэдхэлһээ тэгүүлһэн хэбээрэ байһан ондоо хүнише олохо гээшэ бэрхэтэй даа.* В значении «деятельный, полный жизненной энергией» Н. Очиров в РБС-08 предлагает *түргэн, хурдан, нүбэлгэн, өөрэ, эдэбхитэй, тогтууригүй.* Из них Г. Чимитов использовал *түргэн* (букв. «быстрый»), но, нам кажется, здесь не передана сема «полный жизненной энергии», которую можно бы выразить словами, рекомендуемыми РБС-54, *согтой, обтой*: «удивительно живыми глазами» – *гайхалтай согтой түргэн нюдөөрөө.* Во втором случае имеется значение «подлинный, самый настоящий», для которого можно использовать один из синонимов, предлагаемых Н. Очировым в РБС-08: *ёһотой, жэнхэни, бодото, үнэн, амиды*: «с живым и неутомимым интересом ко всему в мире» – *дэлхэй дээрэ боложо байһан бүхы юумээр үнэхөөрөө, эсэшэ сусашаггүйгөөр һонирхдог.* В следующей фразе трудность представляли для перевода слова с отвлеченным значением «соблазн», «честолюбие», которая успешно преодолена переводчиком: «умел бы сохранить себя от соблазна, честолюбия» – *биб гээжэ ехэрхэхэ һанаанһаа бэээ барижа шадаһан.* Слово «честолюбие» семантизируется как «жажда известности, почестей, стремление к почетному положению». Перевод, предложенный Ц. Цыбиковым в РБС-54: *ямбархуу*

(или *нэрэлхүү*) зан, ноён ябаха хүсэлэн; РБС-08 рекомендует *нэрэ алдар хүсэлгэ, нэрэ хүндэ дурлалга*. Словарные переводы не очень подходят к данному контексту.

В очерке часто употреблены слова «разногласия», «расхождения» и другие подобные слова, которые каждый раз искусно переводятся Г. Чимитовым с опорой главным образом на буквальные значения соответствующих слов: «...как резко расколота партия на реформаторов и революционеров...» – ... *партийнай реформаторнууд ба революционернууд гэжэ эридээр таһаранхай...*; «только с высоты теории партия может ясно увидеть причины разногласий среди нее» – *парти гэшиэ имагал теорин үндэрһөө дотор талынгаа һанал бодолой алгасаанай шалтагаанише эли тодоор хаража шадаха юм*; «в чем же все-таки истинная причина разногласий?» – *парти доторой үзэлэй алгасаанай бодото шалтагаан юрэдөө юун болоноб?*; «разноречие философии с моим личным, “субъективным опытом”» – *тэрэ философи гэшиэ минии өөрын, «гансал намда байдагдүй дүриэлтэй зүриэдэг байгаа»*; «раскол в партии заставляет переживать его очень тяжелые минуты» – *тиххэдэ парти дотор хоёр можо болон илгарһан ушарай тэрээндэ тон хүндэ хүшэр мэдэрэл түрүүлээ*: «необходимость раздвоения души» – *сэдьхэлээ асатуулан хэлбэрүүлхэ ёһотой болоһон*; «с коммунистами я расходился по вопросу об оценке роли интеллигенции в русской революции» – *ородой революцида интеллигенциин үргые сэгнэхэ тухай асуудалаар коммунистануудтай һаналаа таарадаггүй байгаа*б и т.д. Как видим, во всех почти случаях переводчик старается расширить семантические границы слов и их сочетаний, придать им вторичные значения. Например, М. Горький называет В. Ленина «рулевым столь огромного, тяжелого корабля, каким является свинцовая крестьянская Россия». При переводе Г. Чимитов использует слова, которые в буквальном значении соответствуют словам М. Горького: «...*Таряашадай гүрэн – туулган Росси гэгдэдэг мантан томо, хүндэ онгосын залууришан*». Когда же не находится такое же слово в соответствующей части речи, переводчик находит его среди слов другой части речи. Например, М. Горький приводит слова В. Ленина о Л. Толстом:

- Какая глыба, а? Какой матерый человечце!

- Яаһан мантан бэ, а? Ямар асари томо хүн гэшиэб!

Поскольку бурятское сочетание *томо хэлтэрхэй*, в котором ощущается оттенок ‘что-то отломившееся’, переводчик привлекает для перевода существительного «глыба» бурятское прилагательное *мантан* ‘большой, огромный’. В сочетании с вопросительным местоимением *ямар* ‘какой’, с вопросительной частицей *бэ* и частицей *а* с усилительным значением перевод Г. Чимитова вполне передает оценку В. Ленина.

Из сказанного выше видно, что в очерке М. Горького «В.И. Ленин» множество слов использовано во вторичных значениях для выражения неизвестных бурятскому языку понятий, и этот переводческий опыт заслуживает дальнейшего изучения в сопоставлении с практикой других бурятских переводчиков. Наиболее удачные их находки должны найти отражение в словарях бурятского языка.

Библиографический список

1. Горький, М. В.И. Ленин (на бурятском языке) [Текст] / М. Горький; пер. Г. Чимитова. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1980.
2. Горький, М. В.И. Ленин [Текст] / М. Горький // Русская советская литература: хрестоматия для десятого класса. – М. : Просвещение, 1971. – Ч. 1. – С. 20–48.
3. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры [Текст] / Ю.С. Степанов. – Изд. 3-е, исп. и доп. – М. : Академический проект, 2004.
4. РБС-54 – Русско-бурят-монгольский словарь [Текст] / под ред. Ц.Б. Цыдендамбаева; сост.: М.И. Имехенов, Ц.Д. Цыбиков, Д.Ч. Чернинов. – М. : [б.и.], 1954.
5. БРС-73 – Бурятско-русский словарь [Текст] / сост. : К.М. Черемисов; спец. науч. ред. Н.А. Очиров. – М. : [б.и.] 1973.
6. БС-08 – Шагдаров, Л.Д. Русско-бурятский словарь [Текст] / Л.Д. Шагдаров, Н.А. Очиров. – Улан-Удэ : Буряад үнэн, 2008.

Т. Е. Шишмарева

**СЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗООМОРФНОГО КОДА ПО ДАННЫМ СЛОВАРЯ
«ЭР'Я»**

В статье рассматриваются вопросы, связанные с семиотическим анализом образа животных на основе древнекитайского лексикографического источника. С целью определения этнически обусловленного содержания и выделения принципов организации лексико-семантической системности анализ проводится в двух направлениях: лексико-семантическом и грамматологическом. Исследование осуществляется на материале 18 и 19 глав тезауруса «Истолкование диких зверей» и «Истолкование домашнего скота».

Ключевые слова: гипер-гипонимия; лексико-семантическая системность; логограмма; грамматология.

T. E. Shishmareva

**SEMIOTIC ANALYSIS OF ZOOMORPHIC CODE BASED ON THE THESAURUS
«ER'JA»**

In the article here with the questions of the semiotic analysis of animal image are considered based on the ancient Chinese lexicographic source. In order to define ethnically determined content and the principles of lexical semantic taxonomy, the analysis is fulfilled in two directions: 1) lexical semantic, 2) grammatological. The research is based on the texts of the thesaurus «Commentary of wild animals» (chapter 18) and «Commentary of cattle» (chapter 19).

Key words: hyper- hyponym; lexical semantic system; logogram; grammatology.

Язык как энергия духа является, вслед за В. Гумбольдтом выражением духа народа, духа этноса [Гумбольдт, 1984]. Анализ языковых выражений важен для выявления этнически обусловленных принципов ментальности данного типа культуры. При этом язык существует одновременно как на уровне звучащей речи, так и на уровне текстов, фиксирующих этот язык и транслирующих его из поколения в поколение. Как следствие, язык вступает в весьма сложные взаимоотношения с письменностью, различающейся в разных типах культур, на что указывал, например, Ж. Деррида в своей книге «Письмо и различие» [Деррида, 2000]. В этом отношении семиотический анализ иероглифических текстов дает исследователям возможность взглянуть на язык с отличной от логоцентрической точки зрения.

Древнекитайские тексты обладают ярко выраженным национальным характером. Наиболее специфическим отличием этих текстов является их фиксация знаками иероглифической письменности, которые вносят дополнительный элемент знаковой информа-

ции. Они несут в себе дешифровку смысла понятия на образном уровне. Поэтому при исследовании зооморфного кода по данным словаря «Эр'я» представляется необходимым не только прокомментировать лексические значения составляющего его знаков в культурно-историческом контексте их существования, но и исследовать сами средства фиксации. В связи с этим в данной статье предлагается, с одной стороны, лексико-семантический анализ, с другой – гематологический анализ.

Образ животных в тексте словаря описывается в двух главах: «Ши шоу» (釋獸) «Истолкование диких зверей» и «Ши чу» (釋畜) «Истолкование домашнего скота». Обе главы организованы в иерархическую структуру посредством родовидовых отношений. Родовидовые отношения подразделяются на гипонимические и партитивные. Первые – это «род классификационных концептуальных связей, отражающих уровни сходств-различий вещей, даже если эти вещи никак не взаимосвязаны...» Партитивные связи – «род импликационных концептуальных связей, предпола-

гающих и отражающих связи взаимодействующих, взаимозависимых вещей» [Никитин, 1997 : 443–444].

С этих позиций родовидовые классы лексических единиц можно разделить на партитивы и конгломеративы. Партитивы – классы слов, объединенных органическим единством, где свойства частей целиком определяются свойствами целого, и целое является условием существования части. Вещь как элемент такой системы определяется через целое, а имя ее класса имеет своей гиперсемой понятие о части такого целого.

Классы лексики, в которых множества вещей характеризуются достаточно свободной структурой, где зависимости частей от целого не столь жестки, чтобы формировать качества вещей, следуя дефиниции М. В. Никитина, называются конгломеративами. В результате имена таких вещей содержат общую сему партитивного отношения в сильных импликационалах своих значений.

С позиции партитивных отношений лексические единицы глав «Ши шоу» (釋獸) и «Ши чу» (釋畜) образуют классы лексики с относительно свободной зависимостью друг от друга. Их объединяют общие свойства, признаки. Такие объединения единиц мы, вслед за М. В. Никитиным, рассматриваем в качестве конгломеративов, объединяемых холонимом (от греческого *holos* «целый»). Знаки, вынесенные в заглавие каждой общности, рассматриваются как гиперонимы-холонимы по отношению к партонимам-гипонимам, «населяющим» эти главы. Это дает нам основание называть данные общности гипонимическими конгломеративами.

Обратимся теперь к фактическому материалу вышеозначенных глав.

Гипонимический конгломератив «Ши шоу» (釋獸). Знак «獸», вынесенный в название этой главы, имеет значение: *1) зверье, дикое животное.*

В данное понятие включаются названия различных видов диких зверей, как реально существующих, так и сказочных.

Авторы словаря толкуют понятие «звери», деля главу на 4 таксономические группы: 1. Дикие животные (寓屬). 2. Мышиные (鼠屬). 3. Жвачные (齒屬). 4. Дышашие (齒屬).

Поскольку принципы организации таксономических групп идентичны и в силу до-

статочно объемного фактического материала, в качестве примера лексико-семантического анализа приведем первую группу «Дикие животные» (寓屬).

Первая группа «Дикие животные» (寓屬) толкует названия диких животных, к которым, с точки зрения авторов, относятся разные виды обезьян, горных козлов, оленей, тигров, пантер, леопардов, медведей, лис, волков, диких лошадей. В этой же группе поясняются несуществующие в реальности мифические животные. Знак «寓屬» является гиперонимом-холонимом, т.к. передает родовое значение «животные, обитающие в горных районах»; он также является неким целым, объединяющим под своим началом гипонимы-партонимы, которые и составляют данный конгломерат. Гиперсема обозначает общую семантическую часть «место обитания», а гипосемами являются различные внешние признаки, по которым дифференцируются животные.

«寓屬»: [麋 – лось; 鹿 – олень; 麀 – кабарга; 狼 – волк (с виду похож на обыкновенную собаку); 兔子 – заяц; 豕 – свинья (четырёхкопытная белая свинья, приспособившаяся жить в неволе); 虎窃毛 – тигр с бледным окрасом; 獬 – топир (белый леопард/пантера) – большая панда, подобная медведю, окрас шерсти – черно-белый, голова маленькая, в пищу употребляет бамбук; 白虎, 黑虎 – белый тигр/черный тигр; 鼯 – крот (мышь – вредитель с длинными усами, люди династии Цинь называли ее «маленький ослик»); 鼯鼠 – медведь с головой тигра; 狸子 – уссурийский енот (енотовидная собака); 貉 – енот (внешне похож на лису, легко и быстро впадает в спячку); 猪獾 – барсук (подобен свинье, но немного худее ее, живет в норах недалеко от берега); 白狐 – песец (полярный лис) – относится к разряду хищников; 麝 – китайский водяной олень (мускусная кабарга) – по размеру меньше оленя, на голове отсутствуют рога, передние конечности короче задних, передвигается быстрыми скачками, окрас шерсти бурый, хвост короткий; 豺 – шакал (красный волк) – похож на волка, но немного меньше размером, когти и зубы очень острые, дикий и свирепый, обладает очень быстрой хваткой; 貓鼬 – хищное животное из рода «волков», похож на лису, но больше по размеру; 罴 – бурый медведь (может передвигаться на двух задних

конечностях, выпрямившись во весь рост, голова более вытянута, чем у обыкновенного медведя, лапы длиннее, обладает настолько огромной силой, что способен выдернуть дерево); 麝 – сайгак – похож на козла, но немного крупнее, имеет круглые тонкие рога, обитает на склонах гор; 麇 – благородный олень (марал) – каштаново-коричневый окрас шерсти, уши большие, стоят торчком, конечности тонкие и длинные, самец имеет рога; 大麇 – мунтжаки (животное из семейства оленьих, с тонкими, но сильными конечностями, передвигающееся быстрыми скачками, самец имеет рога); 麑 – красный медведь внешне похож на обыкновенного медведя, но меньшего размера, окрас шерсти желто-коричневый; 狻猊 – мифическое, свирепое животное, обитающее на западе Китая, быстро передвигается и поедает людей, внешне похож на лису, голова напоминает драконью; 狻麈 – животное, внешне очень похожее на льва, но по форме больше напоминает тигра, способен съесть тигра или леопарда; 驪 – конь с одним рогом (безрогий вороной конь); 羆 – дикий баран, у которого рога закручены в виде эллипсиса; 麀 – «цилинь» мифическое животное с одним рогом и чешуйчатым панцирем, символ благоденствия и счастья, телосложением похож на водяного оленя, хвост по форме напоминает коровий; 狢 – обезьяна с собачьими ногами (происходящая от собаки); 狨 – животное с длинной шерстью, с виду напоминающее нечто среднее между кошкой и енотом; 猓 – хищное животное из отряда «волков»; 兕 – самка носорога (может иметь панцирь, внешне похожа на корову, с одним рогом); 犀 – носорог (по форме схож с буйволом, с головой свиньи и большим животом, может иметь как один, так и два рога); 鼯 – ёж – голова маленькая, имеет четыре короткие лапки, на теле имеются твердые иголки; 狒狒 – павиан (из разряда человекообразных обезьян) – телосложением очень похож на человека, на теле есть шерсть, обитает в горах на юге Китая, увидит человека и сразу смеется; 狸 – енот; 狐 – лиса; 猫 – енотовидная собака; 蒙頔 – длиннохвостая обезьяна, очень ловко ловит мышей, окрас шерсти багрово-черный, обладает очень крепким здоровьем, быстро вскарабкивается по деревьям; 狻猊 – человекообразная обезьяна, внешне очень похожа на макаку, легко и быстро вскарабкива-

ется по деревьям; 獼猴 – большая человекообразная обезьяна, похожа на макаку, но больше ее по размеру, шерсть черного цвета, довольно легко идет на контакт с людьми, постоянно озирается по сторонам; 威夷 – очень слабое животное с длиной спиной; 麀麀 – кабан/хряк – похож на свинью, но шея гораздо короче; 贊 – животное, похожее на собаку, дикое и свирепое; 麋 – животное, обитающее в горах, по размерам больше, чем собака, похоже на макаку, окрас шерсти черно-белый, любит болтать и вертеть головой; 雌 – обезьяна с черной шерстью, длинным хвостом, нос вздернут кверху, нечто среднее между макакой и выдрой; 时 – животное, обитающее в горах и высоких местностях; 猩猩 – горилла (издает звуки, похожие на плач ребенка); 闕洩 – дикое животное с большим количеством пальцев на ногах.

Если говорить об остальных трех группах (мышиные (鼠 屬), жвачные (齧 屬) и дышащие (齧 屬), то следует отметить следующее. В «мышиных» толкуются названия животных по морфологическим признакам особей, похожих на мышей; к «жвачным» животным древние китайцы относят быков, баранов, оленей. В эту же группу включаются животные, которые, в сущности, не являются жвачными, но у которых в клюве или за щекой имеется мешочек для хранения пищи. В группу «дышащие» включаются знаки, обозначающие процесс дыхания у диких зверей, людей, рыб и птиц. Из всего этого следует, что границы лексико-семантических групп не жестки, семантическое пространство пересекается и одни и те же знаки могут входить в разные группы.

Следующий гипонимический конгломератив «Ши чу» (釋畜). Знак «畜», вынесенный в название статьи, имеет значение: 1) *скот, домашнее животное*.

В данное понятие включаются названия различных видов животных, живущих в непосредственной близости с человеком и имеющих с ним самые тесные контакты. Сюда относятся также и мифические животные, упоминающиеся в различных мифах, легендах и сказаниях. Авторы словаря толкуют понятие «скот», деля главу на 6 таксономических групп: 1. Лошади/кони (馬 屬). 2. Коровы/быки (牛 屬). 3. Бараны/овцы (羊 屬). 4. Собаки (狗 屬). 5. Домашняя птица (雞 屬). 6. Шесть видов домашнего скота (六 畜).

В качестве примера лексико-семантической общности рассмотрим первую таксономическую группу лошади/кони (馬 屬). Знак «馬 屬» рассматривается как гипероним-холоним на основании общего родового значения «лошадь/конь», лексические единицы, обозначающие различные виды лошадей/коней, дифференцируются следующими признаками: 1) размером; 2) окрасом; 3) силой; 4) гендерным признаком; 5) частями тела животного; 6) участием в ритуалах и рассматриваются в качестве гипонимов-партонимов. Здесь же авторы описывают мифологических животных внешне похожих на лошадей. Данная таксономическая группа описана намного подробнее других. Вероятно, это связано с тем, что лошадь/конь играла огромную роль в ритуальной жизни древнекитайского общества и считалась одним из священных животных.

«馬 屬»: [駒駉馬 – благородная лошадь (северное животное, светлый окрас шерсти); 野馬 – дикая лошадь (по размерам немного меньше обыкновенной лошади, проживает в северных районах); 駮 – мифическое животное, похожее на лошадь, способно съесть тигра или леопарда, имеет один рог, окрас шерсти белый, однако хвост черного цвета, клыки и когти как у тигра, звуки, которые издает это животное осенью, похожи на бляение барана; 騏蹄 – разновидность дикой лошади с ровными копытами, обитает в основном в горных районах; 騏駉 – разновидность благородной лошади с ровными раздвоенными копытами, по форме напоминающими коровьи, чаще всего встречается в горных районах; 領 – вид благородной лошади со светло-черным окрасом шерсти; 馱 – лошадь размером в 8 «чи», обладает чрезвычайной мощностью и силой; 惟鼻 – вид лошади с достаточно короткими конечностями белого цвета; 駮 – благородная лошадь черного окраса, морда и конечности – белого цвета; 回毛 – вид благородной лошади с короткой шерстью; 逆毛 – вид благородной лошади с длинной шерстью; 駮 – лошадь размером в 7 «чи»; 鷲 – вид лошади, пятна на теле которой чем-то напоминают рыбу чешую, цвет шерсти также похож на блеск чешуи (бледно-черный); 駮 – вид благородной лошади.

Что касается других таксономических групп гипонимического конгломератива «Шичу» – (釋畜): коровы/быки (牛 屬); бараны/

овцы (羊 屬); собаки (狗 屬); домашняя птица (雞 屬); шесть видов домашнего скота (六畜), то в данном случае ограничимся следующими характеристиками.

Коровы/быки толкуются, задаваясь дифференциальными признаками размера, окраса, формы рогов. Бараны/овцы различаются размером, окрасом, формой рогов, гендерным признаком, силой. В основу классификации собак включаются гендерный признак, способность к воспроизведению потомства, отличия по форме морды, длине шерсти, силе. В пятой группе, толкующей кур, выделяются следующие дифференциальные признаки: размер, возраст, сила. В шестой группе авторами толкуются шесть видов взрослых домашних животных: лошади, коровы, быки, бараны, свиньи, собаки, куры. Номинативные единицы называют лучших представителей каждой породы, задаваясь размером. Интересен тот факт, что корова, с точки зрения древнекитайского сознания, трактуется безотносительно гендерного признака, в отличие от лошадей, баранов, собак.

В связи с рассматриваемым материалом возникает важный аспект, касающийся грамматологического анализа идеограмм глав «Истолкование диких зверей» (釋獸) и «Истолкование домашнего скота» (釋畜). На факт фиксации идеографическим письмом гипергипонимических отношений обращал внимание О. М. Готлиб: «Наиболее полно и последовательно классообразующая функция логограмм проявляется в формировании гипергипосемантических рядов. В этом случае ярко проявляется идеографичность китайского письменного знака, и в этом плане становится ясной связь понятий «идеографическое письмо» и «идеографический анализ лексики» [Готлиб, 2007 : 85].

Рассматривая элементы этих глав с точки зрения их графической оболочки, мы обнаружили, что подавляющее большинство идеограмм содержат простые логограммы либо морфограммы, которые являются не только семантическими маркерами, включающими представленные идеограммы в соответствующий смысловой ряд, но и одновременно рассматриваются как их гиперсемы. Под морфограммой мы понимаем «значимый несамостоятельный компонент логограммы» [Готлиб, 2007 : 30], под логограммой понимает-

ся «значимая синтагматически свободная, т.е. могущая вступать в синтагматические (синтаксические) связи с себе подобными единицами» [Готлиб, 2007 : 40]. Из проанализированных единиц к простым логограммам относятся: 鹿 олень, 馬 конь, 牛 корова, 羊 баран, 鼠 мышь, 虎 тигр. К морфограммам: 豕 кабан, 牛 трансформ простой логограммы 牛 корова, 羊 трансформ простой логограммы 羊 баран. Вышеперечисленные простые логограммы и морфограммы достаточно последовательно маркируют гиперпризнаки животных, представленных в соответствующих группах. Так, простая логограмма 鹿 указывает на то, что все знаки, в состав которых она входит, относятся к семейству «оленьих»: «лось» (麋), «олень» (鹿), «кабарга» (麋), «китайский водяной олень (мускусная кабарга)» (麝), «благородный олень» (麇), сайгак (麝), мунтжаки (大麇), «цилинь» (麀); морфограмма 豕 представлена в логограммах со значением «кабан/свинья»: (豨) «кастрированный хряк», (豨) «хряк с короткой шеей», (豨) «свинья, способная опороситься тремя детенышами», (豨) «свинья – лучший представитель породы»; простая логограмма 馬 обозначает отнесенность к коням/лошадям: (馱駘) «благородный конь», (馱) «конь с четырьмя черными копытами», (馱) «конь с белыми конечностями», (馱) «лошадь с левой задней ногой белого окраса», (馱) «длинношерстая лошадь»; простая логограмма 虎 включается в состав идеограмм, обозначающих тигров: (𧇧) «белый тигр», (𧇧) «черный тигр», (𧇧) «тигр с бледным окрасом»; простая логограмма 鼠 употребляется в идеограммах, обозначающих отряд «мышинных»: (𧇧) «большая полевая мышь», (𧇧) «крот», (𧇧) «мифическая 12-головая мышь», (𧇧) «бурозубка»; простая логограмма 牛 и ее морфограммный вариант 牛 встречаются в знаках, обозначающих коров/быков: (犖) «крупный бык/корова», (犖) «длинношерстый бык», (犖) «безрогая корова», (犖) «черногубая корова»; простая логограмма 羊 и ее морфограммный вариант 羊 входят в состав идеограмм со значением «баран/овца»: (𧇧) «баран-самец», (𧇧) «овца», (𧇧) «баран, который не растет с рождения», (𧇧) «черный баран/овца».

Кроме вышеперечисленных простых логограмм и морфограмм, также встречаются морфограммы 豕 и 豕. Морфограмма

豕, значение которой «насекомое без конечностей», обозначает животных, которые с точки зрения современных представлений не относятся к насекомым: (豕) «барсук», (豕) «уссурийский енот», (豕) «песец», (豕) «топир», вероятно, в сознании древних китайцев эти животные каким-то образом ассоциировались с насекомыми. Что касается морфограммы 豕, то она включается в идеограммы, обозначающие собак (豕、豕), волков (豕), лис (豕), обезьян (豕、豕、豕), скорее всего, на основании внешнего сходства с собакой.

Исходя из результатов лексико-семантического и грамматологического анализа образа животных по данным словаря «Эр'я», очевидно, что вертикаль гипергипонимических отношений фиксируется не только на семантическом, но и на графическом уровнях. В большинстве своем китайские идеограммы, обозначающие животных, содержат знак-гиперсеми, который «подсказывает» отнесенность того или иного животного к соответствующему виду, как бы дублируя его значение на образном уровне. Таким образом, этноцентризм древнекитайской логографической культуры имеет специфическую форму иероглифической Вселенной, и ее метафизика апеллирует к соответствующим логографическим понятиям, выражаемым не только через значения лексических единиц, но и через графическую форму, составляющих ее идеограмм.

Библиографический список

1. Готлиб, О.М. Основы грамматологии китайской письменности [Текст] / О. М. Готлиб. – М. : Восток-Запад, 2007.
2. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984.
3. Деррида, Ж. Письмо и различие [Текст] / Ж. Деррида. – СПб.: Академический проект, 2000.
4. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики [Текст] : учеб. пособие / М. В. Никитин. – СПб.: Науч. центр проблем диалога, 1997.
5. 尔雅集解 19 卷 (民国) • 王国维撰 湘绮楼全书本 1991年。
6. 尔雅注疏 • 郭璞注, 邢昺疏 中华书局1983年10月版。
7. 尔雅注疏 • 郭璞注, 邢昺疏北京出版社 1990 年10月版。

УДК 81.711
ББК 83.07

王 蕾
东北师范大学人文学院
汉语音对俄语语音的迁移

Ван Лэй

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ЗВУКОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Автор анализирует влияние родного языка (китайского) при обучении фонетике русского языка, выявляя эффекты отрицательной и положительной интерференции. Контрастивные особенности звукового строя двух языков характеризуются с точки зрения труднопереводимой межъязыковой интерференции.

Ключевые слова: сопоставительная фонетика; китайский язык; русский язык.

Wang Lei

CHINESE SOUNDS INTERFERENCE WITH RUSSIAN

The author analyzes the influence of the mother tongue in the course of teaching Russian phonetics and points out effects of positive and negative interference. Contrastive juxtapositions of sounds are defined from the viewpoint of interlingual interference.

Key words: comparative phonetics, the Chinese language, the Russian language.

语言是人们交流思想、达到彼此了解的工具。在口语交际中，人们完全是靠语音传递思想。语言学家把语音称之为语言的外壳。苏联著名语言学家和教学法专家谢尔巴院士曾说过：“在训练积极掌握外国语时，首先必须教会以听觉辨别正确的发音和不正确的发音，必须教会正确地发出外语口语的语音。这项工作应先于其他一切工作。不然许多词和语句就会长时间的被发成错误的音，到头来不得不予以纠正。大家知道，再也没有比纠正被不正确地记熟的东西更为困难的了。”

实践证明，母语与目的语是相互作用影响学习者的。所谓语言迁移理论 (теория фонетического переноса) 指学习者在用目的语进行交际时，试图借助于母语的语音、词义、结构规则或文化习惯来表达思想这样一种现象。迁移理论认为，母语的语习惯会向外语学习迁移。母语习惯若有利于养成外语习惯，那么母语对外语学习者的促进作用被称为正迁移 (положительный перенос)，反之，母语习惯的迁移阻碍了外语学习，就称为负迁移 (отрицательный перенос)，即干扰 (интерференция)。对于学习俄语的中国学生来说，已有的汉语和英

语知识对俄语学习的迁移也是如此。本文中点谈论语音迁移 (фонетический перенос)。

作为外壳，语音有一特性：学习不规范语音并形成语音定势后将很难纠正。

汉、俄语音位系统中有许多音只是近似而不是相等。中国学生初学俄语时往往用汉语近似音去替代俄语中的音，形成汉语语音对俄语语音的负迁移，导致发音不准确，呈现出汉语味的俄语。例如：用汉语的 l、q、o、u 去替代俄语因为系统的 л、ч、о、у。因此，要正确掌握俄语的语音系统，必须摆脱汉语语音系统的干扰。

一、俄汉语音对比

汉语的发音基础为：发音时，整个舌身自然放平，上唇积极参与发音，动作明显且幅度叫大，双唇开口大度较大。

俄语的发音基础为：舌后部向软腭抬高，下唇积极活动，双唇开口度较小。

在形成元音时，气流不受任何阻碍，顺利地通过口腔，在相成辅音时，气流有阻碍。辅音有清浊之分。在汉语发音中，是没有与俄语浊辅音声带振动的相对的发音。

二、正负迁移作用体现

1. 元音：俄语有六个元音 [а] [о] [у] [и] [ы] [э]

1) 在教授 [a] 发音过程中, 学生往往误认为真正掌握了该音的发音方法。因为该音和汉语的 [a] 很相似。针对这种汉语的负迁移, 教师应当指出: 汉语的 [a] 是前元音, 即舌前部用力, 而俄语的 [a] 是央元音, 舌中部用力, 并稍后下压

2) 在教授 [o] 发音过程中, 首先在讲发音动作前, 应当指出该音是个单元音。初学者往往把它发成汉语的二合元音 [ao] 或 [ou]。其实, 汉语有一个与它近似的单元音 [o]。汉语的 [o] 和俄语的 [o] 区别在于: 前者发音时唇部的紧张程度较小, 开口度也小, 唇部向前圆撮的程度也比发后者时小。同时, 注意舌头不要滑动, 这样发出的音才是正确的。

озеро - [ao] зеро очень - [ou]

чень мост - м [ou] ст всё - вс [ao]

3) 在教授 [y] 发音过程中, 也常常发生汉语 [u] 的迁移现象。该音是唇元音学生的嘴唇没有向前极力撮圆。

утро - [u] тро учиться - [u]

читься курс - к [u] рс футбол - ф [u] тбол

4) 俄语元音 [и] 是非唇元音, 发音时舌体前移, 舌中前部向上颚抬起。舌尖抵住下齿背, 两唇角略向两边展开。汉语“衣”的韵母 <i>发音与俄语 [и] 很相似, 只是俄语 [и] 发音时舌中前部抬得更高。更用力。中国学生在俄语 [и] 发音中的这种错误, 在发单音时, 是轻微的, 甚至可以忽略不计。但是在和俄语软辅音拼读时, 这种错误就会突现出来。所以一开始就把俄语元音 [и] 发得准确还是很重要的。

① книги - книг [ei] стихи - стих [ei] фильм - ф [ei] льм видеть - в [ei] деть
有些学生用汉语 [xi] 去代替俄语 [си], [ш']

спасибо - спа [xi] бо счастье - [xi] а с т ь е

② 在下列情况下, и 读成 [ы]:

а) жи, ши, ци 读成 [жы], [шы], [цы]:
жить - [жы]ть, шить - [шы]ть, цирк - [цы]рк

б) 前置词末尾是硬辅音 + и 词首: из избы - и [з-ы]збы к Инне - [к-ы]нне

с) 硬辅音词尾 + и 词首: брат и сестра - бра [т-ы]сестра

5) 俄语 [э] 是单元音, 往往被误发为汉语的二合元音 [ai] 和 [ei]。要掌握 [э] 的发音针对汉语的正迁移, 可先从汉语的二合元音 [ie] 入手。先发 [ie], 将其拖长, 得到的是 [ê] 音。它的舌

位比 [э] 高, 开口度比 [э] 小, 这时将口开度加大, 同时舌位自然下降, 就能发出正确的 [э] 音。

это - [ai] то эхо - [ai] хо силуэт - силу [ei] т поэтому - по [ei] тому

6) 汉语中没有 [ы] 这个音。许多初学者把它发成汉语的二合元音 [ei], 这是不对的。针对这种汉语的负迁移, 要发好这个音, 首先必须弄清该音是单元音, 即在整个发音过程中舌位要保持不变, 舌头不能象发汉语的二合元音 [ei] 时那样滑动。发这个音有个技巧: 可先发准 [и] 音, 然后将舌头从发 [и] 音的部位平行后移, 舌尖离开下齿背, 但不要移动的太过。

7) 俄语中 [ын], [эн], [он], [ан] 音组, 汉语中没有, 学生常误用 [en], [ong], [ang] 去代替:

сын - с [en] акцент - акц [эн] т сон - с [ong]] сеанс - се [ang] с

2. 辅音

1) 硬辅音 [л] 与汉语的 [l] 在音响上有相似之处。要发好这个音, 必须排除汉语 [l] 的干扰。俄语的 [л] 的在发音时整个发音部位靠前, 舌尖贴住上齿背和齿槽。汉语的 [l] 是舌尖齿龈音, 发音部位靠后, 舌尖和上齿不接触, 舌中部也不呈匙状。用 [l] 去代替 [л] 的毛病不易纠正。

стол - сто [er] стул - сту [er] читал - чита [er] писал - писа [er]

2) 用汉语不送气清辅音 [b], [g], [d] 代替俄语的 [б], [д], [г] 浊辅音, 声带要求震动。

бабушка - [b]a[b]шка дом - [g]ом гости - [d]ости

3) 把俄语的清辅音发成汉语的送气音:

папа - [p]a [p]a туда - [t]уда куда - [k]уда

4) 用汉语的 [q] 去替代俄语的 [ч], [т']。两者发音部位有些相似, 但不同, 发 [ч] 双唇应圆撮。

сейчас - сей [qia] с через - [qie] рез чёт - ч [qiao] т

смотреть - смотре [q] статья - ста [q]я

5) 吞音、加音现象: 汉语音节中无辅音连缀现象。

中国学生由于受汉语影响, 不会发连缀辅音, 不习惯发除鼻辅音 [н] 以外的词末的辅音。典型的错误是加音。词尾辅音后的加音。除了 [н], [ng] 外, 辅音一般不能位于音节末尾。因此, 中国学生

①习惯在 [м], [б], [п], [ф], [в] 后加 [у] 音:

атом – атом [у] тип – тип [у] время – время [у] вместе – [у] вместе

②习惯在 [т], [д], [к], [г], [х] 后加 [ъ] 或 [и] 音:

читает – читает[ъ] так – так[ъ] стих – стих[ъ] три – т[ъ]ри где – г[ъ]де

кто – к[ъ]то карандаш – карандаш[ъ] мать – мат[и]

③习惯在软辅音后加 [и] 音:

писатель – писател[и] письмо – пис[и]мо

④反之,常把非重读 [у] 在 [м] 脱落,非重读 [и] 在 [ч] [щ] 后脱落:

поэту – поэтом [у] мальчик – маль[чк] читатель – [ч] татель

5)受某些方言的影响,中国学生错把 [л] 发成 [н], [ж] 发成 [р], [ш] 发成 [sh], [с] 发成 [si], [ц] 发成 [c].

лампа – [н]ампа журнал – [р]урнал птица – пти[са] крыша – кры[sh]а

三、俄语辅音音组固定发音规则

汉语词是由单音节汉字组成的,你,漂亮,企业家,十全十美,中华人民共和国。大多数汉语词是两三个字组成的,也就是两三个音节。而汉字又大多是开音节。除了以 <n> 和 <ng> 两个鼻辅音和 <r> 可在字尾,其他辅音一律只出现在元音前。不在词尾。

俄语恰恰相反,多音节的词很多。如:преподавательница, достопримечательность。以辅音结尾的闭音节很多。如:сок, доклад, самолёт。词中、词尾辅音连缀比较多。如:здравствуйте, туристский, сердце, солнце。词尾的闭音节和辅音连缀很常见,如:мальчик, сорт, боец, нож。俄语辅音音组固定发音规则如下:

1. 词首为 т щ 的音组读成 [ч' ш'] 音:

тщательный – [ч' ш'] ательно
тщеславие – [ч' ш'] славие

2. -ого, -его 的 г 发 [в] 音:

сегодня – се[в]дня кого – ко[в]о белого – бело[в]осинего – сине[в]о

3. -шь 发成 [ш] 音, -жь 发成 [ж] 音:

читаешь – читае[ш] смотришь – смотри[ш] молодёжь – молодё[ж]

4. тч, дч 发成 [ч'] 音:

лётчик – лё[ч']ик отчество – о[ч']ество переводчик – перево[ч']ик

5. гк 发成 [хк] 音, гч 发成 [хч'] 音:

лёгкий – лё[хк]ий мягкий – мя[хч']ий
смягчать – смя[хч']ать

6. тц 读成 [ц̄], дц 读成 [ц̄] 音:

двадцать – два[ц̄]ть отца – от[ц̄]а

7. что 一词和派生词中的 чт 发成 [шт] 音:

что – [шт]о чтобы – [шт]обы что-то – [шт]о-то

除此之外, чт 都发成 [ч'т] 音:

почти – по[ч'т]и почта – по[ч'т]а

8. стн, здн 中的 т, д 不发音:

известный – изве[сн]ый праздник – пра[з'н']ик звёздный – звё[зн]ый

9. стл 中的 т 可以不发音:

счастливый – сча[с'л']ивый завистливый – зави[с'л']ивый

10. чн 发音分以下情况:

1 чн 读成 [шн]: конечно – коне[шн]о
скучно – ску[шн]но

2 -ична 读成 -и[шн]а: Ильична – Ильини[шн]а

3 чн 读成 [ч'н]: удачный – уда[ч'н]ый
восточный – восто[ч'н]ый

11. 音组 -сш- 发成 [ш̄] 音:

сшить – [ш̄]ить, без шапки – бе[ш̄]апки

12. сч, зч 发音分以下情况:

1 сч, зч 位于词根或 счик, зчик 都发成 [ш'] 音:

рассказчик – расска[ш']ик подносчик – подно[ш']ик

2 前缀 сч 读成 [ш'] 音:

счастье – [ш']астье исчезнуть – и[ш']езнуть

3 前置词 с + ч, з + ч 发音要读成 [ш' ч'] 音:

с чувством – [ш' ч']увством без чувства – бе[ш' ч']увства

13. 音组 -жж-, -зж-, -сж- 要发成 [ж] 音:

позже – [п о ж]е с женой – [ж]еной

14. 音组 тс, дс 发音分以下情况:

① -тся, -ться 发成 [ц̄] 音:

боится – бои[ц̄] встретиться – встре-ти[ц̄]

② 辅音前的 тс, дс, 发成 [ц]:

детство – де[ц]тво богатство – бога[ц]тво

俄语中词的拼读规则很多,这种现象出现在大量的常用词里,中国学生往往愿意按照写法去读,这就违反了俄语读音规则。必须记住发音规则,反复进行实践操练。

四、排除母语语音干扰建议

1. 在语音学习过程中,要操练单音、音组和句子,注重培养审音、辨音的能力。

2. 静态对比汉俄语语音系统,注重俄语语音规律。

3. 动态实践训练

① 可采取对比发音法,引导学习者的辨音功能。例如: *бить – пить ветер – вечер*

Шла Саша по шоссе, нашла Саша шишки.

② 模仿法:通过情景教学,借助网络、多媒体资源。敏锐的听觉是正确读音的基础。模仿具体操作方法为:首先,模仿单词的语音。口形要正确,慢速模仿,发音发到位。然后进行逐个单词训练。其次,模仿词组的读法。达到熟练程度和流利程度,要多练连读,注重俄语语音技巧。最后,段落及篇章模仿。与资源同步进行,使肌肉和大脑更加协调起来。

③ 坚持大声朗读:运用重音、节奏、语调等语音手段把语言材料中的思想感情表达出来,通过颅骨把声音传达到听神经,大脑记录下送达的信息。朗读是生理活动向心理活动的转化,即“内化”。

语音是一门实践性的学科。语音作为外壳更重要的目的是为了更好的理解和表达。在日常生活中,必须通过口语的交际形式实现交际目的。因此,对于外语学习者而言,口语学习是第一位的。语音的学习过程是循序渐进、精雕细刻的加工过程。现实中,某些学习者所发的俄语语音完全是用汉语语音替代的,中国味的俄语语音错误充分暴露出来。母语对俄语语音的负迁移是学习者获得正确发音的最大障碍。利用母语语音的正迁移,将负迁移转为正迁移。这种障碍是可逾越的。

[参考文献]

1. Грамматика русского языка [Текст]. – М. : ИЯ АН СССР, 1960 – Т. 1.
2. Антонова, Д.Н. Фонетика [Текст] / Д.Н. Антонова, М.И. Щегина. – М. : Русский язык, 1982.
3. 英汉语对初学俄语者的正负迁移/ 玄知音, 麻壮奇. — 俄罗斯语言文化研究论文集 上海外语教育出版社, 2005.
4. 张学曾. 语音学的类型与语音对比研究. 中国俄语教学, 1993 (03).
5. 汉俄语对比与语音教学/ 黄玉光. — 对比语言论文集 外语教学与研究出版社, 1992.
6. 俄汉对比与俄语学习/ 赵陵生, 王辛夷著. — 北京: 北京大学出版社, 2006.

УДК 81.711
ББК 83.07

刘继斌

汉俄中介语中的形容词

Лю Цзибинь

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В КИТАЙСКО-РУССКОМ ИНТЕРЪЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются некоторые вопросы функционирования и семантики русских прилагательных в учебном языке китайских студентов. Подчеркивается количественное преобладание прилагательных в китайском языке и его последствия в ходе обучения русскому языку китайских студентов.

Ключевые слова: прилагательное; учебный язык; китайский язык; русский язык.

Lib Jibin

ADJECTIVES IN THE CHINESE-RUSSIAN INTERLANGUAGE

The article examines some issues of Russian adjectives functioning and semantics in the language of Chinese students. The results of numerical factor hereto have been discussed as far as the efficiency of teaching Russian to Chinese students is concerned.

Key words: adjectives; the Chinese language; the Russian language.

如果说名词是静态的万物俱现的客观世界，动词赋予它们以生命，使之呈现千姿百态的动感，那么形容词犹如一杆画笔，使世界万物有了五颜六色之丽、高低长短之别。

俄语里的形容词和汉语的形容词有太多的一致，都是说明名词、限定名词，表明事物的性质、关系的。

但与汉语相比，富有形态变化的俄语形容词还是有自己的特色，比如词尾的性、数、格变化、比较级和最高级的变化，长尾和短尾形式使用的不同，以及一些主观评价形式等，这些都是汉语形容词所没有的。

相同的地方能形成正迁移，构成汉俄中介语形容词表达的正确部分，不同的地方则构成中国学习者的困难，并可能形成负迁移，从而形成汉俄中介语的错误部分、劣拙部分和缺无部分。

俄语的形容词在汉俄中介语的面貌可描述如下：

1. 汉俄中介语形容词正确现象分析

与名词、动词相比，俄语的形容词不是很难的，其意义和句法功能与汉语大体相同，只是形态变化上有差异。

在记住形容词的前提下，它的性、数、格的变化形式可在中介语初期迅速成为正确现象。

形容词比较级、最高级、短尾形式也可在中介语中期基本掌握，成为正确现象。

形容词的用法，包括比较级、最高级、短尾形式的用法可基本或大部分在中介语的初期或中期被学生掌握。

2. 汉俄中介语形容词错误现象分析

形容词在中介语中易出现错误的方面包括：一、近义词的选用。二、形容词的词形选择，如长短尾形式的选择。三、形容词的接格关系。四、俄语形容词与汉语同义形容词的视点差异等。

2.1 形容词近义、近音词选择上的错误现象。例如：

① Единичный в этом маленьком городке музей летом был закрыт на ремонт. — 划线词错了。应为 Единственный。

② В конференции приняли участие страны с разнообразными культурными и историческими традициями. — 划线词应为 разными。

③ Наша группа дружеская. Свободное время мы обычно проводим вместе. — 划线词应为 дружная。

④ Мы считаем, что нет большого счастья, чем служить народу. — 划线词应为 большего。

2.2 形容词不同形式选择上的错误现象。
例如：

① Ветер был так сильный, что мы с трудом могли идти. — 划线词应用短尾形式 силен.

② Все то, что рассказал в своем выступлении этот выдающийся ученый, интересное и новое. — 划线词应用短尾形式 интересно и ново.

③ Андрей вспомнил, как невнимательный был он к матери, думая всегда о себе. — 划线词应用短尾形式 невнимателен.

④ Как ни трудная эта задача, мы постараемся ее решить. — 划线词应为 трудна.

2.3 形容词接格方面的错误现象。例如：

① Я знаю твоего сына, отличный парень. Ты просто к нему слишком строг. — 划线词应为 с ним. 错误可能与迁移汉语思维有关。

② Этот ученый известен своими открытиями в области физики. — 划线词应为五格形式 своими открытиями. — 错误可能与泛化 известен всему миру 有关。

③ Все, что писали, противоположно с точкой зрения ваших коллег. — 划线词应为第三格, 无前置词的 точке. — 错误可能与汉语思维有关。

④ Обычно это люди замкнутые и к контакту. — 划线词应为: и на контакт.

2.4 汉俄语对形容词意义不同视点方面的错误现象。例如：

① Он предложил мне почитать самый близкий номер журнала «Юность». — 划线词应为 последний. — 汉语视点在“最近”, 俄语视点在“最后”。学生顺着汉语思维而致错。

② Летом в жаркую погоду женщины обычно ходят в тонких платьях из хлопчатобумажных и шелковых тканей. — 划线词应为 легких. 学生套用母语用词习惯而致错。

③ На всех станциях метро стоят автоматы, которые разменивают большие монеты на мелкие. — 划线词应为 крупные

④ — Вам густой чай? — Нет, спасибо, я не хочу чая. — 划线词应为 крепкий.

3. 汉俄中介语形容词劣拙形象分析

形容词的劣拙现象主要表现在近义形容词选用和主观评价形式的选用上。

3.1 形容词近义词选用致拙

① В наше время, в эпоху рыночной экономики, всякая работа требует высоко-

го напряжения мозга от человека. 划线词用 большого 为宜。

② Тут нужна не только способность, но и полная страсть. — 划线词用 великая 为宜。

③ Они раскрывают глубинные стороны нашего образа жизни, учат молодых свято хранить хорошую память прошлого. — 划线词有时用 добрую 为宜。

3.2 不会或少用形容词的主观评价形式致拙

俄语的形容词有丰富的主观评价形式, 它可以表示喜爱、厌恶、鄙视、表大等各种感情色彩。中国学生记单词时主要是记修辞中性的形式, 主观评价形式又不多见, 故较少使用, 言语中多用修辞中性形式。这样, 修辞色彩会淡漠、苍白。例如：

① Девочка сорвала голубой цветок, с радостью побежала к маме. — 划线词有时用 голубенкий цветочек 更好些。

② Максим, старик убогий, жывал когда-то в Питере, да угодил в тюрьму. — 划线词用 убогонький 更好些, 那样会把说话者同情、怜悯的心情也表现了出来。

③ Выросла репка большая. 划线词用 большая-пребольшая 更形象些。

④ Синий ходит он (Днепр) плавным разливом. — 划线词用 синий-синий 更能显示说话者对 Днепр 的喜爱感情。

⑤ Вошел парень, у него толстые губы, большие глаза. — 划线处换成主观评价形式 губастый и глазастый 显然会更具感情色彩。

4. 汉俄中介语形容词缺无现象分析

缺无现象主要表现在两方面：一、由于汉俄语对限定语的视点不同, 导致有些俄语里有的限定语 (形容词), 中国学习者口中无的现象。二、物主形容词用的较少, 且多可用常见的二格形式替代, 故也易导致缺无。现分述如下。

4.1 对限定语的视点不同致无的现象。例如：

① Отец глядел на меня тяжелым взглядом из-под припухлых век. — 划线词的常义为“艰苦的”、“沉重的”, 汉语中一般不和“眼光”搭配, 故多缺无。

② Студент — рослый парняга с простым хорошим лицом — стоял в дверях аудитории. — 划线词的常义是“好的”, 作“美丽”讲时学生多用 красивый 一词, 因此 хорошее 脸的搭配多缺无。

③ Пройдите землю, и пучину. И степи, и глубокий лес. — 汉语不说“深深的树林”, 俄语的这种搭配也不多见, 故多缺无。

④ Ну то-то. И я не знаю. И для покупателей это полнейшая загадка. — 划线词因常义与汉语思维不吻合，故多缺无。

⑤ Настала эпоха бурного расцвета страны. — 划线词学习者多用 большого 替换，导致 бурного 缺无。

4.2 因用二格形式替代，导致物主形容词缺无的现象。例如：

① В детстве я любил слушать бабушкины сказки.

② Отец уже сидел, переодетый, вымытый и свежий, возле матушкиного кресла.

③ Порфирий Владимирович вышел из папенькиного кабинета взволнованный и заплаканный.

上例划线处多用二格形式替换而致无，如例①替换为 сказки бабушки，例②替换为 кресло матушки，例③替换为 кресло папы。

从上文的分析来看，中介语初期和中期形容词的形象要比名词和动词好得多，即正确现象要多一些。其错拙无现象也主要表现在词义和词形的选择上，也有一些表现在形容词与名词搭配上以及对限定语视点的差异上。

汉俄中介语中形容词构成错、拙、无的现象并不多，且基本可在中介语中期前解决，因此不构成汉俄中介语向目的语迅速前行的明显障碍。学生通过认知、操练、分析归纳是可以使大部分形容词的不确现象迅速成为中介语的正确现象的。

穆华英
东北师大人文学院
汉俄中介语中的名词

Mu Huaying

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В КИТАЙСКО-РУССКОМ ИНТЪЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются некоторые вопросы функционирования и проблемы семантики существительных русского языка в учебном языке китайских студентов. Подчеркивается релевантность морфологических характеристик слова в двух языках, проявляющаяся в различных ситуациях процесса обучения.

Ключевые слова: существительное; учебный язык; китайский язык; русский язык.

Mu Huaying

NOUNS IN THE RUSSIAN-CHINESE LANGUAGE

The article considers some issues of Russian nouns semantics and functioning in the language of Chinese students. The significance of morphological criteria is brought forth in the context of practical teaching/learning.

Key words: nouns, the Chinese language; the Russian language.

1、引言

名词在任何人类的语言中都是重要的词类。它是世上各自独立又互相依存的、五光十色的万物的名称。认识了名词我们也就认识了静态的世界，而当我们认识了名词与名词、名词与其他词的联系时，我们也就全面地认识了静态的和动态的整个世界。

展现在人类面前的是同一个世界，同一片天空，同样的大海，同样的花草树木。可惜人类因起源于互相隔离的蛮荒时代，因此就有了不同的民族，有了对同一事物不同的称名、不同的发音。因此，也就有了汉语的“山”，俄语的 г о р а，汉语的“水”，俄语的 в о д а 之别。

汉俄语名词的形式有别，但意义无大差别，比如说“天空”也好，说 н е б о 也好，指的都是我们头上的、浩瀚无边的蓝色事物。

两种语言中名词的句法功能似乎也差不多，比如都主要做主语、谓语、定语、状语等。差别明显的可能还是在当名词与其他词搭配时，也就是说，当发生句法联系时，它的连接方式和连接后的形式变化上。汉语里名词与其他词的搭配多为词汇叠加，至于词间关系多靠词序以及逻辑、语义关系，而俄

语名词与其他词搭配时就复杂了，要有性的确定与一致、数和格的变化，前置词的有无等。

俄语属屈折语，其形态变化非常复杂，其中名词的变化更是如此。这是俄语的特点，也是俄语学习的难点，自然也是汉俄中介语中出现较多错误、劣拙和缺无现象的一大根源。

2 汉俄中介语中的名词面貌

名词在汉语和俄语里都是重要的词类，在中介语中它仍是重要的词类。俄语学习者基本是从记单词、主要是记名词开始，并且贯穿中介语的始终。孤立的名词的意义和汉语差不多，可以正迁移。它的形式变化，也多可在半年内或一年内基本解决。学习者初期苦于俄语名词的数和格的变化，其语言错误也主要表现于此。但到二年级，这就不是大问题了，比如近年国家组织的全国高等学校俄语专业四级考试和八级考试几乎没有考名词变化的，为数不多的是名词的特殊形式，如俄罗斯姓氏的第五格形式等。

下面简略分析一下汉俄中介语里名词的面貌，即对、错、拙、无现象。

2.1 中介语名词的正确现象

汉语名词没有形态变化，只有词汇叠加，因此学习者中介语初期不变化的名词，或变化不大、不特殊的名词均可较快成为汉俄中介语中的正确现象。表现在句法中，不需变化的名词多为正确现象，如 N_1 -vf中的 N_1 、 N_1 、 N_1 句的不变化名词，形式同第一格的非动物名词第四格形式等。

名词形式的变化也多可在中介语前期解决，并成为正确现象。

2. 2汉俄中介语中名词的错误现象

词法里的名词在中介语中的错误主要是词形错误和用词错误。词形错误主要是数的变化形式和格的变化形式的错误。这方面的错误在中介语初期和中期是大量存在的。在校学生一般经过一年的学习可基本掌握名词的形态变化，进而排除这方面的错误。汉语名词无形态变化，俄语名词的形态变化又很复杂。这是汉俄语的一个很大的差异，因而也是中国的俄语学习者的一大难点。错误主要表现的心理是：一、无根据的假设，即胡猜，这是汉语名词无变化的影响所致。二、过分类推，这是目的语干扰所致。

2.2.1 中介语名词词形变化方面的错误现象

① — Где вы живете? — Я живу в общежитие. — 划线词应为 общежитии 这是类推一般名词第六格词尾为e所致。

② Дождь перестал. Небо стало ясное. Формы нескольких облак изменяются. То как бегущие животные, то как атакующие бойцы. — 划线词应为 облаков.

③ Вчера мы с ребятами собрались и обсудили, что напишем Наталье Васильевне Петрове. — 划线词应为 Петровой.

④ Я его увидел. Вокруг него было много солдатов. — 划线词应为 солдат

⑤ Молодые люди. Сколько у них горячих желаний, сколько у них заветных мечт. — 划线词应为 мечтаний

⑥ Его дедушка охотник. У него несколько ружьев. — 划线词应为 ружей.

上例前5个基本属语内转移的过度泛化和错误类推造成的，例⑥则基本是半类推半胡猜造成的。

词在句中的地位、意义要求相应的词形，否则也易出错。例如：

① Еще студентка, она часто ходила в центральный аэроклуб. — 划线词应为 студенткой，指时间，相当于 Когда была студенткой.

② Любители и знатоки музыки не рождаются, а становятся. — 划线词应为五格形式 любителями и знатоками.

③ После запуска первого спутника очень многие изменились в нас. — 划线词指事物，应为 многое (... очень многое изменилось).

2.2.2 中介语名词用词方面的错误现象

① Потом стало совсем тихо. Но лампа в комнате Татьяны Петровны не погасла. — 划线词应为 свет.

② Сережа всегда уступает место в общественном автобусе пожилым людям. — 划线词应为 транспорте. 因是泛指交通工具.

③ Ночью корабль ударился головой о подводный камень, и случилась беда. — 划线词应为 носом

从上例看，如果说词形变化方面的错误主要是语内迁移的话，那么用词方面的错误主要源自母语的干扰，学生把母语用词的思路用到目的语上便出现了上面的错误现象。

2.3 汉俄中介语名词的劣拙现象

汉俄中介语名词劣拙现象主要表现在用词上。例如：

① Цветы на подоконнике поливаются. — 划线词常简说为 на окнах.

② Главные города на берегах Волги: Ярославль, Горький, Казань. — 划线处多简说为 на Волге.

③ Отложив в сторону журнал, Катя села к роялю и стала играть произведения Бетховена. — 划线处可直说为 Бетховена.

④ Условия у нас прекрасные — новая квартира, тридцать четыре квадратных метра, три комнаты. — 划线处口语中常只用一个词 метра

2.4 汉俄中介语名词使用中的缺无现象

这种现象主要原因是：一、结构差异致无。二、用词差异致无。

2.4.1 结构差异致无

① Для меня Михаил Михайлович был не просто учителем или руководителем, он был духовным отцом. — 汉语一般不说某人是谁的“精神父亲”，故致无。

② Ты прошла суровую жизненную школу. — 汉语一般不说走过什么样的“生活学校”，故这种结构早期很难进入汉俄中介语中。

③ Отсюда отходили лучи улиц, на месте которых сейчас широкие улицы и проспекты. — 照汉语思路，中介语多将划线词译为 лучеобразные улицы，而使地道的原形式缺无。

2.4.2 用词差异致无

① Вот вам — ягодки заочного обучения! Профессор был противником заочного обучения. — 这里划线词有“精华”

之义。Ягодки 的这个意义并不多见，故多缺无。

② Нередко в ткани такого перевода и потеря: что-то, подчас наиболее сложное и важное, пропало совсем. — 划线词常义为“布匹”，作“内容”讲时又有 содержание 替代，因此多因少见和先义障碍而缺无。

③ На ковер когда пригласите — сейчас или после Нового года? — 划线词常义为“毛毯”，“地毯”，本句中有“受斥责”之义。这是因先义障碍和少见而缺无。

3. 结语

由于名词是语言中的大词类，也是中介语的大词类，因此它在很大程度上涉及到中介语正确现象及错、拙、无现象的面貌。

作为二语习得，名词还不是俄语中最难学的。儿童学母语最早是从名词开始，成人学外语也如此。但名词本身主要是语言材料，词间的语法关系才是粘合剂。难点不在材料，在语法关系上。名词显示的语法关系是性、数、格及其变化，这些变化又多是被动的，如受动词支配。这里许多是记忆和类推的问题，多可在中介语的前期或中期解决，这两段时间是俄语名词形态变化学习时期，也是中介语名词形态变化错误大量存在的时期。中介语中、后期名词面貌主要取决于词间关系，即多取决于名词受支配状况和在句中的地位，这就涉及其他词类的使用与句法规则了。

中介语中、后期是名词质和量变化时期，即它一方面要显现越来越多的正确形式，一方面又要作量的增加。中介语名词缺无现象与学习者记住、掌握的量不够，以及教学过程与教学力度不够有关，当然也局部地与先义障碍、显现次数少有关。这里教学力度和学习过程是主要的，因为这才是使中介语，包括中介语中的名词尽快接近目的语的关键。

参考文献

1. 戚雨村. 俄汉对比与俄语学习. 1990
2. 章兼中. 国外外语教学发主要流派. 华东师范大学出版社, 2004.

УДК 81.711
ББК 83.07

潘宏宇
东北师范大学人文学院

浅谈如何对待俄语教学中母语的作用

Пань Хуньюй

ОБ ОТНОШЕНИИ К ВОЗДЕЙСТВИЮ РОДНОГО ЯЗЫКА ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются некоторые вопросы интерференции родного языка при изучении русского языка китайскими студентами.

Ключевые слова: родной язык; иностранный язык; интерференция.

Pan Hongyu

SOME ASPECTS OF RESISTANCE TO THE INTERFERENCE OF THE NATIVE LANGUAGE IN STUDY OF RUSSIAN

The article deals with some issues of mother tongue interference in the course of studying Russian by Chinese students. Criteria for discrimination of the interference factors have been named hereto.

Key words: mother tongue; foreign language; interference.

任何一种外语的教学都是在学习者已经掌握了母语的条件下进行的，因此，学习者母语的因素对外语学习的影响和作用便成了外语教学理论和外语教学实践不可回避的问题。从外语教学的实践方面来看，历来就存在着两种不同的对待学习者母语的态度：一种是依靠母语，即把母语作为唯一的教学用语以及将外语与母语的对译当作一种主要的教学手段；另一种是排斥母语，即在各个教学环节中都使用外语，绝对禁止使用母语。这两种截然不同的观点是外语教学中长期争论的问题，归结起来无非是在外语教学中如何对待母语。对这一问题的研究早在上世纪50年代随着对比分析研究的兴起就已经开始了，其后的一些有关外语习得和学习理论，如错误分析理论、中介语理论等，都涉及到母语在外语学习中的问题。由此可见，在外语教学中正确对待母语的作用是十分重要的。

依靠母语原则的主要理论依据认为，语言与思维有着直接的联系，语言是思维的外壳，是思想的直接现实。这一原则的代表是语法翻译法。在整个教学过程中，用母语组织教学，外语词句都要译成母语，进行母语和外语两种语言的对比，以加深学习者对外语的理解。语言知识理解深刻以及学习者智

慧得以磨练是其所长，但这样做会妨碍学习者直接理解外语。学习者对外语的理解始终离不开母语的帮助，言语速度缓慢，翻译出来的外语往往是母语式的。这种方法未能恰当地发挥母语在外语教学中的积极作用，过分强调语言知识，忽视言语技能。

排斥母语的主要理论依据是外语教学要培养直接用外语思维，主张用外语教外语，在外语词句和它所代表的事物、概念间建立直接的联系，并从入门阶段起充分利用实物、图画等直观教具，完全排斥母语为中介进行外语教学。这一原则的代表是直接法。这种观点强调建立外语思维有其可取之处，但完全忽视了学习者母语的客观存在及其对外语学习的促进作用。

外语教学的理论研究和实践经验证明，学习者的母语在外语教学中有促进和干扰两个方面的双重作用：促进作用，即学习者利用和借助母语可以较快地学会外语；干扰作用，即母语妨碍学习者掌握正确的外语或正确掌握外语。我们应该看到，母语在外语教学中的这种双重作用是一种不以人的意志为转移的客观存在，因此在外语教学中正确恰当地发挥母语的促进作用，消除母语的消极

干扰作用，这将极大的提高外语教学的效果。

在俄语教学中，适当利用母语的促进作用，防止它的消极作用，主要有以下四个方面：

一、对母语和俄语的语言系统进行有针对性的对比分析，确定教学的重点和难点。

在俄语学习的基础阶段，学生一方面由于已习得和掌握了母语，另一方面由于俄语规则了解不多，没有形成俄语的语言习惯，每碰见一种新的语言现象，他们便会自觉或不自觉的要用母语来对比衡量。一般说来，目的语中与母语相同的现象学生容易掌握，而与母语不同，尤其是相似而又有区别的现象，则难以掌握或掌握不准。因此，教师需要了解学生的母语水平，通过两种语言的对比，找出它们之间的不同或相似而又有区别的地方，预见到可能发生的学习难点，从而确定教学重点和难点，采取相应的教学方法和练习形式。应系统地记录因母语干扰而产生的典型错误，编写相应的练习，通过练习克服母语的消极作用。这在基础阶段，是使学生逐渐养成一种良好的俄语习惯的有效方法。例如，俄语中表示“谁有什么”，需用“у кого есть что”这一句式来表达，这与汉语的表达习惯完全不同，学生在初学时很容易犯错误。这就需要教师事先预见到并在教学中重点练习。

在进行母语和俄语的对比分析时应注意，并不是每种语言材料都要进行对比，要适当并有针对性。

二、尽量用俄语上课，适当利用母语。

学生的母语是他们学习和理解俄语的一种手段。在初级阶段，教师可以适当使用母语作为传授、讲解俄语材料的手段，作为检查学生理解程度的手段。但在可能的情况下，应尽量用俄语讲解、练习和检查课堂教学。到了高年级，随着俄语水平的提到，由限制使用母语逐步过度到用俄语替代母语。当然，如果用汉语讲解更便于理解也可适当使用。例如在讲解某一生单词时，如能用俄语讲清楚（如通过反义词、同义词、上下文、俄语解释等），还是少用母语为宜。这样，既学习了新的，又复习了旧的。有些词汇含义比较专一，且专业性强，如 *к а н - ц е р*（癌），用俄语讲不清楚，且在讲解中又出现新词，那就可用母语讲解。这样还可以节省课堂时间。

用俄语组织课堂教学是限制使用母语、逐步用俄语替代母语的另一个重要方面。用俄语组织课堂教学是学习俄语的最好机会，情景具

体，目的明显，是一种生动的情景教学，所以应尽量用俄语上课。教学用语的数量是有限的，但使用的场合却是大量的。因此，要重视课堂用语的教学，一旦学过，就要坚持使用。俄语教学的课堂是学生学习俄语的主要场所。俄语教学就要充分利用俄语课堂教学这个自然语言交际情景，用俄语上课。

用俄语上课有以下五点好处：一是增强学生俄语实践的机会；二是用来组织课堂教学的俄语，绝大多数是学生已经学过的俄语知识，这些知识在俄语课堂的自然情景中经常地为学生所用，则容易巩固和长期记忆知识；三是加速培养俄语语感和学习俄语的能力；四是促进学生不以翻译为中介，直接建立俄语与客观事物、情景的联系以及培养直接用俄语理解、表达思想的能力；五是有利于培养学生在真实的自然情景中运用俄语的能力。

三、加强母语和俄语在文化背景之间差异的对比分析。

以往的母语和目的语的对比分析主要是在语言知识的层面上进行的，外语教学中文化的对比一直都没有受到应有的重视。其实，在外语教学中就母语与目的语的文化背景进行对比分析是非常重要的，因为跨文化交际中的失误许多都是由于交际者缺乏目的语的文化背景知识所造成的。因此，在俄语教学中加强母语与俄语文化背景之间差异的对比分析，对培养和提高学习者俄语交际能力，使他们减少和避免语用失误，有着十分重要的意义。

总之，在俄语教学过程中，我们应正确对待和处理汉语与俄语的关系。汉语在俄语教学中既有促进又有干扰，并且这种干扰作用是客观存在、不能回避的。主动对比两种语言（包括文化）的差异是为了更好地理解和掌握俄语。在课堂教学中，应以俄语为主，恰当利用汉语，多用俄语进行听说读写练习，这样才能逐步培养学生用俄语思维，形成俄语听说读写的技能和熟巧。

参考文献：

1. 《外语教育语言学》张国扬 朱亚夫，广西教育出版社
2. 《外语教育学》章兼中，浙江教育出版社
3. 《俄语教学法》于永年，上海外语教育出版社
4. 《国外外语教学发主要流派》章兼中，华东师范大学出版社。

УДК 81.711
ББК 83.07

范维杰
东北师大人文学院

俄语语内转移致错现象分析

Фань Вэйцзе

АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ОШИБОК ВНУТРИЯЗЫКОВЫХ ПЕРЕНОСОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются некоторые вопросы лексико-семантической интерференции в ходе обучения китайских студентов русскому языку. Сделан акцент на особенностях грамматического согласования, создающих трудности при межъязыковом переводе.

Ключевые слова: интерференция; лексическая семантика; китайский язык; русский язык.

Fan Weijie

ANALYSING INTERFERENCE IN WORD-USE IN TEACHING RUSSIAN TO CHINESE STUDENTS

The article reviews some aspects of lexico-semantic interference in the course of teaching Chinese students to speak Russian. Grammatical aspects of agreement have been presented as the chief challenge to translators.

Key words: interference; lexical semantics; the Chinese language; the Russian language.

早在上世纪六、七十年代的错误分析时期,人们就意识到,不能把所有的二语学习的错误都推到母语上。当然,母语干扰形成的二语错误的比例不能小视。不过,随着学习者操练与认知的深入,学习者逐渐掌握了一些目的语的规则与惯用法,此时学习者经常在学习新知识、新规则时过分泛化已学到的目的语的规则而致错。此时语间干扰逐渐变小,语内迁移的现象逐渐增多,故语内迁移的错误渐呈增多趋势。教学实践证明,在整个中介语的过渡线上,语间干扰形成的错误与语内迁移形成的错误都是学习者中介语中最普遍,也是数量最大的错误,换句话说,语间干扰与语内迁移是汉俄中介语全过程的两个主要的错误根源。

语内迁移形成的错误的原因语言学家多认为是对已知外语规则的“过渡泛化”、“滥用新规则”、“矫枉过正”、“应用规则不全面”、“形成错误的概念”等等。本文认为也可从“先语义障碍”、“先形式障碍”、“先规则障碍”和“常义障碍”分析如手。先语义障碍指对先学到的语义泛化,阻碍对新语义的掌握与运用;先形式障碍指泛化先前学到的形式而错误类推,阻碍了新的、正确形式的使用的现象;先规则障碍指

对先学到的规则泛化、阻碍新规则的认知与运用。常义障碍指对某词、词语、规则的经常性的语义及用法泛化,阻碍对新义、新规则的认知和运用形成的错误。

对语内迁移的现象语言学家多分为类推、替代、累加、回避、简化等方面(王建成,1997;王初明,1991)。本文把中介语的语内迁移的现象分为对、错、拙、无四个方面,认为上面提到的替代、回避等方面多是致拙,而不是致错,故不在本文分析范围之内。本文只分析过分类推、即规则泛化方面的几种致错现象。

1、 俄语词形变化方面的过分泛化致错的现象

这种现象多出现在初期中介语中,即初学者的口、笔语中。此时学生已获知俄语的某些规则,但因对特殊现象不了解或没记住,故依据中介语大纲过分泛化一些特殊的词形变化。例如:

① Нам тоже надо развивать науку и технику, служащие развитию народного хозяйства. — 划线词应为служащие, 错误可能是类推читающие, слушающие 的常见形式所致。

② По этому вопросу советую вам поговорить с профессором Ивановом. — 划线词应为 Ивановым. 俄语表示姓氏的词的第五格形式不同于名词变化, 而同于形容词变化。若类推(泛化)名词变化形式或类推名字, 父称的名词变化法(如 с Павлом Петровичем)就致错了。

③ На вечере мы пели песни, танцевали, ели вкусные груши и яблока. — 划线词应为 яблоки. 错误可能是 -о 结尾的名词复数一格为 о改 а (окно — окна) 规则泛化的结果。

④ Моя бабушка живет в деревне, в маленьком, одноэтажном домике. — 划线词应为 одноэтажном. 错误可能与类推 пятиэтажный, трехэтажный, 即泛化“数词与名词构成合形成形容词时, 前位的数词要用第二格形式”的规则有关。

2. 俄语词搭配形式过分泛化现象

2.1 二格所属泛化现象

汉俄中介语前期二格过分类推现象是常见的错误现象, 也是汉俄中介语中语内转移的一个重要方面。这方面的例子也很多, 例如: 俄语考试 — 错译为: экзамен русского языка, 应为 экзамен по русскому языку. 原因可能与类推 урок русского языка, учитель русского языка 有关。新年礼物, 错译为 подарок Нового года, 应译为: подарок к Новому году — 错误可能与类推 подарок папы, подарок друзей 有关。类似现象如: “一月份的消息报” — 错译为: 《Известия》 января, 应为: 《Известия》 за январь. 道德题材的文章 — 错译为: статья моральной темы. — 应为: статья на моральную тему; 上季度的计划 — 错译为: план прошлого квартала. 应为: план за прошлый квартал; 普希金纪念碑 — 错译为: Памятник Пушкина. 应为: Памятник Пушкину. 等等。

2.2 动作客体无前置词四格形式泛化而导致的中介语错误

俄语四格客体泛化的主要原因可能有: 一、最早学到的规则, 即动作客体要变不带前置词的第四格形式(читать книгу, смотреть телевизор 等), 二、四格形式较简单扼要, 不少词的第四格形式同第一格。学生有求简心理, 故易套用。这方面的例子如:

① Девушка пожалала плечи, наверное, не поняла, за что ее благодарить. — 划线词应为 плечами.

② Секретарь Райкома... упомянул про знамя, которое ему наградила область. — 划线词应为 которым, его.

③ Если бы ты не напомнил меня о собрании, я бы пошел на концерт. — 划线词应为 мне.

④ Война лишила их счастье. — 划线词应为 счастья.

⑤ Наступила весна. Крестьяне начали засеивать зерно. — 划线词应为 зерном.

此外 ударить стол — 是错误的, 应为 ударить в стол, 或 ударить по столу; 拉手 --- взять руку 是错误的, 应为 взять за руку; 看黑板 — 说成 смотреть доску 是错误的, 应为 смотреть на доску; 抓话把 — ловить слово 是错误的, 应为 ловить (кого) на слове. 这些错误亦属此类。

2.3 静词补语泛化致错

俄语中许多形容词、名词也要求一定的格形式作为自己的补语, 但因接格关系繁杂多样, 故常发生把先学到的或常见的搭配格形式错误地泛化到其他搭配中。例如:

① Эти три парня были сходны друг на друга, но каждому были свойственны неповторимые индивидуальные черты. — 划线词应用 друг другу, 错误可能受已知的 похож друг на друга 的搭配影响所致。

② С первого взгляда Марина поняла, что Юра равнодушен с ней. — 划线词应用 к ней, 错误可能受已知的 равный с ним 或 остожен с ней 泛化所致。

③ Этот ученый известен своему открытию в области физики. — 划线词应用第五格形式, 即 своим открытием, 错误可能是已知的 известен всему миру 的三格泛化所致。类似的再如:

④ Почему ты так уверен в себя? — 划线词应为 в себе, 错误可能是泛化 верить в себя 所致。

2.4 其他常见的已知搭配规则泛化到特殊搭配中以致错的现象。例如:

① Это лекарство нужно принимать по разу в день перед сном. — 划线处不应加前置词, 错误可能认为前置词 по 有平均分配的意义, 弄巧成拙, 造成过度泛化 по 的错误。

② Политика нашего правительства отвечает на интересы народа. — 划线词应为无前置词的第三格形式 интересам. 这里可能是泛化 отвечать на вопросы 的接格关系而致错。

③ Наша семья переехала в Ленинград в 1945 году, в году окончания войны. — 划线词应为 в год. — 错误可能是泛化前面的 1945 году 的形式所致。

④ Двое бойца не успели переплыть через реку и были убиты. — 划线词应为 бойцов. —

错误可能是泛化已知的规则, 即 два, три, четыре 和名词单数第二格连用所致。

3、泛化已知的或常用的句式致错

俄语里有些特殊的句式, 其中的词语结构形式多为固定的, 若对其不了解, 或没记好, 则常借用其他的常见句式替代以致错。例如:

① К сожалению, мы не по пути. — 划线词应为 нам, 这是个特殊句式, 主体要用第三格形式。泛化常见的主体一格句式 (N₁—N₂) 就出错了。

② Брюки хорошие, стоят недорого, и цвет мне идет. Жаль только, что они мне немного маленькие. — 划线词应为 малы, 这是一个特殊句式, 当形容词谓语表示尺寸大小不合适时, 多用短尾形式。错误可能泛化常见的 N₁—Adj 结构造成的。

③ Он бледнел все больше и больше и чувствовал, что он начинает знобить. — 划线词应为 его, 这是个无人称句, 状态主体要用第四格表示。错误是泛化常见的 N₁—Vf 句式的结果。

④ Все то, что рассказал в своем выступлении тот выдающийся ученый, — интересное и новое. — 划线词应为短尾形式 интересно и ново, 俄语句法中如主语由 это, то, всякое 等、谓语为形容词表示时, 作谓语的形容词必须用短尾形式。错误也多由泛化 N₁—Adj 所致。

⑤ Только и разговоры, что о работе. — 划线词应为第二格 разговоров, 这是一个特殊的口语句式, 划线词用第一格为错误, 这可能泛化常见的的话题一格、主语一格有关。

⑥ Быть дождем! — 划线词应为第三格形式 (дождю), 这也是个特殊的口语句式, 是不定式句, 主体要用第三格。错误可能视 быть 为系词, 其后的名词应用第五格所致。

⑦ Рубашка синий цвет. — 划线词应为二格形式, 为 Рубашка синего цвета. 这也是个特殊句式, 谓语由形容词 (或数词 — Мальчик пяти лет.) 加名词构成的二格词组构成, 按常见的 N₁—N₁ 句式变化就错了。

4、先词障碍致错

这里说的先词障碍指在几个近义词中把最早学到的或是常见的词的语义及搭配泛化到其他语义和搭配中而致错的现象, 这也是语内迁移的一个主要现象。例如:

① Я тоже очень рад, когда он получил успехи. — 划线词应为 добился успехов. 这是泛化早先学到的 получить книгу, получить подарок 之类的词义与结构。

② Имя Виктор начинается от греческого слова, означающего “победитель” — 划线词应为 происходит, 讲出处时用 происходит/произойти от кого-чего 结构, 学生不知或没记住而串用常见的近义词而致错。

③ В последние годы правительство уделял большое внимание на развитие сельского хозяйства. — 划线词应为 развитию. — 错误可能受早先学过的 обращать внимание на что 结构的影响所致。类似现象再如:

④ Сначала новый учитель оказался нам слишком строгим, но потом мы поняли, что он человек добрый и справедливый. — 划线词应为 показался.

⑤ Вчера вступили в продажу новые произведения молодого поэта. — 划线词应为 поступили.

⑥ У нас еще нет врача, строителей тоже, и поэтому Сапков с прошлого года изменил свою специальность. — 划线词应为 переменил.

⑦ Все мы очень благодарны хозяина за приглашение. — 划线词应为三格形式 хозяину. 错误与已知的 благодарить кого 先义、常义障碍、替代有关。

5、俄语上下文干扰致错

这一点类似“近朱者赤, 近墨者黑”的道理。例如:

① Оля ездит на работу автобусом, а брат — велосипедом. — 划线词应为 на велосипеде. 错误原因可能受上下文的五格形式 автобусом 影响、类推、泛化所致。

② Мы были в Москве, одной и самых больших городов в мире. — 划线词应为 одним, 错误原因可能由上文的阴性名词 Москва 顺势推导所致。

③ В нашей жизни все любят новые вещи, например, новый дом, новый костюм, новый мебель. — 划线词应为 новую, 因 мебель 是阴性名词。错误原因可能因为学生没记住 мебель 的性, 又受上文 новый 的影响所致。

④ Новые друзья станут из старыми друзьями, они поймут друг друга глубже с каждым днем. — 划线词应为未完成体形式 будут понимать. 错误原因可能顺同前面已用的完成体将来时形式 (станут) 所致。

⑤ Любовь к профессии учителя Александр Иванович воспитал и детей. — 划线词应为 в детях. 错误可能因为 дети 这个词紧跟在 воспитать 之后, 故用了第四格形式所致。

⑥ Его домишко находилось близко, на берегу озера. — 划线词应为 находился, 因为名词的表小形式的变化不改变它原来的性。显然错误是受前面词 домишко 以-o结尾并一般认为是中性词所致。

⑦ США занимает большую территорию Северной Америки. — 划线词应用复数形式 занимают, 因为США 的中心词 (штаты) 是复数形式。

从上例分析看, 已知的东西, 包括母语的东西和目的语中先学到的东西, 都可能成为有类推能力的学习者的类推对象, 类推对了, 符合目的语规则, 它就是正确的新知的基础, 但如类推错了, 它就可能是导致错误的根源。

应该指出, 错误有模糊性, 多维性, 既一个错误的出现可能是多种原因造成的, 即会有语间干扰原因, 同时也会有语内转移原因以及其他原因。例如:

① Девушка положила корзину на стол и вернулась домой. — 划线词应为 пошла。这个错误既与汉语不严格区分动作的先后转换有关 (姑娘把筐放到桌子上就回家了), 也与俄语 (目的语) 中完成体动词连用可以表示动作先后的规则有关。

② Мы с ним знакомы еще в 90-х годах. — 划线词应为 с 90-х годов 错误与汉语 (母语) 有关, 因为汉语里常说 “我们在九十年代就认识了”。俄语里也有 в каких годах 的组合, 且学生对这种组合又较熟悉、较习惯, 故易致错。

③ Редко можно было встретить человека, который прочитал так много книг. — 划线部分应加上语气词 бы, 因为 который 后的从句内容不是真实的, 是虚拟的, 故应加 бы。俄语里无 бы 的现实句很多, 是常见的、习用的, 故易泛化; 汉语里又无明显的 “真实”、与 “虚拟” 的形式对立, 故也易导致上面的错误。

④ Организатор выразил благодарность всем, которые участвовали в подготовке этого всемирного праздника. — 划线词应用 кто участвовал。汉语里无 все, кто... 的固定结构, 对此是模糊的, 因此不可能有形式上的正迁移; 俄语里用 который 连接限定从句也是常见现象, 故易对此泛化, 因此出现这样的错误现象也就自然了。

上文分析了外语学习中的语内转移类, 错误现象也会有其他原因, 如教学原因、包括教材教法, 学习者方面的原因, 包括智力天赋的低下, 功夫投入的不足; 目的语本身的原因, 如与母语差别大, 规则过分繁杂等, 但语内迁移类应是除语间错误外的一个另一个主要方面。

УДК 81.711
ББК 83.07

范春煜
长春税务学院

从对比角度看俄语句法中主语淡化的语言意识

Фань Чуньюй

ИЗМЕНЕНИЯ В СЕМАНТИКЕ ПОДЛЕЖАЩЕГО РУССКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ (С ПОЗИЦИЙ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА С КИТАЙСКИМ)

Автор делает попытку осветить семантические сдвиги единиц, выступающих в функции подлежащего в сравнении русского и китайского языков. Подчеркивается асимметрия личного и безличного в структуре предложения, что обуславливает специфику перевода.

Ключевые слова: сравнительный синтаксический анализ; семантика подлежащего; русский язык, китайский язык.

Fan Chunyu

CHANGES IN THE SUBJECT MEANING: RUSSIAN SENTENCE VS CHINESE

The author makes an attempt to deal with semantic shifts of some units that take the function of subjects in a sentence and compares Russian and Chinese.

Key words: comparative syntactic analysis; semantics of a subject; the Russian language; the Chinese language.

何谓语言意识? “意识是指人的大脑神经系统对于客观物质世界的总的反映过程”(威雨村, 1990: 23), 是“观点、见解、世界观的总和”(同上, 15)。意识和语言的关系密切, 因为“语言是实在的现实的意识”(同上: 14)。洪堡特提到语言意识, 也提到“内在的语言意识”, 后者“指与语言的构造和使用有关的全部精神能力, 也即一种倾向”(洪堡特, 1997: 133, 290)。本文认为, 所谓语言意识, 就是语言思想, 指语言建构和发展时带有定势的、有规律的、凝固了的语言思路、想法, 或者说是某语言表达客观世界和主观世界的思想方法、表达方法, 它反映了某民族认识世界、反映世界的过程和结晶。语言意识在语法中常体现为规则、惯用法, 其差异常体现为某语言的特点, 外民族学习者的难点。

无主语句大量存在并且多类型是俄语的一大特点。俄语的无主语句包括无人称句、不定人称句和大部分泛指人称句。他们对应的汉语句子多为人称句。因此中介语多见用主语句代替俄语无主语句的现象, 有时致错, 有时致拙。

与汉语比, 俄语无主语句多, 其中一个原因就是汉语通常主体即主语, 而俄语里主语必须是不受任何词制约的形式, 俄语的主体又恰恰可以由各种格形式充当, 如用第一格充当, 主体就与主语吻合了, 用其他格形式, 俄语则视其为其他成分。

与汉语比较, 俄语主语淡化意识可表现在下列几个方面:

1、俄语为无人称句, 无主语, 对应的汉语中多要加主语。例如:

① Светает — 天亮了。

② Начинало уже смеркаться. — 天开始黑了。

2、俄语为无人称句, 有主体, 无主语; 对应的汉语多为有主语的句子。例如:

① Его дома не было. — 他不在家。

② Полного совершенства не существует. — 十全十美是不存在的。

上例俄语的主体用第二格形式。

③ Сын далеко уехал. Маме дома не сидится, не спится. — 儿子远行在外, 妈妈在家寝食不安。

④ На елке детям было очень весело. — 在松树游园会上孩子们很开心。

上例汉语有主语，对应的俄语成分为三格补语。

⑤ Его знобит. — 他发冷。

⑥ В автобусе Машу сильно укачало, и мы пересели на теплоход. — 玛莎晕车晕得厉害，我们就改乘轮船了。

上例汉语里有主语，俄语没有，俄语对应的词语为四格形式补语。

⑦ Волной лодку разбило. — 大浪把小船打坏了。

⑧ Пожаром уничтожило весь дом. — 大火烧毁了整栋房子。

上例汉语为有主语的句子，俄语里没有主语，俄语对应词为五格形式，含方式、方法的疏状意义。

3、俄语为不定人称句，无主语，对应的汉语句子多带主语。例如：

① Как вы думаете, наш детский сад позовут на праздник? — 你们怎么想，他们能叫咱的幼儿园去参加节日活动吗？

② Слезай, Таня, скорее вниз! — Кричали ей. — 丹尼娅，快下来，人们向她喊道。

③ Иное дело в Актаме, там можно войти в любой дом, только рады будут. — 在阿克塔姆可就不一样了，那里去哪家都行，主人只会高兴的。

④ Теперь они попали в объятие родных. Им желали счастья, дарили цветы. — 现在他们投入到亲人的拥抱里，人们开始向他们献花，祝他们幸福。

这类句子俄语认为主语不确定，或没必要指出，汉语却习惯加主语。这是个差别。中介语也多见加主语的现象，常不是致错，而是致拙。

4、俄语的泛指人称句多无主语，对应的汉语多带主语。例如：

① Дров в лес не возят. — 谁也不会往林子里运烧柴。

② Войдешь в комнату, сразу увидишь портрет хозяина. — 一进屋，你就能看到主人的画像。

③ Простим горячку юных лет и юный жар, и юный бред. — 谁都会谅解青年人的鲁莽，青年人的激情和青年的豪言壮语。

上面有些例子的汉译不是绝对的，有些无主语的句子也不是在汉语里都有主语的，但大多数情况下上面的例子是有代表性的，是真实的。这样，在分析上面的例子后我们会得出结论：俄语的主体意识虽大体与汉语相同，但主语意识是有较大差别的，许多汉语里有主语的句子，在对应的俄语句子里没有主语，而把它视作补充成分，不是强调其话题地位，而是强调或显示其客体意义和方式意义。中国学生受母语影响，其中介语多在该加主语的地方加了主语，形成中介语里这类句子的不正确或不地道的现象。

参考文献

1. 戚雨村. 俄汉对比与俄语学习. 1990.
2. 洪堡特. 人类文化与语言. 北京: 北京大学出版社, 1997.

УДК 81.711
ББК 83.07

陈玉才
东北师大人文学院

谈俄语句法的指示、加确意识及与汉语的对比

Чэнь Юйцай

АНАЛИЗ СИНТАКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ДИРЕКТИВНОСТИ И УТОЧНЕНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В СРАВНЕНИИ С РУССКИМ

В статье делается анализ синтаксических средств указательности и уточнения китайского языка в сравнении с русским. Преобладание аналитических форм указательности в китайском создает своего рода межъязыковую асимметрию, что необходимо учитывать как в преподавании, так и в устном переводе.

Ключевые слова: синтаксис; русский язык; китайский язык.

Chan Yucai

SYNTACTIC MEANS OF DIRECTION AND PRECISION IN CHINESE AS COMPARED WITH THOSE IN RUSSIAN

An analysis of syntactic means of index and specification in the Chinese language in comparison with the Russian one is carried out in this article. Analytical form of indice in the modern Chinese cause certain challenges both to the Russian learners of Chinese & translators.

Key words: syntax; the Russian language; the Chinese language.

何谓语言意识？“意识是指人的大脑神经系统对于客观物质世界的总的反映过程”（戚雨村，1990：23），是“观点、见解、世界观的总和”（同上，15）。意识和语言的关系密切，因为“语言是实在的现实的意识”（同上：14）。洪堡特提到语言意识，也提到“内在的语言意识”，后者“指与语言的构造和使用有关的全部精神能力，也即一种倾向”（洪堡特，1997：133，290）。本文认为，所谓语言意识，就是语言思想，指语言建构和发展时带有定势的、有规律的、凝固了的语言思路、想法，或者说是某语言表达客观世界和主观世界的思想方法、表达方法，它反映了某民族认识世界、反映世界的过程和结晶。语言意识在语法中常体现为规则、惯用法，其差异常体现为某语言的特点，外民族学习者的难点。

印欧语言，包括俄语可能受哲学思想的影响重一些，语言中的范畴意识鲜明，表达上互相区别。从大处说，形义对应思想形成了它们的形合意识，这与汉语中有较大份量的意合意识形成了鲜明的对照；从小处看，印欧语系的俄语有诸多概念鲜明、表达形式各

异的范畴，它们都是对客观世界中现象及现象间关系的反映，在语言表达上有泾渭分明的形式体系。

本文所说的前置词指示加确意识指意义相同的词组或句子，汉语不用含指示意义、加确意义的词，而俄语要用这类意义的前置词，从而形成汉俄语表达上的差别。比如说“摸头”，汉语也只是两个词，一个表示动作，一个表示对象，而俄语要加含指示、加确意义的前置词，为 *погладить по голове*。这里前置词确切指出动作的方位。

前置词指示加确意识主要表现在含客体意义和限定意义的结构中。

1、客体指示加确

1、1 客体兼含内容意义的：

① 懂技术 — *понимать в технике*;

② 抱怨不准确 — *обвинять в неточности*;

③ 签收 — *расписаться в получении*;

④ 想问题 — *думать о вопросе*;

1、2 客体兼含方位意义的：

① 敲桌子 — *ударить по столу*;

② 跳鞍马 — *прыгать через «кобылу»*;

- ③ 亲脸蛋儿 — целовать в щеку;
- ④ 摸书包底儿 — шарить по дну сумки;
- 1、3 客体兼含目的、结果意义:
- ① 劈成柴 — распилить на дрова;
- ② 变成气 — превратиться в пар;
- 1、4 客体兼含数量意义:
- ① 增加18倍 — увеличиваться в 18 раз;
- ② 翼展三米 — крылья простираются на 3 м;
- ③ 延伸几千公里 — тянуться на несколько тысяч километров;
- 1、5 客体兼含时间意义:
- ① 放半小时 — отложить на полчаса;
- ② 够一个月用 — хватить на месяц;
- ③ 早许多年 — опередить на много лет;
- 1、6 客体兼含指示意义:
- 3 看表 — посмотреть на часы;
- 4 指指小黑孩 — показывать на маленького негра;
- 5 看护苹果树 — ухаживать за яблонями;
- 6 拍打河岸 — ударяться о берег;
- 1、7 客体兼含工具意义:
- ① 滑雪 — ходить на лыжах;
- ② 骑自行车 — кататься на велосипеде;
- ③ 弹钢琴 — играть на рояле;
- 2、限定指示加确
- 2、1 限定兼含用途意义的:
- ① 节日馅饼 — пироги на праздник;
- 13 旅行用品 — товары в дорогу;
- ③ 生日礼物 — подарок на день рождения;
- 2、2 限定兼含性质意义的:
- ① 全身像 — портрет во весь рост;
- ② 七眼笛子 — дудочка о семи дырках;
- ③ 一卢布一张的邮票 — марка на рубль;
- ④ 三室住房 — квартира из трех комнат;
- ⑤ 彩玻璃制品 — изделия из цветного стекла;
- 2、3 限定兼时间意义的:
- ① 十月八日的信 — письмо от 8 октября;
- ② 保修一年 — гарантия на год;
- ③ 今天的天气预报 — прогноз погоды на сегодня;
- ④ 终生朋友 — друг на всю жизнь;
- 2、4 限定兼来源意义的:
- ① 伤痛 — боль от раны;
- ② 中国茶 — чай из Китая;

- ③ 旅游印象 — впечатления от путешествия;
- ④ 树影 — тень от дерева;
- 2、5 限定兼含目的意义的:
- ① 午休 — перерыв на обед;
- ② 验血单 — направление на анализ крови;
- ③ 生活用品 — средства на жизнь;
- ④ 伙食费 — деньги на питание;
- 2、6 限定兼含方面意义的:
- ① 耍性子的权力 — право на каприз;
- ② 解放的希望 — надежда на освобождение;
- ③ 时髦服装 — мода на платье;
- ④ 演出许可证 — лицензия на спектакль;
- 2、7 限定兼含数量意义的:
- ① 五人房间 — комната на пять человек;
- ② 五层的楼 — дом в пять этажей;
- ③ 三口之家 — семья в 3 человека;
- ④ 宽100米的河流 — река шириной в 100 м;
- 2、8 限定兼含方向意义的:
- ① 河岸景色 — вид на набережную;
- ② 公园入口 — вход в парк;
- ③ 退路 — дорога к отступлению;
- ④ 朝街的房间 — комната с улицы;
- 从上例可看出: 汉语里许多只有两个词表示的词组, 俄语要加前置词以指示加确, 从这一点能看出俄语的严谨性, 当然也能看出汉语的简洁性; 俄语是尽量用可见的形式表示细微的意义, 汉语则给人更多的意会余地。
- 当然也有些汉俄语对应的, 即汉语也加词以确切表达语义的, 如: 去食堂的门 — дверь в столовую, 去痛片 — таблетки от боли, 上周来的信 — письмо от прошлой недели, 给爷爷的礼物 — подарок для дедушки, 带格的纸 — бумага в клеточку 等。
- 此外, 俄语里也有少量主体指示加确的, 如: С сердцем плохо. — сердце 不好。 С ним обморок — он 昏过去了。以及少量的述体加确, 如: Разница — в один балл — 相差一分, здание было в пять этажей — 楼共五层, дерево — в три обхвата — 树有三抱粗。 Этот дом — под ясли. 这栋楼用作幼儿园等等。
- 指示、加确意识是俄语的特点, 也是俄语的优点, 它使意义的表达更为确切, 可以避免歧义现象。但它也因此增加了形式内容, 而且其形式又繁杂多样, 这自然也就增加了

母语里没有这类指示、加确形式的中国学生学习的难度，成了中国学生学习的难点。因此，分析、归纳俄语句法的指示、加确意识不仅在理论上可以加深对汉、俄语言特点的认识，也有较大的实用价值。

参考文献

1. Грамматика русского языка [Текст]. – М. : ИЯ АН СССР, 1960. – Т. 1.
2. 俄汉对比与俄语学习/ 赵陵生, 王辛夷著. — 北京: 北京大学出版社, 2006.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Информация о защитах диссертаций

В первом полугодии 2009 года состоялись защиты диссертаций:

Сентябрь

Верхотуровой Татьяны Леонтьевны на тему: «Лингвофилософская природа метакаатегории “наблюдатель”» на соискание учёной степени доктора филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка

Косякова Виталия Александровича на тему: «Стереотип как когнитивно-языковой феномен (на материалах СМИ, посвящённых войне в Ираке)» на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка

Добрыниной Натальи Владимировны на тему: «Восприятие англоязычных текстов носителями русского языка как синергетический процесс» на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка

Петрухиной Оксаны Петровны на тему: «Аргументативные стратегии британского политика (на примере языковой личности премьер-министра Т. Блэра)» на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.04 – германские языки

Октябрь

Коршуновой Светланы Олеговны на тему: «Тезаурусное моделирование терминологии синтаксиса» на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка

Лисицы Инны Валерьевны на тему: «Рок-поэзия Великобритании: прагматический и лингвокультурологический аспекты (на материале текстов рок-групп 1960-1970-х годов)» на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.04 – германские языки

Вахрушевой Натальи Анатольевны на тему: «Соматические фразеологизмы в островных немецких говорах» на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.04 – германские языки

Нефедовой Марины Павловны на тему: «Семантическая сфера “настроение” и её вербализация в современном английском языке» на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.04 – германские языки

Ноябрь

Калининой Виталии Валерьевны на тему: «Эмоционально-этический концепт SHAME и его когнитивно-дискурсивный потенциал» на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.04 – германские языки

Универсалиук Елены Александровны на тему: «Медийный социальный диалог в предметной области иммиграции как зона обновления итальянского языка» на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.05 – романские языки

Аникиной Веры Владимировны на тему: «Зарождение и становление лингвистической традиции в Корее (на материале эволюции учений о частях речи)» на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка

Ивановой Раисы Петровны на тему: «Эгоцентрические категории: Human Sensations в современном английском языке» на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.04 – германские языки

Во втором полугодии 2009 года планируются защиты диссертаций:

Декабрь

Соколовского Ярослава Викторовича на тему: «Соотношение оригинала и перевода художественного текста: изоморфно-когнитивный подход» на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка

Ю Елены Дюнеровны на тему: «Репрезентация невербальных средств коммуникации в современном испанском языке» на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.05 – романские языки

Аиповой Ирины Алексеевны на тему: «Аксиологическое содержание концепта *Passion* во французском художественном тексте (на материале произведений французских писателей XX века)» на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.05 – романские языки

Герасимовой Дарьи Алексеевны на тему: «Концепт *EYES* в английской языковой картине мира» на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.04 – германские языки

*Учёный секретарь
диссертационного совета*

Казыдуб Н. Н.

* * *

ИТОГИ НАУЧНОГО ГОДА

Ежегодная «Неделя Науки ИГЛУ» – смотр научных достижений студентов, первый шаг на пути к научным высотам. В 2009 году работали более 70 секций, было представлено свыше 500 студенческих докладов, тезисы лучших докладов были опубликованы.

В этом году впервые в рамках «Недели Науки ИГЛУ-2009» был проведен II тур Всероссийской олимпиады на тему «Электронные средства учебного назначения, разработанные студентами и школьниками» по разным направлениям: электронные учебники, образовательные сайты, мультимедийные дидактические средства, контролирующие программы, дидактические средства по работе с интерактивной доской, словари, энциклопедии, обучающие игры.

Наиболее интересные разработки представлены в электронных учебниках: «Компьютерные информационные технологии в документационном обеспечении управления» (Никерова Елена), «Электронный учебник по русскому языку» (Кучмук Антон, Елшанский Сергей и Шойсоронов Бато), «Электронный учебник по русскому языку как иностранному» (Павлицкая Светлана, Девайкин Алек-

сандр), «Альманах по информационным технологиям» (Яманова Анастасия, Костюк Михаил и Аверин Илья).

Потребностям сегодняшнего дня отвечают «Словарь компьютерной лексики» Ёлгиной Екатерины, сайт специальности «Педагогика и методика дошкольного образования» (авторы Жужукова Татьяна, Леоненко Светлана), анимация «Сонеты Шекспира» Митиной Татьяны и Сухарева Эдуарда, видеопрезентация «Практическая реализация линейной алгебры» Аккермана Станислава.

Научное сообщество внутри университета даёт право реализации Вашего творческого потенциала в ряде интересных и значимых мероприятий:

- «Аукцион педагогических идей»;
- научные студенческие сообщества «Юный лингвист», «Диалог театр-вуз: путешествие в закулисье», «Литература и искусство», «Мастерская по художественному переводу»;
- международная научно-практическая конференция «Славянские языки и культуры: прошлое, настоящее, будущее». В число участников входят представители России,

Узбекистана, Грузии, Украины, Казахстана Польши, Болгарии, США;

- Всероссийская конференция «Проблемы концептуальной систематики языка, речи и речевой деятельности». География участников охватывает Иркутскую область, Республики Саха-Якутия и Бурятия, Забайкальский край, Подмосковье, Кемеровскую область, Приморский, Хабаровский и Алтайский края;

- Всемирный конкурс «Chinese Bridge» среди студентов, изучающих китайский язык.

Наши студенты представляют университет и за его пределами:

- на Всероссийской научно-практической конференции «Текст и дискурс в обучении иностранных студентов» в Иркутском государственном техническом университете;

- на фестивале студенческих проектных работ «2009 год – год молодежи Российской Федерации»;

- на традиционных годовых собраниях Восточно-Сибирского Центра развития педагогической науки и образования МАНПО;

- на VIII межвузовской научно-практической конференции студентов и аспирантов «СМИ в современном мире. Молодые исследователи» в Санкт-Петербургском государственном университете на факультете журналистики, в работе секции «Манипулятивное воздействие СМИ в информационно-сетевом сообществе»;

- в Минском государственном университете на конференции «Применение информационных технологий»;

- в дистанционной олимпиаде, организованной Московским государственным и Австралийским университетами;

- во Всероссийском конкурсе компьютерной графики в Нижне-Тагильском университете «Перспективы компьютерной графики»;

- на международном конкурсе студентов и аспирантов по компьютерной графике «Электронное перо – 2009» в Магнитогорске;

- в дистанционном всероссийском конкурсе постеров компьютерной графики к фильму «Сумерки»;

- в заочном конкурсе студенческих работ студентов «New Generation 2009», организованном группой компаний Softline – инвестиции и поддержка разработчиков программного обеспечения;

- на Всероссийском конкурсе интеллектуальных проектов «Держава 2009» в номинации «Единая Держава» по направлениям «информационная политика и деятельность СМИ», «Литература и язык»;

- на Московской городской научно-практической конференции «Образовательные технологии XXI века»;

- на II Международной научной конференции «Личность и общество: проблемы взаимодействия» в Челябинске;

- на научно-практической конференции «Мир детства: вопросы развития и воспитания ребенка» в Мурманске, секция: «Технологическое обеспечение нравственного, эстетического, экологического, гражданского воспитания дошкольников и младших школьников»;

- на международном лингвокультурологическом форуме «Язык и культура: мосты между Европой и Азией» в г. Хабаровске.

На конкурсе «Молодежь Иркутской области в лицах» в номинации «Студент года» дипломом первой степени награждена Агеева Нина. Конкурс проводился Министерством Иркутской области по физической культуре, спорту и молодежной политике, в нем приняли участие 500 молодых людей региона, а победители вошли в кадровый резерв Приангарья.

Лауреатами стипендии для лучших студентов вузов Иркутской области, учрежденной ювелирной фирмой «Алмаз», стали Агеева Нина (по результатам 2008 года), Дулатова Рената (по результатам 2009 года).

На Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь и наука: реальность и будущее» в Невинномысском институте экономики, управления и права отличные результаты показали Леоненко Светлана и Шеломенцева Анна. Они приняли участие в работе секции «Педагогика». В числе участников этой конференции были студенты, аспиранты и молодые ученые из 472 вузов, научно-исследовательских институтов, государственных структур, предприятий и фирм Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Ирака, Казахстана, Китая, Кыргызии, Молдовы, России, Румынии, Таджикистана, Узбекистана, Украины, Чехии.

У нас есть студенты, которые представляют собой «Национальное достояние России»: Дулатова Рената, Дуисеева Алина, Петрова Елена, Новикова Евгения, Павлицкая Светлана, Коневина Наталья, Коюшева Евгения, Петухова Ирина, Сысоева Ирина.

Лучшими на Всероссийской выставке научно-технического творчества молодежи Федерального агентства по делам молодежи Правительства Москвы (Москва ВВЦ), организованном при поддержке ОАО «ГАО «Всероссийский выставочный центр»», совета ректоров вузов Москвы и Московской области, стали Садовников Максим, Рукавишников Мария, Беликова Юлия. Они награждены дипломом I степени за проект «Дистанционный курс «SMS для непрофессионалов».

Команда лингвистического университета заняла 1 место в Воронеже в номинации «Информационная среда школы» во Всероссийской интернет-олимпиаде «Студент XXI века». Наш университет представляли Митина Татьяна, Елшанский Сергей, Байкалова София, Шойсоронов Бато, Кучмук Антон, Аверин Илья, Бочаров Дмитрий, Костюк Михаил, Яманова Анастасия.

Во Всероссийском конкурсе flash-анимаций, созданных школьниками и студентами, в Алтайской педагогической академии 1 место заняли Митина Татьяна и Сухарев Эдуард.

Министерство образования и науки РФ, Рособразования и НС «Интеграция», Управление делами Президента РФ, Государственная Дума РФ, Роскосмос, Российский военный историко-культурный центр при Правительстве РФ, МЧС России и ведущие учреждения высшего профессионального образования Москвы проводят Всероссийские молодежные форумы. На VII Всероссийском молодежном форуме по проблемам культурного наследия, экологии и безопасности жизнедеятельности «ЮНЭСКО – 2009», лучшими из лучших стали Дуисеева А., Коюшева Е., Сысоева И., Новикова Е. Они награждены дипломами I степени и высшей наградой за студенческое научно-исследовательское творчество – Серебряным крестом «Национальное достояние России».

Научное сообщество аспирантов и докторантов также заявляют о себе на территории Российской Федерации в:

- научно-практической конференции «Об-

разовательные технологии XXI века» (Москва), где в качестве научного консультанта работал А.В. Федоров, эксперт МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», доктор педагогических наук, профессор, президент Ассоциации кинообразования и медиапедагогике России, главный редактор журнала «Медиаобразование»;

- работе III Научной сессии «Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения, лингводидактики» в Московском городском педагогическом университете;

- XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2009» в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, которую открыли министр образования А.А. Фурсенко и ректор МГУ В.А. Садовничий;

- IV Международной научно-практической конференции «Педагогические основы развития креативности детей и юношества» в Московском гуманитарном педагогическом институте;

- Международной научной конференции «Актуальные проблемы изучения комплексных языковых знаков», посвященной 100-летию заслуженного деятеля науки, доктора филологических наук, профессора А. В. Кунина в Московском государственном лингвистическом университете;

- межвузовской научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации в Московском военном университете «Пространство и метасферы языка: структура, дискурс, метатекст»;

- научно-методической конференции стран-сосредоточенных СНГ «Методика преподавания японского языка» в Москве.

Научное сообщество молодых ученых принимает участие:

- во Всероссийском конкурсе научных работ аспирантов и молодых ученых по направлению «Когнитивная лингвистика»;

- в конференциях, организованных на базе ГОУ ВПО МГЛУ «Система обеспечения качества лингвистического образования: инновационные подходы», «Система формирования языковой компетенции – важный фактор инновационного развития России (Лингвапарк)»;

Научное сообщество профессоров университета готовит монографии и учебные посо-

бия, которые являются значимыми для всей России.

Дипломом 1 степени в номинации «Культурная антропология, язык и коммуникация в контексте культуры» конкурса «Лучшая книга по коммуникативным наукам и образованию на 2008-2009 год» награждена коллективная монография «Этносемиотрия ценностных смыслов», в создании которой приняли участие ведущие профессора университета. Ответственный редактор Е.Ф. Серебренникова, доктор филологических наук, профессор кафедры французской филологии.

Дипломом 2 степени в номинации «Теория коммуникации» награждено учебное пособие «Основы теории коммуникации: практикум». Авторы: Л.Г. Викулова, доктор филологических наук, профессор, А.И. Шарунов, кандидат педагогических наук, доцент кафедры информатики.

2 место во Всероссийском конкурсе научных работ аспирантов и молодых ученых по направлению «Когнитивная лингвистика» заняла О.В. Антипина, кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики.

Седьмая особенность – заслуги за работу со студенческими научными исследованиями. За подготовку победителей Всероссийского конкурса дипломом Министерства образования и науки РФ Национальной Системы «ИНТЕГРАЦИЯ» награждена Авдеева Е.С., кандидат педагогических наук, доцент кафедры японского языка, Иванова Л.А., кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогики, награждена знаком «За успехи в научно-исследовательской работе студентов», Пуляевская А. М., доцент кафедры информатики, и Григорьева И. В., аспирант кафедры педагогики, награждены золотым знаком отличия «Национальное Достояние».

*Начальник управления
магистратуры, аспирантуры
и докторантуры,
доктор филологических наук,
профессор*

С.А. Хахалова

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аникина Вера Владимировна – старший преподаватель кафедры восточных языков, Иркутский государственный лингвистический университет; e-mail: vera2_an@mai.ru

Багинская Марина Владимировна – аспирант кафедры перевода, переводоведения и межкультурной коммуникации, Иркутский государственный лингвистический университет; e-mail: [mvsbaginskaya@list.ru](mailto:mvbaginskaya@list.ru)

Волкова Олеся Никитовна – кандидат философских наук, доцент кафедры восточных языков Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета

Готлиб Олег Маркович – кандидат филологических наук, доцент кафедры китаеведения, Иркутский государственный лингвистический университет; e-mail: ogotlib@gmail.com

Исаева Екатерина Дмитриевна – профессор Учебного военного центра Сибирского федерального университета; e-mail: 454katalina@rambler.ru

Кобжицкая Ольга Германовна – кандидат философских наук, доцент кафедры китаеведения, Иркутский государственный лингвистический университет

Кремнёв Евгений Владимирович – кандидат социологических наук, зав. кафедрой китаеведения, Иркутский государственный лингвистический университет; e-mail: kremnyov2005@mail.ru

Куницына Евгения Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, Иркутский государственный лингвистический университет; e-mail: kunitsyna@yandex.ru

Пастернак Елена Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; e-mail: maxilenium@mail.ru

Пруцких Андрей Александрович – кандидат филологических наук, доцент Байкальского государственного университета экономики и права; e-mail: proutskikh@yahoo.com

Пруцких Татьяна Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент Байкальского государственного университета экономики и права; e-mail: proutskikh@yahoo.com

Пяо Мэйшань – аспирант, Иркутский государственный лингвистический университет; e-mail:

Разумовская Вероника Адольфовна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой прикладной лингвистики Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета; veronica_raz@hotmail.com

Санжеева Лариса Цырендоржиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и межкультурной коммуникации Бурятского госуниверситета, зам. декана по учебной работе факультета иностранных языков; e-mail: lsanzhe@mail.ru

Свердлова Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент, декан международного факультета, Иркутский государственный лингвистический университет; e-mail:

Соколовский Ярослав Викторович – старший преподаватель кафедры восточных языков Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета; e-mail: sokol_rus@hotmail.com

Солоян Каринэ Александровна – руководитель Грантового центра Сибирского федерального университета; e-mail: grant-centre@sfu-kras.ru, solokart@yahoo.com

Стефановская Светлана Владимировна – старший преподаватель кафедры китаеведения, Иркутский государственный лингвистический университет; e-mail: stefanovskaia_sv@mail.ru

Суслова Анна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, Иркутский государственный лингвистический университет

Тарасенко Татьяна Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики Сибирского федерального университета; e-mail: tvt2004@mail.ru

Тразанова Наталья Юрьевна – заведующая языковым центром восточных языков, аспирант Иркутского государственного лингвистического университета; e-mail: nataha82@mail.ru

Трофименко Оксана Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры корейского языка Уссурийского государственного педагогического института; e-mail: toa-06@yandex.ru

Тростянская Т.Ю. – аспирант Иркутского государственного лингвистического университета

Фейтельберг Екатерина Максимовна – преподаватель кафедры восточных языков Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета; e-mail: veronica_raz@hotmail.com

Хамаева Елена Алексеевна – ст. преподаватель кафедры китаеведения, аспирант Иркутского государственного лингвистического университета; e-mail: lena_hamaeva@yahoo.com

Хохлов А.Н. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН

Цзан Годун – аспирант кафедры теории и практики перевода Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета; e-mail: veronica_raz@hotmail.com

Шагдарова Аюна Баировна – преподаватель китайского языка Бурятского государственного университета; e-mail: aina_@mail.ru

Шаравьева Ирина Викторовна – ст. преподаватель кафедры китаеведения, Иркутский государственный лингвистический университет

Шишмарева Татьяна Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры китаеведения, Иркутский государственный лингвистический университет; e-mail: taniyashi72@yandex.ru

Ян Минбо – аспирант кафедры прикладной лингвистики и старший преподаватель кафедры восточных языков Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета

Ван Лэй 王蕾 – ст. преподаватель, Северо-Восточный педагогический университет, КНР; e-mail: xiaolei888@yahoo.com.cn

Лю Цзибинь 刘继斌 – ст. преподаватель, Северо-Восточный педагогический университет, КНР; e-mail: liujibin1998@126.com

Му Хуаин 穆华英 – доцент, Северо-Восточный педагогический университет, КНР; e-mail: mu_ylina@yahoo.com.cn

Пань Хунюй 潘宏宇 – ст. преподаватель, Северо-Восточный педагогический университет, КНР; e-mail: uliar@sina.com

Фань Вэйцзе 范维杰 – профессор, Северо-Восточный педагогический университет, КНР; e-mail: fanweijie2005@yahoo.com.cn

Фань Чунюй 范春煜 – ст. преподаватель, Северо-Восточный педагогический университет, КНР; e-mail: chunyu20062003@yahoo.com.cn

Чэнь Юйцай 陈玉才 – доцент, Северо-Восточный педагогический университет, КНР; e-mail: dragon228@163.com

AUTHORS

Anikina Vera Vladimirovna – senior instructor of oriental languages chair, Irkutsk State Linguistic University, e-mail: vera2_an@mai.ru.

Baginskaya Marina Vladimirovna – post-graduate student of translation & translatology chair, Irkutsk state linguistic university; e-mail: mvbaginskaya@list.ru

Feitelberg Ekaterina Maximovna – teacher of Oriental Languages department, Institute of Philology and Language Communication, Siberian Federal University, Cand. of Science, Professor, Head of the Department of Translation and Interpreting Studies, Institute of Philology and Language Communication? Siberian Federal University

Gotlib Oleg – PhD (philology), the heard of Department of Sinology of Irkutsk State Linguistic University; e-mail: ogotlib@gmail.com

Isayeva Ekaterina Dmitrievna – professor of The Institute of Military Education Siberian Federal University, professor; e-mail: 454katalina@rambler.ru

Khamaeva Elena A. – Workplace: Sinology department of Irkutsk State Linguistic University, E-mail: lena_hamaeva@yahoo.com

Khohlov A. N. – Candidate of History, senior staff scientist, Institute of Oriental Studies of RAS

Kobzhitskaya Olga Germanovna – Department of Sinology of Irkutsk State Linguistic University; e-mail: ogotlib@gmail.com

Kremnyov Evgeniy Vladimirovich – Candidate of Sociology, senior lecturer of Department of Sinology of Irkutsk State Linguistic University; e-mail: kremnyov2005@mail.ru

Kunitsina Evgenia Urievna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Translation, Translatology and Cross-Cultural Communication, Irkutsk State Linguistic University

Pasternak Elena Leonidovna– doctorant, Docent of the French department of the philological faculty. Moscow State University.

Prutskikh Andrey Alexandrovich – Candidate of Philology, associate professor of Baikal National University of Economics and Law; e-mail: prutskikh@yahoo.com

Prutskikh Tatyana Anatolievna – Candidate of Philology, associate professor of Baikal National University of Economics and Law; e-mail: prutskikh@yahoo.com

Razumovskaya Veronika Adolfovna – Candidate of Science (Philology), professor, head of Applied Linguistics department, Institute of Philology and Language Communication, Siberian Federal University.

Sanzheeva Larisa Tsyrendorzhiyevna – Candidate of Philology, associate professor of Translation and Cross-Cultural Communication chair of Buryat State University, vice-dean of Foreign Languages Faculty; e-mail: lsanzhe@mail.ru

Shagdarova Ayuna Bairovna – teacher of Chinese Language at English Language Department of Buryat State University; e-mail: aina_@mail.ru

Sharavieva Irina Victorovna – senior teacher of Chinese Language Department, Irkutsk State Linguistic University

Shishmareva Tatiyana – Candidate of Linguistics, senior lecturer of Department of Sinology of Irkutsk State Linguistic University; e-mail: taniyashi72@yandex.ru

Soloyan Karine Alexandrovna – Grant Centre Manager, Siberian Federal University; e-mail: grant-centre@sfu-kras.ru

Sokolovskii Yaroslav Victirovich – Yaroslav Sokolovsky – senior lecturer of Oriental languages chair of Siberian Federal University, e-mail: sokol_rus@hotmail.com

Stefanovskaya Svetlana Vladimirovna – senior lecturer of Department of Sinology of Irkutsk State Linguistic University; e-mail: stefanovskaia_sv@mail.ru.

Suslova Anna Yurievna – Candidate of Philology, Doctoral degree fellow, Irkutsk State Linguistic University

Tarasenko Tatiana Vasilievna – Candidate of Philology, associated professor, Siberian Federal University

Trazanova Natalia Yurievna – post-graduate student of Irkutsk State Linguistic University

Trostyanskaya T.Yu. – post-graduate student of Irkutsk State Linguistic University

Trofimenko Oksana Anatolievna – Candidate of Philology, associate professor of Ussuriisk State Teachers Training Institute, e-mail: toa-06@yandex.ru

Sverdlova Nataliya Aleksandrovna – Candidate of Philology, Dean of International Department, associate professor of Irkutsk State Linguistic University; e-mail: nsverdlova@ya.ru

Piao MeiShan' – post-graduate student of Theory of Linguistics of Irkutsk State Linguistic University; e-mail: piao@yandex.ru

Yang Mingbo – senior lecturer of Oriental languages chair of Siberian Federal University, e-mail: mlmingbo@mail.ru

Zang Guodong – post-graduate student, Siberian Federal University

Volkova Olesya – Candidate of Philology, Associate Professore-mail: o.volkova@akadem.ru

Wang Lei 王蕾 – senior lecturer, North Eastern Normal University, China; e-mail: xiaolei888@yahoo.com.cn

Liu Jibin 刘继斌 – senior lecturer, North Eastern Normal University, China; e-mail: liujibin1998@126.com

Mu Huaying 穆华英 – associate professor, North Eastern Normal University, China; e-mail: mu_ylina@yahoo.com.cn

Pan Hongyu 潘宏宇 – senior lecturer, North Eastern Normal University, China e-mail: uliar@sina.com

Fan Weijie 范维杰 – professor, North Eastern Normal University, China; e-mail: fanweijie2005@yahoo.com.cn

Fan Chunyu 范春煜 – senior lecturer, North Eastern Normal University, China; e-mail: chunyu20062003@yahoo.com.cn

Chen Yucai 陈玉才 – associate professor, North Eastern Normal University, China; e-mail: dragon228@163.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Требования к оригиналу статьи в « В е с т н и к И Г Л У »

1. Оригинал должен быть представлен на белой бумаге формата А 4 на одной стороне и на электронном носителе (или прислан по электронной почте с уведомлением о доставке и прочтении) для внесения редакторских правок и технического редактирования, а также в случае непредвиденных затруднений в работе с текстом. Текстовый редактор – Microsoft Word (Windows 98 и выше). Название файла должно *содержать фамилию автора* (Иванов.doc).
2. Перед статьей указать УДК (универсальная десятичная классификация) (<http://teacode.com/online/udc>) и ББК (библиотечно-библиографическая классификация).
3. Название статьи, резюме (6-7 строк), ФИО автора и ключевые слова должны быть на русском и английском языках. (**Ключевые слова:** *концепт; концептосфера; классификация; модель; картина мира* и т.п. через точку с запятой).
4. Рекомендуемый минимальный объем **статьи** 12 страниц (размер шрифта 14, гарнитура **Times New Roman**, через полуторный интервал).
5. Поля: верхнее, нижнее – 2 см, левое – 2 см, правое – 2 см.
6. Размер абзацного отступа – 0,5 см.
7. Набирать текст следует в режиме **автоматического переноса** (пункт меню «Сервис» → «язык» → «расстановка переносов» → «автоматическая расстановка переносов»).
8. Заголовки в тексте классифицируются по степени важности (от 1-го до 4-го порядков) и логически должны соотноситься между собой, что необходимо отражать при наборе. Заголовок нижнего порядка подчиняется заголовку более высокого порядка и набирается шрифтом, меньшим по размеру.
9. При наборе заголовков следует сохранять единообразие. Заголовок одного порядка по всей работе должен набираться одним шрифтом одного начертания (прописным, полужирным, курсивом) и располагаться в тексте единообразно (как правило, по центру).
10. При наборе заголовков не должен быть оторван от основного текста. В заголовках недопустимы переносы и не ставится точка в конце.
11. Инициалы располагаются перед фамилией.
12. После каждой точки, запятой, двоеточия, тире следует пробел.
13. Выделения в основном тексте должны быть единообразны (выделения одного порядка должны быть набраны одним шрифтом – полужирным, курсивом – по всему тексту).
14. Примеры в тексте *выделять курсивом, без кавычек*; если необходимы дополнительные выделения – использовать **жирный шрифт** или *подчеркивание*.
15. Подписи к иллюстративному материалу, сноски, примечания набираются по всей работе одним шрифтом (на 2 пункта меньше основного текста, кегль шрифта 12). **Не следует использовать** концевые сноски при создании списка литературы; схемы и рисунки необходимо вставлять в текст, используя пункт меню «Вставка» → «объект» (Рисунок Microsoft Word).
16. Подстрочные сноски следует нумеровать отдельно на каждой странице (пункт меню «Вставка» → «ссылка» → «сноска» → «внизу страницы» → «нумерация на каждой странице»).
17. В тексте статьи используются **только** такие (полиграфические) кавычки – « ».
18. Библиографический список помещается в конце статьи и набирается шрифтом, на 2 пункта меньшим, чем основной текст, фамилии авторов выделяются курсивом (оформляется в соответствии с ГОСТом 7.1-2003 «Библиографическое описание документа»).
19. Ссылки на литературу в тексте статьи приводятся в квадратных скобках. Перед скобками обязателен пробел. Фамилия автора, запятая, год издания, двоеточие, номер страницы – [Апресян, 1999: 55; Фужерон, 1998].
20. **Библиографический список** (в конце статьи) **составляется в алфавитном порядке**.
21. **Список источников примеров** – ссылки на художественную литературу, электронные, видео- и аудиоисточники, словари приводятся в круглых скобках, указываются фамилия автора и страницы – (Show, 24).
22. В библиографическом списке обязательно указывать **издательства**.

Например:

Библиографический список

1. *Асеева, Ж.В.* Лексические средства выражения идеологии политической корректности в современном английском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ж.В. Асеева. – Иркутск, 1999.
2. *Ачкасов, А.В.* Русская переводческая культура 1840-1860-х годов: На материале переводов драматургии У. Шекспира и лирики Г. Гейне [Электронный ресурс]: дис. ... д-ра филол. наук / А.В. Ачкасов. – М.: РГБ, 2005.
3. *Дейк, Т.А. ван.* Вопросы прагматики текста [Текст] / Т.А. ван Дейк // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1978. – Вып. 8. Лингвистика текста. – С. 259–336.

4. Лосев, А.Ф. О понятии языковой валентности [Текст] / А.Ф. Лосев // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1981. – Т. 40. – № 5. – С. 403-412.
5. Переверзев, К.А. Высказывание и ситуация: об онтологическом аспекте философии языка [Текст] / К.А. Переверзев // Вопросы языкознания. – 1998. – №5. – С. 24–52.
6. Растье, Ф. Интерпретирующая семантика [Текст] / Ф. Растье: пер. с фр. А.Е. Бочкарева. – Н.Новгород: Деком, 2001.
7. Степанов, Ю.С. В мире семиотики [Текст] / Ю.С. Степанов // Семиотика: Антология / сост. Ю.С. Степанов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 5–42.
8. Степанов, Ю.С. Пространства и миры – «новый», «воображаемый», «ментальный» и прочие [Текст] / Ю.С. Степанов // Философия языка: в границах и вне границ. В 2 т. Т.2. – Харьков: Око, 1994. – С. 4–18.
9. Fauconnier, G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language [Text] / G. Fauconnier. – N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2003. – 3-d edition.
10. Hintikka, J. The semantics of modal notions and the indeterminacy of ontology [Text] / J. Hintikka // Semantics of natural language /ed. by Davidson, G.Harman. – Dordrecht-Holland: Reidel publishing company, 1972. – P. 399–414.
11. Lorenz, A. Gewissen an der Garderobe abgegeben [Электронный ресурс] / A. Lorenz. – 2003. – Режим доступа : www.spiegel.de.

Список источников примеров

1. АБВУY Lingvo 12. Английская версия [Электронный ресурс]. – М., 2006. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
 2. Maugham, W.S. Theatre [Text] / W.S. Maugham. – Moscow: Progress Publishers, 1979.
 3. Maugham, W.S. Cakes and Ale or the Skeleton in the Cupboard [Text] / W.S. Maugham. – М.: Менеджер, 2000.
 4. Maugham, W. S. Of Human Bondage [Text] / W.S. Maugham. – М.: Менеджер, 2005.
 5. Lawrence, D.H. Women in love [Text] / D.H. Lawrence. – UK: Penguin, 1996.
 6. Lawrence, D.H. Sons and lovers [Text] / D.H. Lawrence. – Denmark: Wordsworth Classics, 1993.
 7. Appignanesi, L. Sanctuary [Text] / L. Appignanesi. – London: Bantam Books, 2001.
 8. Henry, O. The gift of the Mag [Text] / O. Henry // Selected Stories. – М.: Харвест, 2007.
 9. Segal, E. Love story [Text] / E. Segal. – Moscow: Iris Press, 2004.
23. Сокращения должны сохранять единообразие по всему тексту.
 24. Текст, особенно на иностранных языках, должен быть **тщательно выверен** автором.
 25. В авторской справке указывать:
 - фамилию, имя, отчество полностью;
 - фамилия, имя, отчество научного руководителя (для аспирантов);
 - дату окончания аспирантуры;
 - должность, ученое звание, место работы;
 - телефоны, почтовый адрес, e-mail.
 26. Для раздела «Сведения об авторах» ФИО (полностью), ученые степень и звание, должность и место работы указать на английском языке .

Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Почтовый адрес: 664025, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 8, Иркутский государственный лингвистический университет (для РИО в «Вестник ИГЛУ»)

E-mail: rio@islu.irk.ru

Web-site: www.islu.ru

В ежегодных выпусках «Вестника ИГЛУ» серии «Филология» публикуются статьи по актуальным проблемам современного языкознания ведущих ученых России и рецензии на монографии, обзоры наиболее важных научных мероприятий (симпозиумов, конференций, семинаров и т.п.).

Материалы выпуска представлены в следующих разделах:

- Языковая реальность познания
- Лингвистика дискурса
- Вопросы теории и практики перевода
- Язык. Культура. Коммуникация
- Разное: отзывы на научные издания, рецензии, аннотации

Подписной индекс **82025**. Каталог «Газеты и журналы» Агентства «Роспечать».

Электронная версия журнала размещена на платформе Российской универсальной научной электронной библиотеки www.elibrary.ru.

Сроки подачи статей: **Статьи принимаются по мере поступления.**

«Вестники ИГЛУ» можно приобрести по цене 200 рублей, а также заказать наложенным платежом.

Печатается в авторской редакции

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-27629 от 26 марта 2007 г. Усл. печ. л. 25,75

Подписано в печать 24.12.2009 г.

Тираж 1000 экз.

Формат 62×84 ¹/₈

Заказ № 7901

ГОУ ВПО «Иркутский государственный лингвистический университет»
664025, Иркутск, ул. Ленина, 8

Изготовлено в ООО «Репроцентр А1»
г. Иркутск, ул. Лапина, 1, оф. 101
тел. 203-144, 999-003, 99-26-27